Ф. М. БЕРЕЗИН

история лингвистических учении

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника для студентов
филологических специальностей вузов

Москва «Высшая школа» 1984

Рец >н te NI

кафедра структурного, прикладного и нПщии ашкипиния Московского государственного университета им МИ Чпмоношм Он» кифедрой д-р филол.

*Ншун, 11|1<>ф Н> II Рим*** тенский)*

БерезинФ.м.

Б 48 История лингвистических **учений.Учебник** для филол. спец. **ву. .** зов. - **2-е** изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1984. - 319 с, ил.

В пер.: 1 р. 10,к.

В книге излагается история основных школ и направлений мирового языкознания, дается характеристика их основных принципов, методик исследования и наиболее важных достижений крупных языковедов прошлого и современности. История лингвистических учений рассматривается как реализация марксистско-ленинского принципа историзма.

Во 2-м издании (1-е - 1975 г.) уточнены некоторые формулировки, цитаты, дополнены главы о советском языкознании и о современной зарубежной лингвистике.

4602000000-467 lg4_ м ББК81

Б 001 (01) - 84 4

© Издательство "Высшая школа", 1975

© Издательство "Высшая школа", 1984, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача курса "История языкознания (история лингвистических учений)" - осветить основные этапы развития науки о языке от древнейших эпох до современного состояния, дать сведения о главных лингвистических школах и крупных языковедах, основных принципах, методике исследования, наиболее важных достижениях той или иной школы (направления).

История лингвистических учений (история языкознания) является второй составной частью цикла учебных курсов по общей теории языка, который начинается курсом "Введение в языкознание", а завершается курсом "Общее языкознание". Курс "История языкознания" призван расширить и углубить общелингвистическую подготовку студентов, выработать у них марксистско-ленинский подход при изучении истории развития лингвистической мысли. В связи с этим в учебнике большое внимание уделяется разъяснению философских основ лингвистической концепции того или иного языковеда, той или иной школы (направления), раскрываются диалектико-материа- основы советского языкознания, его теоретическая направленность и конкретные достижения в практике языкового строительства.

Студент должен осознать, что развитие науки определяется потребностями практики, углублением теоретических знаний, что современные успехи были бы невозможны без достижений прошлого. Лингвистическая историография помогает понять состояние науки о языке в настоящее время и тенденции современного развития языкознания, его тесную связь с жизнью.

Во второе издание учебника (первое вышло в 1975 г.) внесены изменения: дополнен раздел языкознание", включены новые разделы мационно-генеративная грамматика" (критически разбираются основные положения "генеративной" теории американского логика и языковеда И.Хомского), "Французская школа функциональной лингвистики" (излагаются взгляды французского языковеда А.Мартине и его последователей); заново написаны разделы "Арабское языкознание" и "Советское языкознание на современном этапе". Цитаты из работ зарубежных языковедов в настоящем издании выверены первоисточникам, дан их более точный перевод. В ряде случаев дано более точное библиографическое описание русских и советских первоисточников (ссылки на последние по времени издания работй В.В. Виноградова, Л.В. Щербы и др.).

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории науки о языке имеет большое воспитательное и познавательное значение. Возникновение культуры народа связано с появлением языка как средства выражения, поэтому познание культуры начинается прежде всего с познания языка. История языкознания неразрывно связана с общим развитием культуры, с историей других наук. В истории языкознания, как и в истории философии, с особой остротой отражается борьба материалистической философии, диалектического материализма с различными идеалистическими, метафизическими концепциями.

Одним из важнейших требований марксистской методологии, имеющих прямое отношение к истории языкознания, является принцип и с т о р и з м а. Оценка концепций той или иной лингвистической школы предполагает соотнесение их с современными представлениями, потому что без этого трудно определить их место в поступательном развитии науки о языке. Однако эта оценка дается не с точки зрения нашего уровня знаний, а с точки зрения того нового, что внесли в лингвистику языковеды прошлого по сравнению со своими предшественниками, с точки зрения того значения, какое их концепции имели для своего времени. Кроме того, при изучении истории языкознания необходимо уяснить индивидуальные особенности каждого лингвистического направления, каждой школы, каждого языковеда.

Принцип историзма предполагает преемственность, связь прошлого и настоящего, ибо новое в науке является не отрицанием прошлого, а лишь его существенным изменением, углублением и обобщением в соответствии с современным состоянием науки. Против полного отрицания прошлого не раз выступал В.И. **Ленин**[1]**.** Каждый последующий этап в развитии лингвистической мысли возникал как **ферма** преодоления противоречий, характерных для предшествующего периода истории науки о языке, новые открытия являлись непосредственным продолжением уже известных закономерностей и теорий, но на более высоком уровне развития науки.

При изучении истории языкознания советские языковеды следуют принципам, которые были определены **В.И.** Лениным применительно к истории философии: 1) сравнение теоретических основ философии данной школы и диалектического материализма; 2) определение места данной школы среди других философских школ современности (или прошлого), чтобы видеть, откуда и куда данная школа идет; 3) уяснение связи данной философской школы с современным ей естествознанием; 4) раскрытие борьбы партий в философии - материализма и **идеализма**[2]**.**

Марксистское языкознание принимает в свой актив многие методы и приемы лингвистического анализа, выработанные на предшествующих этапах развития лингвистической мысли, если эти методы и приемы соответствуют марксистско-ленинской теории изучения языка.

В речи на III съезде комсомола В.И. Ленин призывал разумно, объективно разобраться во всем, что осталось нам в наследство от старого: "Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре"[3]. В статье "О значении воинствующего материализма" В.И. Ленин отмечал, что в целях формирования научного материалистического мировоззрения необходимо развивать материалистическую традицию русской и зарубежной общественной мысли, подходить к оценке прошлого с позиций марксизма. "Не *выдумка* новой **пролеткультуры, а** ***р а з в и т*** **вуя-**ших образцов, традиций, результатов ***с у щ е с т в у ю*** едяйлуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры"[4], — писал он в **1920** г.

Именно с точки зрения марксистско-ленинской теории должна даваться характеристика той или иной лингвистической школы, теоретических взглядов и деятельности того или иного языковеда. В "Философских тетрадях" В.И. Ленин подчеркивал, что история языка относится к тем областям знания, "из коих должна сложиться теория познания и **диалектика"**^ • Этим отчетливо определено значение и место науки о языке. История языка непосредственно связана с историей языкознания, ибо история науки о языке есть вместе с тем накопление собственных знаний о языке.

ГЛАВА 1

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

§ 1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Наиболее древняя древнеиндийская лингвистическая традиция насчитывает свыше 2.500 лет. Она возникла в результате потребности в сохранении точного произношения священных гимнов - Вед, а также нормализации санскрита - единого литературного языка Древней Индии. Все это обусловило практический, описательный, эмпирический характер **древне**индийского языкознания.

Вопросы языка рассматриваются у индусов уже в самых ранних памятниках ведической литературы - ведантах. В одной из веданг (шикша) освещаются вопросы фонетики и произношения, в другой **(вьякарана)** - грамматики, в третьей (нирукта) — этимологии и лексикологии, четвертая (чханда) посвящена теории поэзии. Эти веданги определяют основные направления, по которым развивалась древнеиндийская наука о языке.

Наиболее известным грамматистом Древней Индии был **Панини** (V в. до н.э.), первую нормативную грамматику индийского языка. Грамматика Панини, созданная 'на основе предшествовавшей лингвистической традиции, содержит свыше 4000 правил (сутр). Она написана чрезвычайно формализованным языком, напоминающим алгебраические формулы, который без **сяециального** комментария непонятен даже для людей, хорошо знающих **санскрит^.** Например, сутра ***ato he}}*** комментируется как "в плюративе после ***й*** личное окончание 2-го лица единственного числа отпадает".

Большое место в грамматике Панини уделяется фонетике. Автор подробно о комбинаторных звуковых изменениях, касается вопросов **ХДарения.** Разбирая морфологические явления, Панини выделяет различные классы глагольных корней, типы окончаний в именном склонении. Понятия корня и суффикса анализируются на основе парадигмы слова; Панини знакомы понятия нулевой морфемы и внутренней флзксии.

Грамматика Панини построена на весьма широкой основе: автор говорит о диалектных особенностях древнеиндийского языка на востоке **стра--**ны, сравнивает санскрит с ведическим языком, на котором были написаны священные гимны. По мнению АЛ. Баранникова, Панини впервые в истории индийского языкознания дает образцы сравнительного метода, сопоставляя санскрит и ведический язык в области фонетики, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса. Однако Панини только констатирует факты различия, но не делает из этого никаких теоретических выводов. В течение почти двух тысячелетий правила Панини были непререкаемым авто-

ритетом в грамматике классического санскрита. Метод анализа слова по его морфологической структуре, предложенный Панини, используется и в настоящее время.

Труд Панини нашел многих выдающихся комментаторов и последователей; среди них следует упомянуть **Катьяяну** (Ш в. до н.э.), который, занимаясь изучением среднеиндийских языков, или пракритов, привносит в языкознание идею исторического развития языков

Другой индийский ученый, **Вараручи** (Ш - И вв. до н.э.), впервые в языкознании выдвинул мысль о том, что санскрит является тем источником, к которому возводятся все факты среднеиндийских языков. (В европейской лингвистике на протяжении почти всего XIX в. было широко распространено мнение, что санскрит - самый древний индоевропейский язык.) В грамматике "Освещение пракритов" он показывает, как из санскритских слов и форм образовались пракритские. По мнению Баранникова, Вараручи дает рудиментарную форму сравнительной грамматики; он применяет сравнительно-исторический метод задолго до того, как этот метод получил распространение в Европе. Очень подробно Вараручи анализирует фонетику, изучая образование каждого звука, фонетические изменения, в частности ассимиляцию. Причем фонетические изменения Вараручи рассматривает в связи с морфологическими преобразованиями, указывая, таким образом, на **Связь** фонетики и морфологии.

Древнеиндийский философ-языковед Бхартрихари (V-VI вв.) в своем труде "Вакьяпадийя" разбирает вопросы соотношения предложения и суждения в философском аспекте. Он определяет предложение как единое неделимое высказывание, которое выражает единое неделимое значение. Бхартрихари, как и другие грамматисты, считает основной единицей языка предложение, так как только оно способно передавать мысль. Для Бхартрихари и его школы слова являются искусственными, в действительности ничего не выражающими построениями ученых. Поэтому древнеиндийских грамматистов слово не интересует; они считают, служат лишь для описания языкового материала, но сами в этот материал не входят. Бхартрихари различал три аспекта слова: письменную форму, фонологическую структуру и номинативную функцию. При изучении языковых явлений Бхартрихари считал необходимым обращаться к предшествующим лингвистическим традициям, Он выразил эту мысль в поэтической форме: богиня знания не дарит улыбки тем, кто пренебрегает прошлым.

После Панини, Катьяяны, Бхартрихари древнеиндийские языковеды не проводили новых исследований, а лишь обобщали *л* комментировали своих предшественников.

Необычайно высокого развития достигла в Древней Индии **фонетика,** что было связано с необходимостью сохранить чистоту **произношения** ведических гимнов. Индийцы задолго до греков различали гласные, согласные, фрикативные. Им знакомо было понятие фонемы (спхота), которую они противопоставляли звуку речи. Различие между звуком языка (фонемой) и звуком речи четко проводил Панини. В дальнейшем индийские языковеды вьщелили восемь разновидностей каждой фонемы.

Описание звуков в древнеиндийской грамматической традиции производилось на физиологической основе. Индийские лингвисты подробно опи-

артикуляции звуков, изучили работу органов дали четкую классификацию звуков по способу и месту их оОпи **ктаиия.** Они впервые обратили внимание на чередования гласных, учение о трех ступенях подъема гласных. Основной (низшей) ступенью признаются звуки [i] и [и], первая ступень подъема образуется путем присоединения гласного [а] к [i] и [и] (т.е. **[а**+i] = [ai| — *[ё]* , [а + и] = [аи] = Го]), а вторая ступень (врдхи) образуется путем присоединения [а] к первой ступени (т.е. [ai + а] = [ai], [au+ а] = [5и]).ЭтО чередование наблюдается, например, в древнеиндийских словах ***vidma*** "мы знаем", ***veda*** 'я знаю" и ***viidyas*** "ученый". Эта схема чередования в XIX в. была использована немецким ученым **А.Шлсйхером** (см. §.34).

Что касается **м о р ф о л о г и и, го** индийские грамматисты указывали, что она состоит из трех разделов: 1) классификация частей речи, 2) образование слов и 3) изменение слов. Индийцы различали четыре части речи: имя, глагол, предлог и частицу. Имя они определяли как слово, обозначающее предмет, а глагол — как слово, обозначающее действие, как происходящее в настоящее время, так и уже совершившееся. Различается семь падежей: именительный, винительный, орудийный, дательный, отложительный, родительный и местный. Однако в то время падежи не имели этих названий, а обозначались как первый, второй, третий и т.д. Предлоги рассматриваются как указательные элементы языка, а частицы делятся на сравнительные, соединительные и незначимые. Обратившись к анализу слова, индийские языковеды выделяли в словах корень, суффиксы и окончания. Различаются три категории корней: простые (первичные), образующие и производные. Панини дает списки корней с указанием их значения.

Индийцы занимались и составлением словарей. Одними из первых словарей были **нигхантавасы** списки употребленных в Ведах непонятных слов. В V или VI в. лингвист Амара составил словарь санскрита, который и сейчас широко используется европейскими санскритологами. В санскритских словарях глагол дается в форме корня, например *vid-* "знать", *bhar-* 'нести', а имя — в **виде** основы.

Древнеиндийская наука о языке оказала огромное влияние на греческую и арабскую лингвистические традиции, а через них - и на последующее развитие языкознания. В.Томсен писал: "Высота, которую достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев"[7].

§ 2. ГРЕКО-РИМСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Античное греко-римское языкознание оказало сильнейшее влияние на развитие языковедческой мысли всех современных европейских народов. Высоко оценивал культуру древнего мира Ф.Энгельс: "...без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы"[8]. Эти слова относятся и к оценке того значения, которое имели греко-римские языковые теории для развития языкознания. К рассмотрению языковых проблем античности полностью применима также характеристика, которую дал Ф.Энгельс греческой философии в целом: у греков,

так как они "еще не дошли до расчленения, до анализа природы, — природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то в целом греки правы по отношению к **метафизике"^.**

В Древней Греции теория языка являлась одной из составных частей философии, и потому языковедческие проблемы первоначально разрабатывались преимущественно философами. В истории древнегреческого языкознания выделяются два периода: философский **(V—III** вв. до н.э.), когда проблемы языка решались в связи с философскими вопросами, и александрийский (III в. до н.э. — IV в. н.э.), когда языкознание **(вернее, грамматика)** стало самостоятельной наукой.

Одной из проблем, привлекавших внимание мыслителей древности, была проблема происхождения **языка.** Античные философы не признавали теорию божественного происхождения языка и не допускали, что язык был создан каким-то одним выдающимся человеком. "А для звуков (я говорю о первых звучаниях имен и глаголов, которые произвели выросшие из земли люди) мы, — говорит Диоген из Эноанды, — не принимаем Гермеса в качестве учителя, как говорят некоторые (это явный вздор)"[10]. Римский поэт, философ-материалист Тит Лукреций Кар (I в. до н.э.) в поэме "О природе вещей" **писал:**

...Полагать, что **кто**-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые,-
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Все и различные звуки издать языком, то зачем же
Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношеньях взаимных
Не применяли, откуда **«апало** в него представленье
Пользы от этого иль возникла такая способность,
Чтобы сознанье того, что желательно сделать, явилось?
Также не мог он один насильно смирить и принудить
Многих ктому, чтоб они названья вещей **заучили**[11].

В трудах античных философов мы находим почти всех теорий происхождения-языка, которые "возникли" в XVIII в. (см. § 7). Так, Лукреций склоняется к **звукоподражательной** теории: "Что же до звуков, какие язык производит, — природа// Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов".

Некоторые ученые вопрос о появлении языка связывали с вопросом о **происхождении** человека. Древнегреческий историк Диодор **Сицилийский,** излагая учение философа-материалиста Демокрита, которого В.И. Ленин считал наиболее последовательным материалистом древности, писал: "Первоначально люди жили, гозорят, неустроенной и сходной со зверьми жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались вкусной травой и

древесными **плодами.** При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу и, собираясь вместе от страха, они начали постепенно друг друга узнавать. Голос их был еще бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение относительно всего. А так как такие объединения имели место по всему миру, то язык оказался не у всех равнозвучным, поскольку каждые случайным образом составляли свои слова: отсюда разнообразие в характере языков, а первоначально возникшие объединения положили начало всем племенам"[12].

Древние ученые указывали, что дар языка, которым обладает человек, возвышает его над всеми живыми существами. "Только человек из всех живых существ одарен речью, — говорил Аристотель. — Голос, которым можно выразить печаль и радость, свойствен и остальным животным, потому что их природные свойства развиты все-таки до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу. Но речь способна выражать и то, чтб полезно и что" вредно, равно как и то, чтб справедливо и чтб **несправедливо**" 13.

Нельзя не отметить интересные рассуждения о возникновении и развитии языка сенсуалиста **Эпикура (341-270** до н.э.). Он писал: "Далее надо полагать, что сами обстоятельства (предметы) научили и принудили (человеческую) природу делать много разного рода вещей и что разум (мысль) впоследствии совершенствовал (развивал) то, что было вручено природой, и делал дальнейшие изобретения, — в некоторых областях (случаях) быстрее, в некоторых медленнее, в некоторые периоды и времена делая большие успехи, в некоторые - меньшие. Вот почему и названия первоначально были даны вещам (возникли) не по соглашению (уговору), но так как каждый народ имел свои особые чувства и получал свои особые впечатления, то сами человеческие природы выпускали каждая своим особым образом воздух, образовавшийся под влиянием каждого чувства и впечатления, причем влияет также разница между народами в зависимости от места их жительства. Впоследствии у каждого народа, с общего согласия, были даны вещам свои особые названия, для того чтобы сделать друг другу (словесные) обозначения менее двусмысленными и выражаемыми более коротко. Кроме того, вводя некоторые предметы, ранее не виданные, люди, знакомые с вводили и некоторые звуки для них: в некоторых случаях они вынуждены были произнести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно **обычному** способу образования слов и таким образом сделали их значение

В этом письме Эпикура "нельзя не признать гениальной высказанную идею о том, что функционирование и развитие языка подчиняется различным закономерностям в зависимости от условий жизни людей, в зависимости от культурного уровня общества, которому язык принадлежит. Рассуждения Эпикура о возникновении и развитии языка — одна из самых значительных вершин, достигнутых античностью в области рассмотрения языковых **явлений"^.**

С проблемой происхождения языка **Теснейшим образом бьи связан** спор о природном или условном характере слов, т.е. спор об отношениях

между словами, вещами и их именами. Почему стол назван *столом,* а не как-нибудь иначе? Определяется ли название предмета самой природой этого предмета (теория physei) или название предмета устанавливается законом, обычаем, соглашением, установлением людей (теория thesei), т.е. • сознательно, произвольно? В этом споре приняли участие крупнейшие философы античности. **Демокрит** (р. ок. 470 или 460 до н.э.) утверждал, что имена происходят от установления, согласно обычаю, так как существует много несоответствий между вещью и ее названием, что исключает обозначение вещей по природе. Эти несоответствия обнаруживаются в том, что: 1) многие слова имеют по нескольку значений, 2) многие понятия имеют по нескольку названий, 3) одно слово может заменяться другим, 4) многие понятия остаются без словесного обозначения.

Величайший мыслитель древности **Аристотель** (384-322 до н.э.) также придерживался материалистической точки зрения. "От природы нет имен, считал он, — они получают условное значение, когда становятся символами, ибо ведь и нечленораздельные звуки поясняют собою нечто, как, например, у животных, хотя ни один из этих звуков не есть

Другая группа ученых, виднейшим представителем которой был **Гераклит Эфесский** (р. ок. 544—540 до н.э.), признавала, что имя неразрывно связано с той вещью, названием которой оно служит, Этой же точки зрения придерживались и стоики (представители философского направления, существовавшего в Древней Греции с III в. до н.э. до VI в. н.э.). Они полагали, что имена даны от природы, так как первые звуки отражали вещи, которым соответствуют имена; в согласии с этим стоики и строят этимологию. Так, неоплатоник Августин (354-430) говорил, что "так как есть вещи, которые не звучат, то для них то же значение имеет сходство осязательного воздействия: если они воздействуют на чувство мягко или грубо, то мягкость или грубость букв, действующая на слух, породила для них такие же имена. <...> Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова: ***mel*** (мед) — как сладостно воздействует на вкус сама вещь, так и именем мягко действует на слух; *acre* (острое) в обоих отношениях жестко; ***lana*** (шерсть) и *vepres* (терн) - каковы для **сл$са** слова, таковы сами предметы для осязания. Это согласие **ощущения** вещи с ощущением звука стоики считают как бы колыбелью **слов"".**

Против указанных выше точек зрения выступил философ-идеапист **Платон** (ок. 427— ок. 347 до н.э.), взгляды которого **В.И.** Ленин характеризует как **"архивздорную мистику** идей"[18]. Диалог "Кратил, или О правильное - ти имен" написан в форме разговора между Кратилом, сторонником теории **.происхождения** имен "по природе", Гермогеном, приверженцем теории определения имен "по установлению", и Сократом, выражающим точку зрения самого Платона. Но мнению Платона, правильный язык может существовать только в идее. Платон считал, что главное — это признание того, что в языке заложена внутренняя целесообразность, а не произвольная прихоть.

После спора между Кратилом и Гермогеном, являвшеюся с-г. взаимоотношении языка и бытия, разгорелась полемика об аналогии и аномалии в языке. Античные языковеды пытались определить, существует ли в фактах языка какая-либо закономерность. Например, слово *сирота*

женского рода, но оно может обозначать и - форма жественного числа, а это название одного города. Ученые, утверждавшие наличие закономерности в языке Аристархом Самофракийским, считали, что в языке существуют правила, выдвигаемые эллинской речью, которых следует придерживаться. Между тем в разговорном, обиходном языке наблюдается много отклонений от закономерностей, нет морфологического единообразия. **Грамматисты,** преувеличивавшие рЬль исключений в языке ("аномалисты"), во главе'с **Кратетом** Малосским полагали, что устанавливаемые на основании аналогии правила содержат большое количество исключений.

Спор между "аналогистами" и "аномалистами" известен нам из трактата "О латинском языке" римского ученого Марка **Теренция** Варрона. Варрон занимает уклончивую позицию, стремясь примирить обе эти точки зрения. "...Аналогия, — пишет он, — родилась из некоторого обихода, и из того же обихода - аномалия; следовательно, раз обиход охватывает несходные и сходные слова и их склонения, то не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию"[19]. Спор "аналогистов" и "аномалистов" имел положительное значение, так как привлекал внимание языковедов к анализу грамматических явлений. В ходе этого спора были детально разработаны парадигмы склонения и спряжения и тем самым установлены формальные аспекты морфологии греческого языка. Вся позднейшая грамматическая теория развивалась под знаком аналогизма.

Стоики внесли большой вклад в разработку философских проблем языкознания, особенно Хрисипп (ок. 281-209 до н.э.) и **Кратет** Малосский, деятельность которого относится к середине II в. до н.э. Стоики рассматривали язык как естественную человеческую способность, как выражения мыслей и чувств. В глубокой древности они мию "форма — значение", выделив в языке означающее и **означаема.** "Сто- утверждают, что три между собой сопряжены — обозначае- **мое,** обозначающее и **объект.** Из них обозначающее есть звук, **например** ***Дион;*** **обозначаемое —** тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем своим рассудком, как уже заранее существующий <...> объект - внешний субстрат, например сам Дион. Из них две вещи телесны, именно звук и объект, одна бестелесна, именно обозначаемая вещь, и это есть которое бывает истинным и ложным"**20.**

В философский период греческие ученые обращали внимание не только на общие проблемы языка, но и на разработку его отдельных аспектов. Большое место в античном учении о языке занимала фонетика, хотя и не проводилось четкого различия между буквой и звуком, а и физиологические наблюдения над звуками речи уступали по **точнобти** наблюдениям древнеиндийских ученых. В диалоге "Кратил" Платон различает гласные, безгласные звучные и безгласные беззвучные; позднее **установилось** деление на гласные, полугласные и безгласные, причем две последние категории звуков объединялись в группу согласных. Их определение дал Аристотель: "3. Гласный - тот, звучание которого слышится без прикладывания языка, например аи со; — тот, звучание которого слышится при прикладывании языка, например аир; **безглас-**

н ы й — тот, который, при наличии прикладывания языка, не дает, однако, самостоятельно никакого звука, а делается слышным в соединении со звуками, имеющими какую-нибудь звуковую силу, например **7 и** б. 4. Эти элементы различаются в зависимости от формы рта, от места их образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью и, кроме того, острым, тяжелым и средним **ударением"**[21]**.** Как отсюда следует, в основу классификации звуков положен физиологический принцип. Аристотель, признавая общественно значимую роль звука, выделяя элемент — неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное слово, приближался к понятию фонемы. Ведь и у животных есть неделимые звуки, говорил он, но ни одного из них не называют элементом. Аристотель выдвинул и проблему слога, определив его как сочетание гласного и согласного. (Римские ученые лишь немного видоизменили эту классификацию гласных применительно к особенностям латинского языка.)

Древнегреческие ученые внесли большой вклад и в разработку грамматических проблем. Диалог "Кратил" интересен тем, что Платон пытается классифицировать части речи на логической основе, выделяя имя и глагол. Глаголом он называет то, что относится к действиям, а именем - то, что обозначает того, кто совершает эти действия. Более подробно ' о классификации частей речи говорит Аристотель в "Поэтике". Основными частями речи у него являются также имя и глагол: — это составной, имеющий самостоятельное значение, без оттенка времени, звук, часть которого не имеет никакого самостоятельного значения сама по себе"; — составной, имеющий самостоятельное значение, с оттенком времени, звук... Например, *человек* или *белое* не обозначает времени, а *идёт* или *пришёл* имеют добавочное значение; одно - нынешнего времени, другое — прошедшего"[22]. В "Риторике" Аристотель пишет о трех частях речи: имени, глаголе, союзе. Он вводит понятие падежа имени или глагола, под которыми понимает косвенные формы этих частей речи. Например, падежами являются *человеку, люди, иди, пришёл ли.* По Аристотелю, имена бывают мужского, женского и среднего рода, а по структуре — простые и сложные, т.е. они могут состоять из трех, четырех и многих имен.

Предложение (не было специального термина для обозначения этой категории) Аристотель определяет как "составной звук, имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого также имеют самостоятельное значение". Именно наличие самостоятельного значения отличает предложение от других образований. Аристотель бегло затрагивает проблему различных типов предложения. В трактате "Об истолковании" он выделяет утверждение и отрицание, предложения повествовательные и побудительные. Аристотель признавал существование безглагольных предложений.

"Значительность заслуг Аристотеля перед наукой о языке не подлежит сомнению. Хотя ко времени Аристотеля язык не стал еще предметом специальной научной дисциплины и сам Аристотель относит рассмотрение звуков речи к сфере метрики, а проблемами грамматики он занимается либо в связи с логическими исследованиями... либо в связи с изучением художественной речи... все же именно в сочинениях Аристотеля... мы встречаемся с древнейшим в греческой науке систематическим изложением знаний по вопросам звукового и грамматического строя языка. Классификацию звуков

речи Аристотель производит не только на основе акустических признаков, известных уже предшественникам, но присоединяет к ним новые арти¬куляционные признаки. Наряду со знаменательными разрядами слов (имене¬нем и глаголом), о которых упоминает Платон, Аристотель выделяет также служебные разряды. В сочинениях Аристотеля содержатся первые **попытки.** определения различных грамматических категорий. В ряде работ Аристо¬теля нашли отражение зачаточные представления о словоизменении и сло¬вообразовании. К выдающимся достижениям Аристотеля в области изуче¬ния явлений языка следует отнести разработку проблем лексической и грамматической **многозначности"**[23].

Дальнейшая разработка грамматических проблем велась стоиками. Один из основателей школы стоиков, выделяет пять частей речи: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз и член. Членом стоики считали местоимения (указательные, вопросительные, относительные и неопределенные) и артикли. Позднее к частям речи стоики присоединили и наречие. Одним из замечательных достижений стоиков в разработке грамматических проблем является их учение о падеже. Падеж они рассмат¬ривали как грамматическую категорию, свойственную только склоняемым частям речи. Стоики выделяли пять падежей -'прямой (именительный), ро¬дительный, дательный, винительный и, по-видимому, звательный. Греческие названия падежей были заимствованы римскими грамматистами, латинские названия перешли в современные европейские языки, в том числе и в рус¬ский. У глагола стоики отмечали четыре формы времени — praesens (насто-ящее продолжающееся), **imperfectum** (прошедшее продолжающееся), **perfectum** (настоящее законченное), **plusquamperfectum** (прошедшее за¬конченное).

С деятельностью стоиков связывается и зарождение этимологии (этот термин был введен или науки об истинных значениях **слов.** Придерживаясь теории "природного" характера языка, стоики стре¬мились познать его семантическую природу. Но, не выработав твердых принципов этимологического исследования, они допускали произвольные толкования первоначальных значений слов. Так, Августин считал, что ***lucus*** • роща" названа так потому, что совсем не ***lucet*** светит", и ***helium*** ' война" потому, что эта вещь не ***bella*** ' прекрасная', **и *foedus'*** союз' потому, что эта вещь *nefoeda* 'безобразная'. Эти произвольные и **бездоказательные** толко¬вания создали этимологии как отрасли языкознания сомнительную славу.

Стоики впервые заговорили о понимая под ним не грамматическую, а скорее логическую дисциплину. Предложение рассмат¬ривается как полное высказывание, состоящее из сказуемого и подлежа¬щего. У стоиков существует и понятие неполного высказывания, соответст¬вующее значению предиката — сказуемого. Стоики разработали также клас¬сификацию типов предложений, различающихся по цели высказывания. Ос¬новной тип предложения — повествовательное, наряду с которым различа¬ются вопросительные и повелительные предложения, а также предложе¬ния, выражающие желание, мольбу. Эта классификация типов предложений основывалась не на формально-грамматических, а на смысловых критериях.

Расцвет античной языковедческой традиции приходится на александ¬рийский когда в эпоху эллинизма в египет-

ского царства Птолемеев, в **Ш-Н** вв. до н.э. сформировалась так называемая александрийская школа грамматики. Система александрийского грамматического учения создавалась трудами **Аристарха** Самофракийского (217-145 н.э.), **его** ученика **Дионисия Фракийца (170-90** до н.э.), **Аполлония Дискола (II в.)** и др. Возникновение александрийской грамматической школы связано с чисто практическими целями - желанием сохранить литературную греческую традицию, дать филологическую интерпретацию произведений Гомера, Софокла, Эсхила и др., создать единый общий литературный язык. Эти цели требовали уточнения и расширения свода грамматических правил.

Александрийские грамматисты, хотя и имели некоторые представления о физиологических основах произношения, подробное описание звуков дали на основе акустического принципа. Отождествляя звук и букву, александрийцы выделяли 24 звука — 7 гласных и 17 согласных. Варрон ввел двадцать пятый звук - заднеязычный согласный [»}] , который он назвал агмой. Дионисий Фракиец ввел ударение и указал на его различные типы, а Аристофан Византийский изобрел надстрочные знаки для обозначения ударения. В области фонетики подробно были рассмотрены виды звуковых изменений.

Слово определяется александрийцами как наименьшая значимая часть связной речи, а предложение - как соединение слов, выражающее законченную

Подробно у александрийцев было разработано учение о частях речи. Дионисий выделял восемь частей речи: имя, глагол, причастие, член, имение, предлог, наречие, союз. Римские ученые не причисляют к частям речи член, а греки -- междометие. Имя определяется как склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (тело — *камень,* вещь — *воспитание)* и высказываемая как общее (человек) и как частное *(Сократ).* Свойствами (акциденциями) имени являются род, вид, образ, число, падеж. Падежи рассматриваются как ступени склонения, названные так потому, что большинство имен по ним изменяется и якобы падает, уклонившись от своего первого положения. Греки выделяли пять падежей — прямой, родительный, дательный, винительный, звательный; римляне добавили шестой падеж - отложительный (аблатив), встречающийся в латинском языке. "Глагол, — писал Дионисий, - есть беспадежная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание"[24] У глагола выделяют наклонение, залоги, виды, образы, числа, лица, времена, спряжения. Дионисий различал пять наклонений глагола • - изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное, неопределенное, но не приводил их определений и примеров. Александрийские грамматисты впервые выделили предлог в качестве самостоятельной части речи.

Аполлоний Дискол подробно изучает синтаксические свойства и синтаксические функции частей речи. Главной задачей синтаксиса он считает объяснение того, как отдельные слова объединяются в предложения.

Подробно разобрав понятия частей речи и дав им развернутые определения, александрийцы не дошли до анализа морфологической структуры слова, им остались неизвестны и понятия, которыми оперировали древнеиндийские грамматисты, — корня и аффиксов (суффиксы, префиксы, окончания).

Римские грамматисты, по существу, слепо следовали правилам гречес¬ кой грамматики, прилагая их к латинскому языку. Из римских языкове¬ дов следует отметить прежде всего Марка Варрона до н.э.), автора работ "О латинском языке", "О сходстве слов", "О происхождении латинского языка", Квинта Реммия Палемона (ок. 10—75), Элия Доната (IV в.), Присциана (VI в.), создавшего "Курс грамматики',' и др.

В римском языкознании впервые появились работы, посвященные со¬ поставительному изучению греческого и латинского языков. Сопоставляя латинский язык с **греческим,** Варрон обосновал наличие в латинском языке отложительного падежа (аблатива). Палемон впервые в античном языко¬ знании выделил междометие качестве самостоятельной части речи. Он внес значительный вклад в создание латинской лингвистической термино¬ логии. "Грамматическое руководство" Элия Доната в популярной форме вопросов и ответов излагало сведения по фонетике, письму и стихосложе¬ нию, учение о частях речи и стилистику. Рекомендованная в качестве основ¬ ного учебника латинского языка для монастырских школ грамматика До¬ ната в течение почти тысячи лет служила основным грамматическим посо¬ бием, а имя Доната стало синонимом слова "грамматика".

К особенностям греко-римской грамматической традиции следует от¬ нести то, что ученые занимались изучением только греческого и латинского языков, а также то, что в своих грамматических теориях они в значитель¬ ной степени зависели от философии, логики. Но вместе с тем не следует забывать, что "грамматическая система Европы вплоть до XIX в. основыва¬ лась на лингвистическом учении греков в его измененном на римской почве виде"[25].

§ 3. АРАБСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Существует две точки зрения на происхождение арабского языкозна¬ ния. Согласно первой, древнеиндийское и античное греко-римское языко¬ знание оказали определенное влияние на становление арабского языкозна-ния, расцвет которого приходится на VIII—XIII вв. Согласно другой точке зрения, арабская лингвистическая традиция возникла самостоятельно. Ин¬ терес к науке о языке у арабов также стимулировался практическими пот ребностями — сделать понятной и доступной для мусульман священнук книгу Коран и уберечь классический арабский язык от влияния **диалектов** Центрами арабской лингвистики были города Басра и Куфа, позднее - Басра и Багдад. Басрийцы были пуристами и стремились точно **соблюдая** нормы классического арабского языка, нормы языка Корана и поэзии **Куфийцы** допускали возможность отхода от норм литературного **арабской** языка, особенно в области синтаксиса.

Одним из основателей арабского языкознания считается **Халиль** иб] **Ахмад ал-Фарахиди** (ум. **791),** составивший известный толковый словар арабского языка "Книга айна" (Kitab **al-ayn).** Его последователем был **зн«'** менитый арабский языковед басриец Сибаваихи (ум. 794), в своем **обшщ** ном труде "Книга" **(Al-Kitab)** он в завершенном виде представляет систем арабской грамматики. Грамматика Сибаваихи была настолько полной исчерпывающей, что последующие поколения арабских языковедов мал что могли добавить существенного.

Арабские языковеды большое внимание обращали на исследование общетеоретических вопросов. Как и древние индийцы и греки, они рассматривали проблемы происхождения языка, функций языка, взаимоотношения литературного языка к диалектов, исследовали структуру арабского языка — фонетику, лексикологию, лексикографию, морфологию, синтаксис. У арабов было две теории происхождения языка - "божественная" и по соглашению, договору, которая позднее стала господствующей. Арабские ученые подчеркивали, что язык имеет две функции — коммуникативную и экспрессивную.

Арабы строго различали звук и букву. Описание звуков арабские языковеды давали на физиологической основе, используя вместе с тем и акустический принцип. Так, Сибаваихи различает **16** мест образования 29 согласных звуков и дает точное описание их артикуляций (например, между губами - [w, **m,** Ь] ; в полости носа - [п] назализованный и т.д.). Гласные (их в арабском языке три — [а, i, и] с их краткими и долгими вариантами) признаются подчиненными согласным.

Наиболее разработанной частью арабского языкознания является лексикография. Арабы создали превосходные по охвату языкового материала словари, включив туда огромное количество **синонимов.** Можно выделить шесть групп словарей: полные толковые словари, предметные словари, словари синонимов, словари редких слов, словари заимствований и переводные словари. Высшим достижением арабской лексикографии считают словарь **ибнМатура** (ум. **1311)**.содержащий 80000 единиц, а также 60-томный словарь **Ал-Фирузабади** (1326-1414) "Камус" (Океан). (Камусом впоследствии стали называть любой словарь большого объема.) Однако отсутствие четких принципов отбора материала приводило к тому, что арабские лексикографы включали в словари диалектную лексику, вульгаризмы, редкие слова, новые слова и значения, не вошедшие в литературный и обиходный язык. Не было четкости и в порядке расположения слов. К концу X в. в арабской лексикографии основным становится алфавитный порядок расположения слов [словарь Ал-Джаухари (ум. ок. 1007) на 40000 слов], правда, с учетом особенностей арабской письменности. Среди арабских словарей преобладают одноязычные словари, но встречаются и переводные, двуязычные (например, арабско-персидский словарь, тюркско-арабский словарь Махмуда **Кашгарского** и др.).

В исследовании грамматики арабские ученые основывались на изучении специфической структуры арабского языка. Эта структура позволила им четко определить понятие части речи, трехсогласного корня, значение аффиксов и внутренней флексии. Арабские слова делятся на имя, глагол, частицы. К имени относятся существительные, прилагательные, а также личные, указательные и относительные местоимения. Сибаваихи выделяет три формы глагола — прошедшее время, время и повелительное наклонение. (Работы арабских языковедов в области морфологии оказали сильное влияние на европейских лингвистов XVIII-XГXвв., в частности на В синтаксиса внимание арабских языковедов привлекал **структурно-семантический** анализ предложений. По структуре предложения делились на глагольные и обстоятельственные; арабам были известны такие виды синтаксических отношений, как согласование, **унуа«>еяиря-яри1.11икаяис,-**

Арабское языкознание оказало огромное влияние на крупнейшего тюр¬колога средневековья Махмуда ибн Ап-Хусейн ибн Мухаммеда (Махмуда **Кашгарского,** р. ок. 1029-1038), написавшего многотомный труд Хловарь тюркских языков" (1072-1083). Словарь должен был служить пособием при изучении тюркских языков лицами, владеющими арабским языком. Автор словаря выдвинул ряд общелингвистических проблем, дал первую в истории тюркологии классификацию тюркских языков и диалектов. Махмуд **Кашгарский** "1) понимал язык **как** средство общения между людьми; 2) рассматривал язык как отражение бытия народа; 3) осознавал само¬бытность, равноправность и разносистемность неродственных языков и стремился выявить специфические черты отличия грамматического строя тюркских языков от языков арабского и иранских; 4) правильно оценивал **благоприятное** взаимовлияние разносистемных языков друг на друга"[26].

ГЛАВА 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ Х1У-ХУШВЕКОВ

§ 4. ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Средние века в Европе характеризуются спадом во всех областях нау¬ки, в том числе и в языкознании. Единственным изучаемым языком эпохи средневековья была латынь. Причем латынь изучалась в чисто практических целях, поскольку латинский язык был универсальным языком науки. Ос¬новными пособиями по латинскому языку служили книги римских грам¬матистов Доната и Присциана. Эпоха Возрождения применительно к языку выдвинула, по мнению А.А. Реформатского, три основные проблемы: 1) создание и развитие национальных языков, 2) изучение и освоение раз¬личных языков в международном масштабе, 3) пересмотр античного и средневекового лингвистического **наследия^'.**

Распад феодальных отношений, развитие капиталистического способа производства исключали сохранение раздробленных местных диалектов и мертвого литературного языка - латыни. В.И. Ленин писал: "Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепят¬ственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свобод¬ного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгово¬го оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдель¬ным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем"[28]. ВХIII-ХIVВВ. на¬чинается процесс создания национальных языков. Пути формирования национальных литературных языков были различными. "...В любом совре¬менном развитом языке, — указывали К.Маркс и Ф.Энгельс в „Немецкой идеологии", — естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового ма¬териала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещи-

вангоо и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической **концентрацией"**[29].

В силу экономических и географических причин "первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это - итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени"[30]. **Данте Алигьери (1265-1321)** одним из первых заинтересовался вопросами языка. В трактате "О народной речи" (1304—1307), касаясь вопроса о происхождении языка, Данте указывает, что люди не могут понимать друг друга только с помощью жестов или телодвижений, что для передачи друг другу своих мыслей необходимо иметь разумный и чувствительный знак. Таким знаком и стал язык. Данте считал, что язык имеет двустороннюю природу: чувственную, которая обнаруживается в его звучании, и рассудочную, которая проявляется в его способности что-то обозначать и что-то означать. В самом общем виде говорил он и о коммуникативной функции языка: или общение всех людей с помощью первоначально единого языка, или возможность существования речевых средств общения в пределах профессиональных групп людей. Впервые в истории культуры нового времени Данте ставит вопрос о народном и литературном **языках** и выступает в защиту нового национального литературного языка. Он подчеркивал, что народный язык благороднее латыни, так как этот язык "природный", а латынь — язык "искусственный" ("Божественную комедию" Данте написал не на латыни, а на итальянском языке).

Среди грамматистов эпохи Возрождения следует отметить **П.Раме (Рамуса) (1515-1572),** который выступил против схоластики Аристотеля. Он написал грамматики греческого, латинского и французского языков. Среди филологов его школы надо упомянуть **ЯАаруса** (1538-1586), которого иногда называют первым фонетистом нового времени. **В** небольшой работе "О буквах две книги" (1586) он дает систематические определения звуков речи и способов их образования.

Эпоха великих географических открытий знакомит европейцев с неизвестными народами, языками, появляются описания новых языков. Создаются грамматики языков кечуа (Перу, 1560), гуарани (Бразилия, 1587), японского и персидского **языков.**

С XVI в. начинается самостоятельная разработка вопросов в России, в частности в работах **Максима Грека** (ок. 1475—1556). Первая печатная славянская грамматика вышла в свет в Вильно в 1586 г. под заглавием "Словянская грамматика", а в 1591 г. была напечатана "Адельфотес Грамматика **доброглаголивого** Блиннословенского языка совершенного искусства осьми частей света по наказанию многоименному Российскому роду во Львове и друкарне братской, сложена от различных грамматик студентами иже в Львовской школе". Первой собственно славянской грамматикой, на которой сказалось влияние западноевропейских грамматических учений, была "Грамматика словянская **совершеного** искусства восми частей слова..." (1596) **Лаврентия Зизания. В** ней автор, пользуясь греческими образцами, дает десять склонений и два спряжения.

В **16Ь** г. М.Г. **Смотрицким** (ок. 1578-1633) составлена "Грамматики **сповенския** правильное синтагма...". Эта книга переиздавалась несколько раз и на ее основе позже были изданы "Грамматика, или **Письменница,** языка Словенского, тщателем вкратце издана в Кремянци" (на Волыни) и "Грамматика Словенская", «к?.авяеиная **Ф .Максимовым.**

Особенностью всех грамматик, вышедших в **XIV—XVII** вв., является их описательный характер. В основу национальных грамматик были положены схемы латинской грамматики, однако изложение грамматических особенностей национальных языков не укладывалось в эти схемы, что вело к выявлению специфических особенностей различных языков и содействовало развитию грамматической теории.

§ 5. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РОДСТВА ЯЗЫКОВ И ИХ **ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Расширение лингвистического кругозора, знакомство с большим количеством языков ставило вопрос об объяснении причин сходства между различными языками. Громадное значение для сравнения языков имело **Изучение** санскрита, священного языка брахманов, о котором Европа узнала в 80-х годах XVI в. из писем итальянского купца Сассетти (в письмах он приводит несколько санскритских слов, которые родственны итальянским).

Первый опыт группировки европейских языков принадлежит французскому филологу **Ж.Скалигеру** (1540-1609), который в книге **'Тассуждение** о языке европейцев" **(1599)** различал в Европе одиннадцать языковых групп — четыре большие и семь малых. Он исходил из того, что тождество языка проявляется в тождестве слов. Четыре большие языковые группы он выделял по обозначению в них слова *бог,* называя их соответственно латинской ***{Deus),*** греческой *(theos),* тевтонской *(qott)* и славянской *(бог).* Скалигер не приводил никакого лингвистического материала для подтверждения правильности своего разделения; более того, он полагал, что эти языки не связаны между собой узами родства.

В **XVII-XVIII** вв. факты сходства в европейских языках были отмечены многими учеными. Литовец Михало Литуанус указал почти сто слов, которые сходны в литовском и латинском языках; в то же время он отрицал родство между русским и литовским языками. О сходстве скандинавских языков говорится в книге соображения о кимрском языке" датского ученого Педгра Сюва. Голландский лингвист Л. тен Кате за сто лет до немецкого языковеда Я.Гримма сравнивал германские языки: готский, немецкий, голландский, **англо-саксонский** и исландский. Немецкий ученый **Ф.Рухиг** в "Литовско-немецком и немецко-литовском словаре" указал на родство литовского, латышского и прусского М.В. (см. § 8) говорит о "сродственных" языках (русский, греческий, латинский, немецкий), родство которых он подтверждает этимологически надежным анализом числительных от *одного* до *десяти,* и "несродственных" языках (финские, мексиканские, готтентотские и китайские). Он четко устанавливает семью славянских языков, а в сферу сравнительного изучения вовлекает практически все индоевропейские языки. Французский священник о родстве индоевропейских языков, указывал на сходство латинского языка и санскрита и допускал, что они произошли от общего праязыка, который больше не **существует.**

Большое значение для установления родства языков имело более основательное знакомство с одним из древнейших индоевропейских языков - санскритом. Английский и юрист в 1786 г. на заседании основанного им Азиатского общества для исследования языков и культуры народов Индии произнес речь, в которой фактически сформулировал основные положения сравнительной грамматики индоевропейских языков. Санскрит, указывал Джонс, имеет удивительную структуру, которая заключает в себе столь близкое родство с греческим и латинским языками в глагольных корнях и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно; родство это так поразительно, что ни один филолог, который станет эти языки исследовать, не сможет не поверить, что все они возникли из общего источника, может быть уже не существующего. Имеется также основание полагать, что готский и кельтский языки, хотя они и смешаны с совсем другими диалектами, произошли из того же источника; к этой же семье языков можно причислить и древнеперсидский язык. Для доказательства своих положений Джонс не приводил никаких языковых фактов, поэтому его нельзя считать основоположником сравнительного языкознания. Но идея Джонса о родстве санскрита со многими языками и о происхождении их из общего источника уже привлекла внимание европейских языковедов.

Исторический подход к языкам начинает проявляться и в составлении этимологических и многоязычных словарей. Следует упомянуть "Этимологический словарь французского языка" Менажа (1650), "Истоки итальянского языка" Феррари (1676). Первыми сравнительными словарями были многоязычные (свыше 270 языков) словари **русского'** путешественника и естествоиспытателя **П.С.** Палласа (1787-1789). Испанский монах **Л.Эрвас-и-Павдуро** опубликовал в Мадриде в 1800-1805 гг. шеститомный "Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов", в котором давались сведения приблизительно о 300 языках. Эрвас-и-Пандуро старался не столько описать языки, сколько доказать с помощью языков родство или различие народов. Он одним из первых обратил внимание на значение особенностей грамматического строя при сравнении языков. Наиболее известным из подобных словарей является также четырехтомный словарь немецкого языковеда **И.Аделунга** (и И.Фатера) **"Митридат,** или Всеобщее языкознание..." (1806-1817), в котором в качестве языкового примера приведена молитва "Отче наш" почти на 500 языках и диалектах.

Собранный огромный языковой материал, отдельные указания на общность грамматических форм требовали теоретического обоснования и доказательства языкового родства. Эта задача была решена учеными разных стран в начале XIX в. (см. гл. 3).

§ 6. ВСЕОБЩАЯ ГРАММАТИКА **ПОР-РОЯЛЯ**

В развитии лингвистической мысли **XVII** в. особое положение занимает одна из первых **теоретических** грамматик - "Грамматика всеобщая и теосодержащая основы искусства речи, которые изложены ясным и простым языком; логические **основы** всего того, что есть об-

между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные замечания по французскому языку" (1660), известная под названиями "Общая и рациональная грамматика" и Грамматика Пор-Рояля. Грамматика написана аббатами монастыря Пор-Руаяль под Парижем А.Арно и К.Лансло. Философскую основу Грамматики Пор-Рояля составляют идеи знаменитого французского философа, родоначальника рационализма Декарт подчеркивал всесилие разума, считая, что именно он служит критерием истины. Авторы Грамматики Пор-Рояля также подчеркивают всесилие человеческого разума.

'"Как указывается в заглавии, Грамматика Пор-Рояля имеет своей целью изучение логических принципов, лежащих в основе всех языков, исследование общих, универсальных признаков, а также исследование природы слов, их строения и различных свойств. Авторы грамматики считают, что в языке все должно быть подчинено логике и целесообразности. Если логика, оперируя категориями понятия, суждения, умозаключения и доказательства, формулирует законы и принципы, необходимые для достижения каких-либо результатов, то задача рациональной грамматики заключается в том, чтобы сформулировать законы, обеспечивающие изучение как отдельного языка, так и всех языков мира. Арно и Лансло считают, что этого можно достичь лишь выяснив пути и способы отражения в языке таких логических категорий, как понятие, суждение, умозаключение. Суждение, будучи выражено в словах, называется предложением, а слово понимается как понятие, выраженное членораздельными звуками. Каждое предложение (например, *Человек бежит)* включает в себя субъект *(человек),* связку (есть) и атрибут ***{бегущий,*** т.е. *человек есть бегущий).* Грамматика Пор-Рояля исходит из отождествления логических и логические категории являются t вневременными и всеобщими, таковыми же считаются и соответствующие им языковые категории. Раз это так, утверждает рациональная грамматика, то не следует удивляться, обнаруживая в конкретном языке те же закономерности, что и в других языках. Поэтому одной из главных задач языкознания должно стать выявление универсальных категорий, встречающихся во всех языках.

Грамматика определяется как искусство говорения, речи. Говорить - значит выражать свои мысли с помощью созданных людьми для этой цели. Знаки могут передаваться звуками голоса. Под знаками авторы Грамматики понимают слова, которые подразделяются на классы: один класс слов обозначает предметы мысли (существительные, местоимения, причастия, наречия, предлоги, артикли), а другой — способ, манеру развития мысли (глаголы, союзы, междометия). У знаков выделяются две стороны: внешняя — это то, чем они являются по природе, т.е. звуки или буквы, и внутренняя — это способ, которым человек выражает ими свои мысли, т.е. обозначение.

'"Таковы основные теоретические положения Грамматики Пор-Рояля. Круг конкретных грамматических вопросов, рассматриваемых в книге, также широк. Большое место уделяется синтаксису, или соединению слов в конструкции: рассматриваются различные типы этих конструкций, а также приводятся общие синтаксические правила, употребительные во всех

языках. Авторы грамматики, оперируя в основном материалом французского языка, но используя данные латинского, греческого, древнееврейского и ряда европейских языков, пытались создать универсальные характеристики языка, проникнуть в механизм его функционирования.

На принципах Грамматики Пор-Рояля основывается книга английского ученого Д.Гарриса "Гермес, или Философское исследование всеобщей грамматики" (1751). Строя свою теорию универсальной грамматики на учении Аристотеля, Гаррис определяет язык как систему артикулированных звуков, обусловленных соглашением. Используя аристотелевское понятие материи и формы, он предвосхищает учение В.Гумбольдта о внутренней форме языка.

В рамках универсальной теории делаются попытки осмыслить материал неиндоевропейских языков, таких, как китайский, языки американских индейцев и др. Из грамматик подобного рода следует упомянуть "Универсальную и сравнительную грамматику" (1774) К. де Габелина.

Правильность положений логической грамматики на материале русского языка пытается доказать Рижский в книге "Введение в круг словесности" (1806); он исходит из признания общих логических законов, отражающих свойства человеческого мышления. В "Новейшем начертании правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных" (1810) И.Орнатовский также излагает русскую грамматику, руководствуясь Всеобщей грамматикой (см. § 10).

Универсальные грамматики, созданные на материале различных языков, — это попытка научно осмыслить структуру языка, и поэтому они знаменуют собой важный этап в развитии грамматической мысли.

§ 7. ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Проблема происхождения языка - в центре внимания философов и мыслителей XVIII в., особенно в трудах Руссо, Дидро и Гердера.

Ж.Ж. Руссо (1712—1778) происхождение языка связывает с двумя теориями — теорией социального договора и теорией эмоциональной, или теорией междометий. Свои мысли он изложил в трактатах "Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми" и "Опыт о происхождении языков" (1761).

Суть теории социального договора применительно к проблеме происхождения языка сводится к следующему: первоначально люди жили изолированно, они произносили лишь отдельные неопределенные звуки. Необходимость борьбы за существование заставила их объединиться. Постепенно люди научились произносить звуки более отчетливо и приняли их по договоренности за знаки своих идей или предметов. Руссо считает, что первоначальным языком был природный крик; он инстинктивно возникал в затруднительных случаях и был малоупотребителен в естественных условиях. С развитием взаимоотношений люди стали искать более разнообразные средства выражения своих чувств, желаний и т.п. С увеличением числа звуков совершенствовались гортань и другие органы речи.

Звуками сначала обозначали только то, что действовало на слух; предметы, воспринимаемые зрением, жестами. Но жестами нель-

зя было пользоваться в темноте или на большом расстоянии, поэтому они постепенно заменяются артикуляцией голоса. Руссо отмечает, что замена жеста звуком была трудной для людей. Первые слова, по его мнению, имели очень широкое значение, каждое слово соответствовало целому предложению. Руссо признается, что не смог постичь причины того, почему первобытные люди сначала умножили названия предметов, а позже стали употреблять слова в более общем значении. Не даёт он ответа и на вопрос, был ли изобретен сначала язык, а потом возникло общество или сперва возникло общество, которое и обусловило появление языка.

Поэтому Руссо выдвигает эмоциональную теорию происхождения языка, или теорию Сущность этой теории хорошо изложил современник Руссо, аббат **Ш.де** Бросс, который писал, что первыми причинами, побудившими человеческий голос использовать свои возможности, явились чувства или внутренние ощущения, а не предметы внешнего мира, которые не были познанными. Руссо проводит ту мысль, что страсти вызвали первые звуки человеческого голоса. Можно насытиться без слов, говорил он, преследовать в молчании добычу, но чтобы тронуть юное сердце, чтобы оттолкнуть несправедливого обидчика, природа подсказывает звуки, крики, жалобы. Вот почему первые языки были певучими и страстными, прежде чем стать простыми и мелодичными.

Теории Руссо вызвали критику со стороны его современников, особенно Д.Дидро (1713—1784), который изложил свои взгляды на происхождение языка в девятом томе "Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел...". Дидро полагал, что язык является общностью навыков, свойственных определенной нации для выражения мыслей посредством голоса. Всякий язык, по его мнению, предполагает уже существующее общество, которому необходимо общение. Дидро подчеркивает **коммуникативную** функцию языка. Язык создается для того, чтобы формулировать, оформлять, выражать мысли; язык нужен для установления соответствующих обязанностей членов общества. Следовательно, формирование общества предшествует формированию языка.

Но, сделав эти материалистические выводы, Дидро переходит затем на идеалистические позиции: он полагает, что потребности общества способствовали развитию языка, но появлением языка человек обязан богу. Чудодейственное вдохновение помогло людям приобрести способность говорить, изобретать слова и обороты в соответствии с потребностями развивающегося общества. Общественную функцию языка, а также его происхождение Дидро объяснял с идеалистических позиций.

Существовала также звукоподражательная (ономатопоэтическая) теория, согласно которой язык возник в результате подражания звукам природы. Эту теорию отстаивал, **нагтоимер,** Г.Лейбниц в книге "Новые опыты о человеческом разуме". Он различал современные "производные" языки и их основу - "первичные" языки, возникшие в результате звукоподражания.

В 1772 г. в работе "Исследование о происхождении языка" выдающийся немецкий просветитель **И.Гердер** (1744-1803), критикуя теории Руссо, приходит к выводу о естественном языка. Гердер рассматривает язык как необозримую страну понятий, в которую в течение

столетий поколения людей вкладывали богатство своих идей. В первоначальном виде язык использовался как для передачи мыслей, так и для ражения чувств. Однако сводить язык только к средству выражения чувств, говорит Он ставит вопрос о языка и мышления, утверждая, что именно благодаря языку народы постепенно научились мыслить и благодаря мышлению они научились говорить. Происхождение и история языка неразрывно связаны с историей мышления.

Человек, считает Гердер, задерживает внимание на предметах объективного мира, отмечая их характерные признаки. Благодаря этим признакам он различает предметы. Первый сохранившийся в памяти признак нашел свое выражение в слове, и это означало рождение языка. Язык, по Гердеру, не создан богом, но и не возник случайно. Появление языка — закономерное явление в ходе развития чувств и разума человека. Причем сначала возникают слова, обозначающие конкретные вещи или их признаки, а затем уже слова, обозначающие общие понятия. Основой образования общих понятий служит реальный мир. Язык непрерывно развивается вместе с развитием человека — носителя этого языка. Все языки человечества составляют единство. Гипотезу о божественном происхождении языка Гердер называет красиво замаскированной бессмыслицей, которая подрывает силу человеческого духа, ничего не объясняет и лишает смысла психологию и другие науки.

В истории языкознания Гердер явился создателем первой исторической теории языка. Сказав о двух этапах развития языка, он как бы поставил проблему историзма языкового развития. Его взгляды о взаимосвязи языка и мышления оказали большое влияние на лингвистов последующих поколений, в частности на В.Гумбольдта, Г.Штейнталя и др.

§ 8. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ТРУДАХ **Ф.БЭКОНА,** Р.ДЕКАРТА, **Д.ЛОККА,** Г.ЛЕЙБНИЦА, М.В. ЛОМОНОСОВА И А.Н. РАДИЩЕВА

Бурное развитие науки в вв., рост требований, предъявляемых наукой к языку, содействовали возникновению философии языка, ставящей своей задачей изучение основных (гносеологических) свойств языка.

В Англии вопросам философии языка большое внимание уделял Ф.Бэкон **(1561—1626),** которого Ф.Энгельс характеризовал как родоначальника английского **материализма**[31]. В основу своей философской грамматики Бэкон положил разработанный им эмпирический метод, согласно которому источником всякого знания является чувственный опыт, основывающийся на предметах материальной природы. Взгляды Бэкона по проблемам языка изложены в его трудах "Новый Органон" (1620) и "О достоинстве и усовершенствовании наук" (1623). **Бэкон** полагает, что язык является средством общения, выражения и сообщения мыслей. Язык следует изучать эмпирически, т.е. исследовать опытным путем все его стороны.

Грамматику, задача которой изучать язык, Бэкон делил на буквенную (эмпирическую) и философскую. Буквенная грамматика служит чисто целям: изучение языка, как полагает Бэкон, даст возможность лучше познать особенности душевного разных народов, их нравы, обычаи. Философская грамматика изучает отношения

между словами и предметами, между словами и мыслями. Бэкон полагает, что слова представляют собой произвольные знаки предметов, которые, тем не менее, имеют отношение к мыслям, понятиям. Критикуя ложные понятия и идеи, которые мешают развитию научного познания, Бэкон соотносит эти понятия с группами призраков, которые осаждают человека и мешают ему объективно познавать природу. Слова являются одним из призраков. Учитывая эти недостатки слов, проявляющиеся в повседневной речи, Бэкон предлагает создать искусственный философский язык, в котором произвольно составленные знаки будут обозначать ясные и точные понятия. Бэкону принадлежит также идея создания сравнительной грамматики всех языков, чтобы на ее основе можно было выработать некий общий и единый для всех язык, который мог бы стать совершенным средством общения. Бэкон не создал стройной теории языка, но он первым наметил тот путь эмпирического изучения языка, который привел к становлению исторического языкознания в XIX в.

Знаменитый французский ученый Р.Декарт (1596—1650) выдвинул идею создания искусственного "...следует установить методическое расположение всех мыслей-идей, подобно методически установленному порядку естественного ряда чисел. Подобно тому как можно в один день научиться на каком-нибудь неизвестном языке называть и писать все числа до бесконечности, числа, которые, во всяком случае, представляют собой бесконечный ряд комбинаций, — таким же образом должна быть найдена возможность сконструировать все слова, необходимые для выражения всего, что приходит и может прийти в человеческий ум... Изобретение этого языка зависит от истинной философии. Только она сможет перечислить все мысли-идеи людей и расположить их в стройном порядке, делая одновременно их ясными и простыми. Все зависит от нахождения простых идей, которые свойственны представлению каждого человека и из которых слагается все то, что люди думают"; "такой язык имел бы только один способ спряжения, склонения и построения слов. Он вовсе не имел бы форм неполных и неправильных, возникающих вследствие привычки к искажению. Изменения глаголов и словообразования производились бы при помощи приставок, добавляемых к началу или концу коренных слов. Эти приставки находились бы в общем словаре. Вульгарные умы, пользуясь этим словарем в течение шести месяцев, свободно овладеют этим языком"[32]. Идеи Декарта о символическом языке позднее развивались Лейбницем, предложившим использовать для конструирования искусственного языка математическую символику.

Теоретические проблемы философского изучения языка ставит в своем основном философском труде "Опыт о человеческом разуме" (1690) английский философ-материалист Д.Локк (1632-1704). Он связывает проблему значения слов с учением о сущности языка. Локк определяет язык как великое орудие и всеобщую связь общежития. Как сенсуалист, Локк считает, что человек воспринимает предметы объективного мира через ощущения. Слово, по Локку, имеет физическую природу, оно состоит из членораздельных звуков, которые воспринимаются органами слуха. ФУНКЦИЯ слова — передавать мысль. Но мысль нельзя непосредственно воспринять через ощущения. Следовательно, чтобы передать мысль, ее надо облечь в воспринима-

емые органами чувств знаки. Такими знаками и являются слова. Для Локка слово - чувственно воспринимаемый знак мысли, а значение слова — способность замещения понятий и представлений, т.е. мыслей. Слово как физический субститут мысли является произвольным по отношению как к обозначаемому, так и к говорящему. Существенной стороной слова признается его абстрактность. Локк выделяет слова общие и единичные: общие слова представляют общие идеи, а единичные — единичные мысли.

Немецкий ученый, философ Г.Лейбниц **(1646-1716)** в сочинении "Новые опыты о человеческом разуме" (1700—1704, опубл. 1765) признает спорным утверждение Локка о том, что значение слова составляют индивидуальные идеи говорящего. Лейбниц пытается **решить** два вопроса: как же происходит процесс общения? почему разные люди при произнесении одного слова вкладывают в него одинаковое содержание? Ученый объясняет это двумя причинами. Во-первых, значение слова составляют наиболее общие идеи и понятия. Индивидуальные же представления, выражаемые физически воспринимаемыми словами, представляют собой отдельные аспекты общих понятий. Во-вторых, соединение слов в речи регулируется одинаковыми и общеобязательными правилами.

Лейбниц предложил комбинаторный метод для создания искусственного языка - "орудия **разума".** Метод основывается на признании того, что все сложные понятия являются комбинацией простых идей, т.е. простые идеи - "атомы" смысла — составляют сложные понятия. Для выражения существующего знания с помощью знака Лейбниц создал проект формализованного языка, удобного для письменного и устного общения. В этом языке девять последовательно значащих цифр обозначаются девятью буквами латинского алфавита, а десятичные разряды соответствуют пяти гласным: *1 = Ь, 2 =* с, *3 = d, 4 =f, 5 = q, б =h, 7= /, 8=m, 9 = n, 10 = a, 100= e, 1000 =/, 10000 = o, 100000 = u;* единицы более высоких уровней обозначаются двугласными сочетаниями: ***1000000=*** *au.* Созданная Лейбницем система искусственного языка должна была служить поискам "азбуки человеческой мысли", построению универсального философского языка науки.

В России философскими вопросами языкознания интенсивно занимались Ломоносов и Радищев. Мировоззрение М.В. Ломоносова **(1711-1765)** может быть определено как естественнонаучный материализм. Крупнейший филологический труд Ломоносова - "Российская грамматика" **(1755,** опубл. 1757). Уже в первом параграфе автор затрагивает основной вопрос философского языкознания - о связи языка и мышления. "Сии знаменательные части слов, — пишет он, — должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши **мысли"**[33]**.** Мышление Ломоносов также трактует с позиций материализма: источник мышления он видит в чувствах, которые представляют собой ощущения, вызываемые внешним миром, действительностью.

Основная функция языка — коммуникативная: язык служит "для сообщения с другими своих мыслей", с помощью языка человек сообщает другим понятия, "воображенные себе с помощью чувств". Язык нужен людям "для согласного общих дел течения", т.е. для совместной практической деятельности. Без языка общество напоминало бы "разрозненную махину", все части которой лежат "особливо" и бездействуют, отчего "все

бытие их тщетно и бесполезно". Ломоносов подчеркивает отражение действительности в языке: "Взирая на видимый сей свет, двоякого рода бытия в нем находим. Первого рода суть чувствительные в нем веши, второго рода суть оных вещей разные Вот эти идеи вещей и их деяния человек и сообщает другому с помощью слова.

Ломоносов стремился представить природу как постоянно изменяющуюся: "...твердо помнить должно, что видимые телесные на земле вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены". Эту идею исторического развития он переносит и на язык: 'Так-то невдруг переменяются языки! **так-то** непостоянно! так-то пропали еврейский, аларбейский, еллинский, латинский! и прочие!" Говоря о развитии языка вообще, Ломоносов намечает последовательность этого развития: "Как все вещи от начала в малом количестве начинаются и потом присовокуплениями возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, вначале было тесно ограничено и одними простыми речениями довольствовалось, но с приращением понятий и само помалу умножилось, что происходило произвождением и **сложением".** Важность этих положений учения Ломоносова станет понятней, если вспомнить, что метафизическая наука того времени отстаивала представление об абсолютной неизменчивости явлений природы. Если и говорилось об изменчивости, то подчеркивалось главным образом сохранение данного, а не возникновение нового.

Материалистическое рассмотрение основных проблем языкознания было продолжено родоначальником русского материализма АЛ. **Радищевым** (1749—1802). Вопросы языка он разбирает в трактате "О человеке, о его смертности и бессмертии" (1792). Радищев говорит о языке как о "благороднейшем по разуме [т.е. после разума. — *Ф.Б.]* даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей"; "слово есть **изображение** наших мыслей посредством образования голоса через органы, на то **устроенные"**[35]. Он подчеркивает коммуникативную функцию языка, указывая, что речь — главное средство общения между людьми. Радищев считает, что именно речь стимулировала развитие рода человеческого ("начальный способствователь рода человеческого есть речь"). Без речи, т.е. "средства к собиранию мыслей воедино", была бы невозможна практическая и научная деятельность людей, благодаря речи "одолжен человек всеми своими изобретениями".

Радищев рассматривает язык в тесной взаимосвязи с мышлением. Человек "звук [т.е. слово. — *Ф.Б.]* сделал мыслию, или мысль преобразил в чертоносное [т.е. характеризующееся определенными признаками. - *Ф.Б.]* лепетание", т.е. язык. Понимая речь как выражение мысли, Радищев указывает на произвольный, случайный характер связи между словом и обозначаемым этим словом предметом: наши суть только знамения вещей, изражаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения **ив*л*** союза между мыслию и словом". Признание взаимосвязи языка и его "водителя" — мысли приводит Радищева к выводу, что "водитель речи, возлагать будет орудие [т.е. сдаваться, складывать оружие. — *Ф.Б.],* речи лишенная". С самого начала язык и мышление человека тесно связаны между собой, "в первенственном его

[человека] состоянии, в состоянии естественном сии руководители [т.е. речь и рассудок, разум. - *Ф.Б.]* его не оставляют".

Звук, "гортанно человеком произносимый", и мысль — продукт деятельности мозга, — будучи оторванными одно от другого, теряют, по мнению Радищева, свои преимущества; мысль человека, не способного говорить, никогда не достигает степени развития, характерной для нормального человека. Без речи "онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы". Нормальное мышление человека возможно только благодаря его связи с языком. Только на основе языка возникает абстрагирующая способность мышления, а абстрактное мышление для Радищева — результат познания окружающего мира. С развитием языка умственные силы человека прояснились, он глубже начал познавать природу и ее законы, "как будто окрест вращающегося среди густейшия мглы ниспадает мрак и темнота; очи зрят уши слышат чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого". Учение Радищева о языке свидетельствовало об углублении материалистического взгляда на язык в русской науке конца XVIII в.

§ 9. ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДОВ М.В. ЛОМОНОСОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Филологические труды, среди которых следует упомянуть "Российскую грамматику", "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке", "О нынешнем состоянии словесных наук в России", "Письмо о правилах российского стихотворства", а также обширные материалы к трудам по филологии составляют значительную часть научного наследия М.В. Ломоносова.

Одно из важнейших практических достоинств "Российской грамматики" — ее характер. При тогдашней неразмежеванности разговорных и литературных норм речи Ломоносов, упорядочив выбор средств словесного выражения, со всевозможной объективностью указывает, какое употребление "приличнее или пристойнее", какое "дико и слуху несносно", какое "неправедно" или "весьма развратно". Он смело закрепляет в своей Грамматике живые нормы словоупотребления, отметает устаревшие формы и категории. Четкость построения, разнообразие и продуманность примеров, тонкость грамматических наблюдений сделали книгу Ломоносова самым популярным грамматическим руководством того времени. Выход в свет "Российской грамматики" был воспринят современниками Ломоносова как национальное торжество.

"Предисловие о пользе книг церковных в российском языке" **(1758) -** наиболее зрелая филологическая работа Ломоносова. В основу статьи положены следующие тезисы: 1) литературной гегемонии церковнославянского языка пришел конец: только "для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание", а в живой разговорной речи славянизмы не употребительны; 2) "будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая **равность** слога"; 3) русский язык велик и богат,

а потому составной частью литературного языка должна быть письменная и разговорная речь широких слоев народа, а не "дикие и странные слова, нелепости, входящие к нам из чужих языков". Таким образом, Ломоносов ставит три важные проблемы: 1) сочетания церковнославянских "обветшалых" слов и русских народных элементов в составе литературного языка; 2) разграничения литературных стилей и 3) классификации литературных жанров. В этой статье Ломоносов высказывает также интересные мысли об устойчивости основного словарного фонда русского языка, об особенностях истории русского литературного языка, о большей спаянности диалектов русского языка, чем, например, немецкого, когда "баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа". "Предисловие..." было последней теоретической работой Ломоносова в области филологии. Он мог с законной гордостью сказать, что много сделал для развития русского литературного языка, для его изучения и стилистического упорядочивания.

Большое внимание Ломоносов уделял и вопросам сравнительно-исторического языкознания. Он "сочинил письмо о сходстве и переменах языков", "о сродных языках российскому, о нынешних диалектах", собрал "речи разных языков, между собой сходные". В **черновых** материалах к "Российской грамматике" Ломоносов говорит о языках "сродственных", куда относит языки русский, греческий, латинский, немецкий и подтверждает их родство этимологически надежным сравнением обозначения числительных от *одного* до *десяти,* и языках "несродственных", включающих в себя языки финский, мексиканские, готтентотские и китайский. Он четко устанавливает семью славянских языков (от славянского языка произошли: российский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий и вендский) и предугадывает деление их на юго-восточную и северо-западную группы, отмечая большое сходство русского языка с языками живущих за Дунаем народов "словенского происхождения". Он отличал древнерусский язык от старославянского, указывая на договоры князей с греками, 'Русскую правду" и прочие исторические книги как на памятники русские. В материалах к "Российской грамматике" есть мысли Ломоносова и о давнем отделении современных индоевропейских языков от своего языка-источника: "Польский и российский язык коль давно разделились! — восклицает он. - Подумай же, когда курляндский! Подумай же, когда латинский, греч., нем., росс. О глубокая древность!"

Лишь в советское время были изданы все дошедшие до нас филологические труды Ломоносова. Характеризуя значение Ломоносова-филолога, редакторы Собрания сочинений пишут: "Создатель первой русской грамматики, составитель первого русского общедоступного руководства по теории художественной прозы, революционер в теории и практике стиха, основоположник живой поныне системы русского стихосложения, отец русской научной терминологии, страстный ревнитель чистоты русского языка, смелый новатор, поставивший на очередь вопрос о необходимости изучения языков, родственных русскому, сознававший важное значение сравнительного языкознания как приема лингвистического исследования, творец знаменитой „теории трех стилей", открывший пути к тому, по словам Пушкина, „счастливому слиянию" всех живых сил русского лите-

ратурного языка, которое обеспечило расцвет великой русской литера¬ туры, - Ломоносов по праву занял на долгий ряд десятилетий положение главы первой русской филологической школы и до сих пор еще продолжа¬ ет оказывать влияние на ход развития отечественного языкознания".

ГЛАВА 3

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

§ 10. ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В РОССИИ

В русском языкознании начала XIX в. основное внимание уделялось проблемам общего языкознания и развитию положений М.В. Ломоносова о родстве и общности происхождения славянских языков. К этому времени в России стало известно об одном из древнейших индоевропейских язы- ков - санскрите. Русский **индолог-самоучка Г.С.** Лебедев (1749-1817) в 1801 г. издал в Англии на английском языке грамматику санскрита, а в 1805 г. на русском языке опубликовал книгу о санскрите "Беспристраст¬ ное **созерцание** систем Восточной Индии брамгенов, **священных** рбрядов их и народных обычаев". В Европе культура и язык индийцев привлекли внимание позднее: в 1808 г. вышла книга немецкого языковеда "О языке и мудрости индийцев", автор которой указывал на близость сан¬ скрита латинскому и греческому языкам как в лексическом, так и в грам¬ матическом отношениях. Развитию гипотезы Шлегеля и установлению род¬ ства санскрита со славянскими языками, а точнее с русским, была посвяще¬ на анонимная статья "Славянские этимологии, заимствованные из санскри¬ та" (1809).

В г. в России появляется первый печатный труд, посвященный рас¬ смотрению сходства и различий между русским языком и санскритом. Автором этого опубликованного анонимно сочинения, по мнению совре¬ менников, был В книге справедливо указыва¬ ется на важность филологических исследований, которые являются "луч¬ шим средством для изъяснения истории народов", и на необходимость рассматривать свойства языков в тесной связи с историей людей, говоря¬ щих на этих языках. Впервые в России в этой работе четко говорится об установлении взаимного родства санскрита с европейскими языками и про¬ водится мысль о необходимости сравнительного изучения языков.

В начале **XIX** в. в России появляется ряд работ, в которых проблемы языка рассматриваются с философской точки зрения. Профессор Харь- ковского университета **И.С. Рижский (1759-1811)** в книге "Введение в круг словесности" (1806) касается того явления в языке, которое в даль¬ нейшем у знаменитого немецкого языковеда В.Гумбольдта (см. § 15) по¬ лучило название внутренней формы языка. Гумбольдт полагал, что внут-

ренняя форма языка — это сугубо индивидуальный способ, "посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства"; именно внутренняя форма дает возможность отличать один язык от другого. По Гумбольдту, специфический, характерный для данного народа взгляд на вещи и явления и отпечатывается в языке этого народа.

За четверть века до Гумбольдта Рижский отмечал, что "как в чертах лица каждого не только народа, но и человека бывает нечто особенное и отличительное, так и во всяком языке находится что-нибудь ему одному принадлежащее"[36]. Предметы и явления объективного мира по-разному воспринимаются различными народами. "Иного народа, - указывает Рижский, — он [предмет] поражает таким, другого другим качеством... От происходит, что понятия разных народов об одной и той же вещи бывают различны в рассуждении: а) точности... б) общности [т.е. полноты выражения понятия. - *Ф.Б.],* в) своего действия". Кроме **того,** у каждого народа имеются свои, свойственные только ему "понятия о тех предметах, которые у него токмо одного находятся". "Понятия о сих как бы собственность народа составляющих предметах" и определяют "физиономию" языка, фиксируя особенности национального миропонимания. В работе Рижского впервые в русском языкознании четко была выражена грамматическая точка зрения на язык. "Слова, - пишет он, - суть знаки наших мыслей. Свойства означаемой вещи дожны находиться в ее изображении, если оно токмо может их выражать. Следовательно, все, что существенно и всегда принадлежит нашим мыслям, должно быть существенно и непременно в наших словах". Это положение прямо отождествляло логические и грамматические категории.

В книге "Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных" (1810) профессор Харьковского университета И.Орнатовский считает необходимым различать язык как речевую деятельность вообще, как общий, естественный и необходимый для всех людей дар и язык как конкретное воплощение этого дара "принятыми в каждом народе особливо разнообразными звукоизменениями". Первым среди русских языковедов Орнатовский указал на различие языка как присущей человеку способности речевой деятельности и языка конкретного народа. В "Новейшем начертании..." автор излагает свои взгляды на взаимное родство языков. Он отмечает древность славянского языка, его близость к языкам греческому и латинскому. Говоря о большем или меньшем сходстве всех языков, Орнатовский делит языки на древние и новые, коренные и производные, восточные и западные. К "смешанным" языкам он относит английский и французский. Поддерживает Орнатовский и идею постепенного развития языка; он считает, что все, о чем мы теперь совсем не мыслим, стоило непостижимых трудностей нашим прародителям.

Болыпой интерес представляет книга "Опытный способ к философическому познанию российского языка" **(1811) И.Ф. Тимковского** (1772¬ 1853), где автор впервые в русском языкознании говорит о тесной связи истории языка и истории народа. На развитие языка, по мнению, оказывают влияние обстоятельства внешние (родственные отношения с другими языками, языковые контакты, или "смешение" языков, их соседство и т.д.) и внутренние. Заслуживает внимания тезис Тимковского о восходя-

идем к глубокой древности родстве славянского языка с санскритом и кельтскими языками. Для доказательства древнейшего сродства русского языка с другими индоевропейскими языками, в частности, с греческим, латинским, немецким, кельтскими, Тимковский использует такие этимологически надежные слова, как числительные *(один, два, три, десять),* местоимения *(я, ты, мой, свой),* термины родства *(брат, мать),* слова, обозначающие жизненно важные понятия и явления природы *(дом, видеть, сидеть, стоять, снег, солнце, река, ручей, день, ночь),* названия частей тела *(око, рамо* 'плечо'). Тимковский четко различает русский и старославянский языки. Наметившиеся в процессе исторического развития отличия русского языка от других славянских языков сказываются в произношении, в месте ударения, "в грамматических переменах слов", в словообразовании, в семантике. Эти аспекты сравнения русского языка с другими родственными славянскими языками как бы указывают те пути, по которым должна идти разработка сравнительного метода.

Говоря о неоднородном словарном составе современного ему русского языка, Тимковский различает историзмы ("древние российские слова, вышедшие из употребления и получившие другое знаменование": *боярин, окольничий, куна* 'деньги', *комонь* 'конь') и слова, заимствованные из других языков, разграничивает сферу их употребления. В истории российской словесности Тимковский выделяет пять периодов: 1) начальные переводы церковных книг; 2) "Русская правда", "Повесть временных лет", "Слово о полку Игореве", "Поучение Владимира Мономаха"; 3) "Судебник" Ивана Грозного, "Уложение" царя Алексея Михайловича и другие сочинения тех времен; 4) литература второй половины XVII — начала XVIII в.; 5) творчество Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, которые являются основателями нынешнего слога.

В стилистике Тимковский придерживался ломоносовского учения о стилях речи, отличая "речь возвышенную", характеризующуюся "словосопряжением и выговором славянским", от речи простой. Книга Тимковского представляет собой самобытное явление в истории русского языкознания. Известный историк языкознания С.К. Булич писал, что "ни у одного из предшественников или современников Тимковского не замечалось такой определенной наклонности к историческому пониманию и представлению грамматики русского языка, позволяющей считать его в известном смысле предшественником наших историков языка: Срезневского, Буслаева, Колосова, Соболевского, Шахматова и др."[37].

Одним из самых замечательных трудов по языкознанию, вышедших в России в начале XIX в., является книга философа, экономиста, правоведа и языковеда Л.Якоба (1759—1827) "Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи" (1812). Впервые в русском языкознании Якоб пытается объяснить понятие языка через понятие вообще и определить его роль в умственной жизни человека. Он называет языком "каждую систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей"[38]. Это определение языка удивительно похоже на определение, данное почти столетие спустя ф. де Соссюром ("язык есть система знаков, выражающих понятия", см. § 59).

Якоб создает учение о знаках, называя знаком "каждый чувственный

предмет, служащий средством к возбуждению другого определенного понятия в душе нашей, и притом правильным образом". Он выделяет две категории знаков — естественные и искусственные. Под **естественными** (необходимыми) знаками понимается система несловесных приемов передачи информации; к естественным Якоб относит знаки внутренних душевных ощущений, такие, как телодвижения, взгляды и **тд.** Совокупность **искусственных** (произвольных) знаков образует словесный язык. Искусственные знаки обладают, по мнению Якоба, рядом преимуществ перед прочими знаковыми системами: 1) их немного, но разнообразное их расположение позволяет "составить большую разнообразность других знаков"; 2) их немногочисленность дает возможность легче представлять их в памяти; 3) произвольность знака допускает его использование в качестве средства общения; 4) возможность употребления при любых обстоятельствах; 5) абстрактный характер. Отмеченные особенности знаков делают их пригодными "к мышлению, поелику без оных не можно никакой мысли в отвлеченности составить, а тем паче удержать".

Якоб четко различает понятия "язык" и "речь", прочно вошедшие в русское языкознание лишь в 70-х годах ХГХ в. благодаря работам АА Потебни и И.А. Бодуэна де **Куртенэ,** а в западноевропейскую лингвистику в начале ХХ в. благодаря **"Курсу общей лингвистики"** Ф.деСоссюра. Язык, по определению Якоба, представляет собой совокупность слов как членораздельных звуков, а **речь** есть ряд слов, выражающих соединяемые **мысли.**

С именем А.Х. Востокова (1781 — 1864) связано возникновение в России сравнительно-исторического **языкознания.** После многолетнего изучения памятников древнерусской и славянской письменности Востоков печатает свое знаменитое "Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике **сего** языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам" (1820). Эта небольшая работа была оценена как выдающееся явление в европейской лингвистике того времени. Цель "Рассуждения...", как пишет автор, - сказать нечто о строении церковнославянского языка в древнейшем **его** виде и заметить перемены, которым он в течение веков подвергался. В истории славянского и русского языков Востоков выделяет три периода: древний (письменные памятники **ГХ-ХШ** вв.), средний и новый (новый славянский язык, язык печатных церковных книг). "Новый язык утратил многие формы грамматические, которые обогащали древний славянский и которые открываются еще и в среднем языке, но принял зато другие, заимствованные частью из образовавшихся между тем живых языков - русского, сербского, польского, коим говорили переписчики книг, частью же и изобретенные позднейшими грамматиками" 39 _

Важным положением "Рассуждения..." явилась мысль о возможности восстановления системы праславянского языка: "Каждый из новославянских языков и диалектов сохранил какие-нибудь особенные, потерянные другими слова, окончания и звуки общего их прародителя, древнего

как сие можно видеть, сличая их грамматики и словари с памятниками, от древнего языка оставшимися". На материале славянских языков Востоков показывает закономерность изменений в области гласных звуков (см. § 12).

§ П. ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В первой четверти XIX в. в разных странах появляются работы, в которых утверждается необходимость сравнительного и исторического подхода к изучению языковых фактов. В 1816 г. немецкий языковед **Ф.Бопп** (1791—1867) выпустил книгу "Система спряжения в санскрите в сравнении с греческим, латинским, персидским и германскими языками", которой суждено было заложить основы научного языкознания. Цель этой работы заключалась в том, чтобы "показать, как в спряжении древнеиндийских глаголов определения отношений выражаются соответствующими изменениями корня и как иногда verbum abstractum сливается с основой в единое слово, а основа и вспомогательный глагол делят между собой грамматические функции глагола, <...> доказать, что во всех языках, которые произошли от санскрита или вместе с ним от общего предка, ни одно определение отношения не обозначается флексией, которая не была бы общей с праязыком"[40].

К языкам, находящимся в близком родстве с санскритом, Бопп относит греческий, латинский, германские и персидский. За основу сравнения этих языков он берет грамматический строй, анализируя законы и происхождение форм, выражающих грамматические отношения. Бопп рассматривает лишь одну сторону языка — глагольную флексию. Сравнивая глагольные формы в выбранных для исследования языках, он показывает, что они в основном общие. Это можно видеть, например, при сопоставлении парадигмы санскритских глаголов *bharami* 'я несу' и *ismi* 'я есмь' с аналогичными формами в некоторых индоевропейских языках:

санскр.	др.-гр.	fljjjr.	готск	ст.-ся.
bharami	**ерш*	*ferd*	*baira*	*ЬЗРХ*
asmi	*evil*	*sum*	*Im*	*нснь*

Бопп приходит к признанию единства грамматической системы. Он объясняет формы одного языка сравнением с формами другого. Это было то новое, что Бопп внес в сравнительно-историческое языкознание.

В 1833-1849 **гг.** Бопп издает свою главную работу - "Сравнительная грамматика санскрита, зенда [так в XIX в. называли авестийский язык. — *Ф.Б.],* греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков" (в процессе издания он добавляет старославянский язык, кельтские языки, а во втором издании — армянский язык), где на грамматическом материале доказывает всех известных ему индоевропейских языков (именно Бопп ввел термин "индоевропейские языки"). В то же время он без всяких на то оснований старался доказать родство ских и кавказских языков с индоевропейскими.

Другой немецкий языковед, Я.Гримм (1785—1863), в книге "Немецкая грамматика" (т. 1—4, 1819-1837), подробно разбирая историческую фонетику германских языков, делает ряд наблюдений над изменениями согласных, получившихся в результате первого германского передвижения согласных (см. § 12). В предисловии к "Немецкой грамматике" рассмат-

риваются некоторые общеязыковедческие проблемы. Гримм пишет, что язык человека возник естественным путем. В развитии языка он выделяет три ступени: 1) рост и становление корней и слов; слова обозначают вещественные представления, грамматические отношения выражаются простым следованием отдельных слов; язык этого периода мелодичный, но растянутый и несдержанный; 2) появляются флексии, суффиксы и более смелое словосложение; язык этого периода поэтичен; 3) язык приобретает ясность мысли, гармоничность. В определении Гриммом трех ступеней развития языка чувствуется налет идей немецкого романтизма.

Гримм высказал некоторые положения, которые затем были развиты в трудах немецких языковедов. Так, задолго до основоположника натуралистической школы в языкознании А.Шлейхера (см. гл. 7) Гримм отождествляет язык с природным организмом. Он считает, что ступени развития языков подобны периодам развития листвы, увеличения и созревания плодов, которые по законам природы сопутствуют один другому и сменяют друг друга в неизменной последовательности. Как листья с дерева, слова в течение длительного периода времени выпадают из языка.

Раньше другого великого немецкого языковеда В.Гумбольдта (см. гл. 4) Гримм признал язык вечно изменяющейся категорией, в которой действуют противоречивые силы, или антиномии: "...при изучении истории языка повсюду видны живое движение, твердость, гибкая, податливая изменчивость, беспрестанная смена взлета и падения, неукротимое движение к новому, которое никогда еще не позволяло достичь окончательного завершения"[41]. Все эти антиномии языка, вызываемые дей- ствующим духом, обусловливают одновременно и легкое и трудное усвоение языка. Однако основная **засдуга** Гримма в том, что он способст- созданию исторической грамматики и историческому подходу к изучению фонетики родственных языков (см. § 12). Работы Гримма в области сравнительно-исторического язьпсознания высоко ценил Ф.Энгельс. Сообщая в письме К.Марксу о своих занятиях по изучению германских языков, он писал: "До сих пор работаю без словаря или каких-либо других пособий: у меня только готский текст и Гримм, но старик действительно изумителен"[42].

Датчанин Р.Раск (1787—1832) в 1818 г. опубликовал "Исследование происхождения древнесеверного, или исландского, языка" (1814). Во введении к этой работе он писал, что язык является важнейшим средством познания народов и их родственных связей в седой древности. "Язык есть предмет природы, и знание о нем напоминает естественную историю, которое предлагает философскому рассмотрению два предмета: 1) отношения между отдельными предметами природы, т.е. систему; 2) построение этих членов и того, что к ним относится, т.е. **физиологию"[43].** Из этого определения видно, что Раску не чуждо было понимание языка как элементы которой связаны отношениями.

Что касается сравнения языков, то "лексические соответствия являются весьма ненадежными"[44], так как большое количество слов переходит из одного языка в другой независимо от характера происхождения и типа этих языков. Но вместе с тем **Раек** указывает на необходимость привлечения лексического материала других языков, ибо "язык, каким бы смешанным

ни был, принадлежит вместе с другими к одной группе языков, если наиболее существенные, материальные, необходимые и первичные слова, составляющие его основу, являются у них общими". Однако при сравнении слов, по мнению Раска, корень следует отделять от остальных частей, потому что если корни — носители материального значения слова - совпадают, то родство слов является неопровержимым, какими бы различными ни были окончания.

Основой доказательства родства языков считает ческие соответствия и но грамматических соответствий **Раек** говорит, что они "являются более надежным признаком родства или общего происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, очень редко или, точнее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка". Подчеркивая важность звуковых законов, он отмечает, что "когда в двух языках есть соответствия в словах такого рода и в таком количестве, что могут быть установлены законы относительно буквенных [до середины XIX в. не различали букву и звук, зачастую отождествляя их. — переходов из одного языка в другой, то между этими языками имеются близкие родственные связи". Установив закономерные звуковые соответствия, **Раек** сформулировал закон первого передвижения согласных в германских языках (см. § 12).

Следует упомянуть и имя датского лингвиста Я.Бредсдорфа **(1790—** 1841). В своей работе "О причинах языковых изменений" (1821) Бредсдорф за год до публикации работы Гримма изложил теорию передвижения согласных в германских языках, задолго до младограмматиков (см. § 37) обратил внимание на значение аналогии как важнейшего фактора развития языка.

"Таким образом, **Раек, Бопп** и Гримм содействовали, каждый по-своему, началу нового направления языкознания, являясь основоположниками сравнительного языкознания: — главным образом своими исследованиями скандинавских языков, особенно исландского, и систематическим доказательством места этих языков и взаимоотношений их с другими родственными им европейскими языками как в целом, так и в частностях, кроме того, своей работой над выявлением различных родственных отношений и точек соприкосновений в этих и многих других языках; Бопп - тем способом, посредством которого он вовлекает санскрит в сравнение с языками, относящимися к нашей семье языков, и своими глубокими, хотя теперь в **большинстве** случаев и устаревшими, анатомическо-генетическими исследованиями всего строя этих языков; наконец, Гримм - своим исследованием готско-германских языков и тем методом исторического анализа, который лег в основу дальнейших **исследований"**[45].

§ 12. ПРИНЦИПЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА РОДСТВА ЯЗЫКОВ (ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ). ТЕОРИЯ АГГЛЮТИНАЦИИ Ф.БОППА

Одним из принципов доказательства родства языков является введенное Р.Раском понятие **регулярных** фонетических **соответствий.** В книге "Исследование происхождения древнесеверного, или ис-

ландского, языка" **Раек** впервые обратил внимание на целый комплекс взаимосвязанных фонетических изменений, приведших к образованию германской системы взрывных и спирантов из соответствующих индоевропейских согласных. Этот комплекс фонетических соответствий получил названи е первого передвиж'ения **согласных**,которое графически может быть изображено следующим образом:

индоевроп.		герм.
I. *p, t, к (ph,* «А, *kh)*	>	*/, th, h*
II. *bh, dh, gh*	>	*b.dg*
Ш. *b, d, g*	>	*P,t,k*

Например:

индоевроп.	Гр.	лат.	готск.	значение
I. *pbti{r)*	*namp*	*pater*	*fadar*	'отец'
C	тоет?	*tres*	*threis*	'три'
		cams	*hunds*	'собака'
	фратыр	*pater*	*brothar*	'брат'
II. *bhrStr-*	—	*medius*	*mid/is*	'средний'
meJhios	—	*vehO*	*gawigan*	'двигаться'
Uegh"	(—		*diups*	'глубокий'
lU.dheubos	бёха	*decent*	*taihun*	'десять'
dekqt(t)	*аурк*	*ager*	*akrs*	'пашня'
aqros				

По свидетельству В.Томсена, эти переходы полностью описаны в работе Раска, где он отмечал, что из немых букв в начале слова *р* особенно часто превращается в / и т.д., причем весь ряд переходов снабжен примерами. Более четко эти соответствия сформулировал Я.Гримм во втором издании первого тома "Немецкой грамматики" (1822). Таким образом, весь комплекс передвижений, известный под названием закона Гримма, точнее было бы назвать законом **Раска-Гримма.** Оценивая роль Раска и Гримма в установлении этих фонетических закономерностей, можно сказать, что **Раек,** бесспорно, сделал важные наблюдения относительно некоторых изменений согласных, играющих важную роль в передвижении, но мы никак не можем говорить только о законе Раска, Заслуга Гримма состоит в том, что он определил внутреннюю связь, существующую между различными процессами передвижения. Передвижение согласных в германских языках Гримм связывал с особенностями характера народов германских племен. Так, он говорил, что основой передвижения звонких в глухие и глухих в аспири- являлись смелость и гордость германцев.

Кроме первого передвижения согласных, отличающего германские языки от праиндоевропейского, **Раек** и Гримм описали также второе передвижение согласных, которое связано с различием верхненемецких и нижненемецких диалектов, немецкого и других германских языков. Это передвижение иллюстрируется следующей схемой:

общегерм.		нем.
I. *P, t, к*	>	*ff,* J J ***hhfch)*** после гласных
U. p,t,K	>	***pffph), z(zz), kch(ch)*** в начале слова, после согласных в удвоении
Ш. *Ъ, d, g*		*p, t, к в* баварском и алеманском диалектах; *b, t, g* в средненемецком

Например:

готск."	др.-в.-нем.	юж.-нем.	значение
I. *ЬIаupan*	*loufan*		**бежать'**
Шап	*la an*		'оставлять'
juk	*joh*		**иго'**
П. *skapjan*	*skephen*		**творить***
taihun	*zehan*		**десять'**
кайт(о)		*chorn*	**зерно'**
III. *gabairan*		*peran*	'нести'
*dadh*tar	*tohter*		**'дочь'**
gasts		*kast*	**'гость'**

Раек и Гримм наглядно доказали закономерность изменений в области согласных звуков в германских языках. А.Х. Востоков в "Рассуждении о славянском языке..." сделал открытие не меньшего методологического значения, определив соотношения в области гласных звуков между русским языком, с одной стороны, и польским и старославянским - с другой. Буквы * и *А,* писал Востоков, их начертания в кирилловской азбуке **QR** *инк)* первоначально имели звук польских ***а,*** *е, ia, ie,* следовательно, эти звуки, сохранившиеся в польском языке, существовали в языке древнеславянском. Привлекая для сравнения факты других славянских языков, Востоков выяснил звуковое значение юсов в старославянской письменности и их соответствие носовым польским гласным. Он правильно установил, что *Х* (юс большой) произносится как [О] *(о* носовое), а А (юс малый) - как **[е]** ***(е*** носовое), например: **ст.-сл. *$х.ьъ,п&ть*** **-** польск. *z.ob,* ***рес'*** — русск.'з^; ***пять.*** Открытие Востокова явилось одним из первых*результатов применения сравнительно-исторического метода в языкознании.

Основоположники сравнительно-исторического метода обращали большое внимание на морфологическое строение индоевропейских языков, позволяло делать правильные выводы об общности их происхождения. Так, **Раек** указывал, что язык никогда не перенимает форм склонения или спряжения у других языков. Поэтому сравнение форм склонения или спряжения - один из надежных способов доказательства родства языков. Ср., например, глагол *нести* в формах 2-го и 3-го л.ед.ч. в разных языках:

др.-инд.	гр.	СТ--СЛ.	русск.	готск.	значение
bharasi	(pepetf	***берешн***	*берёшь*	***bairis***	ты несешь
bhhrati	***•pepei***	***версть***	*берёт-*	***bairith***	' он **несет**

"Готский язык является древнейшим из германских языков, и его формы отражают общегерманское состояние.

Личные окончания как генетически общие элементы в структуре индоевропейского глагола анализировал в своих работах по изучению спряжения санскрита и других родственных языков Ф.Бопп. Он хотел показать, как возникли окончания глаголов в индоевропейских языках. **Бопп** исходит из что в санскрите и родственных ему языках существуют два класса корней: **глагольные,** из которых образуются глаголы и имена (существительные и прилагательные), и **местоименные** (например, **fe,** *ma),* из которых возникают местоимения, все первичные предлоги, союзы и частицы. По его мнению, в падежных формах имен происходит слияние (агглютинация) корней, наделенных самостоятельным лексическим значением (глагольных), с местоименными. Точно так же возникли из местоимений личные окончания глаголов. Например, окончание именительного падежа единственного числа *s* во многих индоевропейских языках (ср.: санскр. ***sutas*** 'сын', готск. ***wulfs*** 'волк') произошло от измененной формы указательного местоимения *sa* 'этот', а глагольное окончание 1-го л.ед.ч. *-mi* (ср.: санскр. ***dadami,*** **гр.** ***wbuyii*** 'даю') возникло из местоимения *ma* 'меня'.

Исходя из положений логической грамматики, признававшей предложение трехчленной структурой (субъект, предикат, связка), Бопп полагал, что в любой глагольной форме индоевропейских языков можно выделить глагольную связку *esse* "быть" в той или иной форме *(*es-, *bhu-).* Так, он рассматривал форму латинского перфекта ***scripsi*** 'написал' или форму латинскою будущего времени *amabo* 'полюблю' как результат сращения некогда самостоятельных корней ***(scrib-, ama-)*** и глагола *быть (*esi, *bhuo).* Таким образом, каждая глагольная форма в конечном счете может быть разложена на три основные элемента — глагольный корень, связку и местоименный корень, которые должны соответствовать основным элементам логического суждения.

Наконец, Бопп высказал предположение, что в образовании глагольных форм наряду с глаголом *быть* используются и другие вспомогательные глаголы. Например, происхождение форм прошедшего времени правильных глаголов в германских языках (ср.: англ. *worked* **'работал',** нем. ***lehrt*** 'учил') он объяснял как результат сочетания глагольной основы с формами прошедшего времени глагола *делать* (ср.: англ. *to do,* нем. *tun).*

Система взглядов **Богата** на происхождение флексий получила название теории агглютинации. Эта теория общепризнанна, например, в исторической грамматике латинского языка и, по мнению большинства языковедов, до настоящего времени сохраняет характер очень правдоподобной гипотезы. Главная заслуга Боппа перед языкознанием заключается в том, что он отобрал и систематизировал генетически родственные элементы в морфологической структуре индоевропейских языков и составил схему морфологических соответствий. Бопп использовал метод сравнения языков для определения происхождения грамматических форм. Его теория агглютинации привлекла внимание языковедов к анализу происхождения окончаний. Сравнение грамматических систем языков, приведшее к доказательству родства индоевропейских языков, заложило основы сравнительно-исторического метода, разработку которого продолжили лингвисты в начале XX в.

ГЛАВА 4

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.ГУМБОЛЬДТА

§ 13. ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Работами великого немецкого ученого **Вильгельма Гумбольдта** (1767—**1835)** были заложены основы общего и теоретического языкознания. С именем Гумбольдта связывается становление философии языка как самостоятельной науки. Его лингвистическая теория настолько широка и всеобъемлюща, что ее влияние продолжает сказываться и в современном языкознании.

Гумбольдт родился в старинной дворянской семье. В 1787 г. он поступает в университет во Франкфурте-на-Одере, где изучает юриспруденцию, а в следующем году переходит в Гёттингенский университет, в котором лекции по филологии, истории литературы и древностей читал Г.Гейне. Первой научной работой Гумбольдта была статья "О границах деятельности государства" (1792), в ней он приветствовал французскую буржуазную революцию и идеализировал картины республиканской государственной деятельности в античный период. В Гёттингене Гумбольдт знакомится с великим немецким поэтом Ф.Шиллером, исследования которого по эстетике оказали на него большое влияние. Интерес к проблемам эстетики заставил .' Гумбольдта обратиться к философии И.Канта и Ф.Шеллинга. Затем внимание Гумбольдта привлекли вопросы языкознания. В 1799 г. он указывает, что философски обоснованное сравнение нескольких языков составит задачу его будущих исследований. Первые языковедческие работы Гумбольдта были исследованиями баскского языка, затем он обращается к проблеме происхождения и родства европейских Круг лингвистических интересов Гумбольдта еще более расширился, когда его брат Александр, знаменитый естествоиспытатель и географ, снабдил его материалами для изучения языков американских индейцев.

Государственная деятельность Гумбольдта продолжалась с 1801 по 1819 г. Находясь на посту директора департамента исповеданий и просвещения, Гумбольдт участвует в основании Берлинского университета, который ныне носит имя братьев Гумбольдт. В **1810-1819** гг. Гумбольдт находится на дипломатической службе. Уйдя в отставку, он полностью отдается научной деятельности.

В 1820 г. в Берлинской Академии наук Гумбольдт прочитал трактат "О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития". Затем в трактате "О происхождении грамматических форм и об их влиянии на развитие идей" (1822, опубл. 1824) он обобщил свои наблюдения по санскриту. В письме "О природе грамматических форм вообще и о духе китайского языка в частности" (1827) впервые были выражены взгляды Гумбольдта на происхождение, развитие и сущность языка. Вопросам соотношения языка и письменности посвящена его работа "О буквенном письме и его связи с построением языка" (1824). В 1829—1831 гг. Гумбольдт обширный план исследования языков, распространенных на всем пространстве от Суматры до о.**Пасхи** и от Новой Зеландии

до Сандвичевых островов: он видел в языках промежуточное звено между индийскими и американскими языками. Прежде всего он изучает кави -- мертвый научный и поэтический язык Полинезии. "Как баскский язык составляет первую, санскритский вторую, так **язык** кави со всею связанною с ним океанийскою гическою группою составляет третью и **высшую** стадию в развитии Гумбольдтовой теории **языка", -** писал исследователь творчества Гумбольдта **Р.Гайм**[46].

Уже в ранних работах Гумбольдт стремился определить общие задачи лингвистики в тесной связи с философией. Эти задачи были изложены в опубликованном уже после смерти автора введении к книге "О языке кави на острове Ява" (1836—1839), которое представляет собой самостоятельное произведение и называется "О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода". Это сочинение, цель которого "представить **языки** при **разно-**образии их устройства необходимым основанием развития человеческого духа и объяснить влияние языков на это развитие и обратно"[47], является вершиной гумбольдтовской философии языка.

"Его [Гумбольдта] высокая и бескорыстная любовь к истине, его взгляд, направленный всегда к высшим идеальным целям, его стремление не упускать из-за подробностей целое и из-за целого отдельные факты... осторожно взвешивающая справедливость его суждений, его всесторонне образованный ум и благородная гуманность — все эти свойства действуют укрепляюще и просветляюще на каждую другую научную личность, приходящую в соприкосновение с Вильгельмом фон Гумбольдтом, и такое влияние Гумбольдт, по моему мнению, сохранит еще надолго и будет продолжать производить даже на тех, кто останавливается беспомощно перед его теориями", — писал знаменитый немецкий языковед Б.Дельбрюк[48].

§ 14. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Лингвистические взгляды В.Гумбольдта тесно связаны с его историко-философской концепцией и отражают положения классической немецкой философии. Философские основы лингвистической системы Гумбольдта хорошо вскрыл выдающийся русский философ-материалист **Н.Г.** Чернышевский (см. § 24): "Должно однако же не забывать, что он [Гумбольдт] хотя много занимался философией и науками, наиболее близкими к ней, не имел сил выработать самостоятельный образ мыслей по тем очень широким вопросам, исследованием которых специально занимаются мыслители, называемые философами; он подчинялся влиянию господствовавшего тогда в Германии метафизического направления философии. <...> Он только разделял увлечение тогдашнего образованного немецкого общества фантастическими мудрствованиями **Канта,Фихте,Шеллинга"**[49].

Вспомним основные положения немецкой философии, которые оказали влияние на формирование лингвистических взглядов Гумбольдта. Прежде всего это философские построения **знаменитого** немецкого философа, видного естествоиспытателя И.Канта. Философские взгляды Канта изложены в трактатах "Критика чистого разума", "Критика практического разума"

и "Критика способности суждения". По мнению Канта, существует не зависящий от нашего сознания (от ощущений, от мышления) мир вещей; Кант называет их "вещами в себе". Познание начинается с того, что "вещи в себе" действуют на органы чувств и вызывают ощущения. Отсюда следует, что первичным являются вещи материального мира. Однако, переходя к исследованию вопроса о формах и границах познания, Кант утверждает непознаваемость "вещей в себе". Основную черту философии Канта — примирение материализма с агностицизмом - резко критиковал В.И. Ленин: "Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, - то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, - Кант выступает как **идеалист"^".**

О непознаваемости тех или иных явлений языка очень часто говорит Гумбольдт, например: "...нам не дано познать форму языка в ее цельности"[51]. Подчеркивая неразрывную связь и даже тождественность языка и "народного духа", Гумбольдт утверждает, что эта связь "недоступна для нашего разумения", что она "остается для нас необъяснимой тайной".

Кант считает, что знание представляет собой соединение (синтез) ощущений с понятиями, причем высшее условие такого синтеза заключается не в материальном единстве самого предмета, а в априорном единстве самосознания, т.е. предшествующем возможности всякого соединения чувственных созерцаний. Единство является формальным, так как оно не зависит от конкретного содержания самих чувственных созерцаний. Гумбольдт также пытается выяснить, каким образом с помощью априорных форм разума образуется язык и достигается единство отдельных языков: "...порождение языка есть синтетический процесс в самом точном понимании этих слов, так как синтез создает нечто, чего не было ни в одной из связанных частей".

Из исследований Канта, посвященных критике "идей" разума, большое влияние на дальнейшее развитие философии оказало учение о противоречиях (антиномиях) чистого разума. По мнению Канта, всякая попытка разума дать теоретический ответ на вопрос о том, что такое мир как безусловное целое, приводит к противоречащим друг другу ответам на этот вопрос, а именно: можно доказать, что мир не имеет начала во времени и пространстве, но и можно также доказать, что мир начал существовать в какой-то момент времени и что он пространственно ограничен. Эти противоречия возникают в разуме неизбежно, следовательно, разум по своей природе противоречив. Этот вывод о необходимом существовании диалектических противоречий составляет заслугу Канта.

Всем своим анализом языка Гумбольдт показывает, что "язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, *общее* в частном, а целое обладает всепроникающей силой"[52]. Давая различные, зачастую противоречивые определения языка, он пытается установить диалектическую природу языка, выявить те противоречия которые выражают его сущность (см. § 18).

Кант специально не занимался вопросами языкознания, но в работе "Антропология с прагматической точки зрения" отметил противоречивый характер языка, который проявляется в том, что "те, кто может и говорить, и слышать, не всегда поэтому понимают себя или других; именно

отсутствием способности обозначения или ее ошибочным применением... объясняется то, что люди, говорящие на одном и том же языке, бесконечно далеки друг от друга по понятиям"[53]. Это положение Канта легло в основу гумбольдтовской антиномии понимания и непонимания.

На признание Гумбольдтом диалектического характера языковых процессов большое влияние оказала и философия И.Фихте, который в рамках субъективного идеализма развивает диалектическое восприятие процесса деятельности.

Основным в лингвистической концепции Гумбольдта является учение о тождестве "духа народа" и его языка (язык народа "есть его дух, и его дух есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное") . В этом положении сказывается влияние идей Ф.Шеллинга и Г.Гегеля. Философия природы Шеллинга и его трансцендентальный идеализм основывались на тождестве духа и природы. В работе "Изложение моей системы философии" идею тождества Шеллинг признает основной проблемой всей философии. Кроме понятия абсолютного разума, утверждает он, нет ничего. В абсолютном разуме субъект и объект неразрывно связаны. Разум перестает быть чем-то субъективным или объективным, так как объект возможен только по отношению к мыслящему субъекту. Философия приходит к тождеству субъективного и объективного. Именно так подходит к пониманию языка и Гумбольдт: "Выступая по отношению к **познаваемому** субъективным, язык по отношению к человеку объективен. <...> Субъективный характер всего человечества становится для него чем-то объективным. <...> Ибо объективное остается тем, что, собственно, и должно быть постигнуто, и когда человек субъективным путем языкового своеобразия приближается к этому, он должен приложить новое усилие для того, чтобы отделить субъективное и совершенно вычленить из него объект".

Следует отметить, что учение Гумбольдта о "духе народа" является преломлением учения Гегеля об абсолютной идее, изложенного в его "Феноменологии духа". Первоначальное тождество, образующее субстанциональную основу мира, является, по мнению Гегеля, тождеством бытия и мышления. Мышление — это не только субъективная человеческая деятельность, но и объективная сущность, первоисточник всего существующего. Мышление, утверждает Гегель, "отчуждает" свое бытие в виде материи, природы, которая есть "инобытие" этого объективно существующего мышления, названного Гегелем абсолютной идеей. Высшую ступень развития абсолютной идеи составляет абсолютный дух — человечество, человеческая история. Эту идеалистическую концепцию абсолютного духа как мистического, вне человека существующего мышления — абсолютной идеи — Гумбольдт переносит на язык: "Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом"; "Язык представляет собой одну из тех причин, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности"; "Язык и духовные силы функционируют совместно и в равной степени составляют нераздельную деятельность разума". Понятие "духа народа" является самым неопределенным, самым расплывчатым во всей лингвистической системе Гумбольдта.

В исследовании диалектического характера исторического процесса Гегель отводит языку важное место. Считая язык созданием теоретическо-

го ума, поскольку он есть его внешнее выражение, Гегель выделяет два этапа в развитии языка: "...языки, на которых говорили народы в их неразвитом состоянии, достигали весьма высокой степени развития... Далее, является фактом, что с прогрессом цивилизации в обществе и в государстве... язык становится... более бедным и менее расчлененным"[54]. Гегелевская теория двух периодов в жизни языка также оказала большое влияние на Гумбольдта.

При построении своей концепции языка Гумбольдт не только воспринял основные теоретические положения немецких философов, но и унаследовал достижения языковедов предшествующего периода. Так, вслед за И.Гердером он заинтересовался проблемами происхождения и генеалогии языка, сравнительного изучения языков и их классификации, наконец, роли языка в развитии духа. Высказывалось также предположение, что термин "energeia" для обозначения языка как деятельности был заимствован Гумбольдтом у английского ученого Дж. Гарриса.

§ 15. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА. УЧЕНИЕ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЯЗЫКА

Пытаясь объяснить сущность языка, В.Гумбольдт дает несколько определений языка. Он полагает, что языкознание не решит ни одного вопроса, если оно не поднимется до понимания языка как деятельности духа. Поэтому Гумбольдт постоянно апеллирует к "духу народа", под которым он понимает комплекс интеллектуальных ценностей и всю совокупность культуры народа, его духовное своеобразие. "Язык, - говорит он, - представляет собой беспрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить артикулированный звук в выражение мысли". Понять сущность языка можно только в том случае, если рассматривать язык в тесной связи с формированием "духа народа", поскольку "язык в своих взаимозависимых связях есть создание национального языкового сознания". "Дух народа" и язык его настолько взаимосвязаны, что если существует одно, другое можно вывести из него. Эта связь нашла свое выражение в знаменитой формуле Гумбольдта: "Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; его язык есть его дух, и его дух есть его язык - трудно себе представить что-либо более тождественное".

Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер народа. Вместе с тем духовные особенности народов определяют национальное своеобразие языков. Идеалистический подход Гумбольдта заключается в том, что национальные особенности языка он рассматривает не как результат исторического процесса формирования данного языка в тесной связи с общими условиями существования и развития говорящего на этом языке народа, а как проявление некоего духовного начала, недоступной нашему пониманию абсолютной идеи. Признав "дух народа" в качестве причины языкового разнообразия, Гумбольдт говорит, что язык развивается по законам духа. Психический склад народа, его образ мыслей, философия, наука, искусство и литература, т.е. все, что входит в понятие "дух народа", определяет мировоззрение этого народа, которое находит отражение в языке. Язык является своеобразным "промежуточным ми-

ром" **(Zwischenwelt)**, находящимся между народом и окружающим **его** объективным миром ("каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг").

Исходя из представления о языке как о "промежуточном мире", Гумбольдт делает ложный вывод о том, что наше отношение к предметам и явлениям объективного мира обусловливается не свойствами этих предметов и явлений, а языком. Язык, образованный из понятий и представлений некоторой части человечества, определяет отношение человека к объективной действительности и его поведение. Таким образом, язык у Гумбольдта выступает как деятельность, преобразующая внешний мир в собственность духа. Эти ошибочные положения учения Гумбольдта составили затем и основу теории Э.Сепира — Б.Уорфа, согласно которой язык упорядочивает поток впечатлений действительности, и основу неогумбольдтианской теории немецкого языковеда Л.Вейсгербера, согласно которой язык превращает окружающий мир в идеи, "вербализует" мир.

В чрезвычайно противоречивых построениях Гумбольдта его идеалистическое мировоззрение борется с теми теоретическими выводами, к которым он приходит, пытаясь определить сущность языка. С одной стороны, Гумбольдт рассматривает язык как идеальную вещь, существующую в умах и душах людей, а с другой - склоняется к пониманию языка как социального явления, ибо "в действительности язык развивается только в обществе и человек понимает самого себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим".

Гумбольдт теоретически обосновывает новое и чрезвычайно важное положение о том, что формой существования языка является его

такое понимание языка было направлено прежде всего против метафизических представлений о языке как о чем-то неподвижном. "Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидающий процесс"; "язык есть не продукт деятельности '(ergon), а деятельность (energeia). Его настоящее определение может быть только генетическим. Язык представляет собой беспрерывную работу духа, стремящуюся превратить артикулированный звук в выражение мысли". Понимая язык как деятельность, Гумбольдт подчеркивает не только динамизм языка, но и его активность. Активность языка проявляется в воздействии его как социального явления на индивидуума: чем индивидуум сознательнее пользуется языком в соответствии со своими внешними или внутренними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление.

Одним из первых в истории мирового языкознания Гумбольдт обосновал **системный** характер **языка.В** работе "О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития" он определил основную задачу языкознания как изучение каждого известного языка в его внутренних связях, в его отношениях, ибо своеобразие природы целого выявляется всегда через отношение его составляющих. Гумбольдт приходит к выводу, что "в языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого". Язык в его нейших применениях можно понять только тогда, когда будут рассмотрены его отношения, ибо в отношениях понятий, составляющих язык, и проявля-

ется весь его гений. Под организмом Гумбольдт понимает язык как це¬лостность, как систему: "Язык можно сравнить с широкою тканью, в кото¬рой каждая нить более или менее заметно переплетена со всеми другими. Пользуясь языком в каком бы то ни было отношении, человек всегда касается только одной части этой великой ткани, но всегда поступает при этом так, как будто бы в ту же минуту он имел перед глазами все, с чем часть эта состоит в неизбежной связи и во внутренней гармонии".

Гумбольдт создал также знаковую теорию языка. В труде "О сравнительном изучении языков..." он отмечал, что язык есть одновре¬менно и отражение, и знак. Слово - знак отдельного понятия, но нельзя себе представить, чтобы создание языка началось с обозначения словами предметов внешнего мира. Для того чтобы слово стало словом, оно не просто должно быть облечено в звуковую оболочку, а должно представ¬лять собой двоякое единство - единство звука и понятия. Слово не оп¬ределяет своим звуковым обликом свойства предмета, оно является не эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, а его пониманием. Таким образом, слово как элемент языка мотивировано тем характерным признаком предмета, который лег в основу его наименования и был за¬креплен языковой практикой; таких характерных признаков может быть много. "Если, например, - пишет Гумбольдт, - в санскрите слон называ¬ется либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукой, то В данном обозначаются четыре различных понятия, хотя имеется в виду один и тот же предмет". Если значение слова как знака мотивировано пониманием предмета, т.е. понятием, то звуковая форма слова является произвольной, лишь практикой закрепляемой в языке.

Гумбольдт различает и Это положение высказывалось и до него (например, в работах Л.Якоба), но не получило теоретической разработки. Гумбольдт, рассматривая живые языки, приходит к выводу, что все люди говорят как бы одним языком и в то же время у каждого человека свой язык, и выдвигает тезис о необходимости изучения живой разговорной речи и речи отдельного индивидуума. В дальнейшем, в част¬ности у младограмматиков (см. гл. 8), это положение было гиперболизи¬ровано: отрицая реальность существования языка, младограмматики признавали только индивидуальный язык.

Гумбольдт затронул большой комплекс вопросов, связанных с пробле¬мами сущности языка и его функционирования, но центральной в его лин-гвистической теории стала проблема внутренней **формы** языка. Язык состоит из множества элементов: слов, правил, аналогий, всякого рода исключений и т.п. Основой, которая позволяет соединить эти раз¬розненные части в единое целое, Гумбольдт считает форму языка. Опре¬деляя язык как средство познания и выражения "духа народа", он ука¬зывает, что "форму языка составляет нечто постоянное и единообразное в деятельности духа, что возвышает артикулированный звук до выражения мысли". Здесь видно стремление Гумбольдта представить внутреннюю форму языка как специфический для данного языка способ объединения звукового материала и психического содержания, "духа народа". Однако, раскрывая одно неопределенное понятие через другое неопределенное по¬нятие, Гумбольдт как бы предвидит упреки в абстракции понятия формы

1>ыло бы неправильно, по его мнению, рассматривать форму языка как нечто постоянное и единообразное, т.е. как способ соединения понятия со звуком, как умозаключение, не имеющее реального бытия, так как "в действительности она представляет собой индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства". В этом определении внутренняя форма языка выступает как средство выражения народного, или национального, духа. "Дух народа" сперва объективируется во форме, а затем уже выражается с помощью языка, который и яш1ястся духовным воплощением индивидуально-народной жизни.

И наконец, под формой языка Гумбольдт понимает совокупность всех языковых элементов как в индивидуальном их употреблении, так и в общественно закрепленном использовании языка. "Вообще понятием формы отнюдь не исключается из языка все фактическое и индивидуальное; поскольку в него включается только действительно исторически обоснованное, точно так же, как и все самое индивидуальное". Все специфически языковые элементы входят во внутреннюю форму не как изолированные факты, а образуя определенное целое ("форма языка по своей природе, в противоположность материи, есть восприятие отдельных элементов языка в духовном единстве").

Гумбольдт придавал чрезвычайно большое значение изучению формы языка, так как она позволяет установить, каким путем выражается мировоззрение народа, и отличить один язык от другого. Однако, следуя философской концепции Канта о непознаваемости вещей, Гумбольдт считает, что нам не дано познать форму языка во всей ее совокупности, а потому и описание языка не может быть абсолютно полным. Гумбольдт утверждает, что язык является формой, и ничем больше. Отсюда очевидно, что под формой языка разумеется не только так называемая грамматическая форма. Различие между грамматикой и лексикой имеет лишь практическое значение для изучения языков, но не устанавливает ни границ, ни правил для познания Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил словосочетания и даже словообразования (Гумбольдт считает возможным применить понятие формы к корням и основам). Таким образом, под формой языка понимается язык в целом, включая грамматические способы выражения, фонетику и лексику.

Для определения языка как формы Гумбольдт устанавливает понятие **материи** (субстанции). Материя имеет в языке относительное значение: определить ее можно только по отношению к чему-либо. В основе языка лежат субстанции, которые Гумбольдт называет "действительной материей". Это, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокупность чувственных впечатлений и непроизвольных движений духа, под которым в данном случае понимается мысль. Материя, считает Гумбольдт, противостоит форме. Это противопоставление можно понять, если иметь в виду, что внутренняя форма языка служит выражением "духа народа", т.е. является социальным явлением, а материя в виде двух субстанций выходит за пределы языка, т.е. является несоциальной. И вместе с тем материя связана с формой языка ("в абсолютном смысле в языке не может быть материи без формы"). Более того, то, что в одном случае считается материей, в другом может быть формой. Так, заимствуя чужие слова, язык может рассматри-

их как материю, но только по отношению к данному языку. В глубоком проникновении во взаимоотношения формы языка и его материи проявилась диалектика Гумбольдта.

Гумбольдт дифференцировал понятие формы языка, разграничивая внешнюю и внутреннюю формы. Такое деление языка некоторые лингвисты связывают с выделением Гумбольдтом двух субстанций. Внешняя форма является звуковой формой и представляет внешний, материальный аспект, а внутренняя форма является формальной организацией психической субстанции, представляющей идеальный аспект. Язык - единство материального и идеального.

Гумбольдтовская концепция взаимоотношений формы и субстанции особенно четко проявляется при анализе звуковой в частности при определении понятия артикулированного звука. Звуковая форма, благодаря общности звука и мысли, теснейшим образом связана с обозначением предмета. Как же осуществляется процесс соединения звука и мысли, понятия? "Эта деятельность, — пишет Гумбольдт, — начинается уже с первичного его элемента - артикулированного звука, который артикулируется посредством своего оформления". Он проводит четкое различие между звуком как физиолого-акустическим явлением и артикулированным звуком как функциональной категорией. К звуковой артикуляции способны животные и люди, но в нечленораздельном звуке, отмечает Гумбольдт, проявляет себя чувствующая сущность, а в членораздельном — мыслящая. В отличие от животных, у человека наблюдается определенность речевого звука, которая необходима разуму для восприятия предметов. Звуки голоса, благодаря его физическим свойствам, допускают безграничное множество модификаций. Однако не все видоизменения звуков играют в языке одинаковую роль. Если звук порождается "намерением и способностью значить", если он оформляется, т.е. подвергается действию мысли, опосредуется ею, то тогда язык становится артикулированным, т.е. обладает определенной функцией, что-то значит. Изучая взаимоотношения формы и субстанции, рассматривая артикулированный звук, Гумбольдт подходит к понятию фонемы, детально разработанному в дальнейшем И.А. Бодуэном де Куртенэ (см. § 53). Он подчеркивает, что способность артикулировать значимые звуки как способность сугубо человеческая теснейшим образом связана с мышлением.

Звуковая форма языка, указывает далее Гумбольдт, составляет ведущий принцип различия языков. Таким образом, звуковая форма языка, тесно связанная с понятием ("внутренними духовными силами"), определяет индивидуальную форму каждого языка. Изучение и описание связей звуковой формы с понятием составляет задачу языкового анализа.

Сложность формулировок и противоречивость изложения затрудняют понимание положения Гумбольдта о внутренней форме языка. Недаром все последователи Гумбольдта по-разному истолковывают понятие внутренней< формы языка. Чрезвычайно важно то, что Гумбольдт определил место внутренней формы языка и в известной степени охарактеризовал ее природу: внутренняя форма не только организует субстанцию, но от нее зависит, по существу, и организация внешней структуры; наличие внутренней формы позволяет различать и сравнивать языки. Важно еще отме-

тить, что внутренняя форма языка понимается Гумбольдтом как такая структура, в которой "каждый отдельный элемент существует благодаря другому", что аналогично современному пониманию языка как системы.

§ 16. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Проблема соотношения языка и мышления интересовала многих ученых начиная с античного периода. Господствующими были взгляды представителей логической школы, согласно которым существовала полная тождественность между категориями языка и мышления. По мнению логицистов, слова выражают понятия, а предложения — суждения. Категории мышления у людей одинаковы, следовательно, должна быть единой и грамматика. Отражением такого взгляда на соотношение языка и мышления явилась Грамматика Пор-Рояля.

В.Гумбольдт в работе "О различии организмов человеческого языка..." во многих отношениях поколебал казавшиеся незыблемыми взгляды логицистов и высказал много интересных, зачастую противоречивых мыслей. Он исходит из правильного положения, что "язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука в речи становится внешней и доступной для чувства. Деятельность мышления и язык являются поэтому неразрывным единством. Мышление всегда связано со звуком языка; иначе мышление не может достичь ясности и представление не может стать понятием. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком является юначальной и не может быть объяснена устройством человеческой природы". Связь языка и мышления настолько безусловна, что "язык есть обязательная предпосылка мышления и в условиях полной изоляции".

Гумбольдт старается показать, каким образом происходит соединение понятия как категории мышления со звуком: "Обозначать — значит соединять две вещи, которые никогда не могут совершенно перейти одна в другую. Тем не менее понятие не может отрешиться от как человек не может скинуть с себя своей физиономии. Слово есть индивидуальная физиономия понятия, которое, захотев сбросить ее с себя, только переменило бы одно слово на другое и, стало быть, все же явилось бы в слове". Гумбольдт считает, что звук и понятие совершенно различны по своей природе, поэтому для соединения их в слове нужно нечто третье, в чем бы они сходились. Посредник этот всегда берется из области внешнего или внутреннего чувства, внешней или внутренней деятельности. Деятельность чувства проявляется в том, что субъект (человек), сталкиваясь с каким-либо предметом, посредством мышления образует представление об этом предмете. Это представление, противопоставленное субъективному моменту (акту восприятия его человеком), превращается в объект: "Представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта. Это возможно только с помощью языка; без описанного процесса объективизации и возвращения к субъекту... невозможно образование понятий, а тем самым и действительного мышления".

Справедливо указывая, что человек познает окружающую его

тельность индивидуальными способами познания и чувствования, т.е. субъективным образом, Гумбольдт придает субъективной стороне главенствующее значение, полагая, что так как "восприятие и деятельность человека главным образом зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком". Таким образом, язык занимает промежуточное положение между человеком и воздействующей на него природой. Национальный характер языков состоит "в особенном способе соединения мысли со звуками". Постановка вопроса о способе связи словом и понятием составляет одну из главных заслуг Гумбольдта перед мировым языкознанием. И в наши дни эта проблема на. >цится в центре внимания лингвистов.

Выдвинув тезис о неразрывном единстве языка и мышления, Гумбольдт, однако, говорит о том, что "дух человека постоянно силится освободиться от уз языка: слова стесняют внутреннее чувство, которое всегда полнее их содержания, и часто угрожают подавить особенные оттенки своей природой, которая слишком материальна по звуку и слишком абстрактно обща по значению". Более того, он полагает, что язык, хотя и связан с духовным бытием человека, вместе с тем имеет и самостоятельную жизнь, причем он как бы господствует над человеком. С одной стороны, язык и мышление возникают одновременно, а с другой стороны, "потребность понятия и вслед затем выработка его всегда должны предшествовать которое есть выражение понятия уже на степени совершенной ясности". Хотя отдельные мысли Гумбольдта исключают одна другую, все же основным для него является положение о языке как тесной связи звука с мыслью.

Гумбольдт неоднократно подчеркивал, что слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета: оно даже не содержит в себе готового понятия, а только побуждает человека определенным способом создавать понятие. Каждый человек образует понятие об одном и том же предмете по-своему. Как же в таком случае достигается понимание? Люди понимают друг друга не потому, что заставляют друг друга воспроизводить одно и то же понятие, а потому, что "своими словами трогают один в другом одни и те же кольца цепи умственных представлений и произведений мысли, попадают в один и тот же лад умственного инструмента, вследствие чего и происходит в каждом соответствующее, но отнюдь не вполне одинаковое понятие". Например, под словом *лошадь* мы разумеем одно и то же животное, но каждый из нас соединяет с этим словом свое особое представление. Процесс понимания возможен все-таки потому, что способ соединения понятия со звуком является общим для определенного народа, устанавливается единая национальная форма, которой "умственная особенность одного народа отличается от подобной особенности всякого другого". Конечно, понимание достигается не единым для данного народа способом соединения понятия со звуком. Каждое понятие, отражая группу предметов объективного мира в их общих и существенных свойствах, уже включает момент отвлечения от индивидуальных свойств этих Таким образом, понятие отражает общее, которое, одинаково запечатлеваясь в сознании определенного коллектива, делает возможным взаимопонимание, процесс общения.

§17. УЧЕНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ЯЗЫКА. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

По вопросу о происхождении языка суждения В.Гумбольдта также противоречивы. Гумбольдт подчеркивает, что первоначальные истоки языка остаются для нас непостижимой тайной. В работе "О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития" он связывает вопрос о появлении языка с вопросом о происхождении человека: "Человек есть человек только благодаря языку; а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. <..> Поэтому язык невозможно представить себе как нечто заранее данное... Язык, безусловно, возникает из человека". Язык, по мнению Гумбольдта, невозможно придумать, поэтому его нельзя признать сознательным творением человеческого разума. Язык не есть обнаружение человеческого инстинкта, которое можно было бы объяснить физиологически. Язык не является также актом произвола или непосредственного самосознания. Вопрос о происхождении языка Гумбольдт связывает с практическими потребностями человека ("организм языка возникает из присущей человеку способности и потребности говорить; и его формирует весь народ"). Борьба за существование заставляла человека искать союза с другими людьми, требовала общения с помощью языка. Развивая эту мысль, Гумбольдт справедливо указывает, что "отдельное лицо всегда зависит от своего целого: от народа, от племени, к которому принадлежит народ, от целого человечества. Его жизнь, с какой стороны ни возьмем ее, связана с м". Поэтому он закономерно приходит к признанию социальной природы языка, подчеркивая, что "язык всегда развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понимают и другие". Социальный характер языка обусловил и его функции — назывную и коммуникативную: "Язык функционирует как средство обозначения предметов и как средство общения".

Материалистические взгляды Гумбольдта на происхождение языка составляют сильную сторону его мировоззрения. Однако методологической основой его теории была идеалистическая философия. Метафизическая идея абсолютного "духа народа" заставила ученого прийти к следующим выводам: "Язык не есть произведение деятельности, а невольное излияние духа, не дело народа, а дар, назначенный ему в удел его судьбою"; язык "происходит в человеке из глубины его индивидуальности, для него самого неисследимой, и из деятельности дарованных ему сил", что сводит на нет тезис о социальном характере языка.

Гумбольдт был непоследователен и в решении вопроса о соотношении социального и индивидуального в языке. Он отмечает в языке два противоположных качества: 1) каждый язык способен как бы делиться на бесконечное множество языков отдельных представителей одного и того же народа и 2) все множество языков является одним целым. Это свойство языка отражается на функционировании языка в обществе: "...язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время, в существе своем, он не зависит от отдельных лиц".

характер языка, включающего в себя и индивидуальность, и всеобщность, сказался и в его происхождении: язык возникает одновременно у отдельного человека и у всего народа. Возникнув, язык непрерывно развивается. Вслед за романтиками, подобно Я.Гримму, Гумбольдт выделяет два периода в развитии языка. На первом этапе идет очень деятельное звукотворчество. В эпоху образования форм "дух народа" больше занят самим языком, способом выражения, нежели тем, что выражается (формирование языка в этот период Гумбольдт сравнивает с образованием кристаллов в природе). Богатство и полнота форм языка компенсируют примитивное мышление. На втором этапе в развитии грамматической формы языка наступает застой. В этот период бурно развивается мышление, и именно в это время каждый язык приобретает свой колорит и характер. Признавая искусственность такого выделения периодов, Гумбольдт считает, что в истории человечества или определенного народа нет этапа, для которого было бы характерно одно строение языка.

Условия возникновения языка допускают такое разнообразие его структуры, что практически невозможно дать полную классификацию языков. Трудность создания такой классификации Гумбольдт усматривает в том, что не все языки еще изучены, т.е. состояние современного ему языкознания не давало возможности установить систему связей между разноструктурными языками. Тем не менее он признает, что между языками есть что-то, что их объединяет: "Так как природная способность говорить есть общий дар всему человечеству и каждый человек имеет в себе ключ к пониманию всех языков, то значит, что всех языков в сущности одинакова и во всех должна достигать общей цели языка".

В то же время главное и самое резкое различие между языками Гумбольдт видит в том, как, в какой мере тот или иной народ отражает в своем языке объективную реальность или субъективную деятельность. Национальное своеобразие языков сказывается в различном соединении вещественного материала и формирующего его духа. Языки не могут иметь одинакового строения, потому что носящие их народы различны, не одинаковы и условия их существования. Кроме того, у народов различна степень и форма синтеза между внутренней формой языка и .звуком. Поэтому, рассмотрев строй языков, Гумбольдт делит их в зависимости от формы на "совершенные" и "несовершенные". У всех народов, имеющих "несовершенные" языки, синтез внутренней формы языка и звука или слаб от природы, или подавляется и искажается вмешательством какого-либо обстоятельства. В высшей степени "совершенное" строение языка проявляется в полном соединении движения мысли и языка.

Синтез внутренней формы языка и звука с наибольшей полнотой отражается в грамматическом строении языков: в образовании предложения, в производстве слов посредством флексий и аффиксов. Поэтому в основу своей морфологической классификации Гумбольдт кладет структуру слова, ибо "слово есть полный, распустившийся цвет языка;, в слове язык дает оконченное произведение", а также грамматический метод образования предложения. В зависимости от особенностей строения слова и структуры предложения Гумбольдт подразделяет все языки мира на четыре типа

(или формы): флективные, изолирующие (аморфные), агглютинирующие и инкорпорирующие. Наиболее "совершенны", по его мнению, флективные языки, так как в их "строго-правильной" форме полнее всего проявляется синтез внешней и внутренней формы. Ближе всего к этому типу индоевропейские (санскритские, по терминологии Гумбольдта) языки: единство слова в них обеспечивается внешней и внутренней флексиями, тесным слиянием корня и суффиксов, ударением. Благодаря наличию флексий и четкой грамматической формы, в "правильных" языках легко вычленяется предложение. К языкам "строго-правильной" формы принадлежат и семитские языки, в которых имеется чистейшая флексия. Языки "строго-правильной" формы Гумбольдт противопоставлял языкам "несовершенным". Таковыми он объявлял языки агглютинирующие (тюркские, финские), инкорпорирующие (палеоазиатские, языки американских индейцев) и изолирующие (китайский). Самым "несовершенным" назван китайский язык, ибо в нем не выражены формальные отношения.

Поскольку языки могут быть "совершенными" и "несовершенными", а язык признается показателем умственного развития народа, то Гумбольдт закономерно приходит к выводу, что бли- жайшим образом доказывает... меньшую степень силы, направленной на язык, не решая вопроса о других **умственных** преимуществах говорящего им народа". Правда, он тут же добавляет, что "каждый язык обладает гибкостью, которая позволяет ему все воспринимать в себя и всему давать из себя выражение", что такое "осуждение" языков он почел бы унизительным для человечества в его самых "человеческих способностях".

§18. АНТИНОМИИ ЯЗЫКА

Противоречивые свойства языка В.Гумбольдт пытался сформулировать в виде в существовании которых он видел диалектику языка. В работе "О сравнительном изучении языков..." Гумбольдт писал, что "сущность языка беспрерывно повторяется и концентрически проявляется в нем самом; уже в простом предложении, основанном на грамматической форме, видно ее завершенное единство, и поскольку соединение простейших понятий побуждает к действию всю совокупность категорий мышления, где положительное есть отрицательное, часть — целое, единичное - множественность, следствие причина, деятельность возможность, относительное - абсолютное, измерение в пространстве - определение во времени, где одно ощущение находит себе отклик в другом, то как только достигается ясность и определенность выражения простейшего соединения мысли, в изобилии слов оказывается представленным язык как целое". От признания этих диалектических противоречий он переходит к раскрытию внутренней сущности языка, показывая, что язык как целое состоит из друг другу понятий и что именно эта противоречивость и определяет характер языка.

Антиномия языка и мышления. С одной стороны, язык есть орган, образующий мысль. Без языка невозможно образование понятий; понятие не может отрешиться от слова; есть индивидуальная физиономия по-

нятия; слово является единством звука и понятия; между словами и понятиями должно быть соответствие - этими и многими другими положениями Гумбольдт подчеркивает мысль о неразрывном единстве языка и мышления. С другой стороны, "дух" человека постоянно стремится освободиться от уз языка, ибо слова стесняют внутреннее чувство. И это лишь обогащает язык средствами выражения. "Из взаимообусловленной зависимости мысли и слова становится очевидным, что языки являются не только средством выражения уже познанной действительности, но, более того, и средством познания ранее неизвестной".

Антиномия произвольности знака и мотивированности элементов языка. Слова - знаки отдельных понятий, слово облекается в звуковую форму. Звуки и понятия по природе своей различны: звук служит для человека представителем предмета; понятие является выражением нашего взгляда на предмет, формирование понятий представляет собой внутренний процесс. По мнению Гумбольдта, нет связей между звуковым выражением и понятием: "И в этом случае слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, а пониманием его, закрепляемым в языке с помощью найденного для него слова". Что же касается мотивированности элементов языка, то тут есть определенная система, проявляющаяся в том, что "общие отношения отдельных предметов, подлежащих обозначению, и грамматические формы слова основываются большей частью на общих формах воззрения и логической упорядоченности понятий", т.е. обусловливаются внутренними закономерностями языка, всей его структурой.

Антиномия объективного и **субъективного в языке.** "Являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык, наоборот, по отношению к человеку объективен" — этого противоречия нельзя и не должно избегать, утверждал Гумбольдт, ибо "язык мне принадлежит, потому что я воспроизвожу его моею собственною деятельностью; но так как я воспроизвожу его так, а не иначе потому, что так говорят и говорили все поколения, передававшие его друг другу до настоящего времени, то меня, очевидно, ограничивает самый язык. Но то, чем он ограничивает меня, давая известное направление моей деятельности, происходит в нем от общечеловеческой природы, которая принадлежит мне наравне со всеми, и потому чуждое мне в языке кажется мне таким только в известный момент моего индивидуаль- существования, а не по основному и истинному существу моей природы". Эта антиномия необходима, так как язык, переходя от всего ограниченного, индивидуального к всеобъемлющему бытию, становится великим средством преобразования субъективного в объективное.

Антиномия языка как деятельности и как продукта деятельности. "Язык нельзя представлять раз навсегда готовым материалом, который можно перечесть во всем его количестве и весь усвоить себе мало-помалу: его надобно представлять вечно возрождающимся по определенным законам". Но своей сущнссти язык есть нечто постоянное и вместе в тем в каждый данный момент преходящее; язык есть деятельность. А потому его определение может быть только генетическим. Таким образом, Гумбольдт верно считал основой существования языка его постоянное развитие.

Антиномия устойчивости и движения в языке. Язык вечно изменяется и в то ,же время необыкновенно устойчив. Из этого следует, что в любой

данный момент язык есть нечто постоянное и вместе с тем преходящее. Каждый индивидуум вносит свои изменения в язык, но в то же время он воспринимает язык таким, каким он нам дан предшествующими поколениями.

Антиномия целого и единичного в языке. Высказывая мысль о господстве языка над человеком, Гумбольдт подчеркивает, что язык принадлежит одновременно и отдельному человеку, и всему коллективу. С этой антиномией связано другое положение Гумбольдта: "...хотя действительную жизнь [язык. - *Ф.Б.]* получает только в употреблении между людьми, но в то же время, в существе своем, он не зависит от отдельных лиц". И в то же время Гумбольдт утверждает, что всякий язык раскрывается во всей полноте своей особенности только в живом употреблении, в речи говорящего лица. Важно, что в то время, когда ученые увлекались познанием мертвых, классических языков, Гумбольдт обратил внимание на необходимость изучения живого, народного

Антиномия индивидуального и коллективного в языке. "...Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу", но "языки можно считать творением ив то же время они остаются творением ли ц". Язык выражает мировоззрение отдельного человека; но человек всегда зависит от да, к которому он принадлежит. Чувство коллективизма, стремление к общению даны человеку вместе с ощущением своей индивидуальности. Язык как деятельность предполагает говорящего и слушающего, он возникает из одновременной деятельности людей.

Антиномия языка и речи. "Язык, как масса всего произведенного живою речью, не одно и то же, что самая речь эта в устах народа", т.е. язык как целое отличается от отдельных актов речевой деятельности.

Антиномия понимания и непонимания. Окончательную определенность слова получают только в речи отдельного лица. Но особенность общения состоит в том, что говорящий и слушающий воспринимают один и тот же предмет с разных сторон и вкладывают различное, индивидуальное содержание в одно и то же слово. Отсюда следует, что "никто не принимает слов совершенно в одном и том же смысле, и мелкие оттенки значений переливаются по всему пространству языка, как круги на воде при падении камня. Поэтому взаимное разумение между разговаривающими в то же время есть и недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах в то же время и разногласие".

Таковы взгляды Гумбольдта на общие проблемы языка. Под влиянием трансцендентального идеализма Шеллинга он пытается разрешить антиномии не признанием диалектики языка, а обращением к мистической категории "тождества человеческой природы во всех людях".

§ 19. КРИТИКА УЧЕНИЯ В.ГУМБОЛЬДТА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ И А.А. ПОТЕБНЕЙ

Широкий круг проблем, разрабатывавшихся В.Гумбольдтом, противоречивость его высказываний, глубокое понимание механизма функционирования языка и упрощенное толкование соотношения языка и сознания, его попытки создать теорию языка — все это привлекало к учению Гум-

больдта внимание русских ученых: Н.Г. Чернышевского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де **Куртенэ** и др.

Чернышевский в работе "О классификации людей по языку" подробно разбирает предложенную **Гумбольдтом** морфологическую классификацию языков. Вскрыв порочность методологической основы построений Гумбольдта, основанных на "фантастических мудрствованиях" Канта, Фихте и Шеллинга, Чернышевский обратил внимание на возможность расистских выводов из отождествления языка и мышления, на недопустимость утверждения зависимости умственной полноценности народа от строя языка. С сарказмом писал он и об искусственно созданной "рассортировке языков й умственных способностей народов по порядку восхождения от плохого к **лучшему"**[55]. Псевдонаучные измышления о превосходстве индоевропейских народов, говорящих на флективных языках, Чернышевский определял как "беспрепятственное шествие торжествующего мышления флектирующих ученых от произвольных предположений путем силлогизмов к желаемому выводу", как средневековую схоластику, "с которой и действительно имеет очень близкое родство немецкая трансцендентальная философия".

Морфологическую классификацию Гумбольдта Чернышевский считал антинаучной. "Не следует придавать чрезмерной важности элементу бестолковщины, вносимому флектированием в устройство немецкого, английского и французского языков, — писал он. - Не в том главное дело, каковы формы языка, а в том, каково умственное состояние народа, говорящего языком". Чернышевский выступал также против того, что язык ограничивает развитие мышления, абстрагирующую способность мыслительной деятельности человека. Язык, по его мнению, способен выразить любую мысль, и любая мысль может быть выражена языком. И поэтому, "кто не хочет изобретать или повторять вздора о характере языков, должен ограничивать свои суждения об их достоинствах или недостатках высказыванием справедливой мысли, что гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высского развития".

Но вместе с тем Чернышевский высоко ценил Гумбольдта. У него даже возникает мысль написать диссертацию "О заслугах Гумбольдта для сравнительного языкознания". Чернышевский отмечал такие положительные стороны его лингвистических работ, как понимание языка как вечно изменяющегося, исторического явления, диалектика рассуждений и т.д. "Главным предметом своих исследований, — писал Чернышевский, — Вильгельм Гумбольдт выбрал языки. Он изучил огромное количество их и сделал открытия, бывшие в его время изумительными. Например, он нашел, что язык иберийцев, не дошло до нас почти ничего, кроме собственных имен, искаженных передающими их греческими и римскими писателями, и который поэтому оставался совершенно загадочным для филологов, был тот самый, которым теперь говорят баски; и при помощи баскского языка объяснил множество древних испанских собственных имен. Теперь этот способ исследования старых языков, от которых дошло до нас мало остатков, сделался общеупотребительным; но в то **время...** метод, приложенный Вильгельмом Гумбольдтом к иберийскому языку,

был очень нов, и была нужна большая проницательность ума, чтобы пользоваться им правильно. Вообще следует считать Вильгельма Гумбольдта человеком не только громадных знаний, но и очень сильного ума".

В своей книге "Мысль и язык" выдающийся русский и украинский языковед Потебня посвятил великому немецкому ученому целую главу. Критикуя метафизические взгляды Гумбольдта, Потебня высоко ценил его как гениального провозвестника новой теории языка. По поводу антиномий Гумбольдта Потебня писал: "Крайне ошибочно было бы сравнивать знаменитые антиномии Гумбольдта с невольными и бессознательными логическими ошибками вроде тех, какие мы видим у Беккера
немецкий лингвист, автор книги "Организм языка". - *Ф.Б.]* . Разница между Гумбольдтом и Беккером та, что первый — великий мыслитель, который постоянно чувствует, что могучие порывы его мысли бессильны перед трудностью задачи, и постоянно останавливается перед неизвестным, а второй в нескольких мелких фразах видит ключ ко всем тайнам жизни и языка; первый, заблуждаясь, указывает новые пути науке, а второй только на себе доказывает негодность **старых"[5]*".** Потебня считает, что антиномии Гумбольдта следует воспринимать "не как решения занимающего нас вопроса, а как указания на те препятствия, без устранения коих невозможно само решение". Утверждение Гумбольдта о тождестве языка и "духа народа" является, по мнению Потебни, "следствием каких-нибудь недоразумений". Критикуя метафизическую точку зрения Гумбольдта, Потебня соглашается, что дух без языка невозможен, но придает слову "дух" иное толкование: "Принявши... дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка и язык в нем есть первое по времени событие".

Особое внимание Потебни привлекла идея Гумбольдта о том, что язык есть деятельность. Эта мысль помогла Потебне понять сущность языка как динамического процесса совершенствования языковых форм. В творчестве Потебни получило самостоятельное развитие и другое известное положение Гумбольдта — тезис о том, что взаимное понимание есть одновременно и взаимное непонимание. Потебня замечает, что здесь следует говорить не о непонимании как обязательном отклонении от мыслей, идущих от сообщающего, а о понимании по-своему как творческой работе воспринимающего.

ГЛАВА5

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В РОССИИ В 30-60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Для этого периода истории русского языкознания характерна постановка крупных теоретических проблем, в частности критика положений логической грамматики (вместо отождествления логики и грамматики на первый план выдвигается их связь). В работах крупных русских языковедов

И.И. Срезневского. Ф.И. Буслаева, В.И. Дали, в трудах революционеров-демократов В.Г. Белинского. Н.А.Добролюбова, Н.Г. Чернышевского утверждаются принципы сравнительно-историческою метода, выдвигаются грамматические концепции, которые оказали большое влияние на становление теоретических основ русского языкознания. Внимание русских языковедов привлекают все аспекты языка морфология, синтаксис, семантика, лексикография.

§ 20. СРАВНИТ! ЛЬНО-ИСТОРИЧЬСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ И.И. СРГЛП ВСКОГО

Выпускник Харьковского университета И.И.Срезневский (1812-1880) первые годы своей научной деятельности посвятил изучению украинского народного творчества. Затем Срезневский был командирован в Берлин, где под руководством Ф.Боппа занимался санскритом. В 1847 г. он получает кафедру в Петербургском университете, а вскоре становится академиком. В Петербургском университете Срезневский воспитал целую плеяду талантливейших языковедов, педагогов и деятелей культуры: у него учились Н.Г. Чернышевский, **Н.А.** Добролюбов, Д.И. Писарев. Именно в университете заинтересовался Чернышевский вопросами филологии, **славяно**-русского языкознания. Хотя широкая общественная деятельность отвлекла его от занятий филологией, тем не менее в дальнейшем Чернышевский не раз обращался к вопросам взаимоотношения языка и мышления, классификации языков, сравнительно-исторического языкознания, стилистики и **г** д.

В 1849 г. на годичном торжественном собрании Петербургского университета Срезневский выступил с речью, посвященной истории русского языка в сравнительно-историческом освещении. Эта речь была напечатана под названием "Мысли об истории русского языка". Прежде чем говорить о связи истории языка с историей народа, нужно, замечает Срезневский, дать ответ на два вопроса: был язык народа в то время, когда народ, как часть племени, отделился сначала вместе со всем племенем своим от семьи племен, и потом, когда как отдельный народ отделился от других народов своего племени?" и "Как постепенно изменялся язык в де?"[57] Ответ на эти вопросы можно дать только привлекая данные родственных языков, ибо "языка племени нельзя объяснить исторически без знания языка семьи племен, из которого он произошел".

Но до сравнения русского языка с другими родственными "славянскими наречиями" необходимо, как полагает Срезневский, изучить лексику и грамматику каждого древнего памятника языка, описать каждое наречие и каждый местный говор русского языка, научно описать в грамматическом, лексическом и стилистическом отношениях современный русский литературный язык и язык отдельных писателей. В записи Чернышевского до нас дошел курс лекций по истории русского языка, читанный Срезневским в 1849-1850 гг. В нем содержится одно из важных положений сравнительно-исторической грамматики: для определения степени расхождения родственных языков, а также исторического изменения языка нужно сравнить между собой древние состояния нескольких я а затем сопоставить

эти же языки на уровне их современного развития. Эти мысли Срезневского позднее блестяще развил В.А. Богородицкий (см. § 55).

В работе Срезневского ставится вопрос о внешних и внутренних обстоятельствах, которые, воздействуя на язык, изменяют его. обстоятельства включают в себя "связи народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами". Внутренние обстоятельства — это действующие в языке противоречия, выяснение того, какие грамматические формы в языке надобны, а без каких можно обойтись, какие явления языка являются случайными, а "какие свиваются как волокна в одну нить". В процессе развития в языке образуются различные слои, "разновременно образованные, древние и новые". Все это обусловливает постепенное превращение языка, т.е. его строя и характера. Срезневский затрагивает также проблему **я з ы к о в ы х к о н-** "Сроднение народа с народом может привести их языки к полному, совершенному превращению. Из двух или нескольких языков может образоваться новый язык, по формам своим и похожий и не похожий на те, из которых он произошел".

Широкие методологические требования Срезневского к сравнительно-историческому изучению русского языка были откровением для ученых того времени, "Мысли об истории русского языка" воспринимались как программа дальнейшего исторического изучения русского языка. Срезневский первым сказал о необходимости исторического изучения языка в связи с историей народа, им впервые был поднят вопрос о древности диалектов русского языка и времени их образования; он начал собирать материалы для составления истории русского языка, для изучения народных говоров и современного языка. Позднее эту программу успешно реализовали известные русские и советские языковеды Ф.И. Буслаео,. *Л.* 'Шахматов, Б.М. Ляпунов (см. § 47), СП. Обнорский, Ф.П Филин (см. § *9->)* и др.

§ 21. ОБЩЕЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Ф.И. БУСЛАЕВА

Ф.И. Буслаев родился в бедной семье уездного стряпчего. В пензенской гимназии основы грамматики Буслаеву преподавал Белинский. В университете Буслаев впервые знакомится с исследованиями немецкого языковеда Я.Гримма, которые оказали большое влияние на молодого лингвиста, и с сочинениями В.Гумбольдта. В культурно-исторической теории Гримма Буслаев видел возможность проникнуть в далекое прошлое народа и найти в языке отражение его культуры, быта и верований. С 1847 г. Буслаев читает лекции в Московском университете/Он впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка. В годы Буслаев пишет свои основные труды: "О преподавании отечественного языка" (1844), "О влиянии христианства на славянский язык" (1844), "Опыт исторической грамматики русского языка" (1858), а также ряд рецензий на работы русских языковедов. В 1860 г. Буслаев становится академиком и с этого времени занимается главным образом древнерусской литературой, фольклором, изучением миниатюр на старинных книгах.

Лингвистические взгляды Буслаева выражены в его работах "О препо-

давании отечественного языка" и "Опыт исторической грамматики русского языка". Буслаев понимал язык как непрерывный творческий **процесс:** "Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов"[58]. Под влиянием идей Гримма он считал, что "язык есть выражение не только народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность. <... > Все, что развивается в языке органически само из себя, есть выражение народного ума и быта". В языке выражается вся жизнь народа — вот основной тезис, который проходит через все творчество Буслаева.

В "Синтаксисе" — второй части "Опыта исторической грамматики русского языка" — Буслаев, рассматривая проблемы взаимоотношения языка и мышления, трактует их в большинстве случаев в духе философской грамматики. Он справедливо указывает на сложность отношений между языком и мышлением, которая объясняется тем, что, хотя язык служит выражением деятельности нашего мышления, мысль развивается независимо от форм языка. Признавая связь языка и мышления и в то же время отрывая мышление от языка, Буслаев допускает параллелизм между языком и мышлением. Функция языка, по его мнению, — выражать мысль словами. Он отвергает всякое качественное различие между языком и мышлением. Хотя Буслаев и предупреждает об опасности смешения логики и грамматики, сам он не избежал подобной ошибки; например, предложение он определяет как выраженное словами суждение.

Следуя широко распространенным построениям истории языка, Буслаев, говоря об отношении языка к мышлению, отмечал два периода языковой истории - древнейший и новейший. В **древнейшем** периоде "выражение мысли наиболее **подчиняется** живости впечатления и свойствам разговорной речи"[59], отмечается сознательность в употреблении грамматических форм. В новейшем периоде языковое творчество уже завершается и сам язык оказывается организмом умирающим; "в новейшем периоде... словам, означавшим первоначально живые впечатления и отношения между лицами в разговоре, дается смысл общих отвлеченных понятий". Если в древнейший период важнейшей частью грамматики **была** морфология, то в новейшем господствует синтаксис. Свои романтические представления о двух периодах в жизни языка Буслаев переносит и на русский язык, история которого, по его мнению, состоит в непрестанном разрушении первоначальных, основных и существенных, форм языка. Древний период, для которого характерны свежесть выражения, живость, одушевление, Буслаев считает самым интересным в истории языка и самым полезным в научном и практическом отношениях. Эту идеализацию старины едко высмеивал Н.Г. Чернышевский в статье "Полемические красоты" отмечая, что пристрастие к отжившему и нелепому у Буслаева берет верх над современными научными убеждениями.

Вместе с тем некоторые положения учения не потеряли значения и до настоящего времени. Так, он утверждал системный характер языка: "...все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою оче-

дает смысл и значение каждому из этих членов". Понимая язык как совокупность грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава, Буслаев представляет себе языковую систему как сочетание разновременных явлений. И с этой точки зрения "история языка стоит в теснейшей связи с современным его состоянием, ибо восстанавливает и объясняет то, что теперь употребляется бессознательно"[60]. Теорию одновременного существования в языке старого и нового в дальнейшем поддержат АА. Потебня (см. **гл.** 6) и ИА. **Бодуэнде Куртенэ** (см. гл. 10).

§ 22. ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ **Ф.И.** БУСЛАЕВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Касаясь проблем исторического изучения русского языка, Ф.И. Буслаев отмечает, что сравнительное и историческое изучение языков должны быть тесно связаны: "...только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую **форму"*'!** _ Свои мысли о целях и задачах сравнительно-исторического изучения языков Буслаев излагает в небольшой рецензии на **"Мысли** об истории русского языка" И.И. Срезневского. Он указывает, что русский язык как одно из славянских наречий принадлежит к "обширнейшему и совершеннейшему организму" индоевропейских языков. Каждый член этого семейства в процессе исторического развития многое терял из своих первоначальных свойств, но многое и сохранял. Сравнительная грамматика должна воссоздать далекую доисторическую жизнь различных индоевропейских языков, что позволит реконструировать организм праязыка. Буслаев был убежден, что русский язык как живое целое может быть понят только в связи с прочими индоевропейскими **языками.**

В своих работах Буслаев постоянно сравнивает материал русского языка с данными немецкого и готского языков, санскрита, латыни. Сопоставляя русский язык с санскритом, который в то время считался основой всех индоевропейских языков, от отмечает, что в русском языке можно найти формы более древние, чем санскритские. Как на одно из важных условий применения сравнительно-исторического метода Буслаев указывает на строгие фонетические соответствия в родственных языках и на характер отношений между сравниваемыми языками.

Буслаев говорит о необходимости ввести в изучение истории русского языка сравнительную грамматику: "...сравнительная часть истории русского языка должна решить, во-первых, чем отделился язык русский от прочих славянских наречий — именно, какие удержал древнейшие свойства, общие всем славянским наречиям, и какие изменил или и вовсе утратил; во-вторых, чем отделился славянский язык вообще от прочих языков индоевропейских, какие свойства, общие им всем, удержал и какие изменил либо утратил"[62]. По его мнению, только сравнительная грамматика позволит воссоздать всем индоевропейским языкам форму и позволит проследить постепенное падение и видоизменение этой формы в русском языке. Важность этих замечаний о целях и задачах сравнительно-исторического языкознания станет более очевидной, если вспомнить, что до Буслаева

компаративисты, обращая преимущественное внимание на сравнение языков, ничего не говорили об историческом развитии языка. Между тем изучение истории языка поможет понять законы.

Буслаев отмечал и практическое приложение истории языка, знание которой позволит более осмысленно употреблять слова и формы современного языка. Как преподаватель русского языка, он знал, что цель практической грамматики - научить учащегося правильно говорить и писать; историческая же грамматика помогает понять смысл каждого слова, каждой грамматической формы. Буслаев писал: "Чтобы отчетливо объяснить себе грамматические формы современного русского языка, необходимо исторически рассматривать их первоначальный вид и позднейшие изменения, подводя и то и другое под общие законы".

Историческое изучение русского языка не должно ограничиваться только книжной речью. Поскольку господствующее наречие испытывало влияние областных, то Буслаев говорит о необходимости исследования "провинциализмов". История областных наречий, по его мнению, как и история языка, связана с историей народа. Диалекты служат источником пополнения литературного языка, и изучение их помогает понять функционирование русского языка на всей территории России. История языка важна для изучения народных преданий, обычаев, верований.

Следует указать на односторонность исторических взглядов Буслаева. История языка, по его мнению, связана только с прошлым народа, когда слово воспринималось в своем существенном значении. В дальнейшем слово теряет первоначальное значение, начинает употребляться бессознательно. Буслаев считает, что "между фактами из истории языка и из истории народа постоянною преградой оказывается бессознательное, равнодушное употребление языка как пустого знака для выражения Буслаев сделал для языкознания очень много - он создал историческую грамматику русского языка. Теоретическое обоснование собранного им богатого материала было очень важно для дальнейших исследований.

§ 23. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ДАЛЯ

В истории русского языкознания исключительное место занимает лексикографическая деятельность В.И. Даля (1801-1872). Даль был человеком Необычной судьбы и разнообразных дарований. Кончив морской корпус, Даль служил морским офицером. Затем он поступает в Дерптский университет. Знаменитый русский хирург Н.И. Пирогов считал Даля, с которым вместе учился, очень талантливым хирургом, окулистом. Врач Даль находился у смертного ложа А.С. Пушкина. Затем Даль - чиновник особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе; в это время им написаны первые учебники для русской школы - по ботанике и зоологии. За многочисленные разносторонние исследования Даль был избран в 1838 г. членом-корреспондентом Академии наук по отделению физических наук.

Даль не лишен был и литературного таланта. Большой успех имели "Русские сказки", изданные под псевдонимом Казак Луганский. Его рассказы, печатавшиеся в "Современнике", "Отечественных записках", "Москвитянине", рисовали русскую действительность 30-50-х годов прошлого

века; некоторые из них имели антикрепостническую направленность; высоко ценил Даля-писателя В.Г. Белинский. Но особую известность принесли Далю его "Толковый словарь живого великорусского языка" (1863-1866) и ряд статей по вопросам теории и практики русской речи сло¬ во", "О русском словаре", "О наречиях русского языка" и др.). За составление словаря, над которым Даль работал около 50 лет, в 1863 г. он был удостоен звания почетного академика.

Словарь Даля содержит около 200000 слов русского языка и более **30000** пословиц и поговорок. Для сравнения следует указать, что полный академический "Словарь церковнославянского и русского языка" (1847) включал около 115 000 слов. Цель работы Даля - борьба за исконно рус¬ ский живой язык, который в жизни общества должен занять важное место. Даль четко обозначил состав своего словаря: "Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь захожие, с переводом; объяснение и написание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных равносильных и противоположных, с од- (тожде) словами и выражениями окольными; с показанием различ¬ ных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры, с показанием условных оборотов речи, значение видов управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр."[64]. "Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный", — указывал Даль в "Напутном слове". И в словаре он блестяще разрешил задачу объ¬ единения литературного и народного языков.

Особо ценным материалом в словаре Даля является огромное количе¬ ство слов, связанных с ремеслами, промыслами, народной медициной, естествознанием, т.е. слов, которые до этого не включались в словари. Например, при слове *масть* перечислено до 50 названий конских мастей, при слове *гриб* — десятки видов грибов, при словах *мачта* и *парус* даны не только названия их различных видов, но и объяснено назначение.

Даль использовал оригинальный способ построения словаря. Существо¬ вали два способа — алфавитный (азбучный), по мнению Даля, крайне тупой и сухой, и корнесловный, при котором группы слов, возводимых к обще¬ му корню, объединяются в гнездо во главе с самим корнем. Даль выбрал средний путь: слова одного и того же корня ("сродственные") группиру¬ ются по семьям, или а во главе такой группы "одногнездков" ставится глагол или имя. Но, не будучи лингвистом-теоретиком, Даль иног¬ да объединял в одно гнездо явно несоединимые слова, например: *простой* и *простор,* к слову *акт* отнесены *актер, акциденция,* акциз и *акция.*

Даль выработал свои **приемы** толкования слов. Отрицательно относясь к толкованию значения с помощью развернутых определений, он считает бо¬ лее целесообразным объяснять слово, подбирая к нему большое количество синонимов и слов, более или менее сходных по значению. Но и здесь иногда произвольно сближает слова, не совпадающие по значению (напри¬ мер, *бобыль* толкуется с помощью слова *пролетарий).* Несмотря на все не¬ достатки, "Толковый словарь живого великорусского языка" Даля явля¬ ется сокровищницей живой русской речи середины XIX в. Естественно,

что с точки зрения современного русского литературного языка он содержит много устаревшего материала.

Высокую оценку словарю Даля дал В.И. Ленин. В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что Владимир Ильич постоянно изучал словарь Даля, интересовался пословицами и поговорками, которые там были приведены, читал словарь как увлекательную книгу и высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и других образных выражений русского языка[65]. Высоко оценивая словарь, В.И. Ленин отмечал как недостаток его "областнический" характер, т.е. включение в словарь слов территориальных говоров, профессионализмов, жаргонизмов. В письме А.В. Луначарскому от 18 января 1920 г. В.И. Ленин писал: "Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классикиают* Пушкина до **Горького"**[66]. Эта задача была решена советскими языковедами: в 1940 г. было закончено составление "Толкового словаря русского языка"; за создание 17-томного академического "Словаря современного русского литературного языка" (1950—1965) большая группа ученых была удостоена Ленинской премии; издан четырехтомный "Словарь языка Пушкина" (1956).

§ 24. РУССКИЕ РЕШЛЮ11ИОНЕРЫ1-ДЕМОКРАТЪ1 О ПРОБЛЕМАХ ЯЗЫКА

В.Г. Белинский наряду с литературной критикой занимался и вопросами лингвистики. Свои взгляды на проблемы языкознания Белинский высказал в ряде рецензий на грамматики и словари, в литературно-критических статьях и, наконец, в специальной грамматической работе "Основания русской грамматики для первоначального обучения" (1837), в которой заметно влияние логической грамматики. Белинский исходит из того положения, что "так как **слово** [т.е. язык. — *Ф.Б.]* вообще тесно связано с мыслию, то и грамматика находится в тесных отношениях с логикой и должна быть основана на ней"[67]. Отождествление слова с понятием проходит через всю работу. Язык ("слово") для Белинского есть "покров, одежда, форма, выражение мысли, а мысль есть смысл, разум, значение слова", отсюда и слова выступают как "условные знаки понятий, выражаемых посредством различных сочетаний звуков голоса".

Повторение широко распространенных положений схем логической грамматики не составляет сильной стороны лингвистической концепции Белинского. Более оригинальна материалистическая трактовка связи языка и мышления. Решая основной вопрос философии с позиций материализма, Белинский считал, что духовную природу человека нельзя отделять от материальной, физической. Объективную действительность он принимает за первичное, а сознание человека рассматривает как продукт деятельности телесных органов и отражение внешнего мира. Таким образом, деятельность ума не является чем-то нематериальным, а имеет под собой физическую основу. Происхождение языка "современно рождению мысли, т.е. человек стал говорить в то же самое время, как начал мыслить" (интересно

сопоставить это высказывание с известным положением: "Язык так же древен, как и сознание"[68]). Далее Белинский приходит к чрезвычайно важному выводу о том, что язык развивается и совершенствуется с мышлением.

Белинский придерживался междометной теории происхождения языка, полагая, что "первобытные языки начались с или этих восклицательных слов, которые неопределенно выражают разные душевные движения". Что касается структуры первобытного языка, то он состоял из одних коренных

Далекий от понимания социальной природы языка, Белинский справедливо утверждал, что "создатель и властелин языка - народ, общество: что принято им, то безусловно **хорошо**"[69]. Язык развивается по свойственным ему законам, а филологи только эти законы и приводят их в систему. В изложении частных вопросов русской грамматики Белинский следует традициям М.В. Ломоносова и А.Х. Востокова. В истории **русскс** з языкознания лингвистическая деятельность Белинского занимает почетное место. Для своего времени его труд "Основания русской грамматики.,." был выдающимся явлением в филологии. Так, некоторые положения теории Ф.И. Буслаева почти дословно повторяют формулировки Белинского. Например, Буслаев определяет предложение как суждение, выраженное словами, а у Белинского мы находим: "...суждение, выраженное словами, называется предложение м".

8 идейно-философской борьбе 50-60-х годов материалистические позиции революционной демократии отстаивал **и** НА Добролюбов **(1836-1861).** Лингвистическое образование он получил под руководством И.И. Срезневского на **историко-филологическом** факультете Петербургского педагогического института. Добролюбов хорошо знал древнерусские письменные памятники, древние (санскрит, древнегреческий, латынь) и новые (немецкий, французский, английский) языки. Добролюбов не оставил значительных лингвистических сочинений (кроме кандидатской работы "О древнеславянском переводе хроники Георгия взгляды на вопросы языка изложены в различных рецензиях на словари, учебники, сборники пословиц и поговорок. В своих рецензиях Добролюбов язвительно критикует тех языковедов и историков, которые бесцеремонно обращаются со звуковыми закономерностями и игнорируют фонетические законы языка.

В **философско-социологических** интересах Добролюбова большое место занимала проблема личности и народных **масс.** Историю общества он понимал как историю жизни народа и его борьбы за освобождение, язык рассматривал как народное достояние, развитие которого "тесно связано с развитием **народа''.** Рассуждения ученых о двух периодах в истории языка Добролюбов считал неверными. Подлинную историю» например, русского языка можно, по мнению, создать лишь при тщательном этнографическом и филологическом обследовании всех уголков нашей родины, на основе разбора образцов русской народной словесности. Пословицы и поговорки, считал Добролюбов, -это правила народной мудрости. В статье "Замечания о слоге и мерности народного языка" он так характеризует народный "В простом язык отличается своею простотою и непринужденностью, в противоположность книжной искусственности. В словосочинении и осо-

бенно в словорасположении здесь гораздо более свободы, нет **того** старания стиснуть речь в связный период, как было в книжной литературе. <...> В построении речи замечаем более естественности и ясности"[70]. Как видим, Добролюбов различает народный язык и язык литературный.

В небольшой заметке "О необходимости построить науку о слоге на грамматических основаниях" Добролюбов указывает на необходимость выделить стилистику как самостоятельную науку. этому поводу он пишет; "...уменье правильно согласовать слова и употреблять так называемые грамматические фигуры еще не составляет слога, а равно, что **язык** и слог суть вещи совершенно различные"[71].

Добролюбов высказал также ряд положений, важных для **теории перевода.** Переводчик должен не только хорошо знать языки — родной и на который переводит, — но и знать нравы и быт того народа, на язык или с языка которого он переводит. Близость к оригиналу Добролюбов отнюдь не понимает как дословный перевод, но переводчик не должен допускать ни одного неправильного оборота, ни одного неточного выражения для верной передачи мысли подлинника.

Особое место в русском языкознании 60-х годов в. занимает деятельность великого русского революционера-демократа Н.Г. Чернышевского **(1828-1889),** который, по словам В.И. Ленина, "сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников"[72]. Высказывания Чернышевского по вопросам языка проникнуты непримиримостью к идеализму. С позиций **материалистической** теории он отвергал антинаучные взгляды В.Гумбольдта, отождествление им языка и мышления, критиковал мифологическую школу Я.Гримма, положения тех языковедов, которые отрицали историческое развитие языка. Проблемы взаимосвязи языка и общества, языка и мышления, классификации языков по разным морфологическим признакам, вопросы происхождения языка, исторического развития получили в трудах Чернышевского глубокое теоретическое осмысление. В работах "О **расах",** "О классификации людей по языку", "О различиях между народами по национальному характеру", "Национальная бестактность", "Народная бестолковость", "Полемические красоты", "Антропологический принцип в философии" и др. он ставил и с позиций материализма решал многие проблемы языкознания. Ленинская характеристика трудов Чернышевского ("От его сочинений веет духом классовой **борьбы"'^)** с полным правом может быть **приложим** J к его работам по языкознанию.

Рассматривая вопрос о характере связи языка и мышления, Чернышевскик критиковал тех ученых (особенно Гумбольдта), которые отождествляли язык и мышление, а на основе особенностей языковой структуры делали заключение о типе мышления. Язык способен выразить любую мысль, и любая мысль способна выразиться в языке. Поэтому нельзя степень умственного развития народа определять по грамматическому строю его языка. Много внимания Чернышевский уделял вопросу о соотношении слова и понятия в процессе формирования понятия. Он полагал, что допустимы случаи, когда отвлеченное понятие не может найти для своего выражения слова, а существовавшее ранее конкретное понятие оформлялось словом с

смыслом. Следовательно, появление абстрактного смысла в словах связано с абстрагирующей работой мышления, находящегося в тесной связи с производственной практикой человека "Мышление, - указывал Чернышевский, - состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые способствуют потребности мыслящего организма в данную минуту в выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы дойти до известного результата. В этом состоит не только мышление о житейских предметах, но и так называемое отвлеченное мышление"[74].

Чернышевский высоко ценил сравнительно-исторические исследования, ибо основательное знание "дается только сравнительно-историческою филологиею при помощи философской грамматики"^[5]. Он выдвигает свои принципы сравнительно-исторического изучения языков, считая, что для установления родства языков необходимо опираться на устойчивые части, ибо наибольшее изменение корней означает наибольшее удаление одного языка от другого. При установлении фонетических соответствий нельзя ограничиваться анализом отдельных звуков, а необходимо принимать во внимание всю систему фонетики сравниваемых языков. Только отчетливое представление о языковых явлениях в области грамматики и фонетики поможет изучить законы языка, без знания которых невозможны сравнительно-исторические исследования. По существу, Чернышевский впервые с позиций материализма сформулировал принцип сравнительно-исторического изучения языков.

Что **кас?зтся** лексики, то Чернышевский считал, что брать слова для сравнения нужно из р е ч и, а не из словарей. Он выступал против произвольных лексических сопоставлений, призывая лингвистов внимательно относиться к происхождению слов, отыскивать истинные корни слов, а не причислять к корню "первые попавшиеся под перо звуки"[76].

На протяжении жизни Чернышевский внимательно следил за развитием науки о языке. Уже в последние годы он интересуется проблемой связи генеалогической и морфологической классификаций языков, вопросами составления алфавитов, транскрипции, перевода, вопросами изменения морфологической структуры слова языков отдельных семейств в результате их исторического развития, описывает особенности языков разных типов. И всегда Чернышевский рассматривал проблемы языкознания в тесной связи с потребностями общества.

ГЛАВА 6

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АА. ПОТЕБНИ

§ 25. ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Выдающийся представитель славянского языкознания Александр Афанасьев!!» Потебия (1835-1891) родился в украинской дворянской семье. В 1850—1856 гг. Потебня учится в Харьковском университете сначала на

юридическом факультете, а потом на историко-филологическом. Окончив университет, он преподает в одной из харьковских гимназий и готовится к магистерскому экзамену. Магистерскую диссертацию "О некоторых символах в славянской народной поэзии" Потебня защищает в **1861** г., а в **1862** г. в "Журнале Министерства народного просвещения" был опубликован его первый большой труд "Мысль и язык". В этом же году Потебня был командирован в Берлинский университет для изучения санскрита. Не удовлетворенный преподаванием в университете, через год он возвращается на родину и приступает к чтению лекций по славянской словесности.

Докторская диссертация Потебни "Из записок по русской грамматике" (т. 1-2, 1874) была высоко оценена крупнейшими русскими и зарубежными славистами. В 1875 г. Потебня становится профессором Харьковского университета по кафедре истории русского языка и литературы. Его лекции слушали известные впоследствии ученые-языковеды Б.М. Ляпунов, Ов-**сянико-Куликовский** и др. В 1877 г. Потебню избирают действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете и членом-корреспондентом Академии наук. В этом же году за научные труды Академия наук удостаивает его Ломоносовской премии. В последующем ему неоднократно присуждают золотые медали за разбор сочинений отдельных **языковедов.** Работы Потебни получают официальное признание в других странах (в 1887 г. его избирают членом чешского общества наук).

Из работ Потебни наиболее известна "Из записок по русской грамматике" (т. 3 "Об изменении значения и заменах существительного", 1899; т. 4, 1941). Некоторые из работ Потебни были **изданы** посмертно его **учениками**: "Из записок по теории словесности" (1905), "Из лекций **по** теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка" (1894), статьи "Язык и народность" (1895), "Психология поэтического и прозаического мышления" **(1910)**. По широте разрабатываемых проблем - общие вопросы языкознания, фонетика, синтаксис, семантика, этимология, диалектология, фольклор и этнография, литературоведение — Потебня занимает исключительное место в истории языкознания.

§ 26. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

При определении философской основы мировоззрения А.А. Потебни мнения ученых обычно расходятся: его называют и субъективным идеалистом-психологистом, и объективным идеалистом, и эмпириком, и сенсуалистом, и Определенные основания для этого, несомненно, были. На формирование мировоззрения Потебни большое влияние оказала идеалистическая концепция народной психологии (этнопсихологии) последователя и ученика "Существенным определением человеческой души является то, что она не является обособленным индивидуумом, но принадлежит некоему сообществу, **а** именно, в первую очередь — телесно и духовно — определенному **народу','—** утверждает **Штейнталь^.** Представители теории этнопсихологии исходили из того положения, что язык является самосознанием, мировоззрением и логикой, народа", а потому изучать язык необходимо именно как выражение этого "духа

народа". "Дух народа" проявляется прежде **всего в языке, затем в нравах** и обычаях, установлениях и поступках, и песнопениях. Отсюда - чрезвычайно бережное отношение Потебни к фольклорным материалам, произведениям народного художественного творчества.

Следует отметить, что Потебня одним из первых в домарксистской философии к материалистическому пониманию происхождения человеческого мышления как результата деятельности второй сигнальной системы и труда: "Человек превосходит животное, с одной стороны, словом, те. орудием, которое он создал себе для совершенствования мысли, с другой машиной, тем, что кроме органов своих, данных ему природой, он создает для действий своих новые органы, орудия, начиная с палки, рычага"[7]**.

Заслуживает внимания и тезис Потебни о **единстве теории** и практики."...Практика и теория (в широком смысле слова), -- пишет он, - стороны, различимые только мыслью, а в действительности тесно связанные. Первая (практика) сама по себе была бы недостаточна для продолжения деятельности, ибо не давала бы возможности изменить ее при изменившихся условиях. Исключительная практичность, если бы была возможна, была бы смертью человечества. Например, к чему было бы приучение волов, приготовление плуга и запасы семян, если бы не знал и не сообщал другим, что, когда и как с ними делать? То же и насчет исключительной теоретичности"[79]. Отрицая объективную истину, Потебня в то же время признавал, что критерий истины определяется соответствием наших знаний реальной жизни. Таким образом, оставаясь в целом на позициях психологизма, Потебня разделял и материалистические взгляды, особенно по вопросу о связи языка и мышления. Материализм Потебни в решении основных проблем языкознания особенно ярко проявляется в сравнении с подходом к таким основополагающим вопросам, как сущность языка, законы его развития и процессы понимания и говорения, связь языка и мышления и т.д.

иногда говорят, что Потебня развивает гумбольдтовские идеи на русской почве. Преемственность между взглядами Потебни и идеями Гумбольдта не вызывает сомнений, но положениям Гумбольдта Потебня придает иное лингвистическое истолкование, вкладывает в них другое содержание. Он говорит, что принимает положения Гумбольдта "не как решения занимающего нас вопроса, а как указания на те препятствия, без устранения коих невозможно само решение"[80]. Утверждение Гумбольдта о тождестве языка и "духа народа" является, по мнению Потебни, "следствием каких-нибудь недоразумений". Потебня соглашается с тем, что дух без языка невозможен, но придает духу иное толкование: "Принявши... дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка и язык в нем есть первое по времени **событие"*".**

Особое внимание Потебни **привлекла** идея Гумбольдта о том, что язык есть деятельность; именно эта мысль помогла Потебне понять сущность языка как беспрестанного стремления к совершенствованию языковых форм. И здесь у Потебни на первый план выступает идея **языкового**

которое он рассматривает как поступательный процесс, как переход от низших форм к высшим ("язык находится в постоянном развитии, и ничто в нем не должно быть рассматриваемо как нечто непод- . Развитие языка предполагает появление в нем новых форм ("замена простой формы сложною не есть только заплата на старое платье, а создание новой формы мысли"[83]). Стихийно-диалектический характер процесса развития Потебня видел в его историчности. Духовная жизнь, подобно всему существующему, имеет свою историю, в связи с этим "всякое познание, по существу, исторично"**[4].

В учении Потебни было развито другое знаменитое положение Гумбольдта "всякое понимание есть непонимание, всякое согласие в мыслях - вместе несогласие". Это положение тесно связано с теорией индивидуальной психологии, утверждавшей субъективность содержания и различие говорящего и слушающего. На восприятие одного и того же предмета говорящим и слушающим влияют самые различные внешние условия; это приводит к тому, что у собеседников образ предмета вызывает различные ассоциации. Речь здесь идет не о "непонимании" в собственном смысле слова. Потебня, восприняв идею Гумбольдта, разумел под "непониманием" не только обязательное отклонение от мысли, идущей от сообщающего, а "понимание по-своему" как творческую работу слушающего, как то новое, что он творчески привносит. Возбуждение извне - лишь повод для появления своего. Потебня особо подчеркивает это: "Люди... понимают друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметов... и не тем, что взаимно заставляют себя производить одно и то же понятие, а тем, что затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений и понятий... вследствие чего в каждом восстают соответствующие, но не те же понятия"[85]. Например, вещь, обозначаемая словом *стол,* заключает в себе несколько признаков. Эти признаки являются совокупностью тех впечатлений, которые человек получал от столов, виденных ранее. Следовательно, они зависят от его зрения и осязания, которые у каждого человека различны, а также от воспоминаний о прошлом, опять-таки индивидуально различных. Все это и вызывает известное "непонимание" при передаче мысли, ибо "говорить, значит, не передавать свою мысль другому, а только в другом его собственные

Влияние учения Гумбольдта сильнее всего проявилось в психологическом подходе Потебни к анализу языковых явлений. Стремление исследовать факты языка как отражение тех психических процессов, которые происходят в сознании говорящего индивидуума, позволило Потебне впервые в русском языкознании (после логицизма **Ф.И.** Буслаева) применить психологический подход *к* языку. В какой бы форме ни проявлялся психологизм в работах Потебни - в форме народной или индивидуальной психологии, - он позволял выявить лингвистическое содержание его теории и вплотную подойти к таким проблемам общего языкознания, как соотношение языка и мышления, слова и понятия, происхождение и развитие языка, сущность языка и языкового знака, внутренняя форма слова и т.д.

§ 27. А.А. ПОТЕБНЯ О СВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

В решении языковедческих проблем, особенно в анализе соотношения языка и мышления, у А.А. Потебни много противоречий, которые обусловлены внутренней противоречивостью его философской концепции, включающей в себя и материалистические, и идеалистические положения.

Опираясь на мнение **Г.Штейнталя,** Потебня считает, что "область языка далеко не совпадает с областью мысли", ибо отмечены периоды в истории человечества, когда язык не был связан с мышлением: "В средине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его, как не удовлетворяющее ее требованиям и как бы потому, что не может вполне отрешиться от чувственности, ищет внешней опоры только в произвольном знаке"[87]. Как отмечает Потебня, несовпадение языка и мысли проявляется еще и в том, что творческая мысль живописца, музыканта, шахматиста невыразима словом, а в математике самые сложные понятия выражаются условными знаками. Однако в других местах своей работы "Мысль и язык" Потебня прямо указывает, что "язык есть необходимое условие мысли отдельного лица, даже в полном **уединении"*',** поскольку только через словесную оболочку мысль перестает быть исключительной принадлежностью одного лица и становится достоянием многих лиц. Более **того,** в процессе совершенствования умственной деятельности человека огромная _роль отводится слову, так как "в слове впервые человек сознает свою **мысль**; мысль, по словам Потебни, вскормлена словом. Потебня подчеркивает обобщающую силу слова в систематизации и классификации человеческих знаний, ибо только слово определяет всему свое место в системе. И всем строем своих логических доказательств, анализом категорий представления, суждения, понятия Потебня утверждает тезис о тесной связи языка и мышления, слова и понятия.

В интерпретации Потебни взаимосвязь языка и мышления выглядит следующим образом: прежде всего существуют объекты мышления - предметы и вещи объективной действительности ("вещь, находящаяся передо мной, другая вещь, кроме меня самого, называется объектом, иначе **предметом"[9]"), объекты** мышления включают в себя и взаимоотношения между предметами объективного мира, существующего независимо от субъекта и находящиеся с ним во взаимодействии. Все это влияет на органы чувств и является причиной возникновения процесса мышления, а также образов и понятий как результатов мышления. Наряду с объектами мышления существуют и субъекты мышления ("я сам"), люди. На первоначальном этапе развития человечества, когда человек еще не выделился из окружающего его мира, объекты и субъекты мышления совпадали. И лишь позднее "человек периода мифа" начинает объективировать через мышление окружающий мир.

Процесс мышления Потебня рассматривает как проекцию на внешний объект познания деятельности субъекта, результатом чего является образ познаваемых предметов и понятий о них, представляющий собой синтез субъективного и **объективного."Чувственный** образ, - пишет Потебня,- исходная форма мысли, вместе и субъективен, потому что есть результат

нам исключительно принадлежащей деятельности и в каждой душе слагается иначе, и объективен, потому что проявляется при таких, а не других внешних возбуждениях и проецируется душою"[91]. Именно наличие в образе субъективного и объективного моментов делает возможным процесс понимания: "Речь нераздельна с пониманием, и говорящий, чувствуя, что слово принадлежит ему, в то же время предполагает, что слово и представление не составляют исключительной, личной его принадлежности, потому что понятное говорящему принадлежит, следовательно, и этому последнему"[92].

Потебня исходит из того, что в основе образования слова лежит рефлекторное чувство человека, реагирующего на раздражения, идущие от объективной действительности (чувства голода, боли; страха, сильное впечатление от того или иного предмета). "Итак, образование слова, - подытоживает свои замечания Потебня, - есть весьма сложный процесс. Прежде всего - простое отражение чувства в звуке, такое, например, как в ребенке, который под влиянием боли невольно издает звук *вава.* Затем —сознание звука... достаточно ему [ребенку] услышать свой звук *вава* от другого, чтобы вспомнить сначала свой прежний звук, а потом уже - боль и причинивший ее предмет. Наконец - сознание содержания мысли в звуке, которое не может обойтись без понимания звука другими. Чтобы образовать слово из междометия *вава,* ребенок должен заметить, что мать, положим, услышавши этот звук,спешит удалить предмет, причиняющий боль"[93].

Поскольку человек воспринимает тот или иной предмет сразу несколькими органами чувств, которые воспринимают различные признаки предмета, то этот предмет в совокупности своих признаков образует для мысли постоянную величину, чувственный образ предмета, в котором какой-нибудь признак преобладает. Один из признаков, преобладающий над всеми остальными, этот центр образа, и есть, по словам Потебни,
н я я Так, внутренняя форма ясно прослеживается в словах *стол, окно, бык* "ревущий", *волк* "режущий", *медведь* "едящий мед' и т.д. Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только *простланное* (от корня *стл-,* ср. глагол *стлать),* и поэтому оно одинаково может обозначать всякий стол, независимо от его формы, величины и т.д.

В каждом слове, за исключением первообразных слов (к ним Потебня относит междометия), действие мысли состоит в сравнении двух мысленных комплексов или масс: вновь познаваемой, которая составляет вопрос (он предлагает обозначить ее через и прежде познанной, представляющей собой уже готовую мысль. Например, найдено, что лат. *carvus* и русск. *корова* значит "рогатый". Значит, в мысли человека "был уже запас сведений о рогатом животном, когда он узнал корову. Это общее между вновь познаваемым и прежде познанным называется по-латыни tertium comparationis, т.е. третье сравнения, третья величина двух сравниваемых. Самый процесс познания есть процесс сравнения. <...> Tertium comparationis, т.е. признак, по которому мы в слове обозначаем вновь познаваемое, называется п р е д с т а в л е н и е м"[94]. Представлением, таким образом, выступает обозначение нового признака на основе ранее существовавшего.

Воспринимаемый чувственный распадается на ряд признаков, познаваемых путем сравнения друг с другом. Потебня считает, что "всякое

суждение есть акт апперцепции, толкования, познания, так что совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ, можем назвать аналитическим познанием образа. Такая совокупность есть п о н я т и

В интерпретации Потебни мыслительная деятельность состоит из нескольких этапов: то, что я вижу (предмет) -* характерный признак воспринимаемого предмета (внутренняя форма) -+ чувственный образ предмета (совокупность восприятий) + представление (сравнение восприятий) -» апперцепция (первый акт мысли) -* суждение (основная форма мысли) -* понятие (совокупность суждений). Для понятия характерна ясность, иод которой Потебня понимает раздельность признаков. Понятие — это высшая форма деятельности мозга, известное количество суждений, совокупность актов мысли, Мы не будем останавливаться на трактовке Потебней соотно- суждения и понятия, ибо неправильность его взглядов с точки зрения диалектического материализма слишком очевидна. Современная материалистическая философия определяет понятие как отдельную мысль, выделяемую из состава суждения (у Потебни понятие — совокупность суждений)

Развитие взаимоотношений между мышлением и языком определяется следующим образом: от дословесного мышления образами через образное мышление, ассоциированное со словом, до мышления понятиями с помощью слов, причем все эти этапы тесно между собой связаны ("развитие понятия из чувственного образа и потеря поэтичности слова — явления, взаимно условленные друг **другом"'").** Огромная роль в этом процессе принадлежит слову, посредством которого совершается переход образа предмета в понятие о предмете. Способствуя переходу образа в понятие, по мере того как мысль посредством слова идеализируется и освобождается от подавляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий, слово постепенно лишается своей образности.

В развитии образного мышления Потебня выделяет два этапа: на первом мышление идет конкретными образами предметов, "но на одних конкретных восприятиях не может успокоиться мысль, потому что процесс обобщения присущ человеческой природе"[97]. Поскольку чувственный образ есть обобщение, выливающееся в представление, то на втором этапе мышление осуществляется представлениями предметов. Первую форму образного мышления Потебня называл чрезвычайно важным достижением первобытного человека, возвышающим его над животными, ибо если животные не идут дальше смутных очертаний чувственных образов, то для человека этот образ служит основой перехода к более абстрактным понятиям. Через образ человек впервые приходит к знанию действительного предмета. Но усложняющаяся практика общественной деятельности приводит к увеличению количества этих образов, возникает противоречие между лием образов и ограниченностью слов для их обозначения.Это противоречие устраняется изменением способа мышления: слово начало означать не один, а множество предметов. Затем слово стало представлять абстрагированный образ предмета, выделяя наиболее характерный признак этого предмета: "В самом кругу изолированного образа при новых восприятиях одни черты выступают ярче от частого повторения, другие остаются в тени. При слове *золото* нам приходит на мысль цвет, а вес, звук могут вовсе не прийти, по-

тому что не раз при виде золота мы взвешивали его и слышали его звук"[98].

В дальнейшем развитии от мышления образами к мышлению понятиями языка и мышления меняется в процессе так называемой конденсации По мнению Потебни, возможности человеческого сознания ограничены, оно напоминает небольшую сцену, на которой по очереди появляются и сходятся мысли. Единственный способ расширить эту сцену, нять мыслью возможно большее количество явлений и их отношений" заключается в том, чтобы "свести разнообразные явления к сравнительно небольшому количеству знаков или образов" . Мышление образами, когда мы не знаем, почему, каким признаком обозначено в данном слове известное значение, Потебня называет поэтическим (один из видов поэтического мышления -- мышление мифическое). Мышление с помощью понятий, состоящее в разложении известного предмета на его признаки, — это прозаическое мышление; "тем самым полагается начало прозе, сущность коей — в известной сложности и отвлеченности мысли"[100]. Одним из видов прозаического мышления является научное мышление с характерной для него способностью к анализу и критике. "...Причина превращения поэтического слова в прозаическое или слова с представлением (в котором есть сравнение) в слово без представления, — считает Потебня, — заключается в расширении значения

Переход образа в понятие "может совершиться только посредством слова", но само слово никак не создает понятия из Однако слово одинаково выражает и чувственный и понятие, поскольку по содержанию наша мысль - или образ, или понятие. Исходя из этого, Потебня пускает непоследовательность в решении вопроса о роли слова в образовании понятия. "Слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие, само не составляет ее здесь он совершенно прав, так как в формировании понятия слово выступает лишь как средство, орудие мысли- Слово содействует рождению понятия и завершает процессего образования

Вопрос о примате понятия по отношению к слову Потебня решает также непоследовательно. С одной стороны, он пишет, что "язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося миросозерцания, а слагающая его деятельность"[103]; "слово... всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию"[104]. Таким образом, признается первенство языка по отношению к мышлению, слова — к понятию. С другой стороны, утверждает, что всякое слово "есть акт мысли, завершение ее усилия"[105] (ср. также: "Вне слова и до слова существует мысль"[106]). Следовательно, слово есть акт мысли, завершающий процесс образования понятия.

Диалектика взаимосвязи между словом и понятием не получила у Потебни достаточно последовательного развития. Односторонность решения этой проблемы заключается в том, что Потебня непременно искал примата либо слова, либо понятия Объясняется это двойственностью понимания взаимосвязи языка и мышления. Но очень важна его мысль о том, что пе-

реход от наглядного, внешнего изображения предметов к обобщенному их обозначению возможен только при помощи абстрагирующей силы слова.

§ 28. УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

При определении слова Потебня всегда указывал на связь звучания и значения. Он определяет слово либо как единство членораздельного звука и значения, либо как "звуковое единство с внешней стороны и единство представления и значения с внутренней"[107]. Именно это единство и обеспечивает функционирование слова. Если у слов отнять сочетания составляющих их звуков, то они перестанут быть словами. И наоборот, лишенное своего значения слово превращается в "искусственный фонетический препарат". Определение слова как единства звука и значения предусматривает еще наличие третьего элемента — под которым Потебня понимает содержание мысли, или способ изображения данного значения. Таким образом, "всякое слово без исключения состоит из трех элементов: во-первых, членораздельного звука, без которого слово быть не может; во-вторых, представления и, в-третьих, значения **слова**"[108].

Значение и представление на совпадают; "уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, т.е. способом, каким обозначено это значение, существует неравенство: в значении всегда заключено **больше,** чем в **представлении**"[109]. В чем же заключается это различие? В трактовке Потебни образ предшествует представлению, а значение слова "объединяет чувственный образ", т.е. обобщает, абстрагирует конкретные образы. И относительно широкое значение слова (например, *защита)* стремится оторваться от сравнительно узкого представления (например, *щит),* или "растет несоответствие между представлением и значением: наконец, несоответствие это достигает до такой степени, что признак, заключенный в представлении, в ряду других признаков, составляющих значение, является несущественным, и это есть одна, и притом главнейшая, из причин забвения представления"[110]. Развитие языка и состоит в утрате первоначального образа и возникновении в силу этого новых слов. Всякое слово создает вместе с новым значением и новое представление. Поэтому "в слове мы различаем: внешнюю т.е. членораздельный звук, **содержание,** объективируемое посредством звука, и внутреннюю **форму,** или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается **содержание**"[111]. Давая такое определение слова, Потебня одним из первых в русском языкознании пытается решить с философских позиций вопрос о соотношении формы и содержания в слове. Для этого он вводит заимствованное у В.Гумбольдта понятие внутренней формы слова, которому дает различное толкование.

Пытаясь решить вопрос, "как звук получает значение", Потебня подчеркивает, что использование звука для обозначения нового понятия определяется прежним его значением ("хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, ко он указывает на значение не сам по себе, а потому что прежде имел другое **значение**"[112]). Потебня дает несколько определений внутренней формы слова. В одном случае,

определяя внутреннюю форму как "третью общую между двумя сравнива¬ емыми величинами", он исходит именно из связи звука и значения, когда старому звуку придавалось новое значение. Так, анализируя санскр. *indh-* 'жечь', он считает, что внутренней формой этого слова будет/'разумеется, то, что связывает значение... со звуком"[113].

С другой стороны, внутренняя форма — это этимологическое значение слова, свидетельствующее о преемственной связи его прежнего, объектив¬ ного значения с нынешним, актуальным субъективным значением. Потебня исходил из того, что в слове есть "два содержания: одно, которое мы выше называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологичес¬ ким значением слова, всегда заключает в себе только один признак; дру¬ гое - субъективное содержание, в котором признаков может быть мно-жество"[114].

Что же понимал Потебня под объективным и субъективным значения¬ ми слова? Люди по-разному воспринимают окружающую их объективную реальность в силу различного жизненного опыта, кругозора, образования, настроения и т.д. Нельзя найти двух человек, которые вкладывали бы одинаковое содержание в слово, обозначающее предмет или явление объ¬ ективного мира. В значении слова для каждого индивидуума содержится нечто субъективное. Но вместе с тем люди в процессе общения понимают друга благодаря тому, что в словах есть общее, понятное всем людям, говорящим на данном языке. Вот это одинаковое в содержании слова и есть ближайшее, или объективное, значение слова. "...Ближайшее значение сло-ва, — говорит Потебня, - н а р о д и о.между тем как дальнейшее, у каждо-го различное по количеству и качеству Элементов, - л и ч н о"'^. В пов¬ седневной жизни люди имеют дело только с ближайшим значением слова. Выделение двух видов значения слова связано с пониманием Потебней соотношения социального и индивидуального в языке и с отрицанием многозначности слова.

На ранних ступенях развития мышления за основу наименования того или иного предмета человек брал наиболее бросающийся в глаза, имеющий наиболее важное значение признак предмета. Этот признак выступал как образ предмета. По мнению Потебни, "внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными"[116]. Например, внутренней формой слова *подснежник* будет зафиксированный в названии один из основных признаков этого растения - появление ранней весной, когда еще не сошел снег. Такие слова с ясной внутренней формой *(мухомор, гололёд, ледокол, незабудка* и др.) сейчас называют мотивиро¬ ванными. Приведенная мысль Потебни сходна с известным высказыванием Л.Фейербаха: "Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальнос-ти"[117] По мере усложнения общественной и производственной деятельности людей на первоначальный признак наслаивались другие признаки, вследст¬ вие чего значение слова углублялось и расширялось. Но внутренней формой слова все-таки выступало первоначальное значение.

Концепция внутренней формы слова претерпевала у Потебни измене¬ ния. Первоначально внутренняя форма выступает как синоним понятий

этимологического значения слова и представления. В дальнейшем разграничивает представление к внутреннюю форму. Внутренняя форма обозначает ближайшее значение слова и выступает как совокупность нескольких значений, в то время как представление выражает один признак. Внутренняя форма всегда сохраняется в слове, в то время как представление может исчезать. Следует обратить внимание на природу внутренней формы. Внутренняя форма выступает у Потебни не только как центр образа; она в какой-то мере уже обобщает отдельные признаки предмета, создавая из них единство образа, давая значение этому единству. Таким образом, внутренняя форма — это не образ предмета, а "образ образа". Понятие внутренней формы слова тесно связано с понятием знака. Выделяя два содержания слова — ближайшее этимологическое (внутреннюю форму) и субъективное, - Потебня отмечал, что "первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе"[118]. Следовательно, знак - уже представитель значения, выражающий определенный признак. Например, ребенку впервые показали круглый матовый колиак лампы и спросили: "Что это такое?" Ребенок отвечает: "Арбуз". "Тут, - пишет Потебня, — произошло познание посредством наименования, сравнения го с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом. Назвавши белый стеклянный шар арбузом, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной середки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса... Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть знак значения этого слова. Здесь мы можем назвать знаки иначе: он есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами или основание сравнения, tertium comparationis в слове"[119]. Знак выступает не как представитель образа, а как представитель звука, "поэтому звук в слове не есть знак, а лишь оболочка, юга форма, знака; это, так сказать, знак знака"[120].

В каком же отношении находятся между собой составляющие слово элементы внешняя форма, содержание и внутренняя форма? Потебня считает, что внешняя форма слова — это не просто членораздельный звук. Звуком она станет тогда, когда будет опосредована через значение, "сформирована мыслью". Только значимый звук создает внешнюю форму, "если затеряна для сознания связь между звуком и значением, то звук перестает быть внешней формой"[121]. Именно внешняя форма "нераздельна с внутренней, меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собою"[122].

Что касается представления, то в процессе исторического развития языка прежнее содержание забывается, превращается во внутреннюю форму. Поскольку старое содержание теряется, постольку звук слова становится носителем более актуального значения: "Звук и значение навсегда остаются непременными частями слова... но третий элемент то, что мы называем представлением, с течением времени исчезает... Причина превращения... слова с представлением... в слово без представления заключается в расширении значения слова"[123]. По мнению Потебни, в языке существует большое количество слов без представления.

Потебня считает, что слово приобретает смысл лишь в предложении и потому имеет только одно значение. Более того, любые синтаксические из-

функции слова в предложении и связанные с этим морфологические изменения означают возникновение нового значения, т.е. нового слова ("в действительности... *верста..,* есть иное слово, чем *версты, версте* и т.д. в том же лексическом значении, т.е. малейшее изменение в значении слова делает его другим словом"[124]). Таким образом, слово функционирует только в проявляя свои свойства только в отношении к другим словам ("вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих **лексических,** ни тем более формальных свойств, **потому** что их не имеет. Слово *конь* вне связи... даже вовсе не слово, а пустой звук"[125]). Из этого замечания видно, что Потебня понимает язык как систему тесно связанных и взаимообусловленных элементов.

Итак, язык - система, "нечто упорядоченное, всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит именно в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях **очевидна"[126].** Потебня отмечает, что в словаре любого языка много слов, а лексика нашей речи ограничена, но тем не менее почти все слова языка мы понимаем. Это возможно потому, что в языковой системе есть определенный порядок и определенные законы. Отрицая общее значение слова и признавая каждое новое значение слова новым словом, Потебня пишет, что "на деле есть только однозвучность различных слов", т.е. омонимия. Такая точка зрения неверна, потому что нельзя смешивать омонимию с полисемией, т.е. совпадающие по звучанию, но различающиеся по значению слова с многозначными словами, между значениями которых всегда имеется определенная связь.

§ 29. ТЕОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Словам языка обычно свойственны два значения. Например, слово *дом* имеет не только лексическое значение ('место для "жилья') , но и грамматические (имя существительное в форме именительного падежа единственного числа). А,А Потебня считает, что кроме конкретного содержания (ближайшего значения) слова заключают в себе указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые подводится содержание этого слова наравне с содержанием многих других. "Указание на такой разряд определяет постоянную роль слова в речи, его постоянное отношение к другим **словам"[127].** Первое значение слова Потебня называет частным, второе - общим, **грамматическим.** Соответственно все слова языка он делит на две группы: 1) слова вещественные и лексические (существительные, глаголы и др., т.е. слова полнозначные, знаменательные) и 2) слова формальные и грамматические (предлоги, союзы и др., т.е. слова служебные, незнаменательные) .

Болыное внимание Потебия обращает на раскрытие содержания **грам** матической формы, грамматической категории и понятия части речи. Он исходит прежде всего из того, что грамматические категории и так называемые **части** речи следует рассматривать как рубрики, по которым классифицируются наши представления как раздельные акты мысли, производящей такую классификацию ("говорить на формальном языке... значит,

систематизировать свою мысль, распределяя ее по известным отделам"[128]). Грамматические категории теснейшим образом связаны с вещественным, лексическим значением, поскольку "вещественное и формальное значение данного слова составляют... один акт мысли"[129]. Грамматическое и лексическое значения мы различаем только тогда, когда слово делается предметом исследования; в процессе говорения они **е д и н ы.** Особенно это характерно для индоевропейских языков. В языках иного строя соединение лексического и грамматического значений усложнено; часто то, что мы представляем формой, в них является лишь содержанием, но и здесь форма и содержание составляют единство.

Так что же такое грамматическая форма в трактовке Потебни? "Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с **его** вещественным значением"; "грамматическая форма... со своего появления и во все последующие периоды языка есть значение, а не звук"[130]. Нельзя принимать за форму внешний знак, не устает повторять Потебня, ибо "форма есть значение". Хотя звук и входит как составной элемент в понятие грамматической формы ("грамматическая форма тоже имеет или предполагает три элемента: звук, представление и **значение"[131]),** но форму нельзя смешивать с ее внешним знаком, ибо она прежде всего есть значение. Потебня отмечает, что многие грамматические формы в определенных случаях не имеют звукового обозначения. Значит ли это, что грамматическая форма в данном случае не имеет значения? Потебня отвечает — не значит. "...Если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значит не то, что в языке ослабело творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без
что она пользуется для распознавания другим, более тонким средством, именно з н а н и е м м е с т а [разрядка наша. — *Ф.Б.],* которое занимают слова в целом, будет ли это целою речью или схемою **форм"[132].**

Грамматические формы могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его синтаксическими связями. Понимание грамматической формы как синтеза семантических и синтаксических элементов выгодно отличало построения Потебни от взглядов большинства современных ему языковедов, которые отождествляли грамматическую форму лишь с аффиксами. Такое отождествление существовать в языке не может.

Грамматические формы в языке составляют стройную систему, ибо "ответить на вопрос о значении данной формы или ее отсутствия для мысли было бы возможно лишь тогда, когда бы можно связать эту форму с остальными формами данного строя языка, связать таким образом, чтобы по одной форме можно было заключить о свойстве если не всех, то многих **остальных"[133].** Это положение Потебня поясняет примером, из которого видно, что грамматическая форма выделяется путем противопоставления одной формы другой: "Когда я говорю: *Я кончил,* то совершенность этого глагола сказывается мне не непосредственно звуковым его составом, а тем, что в моем языке есть другая подобная форма *кончал,* имеющая значение **несовершенное"[134].**

Критикуя широко распространенную точку зрения о падении грамматических форм на втором этапе развития языка, Потебня доказывал, что никакого падения форм нет. Грамматисты ошибочно отождествляли грамма-

тическую форму с аффиксами, а потому отпадение их считали признаком вырождения языка. Потебня утверждал, что "факт состоит в стирании флексий, рассматриваемых как звуковые элементы, но не в уменьшении общего количества форм и не в потере формальности в языках, ее выработавших"[135]. Он критикует и В.Гумбольдта, который считал, что язык на современном этапе не развивается, а лишь сохраняет формальность древних языков. Наоборот, в современных языках появляются новые грамматические формы. Их возникновение идет двумя путями: "а) Отдельная грамматическая форма... может непосредственно перерождаться в другую. б) Грамматическая форма неизбежно входит в строй языка, лежащий в основании последующего строя, но сама может исчезать, не оставляя непосредственного остатка в другой форме"[136]. Это приводит к тому, что "поверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися наруже образцами разнохарактерных пластов"[137].

Потебня подробно останавливается также на семантической и синтаксической характеристиках частей речи. В его трактовке части речи выступают как исторически динамичные категории, проходящие в своем развитии ряд этапов. Потебня исходит из того, что "слово вначале лишено еще всяких формальных определений и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глагол"[138]. Первобытное слово обозначало только один признак, и по способу представления этого признака оно напоминало причастие. Внутреннюю природу этого слова Потебня пытается рассматривать как синкретизм (слияние) глагольных и именных грамматических категорий — падежа, числа, рода, времени, залога. Причастное первообразное слово Потебня называет также безотносительным, качественным или объективным корнем, а корни местоименные — относительными, указательными или субъективными. Далее он замечает, что различие корней качественных и указательных относится к глубочайшей древности, но, если судить по позднейшим языкам, оно может быть непервобытно.

Затем из первобытного слова — причастия — выделяются категории существительного и прилагательного. Существительное Потебня определяет как признак, заключенный (данный, готовый) в чем-то определенном для мысли и без помощи другого слова. Так, когда мы произносим существительные *старка* ('старая водка', 'старая овца'), *старуха,* мы имеем в виду определенный признак, содержащий какой-либо обобщенный элемент. Существительное становится т.е. таким названием признака, которое воспринимается уже самостоятельно, в отвлечении от какого-либо комплекса признаков. Это отвлечение является результатом абстрагирующей деятельности человеческого мышления и возможно лишь на более позднем этапе его развития. В дальнейшем конкретное существительное, содержащее совокупность признаков, теряет один из признаков, именно тот, который становится несущественным по сравнению с другими признаками. Общий признак существительного, указывает Потебня, заключается в том, что оно выступает как название грамматической субстанции, или вещи. Под грамматической субстанцией, или вещью, понимается совокупность признаков, совершенно однородных с тем, который может быть этимологически дан в существительном.

Определенное таким образом существительное, под которое подходят,

ПО **Потебне,** и местоимения, несет определенную функцию — выражать подлежащее, которое он определяет как "вещественное указание на непосредственного производителя признака, означаемого сказуемым"[139]. Ту же грамматическую функцию несет и **прилагательное,** выступающее в функции **подлежащего.** Приведя пример *битый небитого **везёт,*** Потебня указывает, что "здесь соль речи именно в том, что субстанция, к которой относится данный признак, предполагается существующею, но никак не определяется... кто бы ни был бит, но он небитого везет. Такая неопределенность субстанции есть свойство прилагательного. Подлежащее здесь указано вещественно посредством признака, который в нем находится, но оно не стало существительным, потому что комплекс признаков, к коему относится данный, не определен"[140].

Существительное и прилагательное выделились из категории имени, поэтому они очень близки между собой. Эта близость заключается не только в том, что они когда-то имели одинаковую основу, но и в том — и гораздо важнее, - что они выражают признак. Когда, например, говорят *светлое солнце,* то имеется в виду, что признак дан в предмете, находится в нем. Но прилагательное обозначает не только признак, но и как безотносительное *(белый),* так и относительное *(отцов, отцовский).* Потебни различает прилагательные атрибутивные *(белый снег)* и предикативные *(снег бел)*; "в русском прилагательное предикативное, отличаясь от атрибутивного, остается все-таки признаком, мыслимым в субъекте и изменяющимся вместе с ним: *снег бел* и *бумага бела,* но белизна в том и другом случае как бы **различна"[1]'*!.**

Грамматический атрибут (или определение) распадается на собственно определение и приложение. Функция приложения - средняя между собственно определением и определительным предложением с глагольным сказуемым Характерным признаком приложения является его большая, по сравнению с определением, предикативность. Именно в этом заключается разница между определениями типа *царь Пётр* и *Пётр, **царь-преобразователь;*** приложение всегда тяготеет к определяемому слову, а не к сказуемому.

Что касается глагола (сказуемого), то он, указывает Потебня, изображает признак во времени его возникновения с точки зрения действующего лица. Образовавшись из первообразного причастного слова, глагол в дальнейшем все более приобретает глагольный характер. Взаимная связь имени и гяагола объясняется именно их одновременным **возникновением,** Потебня отмечает, что имя относится к глаголу, как воспоминание прежде познанного к познанному вновь, и "различие имени и глагола должно быть только" формальное, т.е. должно состоять не в содержании, а в **способе его** представлять"[142] В структуре **глагола** две части - вещественная и формальная, те. он обладает лексическим и грамматическим значениями.

8 выделения наречия как обстоятельства, под которым понимается признак, связанный с другими признаками, проявляется характерное для стремление представлять каждую часть речи связи с другими. При не бывает наречия, так как между ними не может быть **согласования.** При прилагательном наречие выступает как несогласуе**мый** атрибут атрибута. **Поэтому** "чем ближе существительное к прилагательному, тем возможнее приложение к нему **наречия"[143]**. Может **употреб-**

ляться наречие и с глаголом *(мыть чисто),* включая сюда и. инфинитив. С наречиями Потебня сближает форму сравнительной степени прилагательного *(белее)* и деепричастие. Выделяя инфинитив в особую часть речи, Потебня объясняет это увеличением глагольности. По его мнению, инфинитив — это наиболее ранняя форма слова, бывшая сперва существительным, потом потерявшая свою субстанцию, но еще не слившаяся с глаголом ("имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении").

При анализе членов предложения - подлежащего, сказуемого (его разных видов), дополнения, обстоятельства - Потебня подробно разбирает различные синтаксические отношения (предикативные атрибут, прилагательное, связка, различные степени предикативности в оппозиции, различные виды оппозиции). Он четко различает члены предложения и части речи и объясняет специфику функционирования каждой части речи в предложении. Вопрос о взаимоотношениях частей речи и членов предложения решался Потебней лишь в общих чертах. Вполне определенными можно признать те части речи, которые принято называть знаменательными. Однако формальных критериев разграничения, например, существительного и глагола, не предложено. Потебня считал также, что в процессе развития языка (по крайней мере, в русском языке) происходит дифференциация функций членов предложения.

§ 30. УЧЕНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ (ТЕОРИЯ СТАДИАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА)

Предложение как основа синтаксиса постоянно привлекало внимание **А.Д.** Потебни. Если существенный признак предложения заключается в том, что в нега входят части речи, считал Потебня, то естественно предположить связь истории грамматических категорий с историей предложения. Исследуя эволюцию речи и мысли, он отрицательно относился к общим определениям предложения, игнорирующим принцип развития и устанавливающим неподвижную форму для явления, которое постоянно изменяется. "Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. <...> Но с изменением грамматических категорий неизбежно изменяется и то целое, в котором они и изменяются, именно предложение. <,..> Так и из основного взгляда на язык как на изменчивый орган мысли следует, что история взятого на значительном протяжении времени, должна **давать** ряд **определений предложения"**[144].

Поскольку Потебня находит в современном языке остаточные (реликтовые) образования, он считает невозможным дать такое предложения, которое охватывало бы синтаксические особенности языка и прошлого, и современного, т.е. maximum определения предложения. При данном состоянии синтаксических исследований это невозможно. Раз так, то в современных языках, "наиболее развитых в формальном отношении, каковы наши, мы **замечаем...что** главное (независимое от другого) предложение невозможно **(кроме** *сп* **учаев** оя**ущ**е*а***и**я глаголиj **йет verbum** (т.е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных

форм); **VTO** само по себе vb. finitum составляет предложение, например, *будет* (с предполагаемым как определенным, так и неопределенным субъектом). Поэтому, определивши такой глагол, тем самым определим minimum того, что должно заключаться в предложении этих языков"[145].

Взгляды Потебни на сущность предложения можно обобщить следующим образом: 1) предложение есть грамматическая структура, т.е. оно представляет собой формальное целое и ничего, кроме формы, не содержит; 2) в определении членов предложения должно входить понятие частей речи, ибо эти категории предполагают друг друга; 3) первобытное конкретное мышление предполагает синтетический подход к понятию предложения; 4) главнейший и необходимейший элемент предложения — предикативность, под которой понимается способность сказуемого соединяться с подлежащим для образования предложения; главным носителем предикативности является сказуемое как член предложения и глагол как часть речи; 5) предикативность — ядро предложения, подлежащее в предложении может отсутствовать, глагол — никогда; по словам Д.Н. Овсянико-Куликовского, Потебня считал предложениями без подлежащего не только такие предложения, как *Светает; Тошнит,* но и такие, как *Я сказал* (с ударением на глаголе), потому что местоимение *я* в данном случае — только замена окончания в глаголе; если же ударение падает то местоимение уже не служит заместителем личного окончания, а указывает на действующее лицо; 6) если предикативность — ядро предложения, то только сказуемое как член предложения и глагол как часть речи определяются самостоятельно; остальные части речи определяются по их связи с глаголом, а члены предложения — по связи со сказуемым.

Установление различных этапов (стадий) в развитии предложения должно отразить различные этапы развития мышления. Потебня выделяет два этапа в развитии предложения: именной и На древнейшей стадии языкового развития "имя было, так сказать, гораздо предикативнее; предложение заключало в себе менее единства, основанного на противоположности главных членов, чем нынешнее"[146]. Так, на именной стадии развития предложения гораздо чаще были распространены предложения, соответствующие современному *Он рыбак,* в котором существительное *рыбак* является частью составного именного сказуемого, содержащего признаки существительного и глагола. Для этого же этапа характерно употребление существительного в функции определения, то, что Потебня называет атрибутивностью имени *(рубаха-парень,* ***бой-баба*** и т.п.; ср. англ. *stone-wait).* Сравнивая обороты *я не ездок, жалоба не моя* с оборотами *не езжу, не жалуюсь,* Потебня считает первые более древними. Он указывает, что примеров, характерных для именного этапа развития предложения, в памятниках литературы не зафиксировано. На раннем этапе не было еще дифференциации существительного и прилагательного.

С каким же этапом развития мышления связывал Потебня именной строй языка? Как в развитии мысли и языка образное выражение древнее безобразного, так и понятия действия, качества - относительно поздние отвлечения. Суждения аналитические, состоящие из разделения мыслимого на и ее качества и действия, стали возможны лишь потому, что им предшествовали суждения синтетические, состоящие из сочетания двух равно

субстанциональных комплексов. Так, существительное с прилагательным предполагает сочетание двух существительных, притом сочетание паратактическое. Таким образом, для раннего этапа развития мышления была характерна конкретность восприятия предметов и явлений объективной действительности, без расчленения их на признаки и качества. Это целостное восприятие находило свое выражение в именном строе языка, когда за основу наименования брался **какой-нибудь** один признак..На этом этапе сопоставляемые существительные, определяемое и определяющее, могут не только следовать одно за другим *(кита сватови,* ***брови-соболь)***, но и соединяться союзом ***(китаисваюви,*** *брови и соболь).* Предметы объективного мира не ставятся ни в какие отношения друг с другом, они воспринимаются как сосуществующие. Сочетания слов на этой стадии развития предложения паратактические, т.е. отношения зависимостей не указаны. Ср. сказочные и былинные зачины: *Иприплыла к нему рыбка и молвила человечьим голосом; И пришла к нему красна девица и сказала...* — временное отношение, выражаемое подчинительным союзом *когда,* здесь отсутствует.

Следующая особенность древнейшего типа предложения заключалась, по мнению **Потебни,** в широком распространении присоединения, примыкания, когда приложение непосредственно примыкает к определяемому. Наряду с таким порядком слов было возможно и отделение приложения от определяемого слова сказуемыми, дополнениями и обстоятельствами *(Судиславпреставися, Ярославль брат).* Заканчивая рассмотрение древнейшего этапа развития предложения, Потебня пишет: "Первоначально простые предложения следуют друг за другом так, что формальные отношения между ними вовсе не "сознаются и не обозначаются. Ряды их подобны рисунку без перспективы. Связь между ними устанавливается посредством **местоимений** относительных и **союзов"**[147].

При реконструкции именного строя предложения Потебня пользуется материалом либо письменных текстов **XIV—XVIII** вв., либо памятников устного народного творчества. Однако он, во-первых, сильно нарушает историческую перспективу, проецируя данные письменных памятников на первобытное состояние языка, и, во-вторых, неоправданно приписывает языку этого периода стилистические приемы, характерные для позднейших произведений народного творчества. Поэтому "нарисованная **Потебиейкар**тина эволюции именного строя предложения полна противоречий и неясностей. <„> Прежде всего очевидно, что Потебня изображает **не столько** генезис и развитие именного предложения, сколько семантическую структуру и **синтаксичес**кие своеобразия имени на более древней стадии развития индоевропейских **языков**. И в этом плане выводы и наблюдения Потебни полны глубокого интереса"[148].

Ближе к настоящему времени именной характер предложения все более и более стирается. Усиление глагольности, изменение строя предложения Потебня прямо связывал с изменением восприятия первобытными людьми окружающего их мира: "...человек переходит от бессвязности, дробности, паратактичности мысли и речи к возможности **стройного** подчинения многих частностей речи цельности периода, многих периодов **цельнос-**

ти сочинения; от бессознательной однородности 1д4ушевного строя к сознательному единству миросозерцания и характера"[141].

В развитии глагольного предложения выделяются два периода, или ступени. Для ранней ступени характерно "недостаточное синтаксическое различение и даже безразличие глаголов служебных в знаменательных и такое господство в предложении начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны. Ср., например, *тбьрашАКира царяс* ныне ... им *выбртиКира царём* и т.п.'[150]. Именно к этому времени относится указание Потебни на то, что все члены предложения определяются по их связи со сказуемым. Поэтому он и разбирает далее вопрос о составных членах предложения и их заменах, анализируя главным образом составные сказуемые, в которых предикат выражен причастием, формой именительного падежа существительного или прилагательным.

Типичными для первого этапа глагольного предложения были конструкции составных сказуемых с предикативным действительным причастием в форме настоящего или прошедшего времени на *-ший* *[Иесть церкита стоящи вКорсуне граде* (совр. *церковь сюит); огьселе человекы бХдеши ловА* (совр. *будешь ловить)],* В таких конструкциях причастие имело большую предикативную силу, потому что в это время оно могло иметь такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какой в более поздний период будет обладать лишь личный глагол и отчасти неопределенное наклонение; кроме того, само предложение не было еще достаточно цельно. В предложении *И есть церки та стоящи* мысль, по мнению Потебни, развивается как бы скачками; внимание здесь обращается на признак, а не на действие. Особенностью глагольного предложения на ранней стадии развития является согласование; имя, особенно причастие, не присоединяется к глаголу.

Усиление глагольности в составном сказуемом явилось лишь частью увелпения глагольности предложений на позднейших этапах развития глагольного предложения. В более позднем наслоении, отчасти покрывшем собой предшествующее, "мы находим: слияние составного цельное; усилия, отчасти успешные, образовать чисто формальные глаголы; разложение составного сказуемого на сказуемое с придаточным предложением; замены вторых сказуемых падежей частью несклоняемыми словами сравнительно позднего образования (наречием — прилагательного, деепричастием - причастия), частью падежами с предлогом, частью творительным"[151], Эти процессы сопровождаются выделением имени существительного "как слова по преимуществу и и прилагательного как слова атрибутивного. <..> Во всем этом видно... стремление сосредоточить предикативность в глаголе за счет предикативности имени и причастия"[152]. Таковы характерные особенности позднего этапа в развитии глагольного предложения, которые привели к изменению даже внешнего облика.

Учение Потебни об исторической изменчивости синтаксических категорий имеет также философское значение. Как уже указывалось, в лингвистических взглядах Потебни грамматическим категориям существительного и прилагательного соответствовали гносеологические категории субстанции

и На материале изменения этих грамматических категорий
ня стремился проследить, как развивалась способность человека к **отвче-**
мышлению.

§ 31. ЗНАЧЕНИЕ **ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ** РАБОТ *АЛ.* ПОТЕБНИ

Языковедческие работы А,А. Потебни были высоко оценены уже **его** современниками. Профессор А.С. Будипович еще в 1892 г, го*сал: "Оказа¬лось, что и синтаксические категории языка, которые прежде считались столь же неизменными, как законы логики, на деле изменяются, и притом Одновременно с изменением этимологических форм и во взаимодействии с последними. Это открытие, не только угаданное, но и доказанное Потебнею, Имеет в языковедении такую же важность, как учение Дарвина об изменяе¬мости видов в науках биологических"

Советские языковеды особенно выделяют работы Потебни по синтакси¬су. "В.., „синтаксическом", как выражался Потебня, подходе к явлениям Языка заключается громадное значение лингвистических работ Потебни дня нашей современности". - указывал академик **8.В.** Виноградов[154]. По его Мнению, значение работ Потебни для современного языкознания "»аключа-
в том, он выдвинул ряд новых принципов понимания и исследова¬ния синтаксических явлений: !) принцип исторической изменчивости син-таксических категорий и •- соответственно — принцип историзма в осмысле-нии современной синтаксической **системы;** 2) принцип структурной вза¬имосвязанности всех основных рамматических категорий - слова, части речи, члена предложения и предложения.

Решение основных вопросов языкознания, в том числе и проблемы оп¬ределения языка в связи с теорией познания, анализ всех лингвистических проблем с точки зрения гносеологии - основная особенность лингвисти-ческой концепции Потебни. Его концепция языка прежде всего должна быть определена как философско-гносеологическая. Несомненная заслуга Потебни перед языкознанием в том, что он стремился к решению
проблем. "...Потебня внимателен к частному факту, но он подчиняет свой материал вопросам прежде всего общего порядка. Его не удовлетворяет систематика как таковая: он стремится перебросить те или другие мосты между группами синтаксических фактов, стремится объяснить пути раз¬вития соответствующих категорий, получить и с т о р и ю явлений, связав их в связь. Для его метода такая установка - науч¬ная необходимость, и в ней, не говоря уже об его искусстве анализа, глав¬ное значение того важного шага в исторической лингвистике, который сделан был у нас именно им" «ее .

ГЛАВА 7

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. ШЛЕЙКЕРА

§ 32. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Научная деятельность профессора Иенского университета **Августа Шлейхера** (1821-1868) характеризуется широтой и многообразием интересов. Исследованиям в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков посвящены такие его работы, как "Морфология церковнославянского языка" (1852), "Руководство по изучению литовского языка" (1855-1857), "Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков" **(1861-1862).** Последняя работа как бы завершала первый период развития сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: в ней для каждого языкового явления было определено место, найдена его исходная индоевропейская форма и включена в единое целое на основе принципа более высокого порядка. Общие вопросы языковедческой теории изложены во вводных частях "Сравнительно-лингвистические исследования" (ч. 1 "К сравнительной истории языков", 1848; ч. 2 "Языки Европы в систематическом освещении", 1850), "Немецкий язык" **(1859).** Натуралистическая концепция языка с наибольшей полнотой отражена в книгах Шлеихера "Теория Дарвина в применении к науке о языке" (1863) и "Значение языка для естественной истории человека" (1865).

Для "язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся посредством звуков процесс мышления", задача языка — "создать звуковой образ представлений, понятий и отношений, он воплощает в звуках процесс мышления. <„> Язык... может с фотографической точностью отобразить тончайшие нюансы мыслительного процесса"[156]; "язык - это воспринимаемый ухом симптом деятельности целого комплекса материальных отношений в построении мозга и речевых органов с их нервами, костями, мускулами и др"[157]. В этих определениях Шлейхер стремится подчеркнуть материальную основу речевой деятельности.

Признавая единство языка и мышления, пытался установить определенные отношения между структурой языка и строением мышления. В мысли, пишет он, следует различать материал и материалом являются понятия и представления, форму создают взаимоотношения понятий и представлений. Понятие и представление, получив звуковое выражение, образуют значение. Сущность любого языка и определяется, по Шлейхеру, тем, как выражены в нем значение (т.е. понятие и представление) и **отношение.** Положение, которое занимают относительно друга выражение значения и выражение отношения, называет формой. Значение выражается в корне слова, а отношение - в суффиксах; значение и отношение вместе образуют слово. "...Сущность слова, а тем самым и всего языка, - пишет Шлейхер, - определяется тремя моментами: звуком, формой и функцией".

На основе указанных положений Шлейхер предложил морфологическую

классификацию языков. Характеризуя языки по выражению в них значения и отношения, он выделяет три возможных типа языков:

1. В языке выражено только значение: слово здесь представляет собой нерасчленимое устойчивое единство, напоминающее кристалл. К таким односложным (корневым, изолирующим) языкам Шлейхер относил китайский и бирманский языки.

2. В языке звуками выражается не только но и слово здесь распадается на части, но они не образуют тесно спаянного единства. К этому типу языков относятся агглютинирующие языки (например, тюркские, финно-угорские). '

3. В языке слово, передавая и значение, и отношение, является **СтвОм** в многообразии составных элементов. Это характерно для флективных языков. В концепции флективность - высшая ступень строя

В морфологической классификации языков Шлейхера чувствуется влияние немецкой классической философии, в частности идей Г.Гегеля. Заслуга Гегеля состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении. Однако как идеалист Гегель все многообразие форм движения сводил к трем ступеням (этапам) развития - это так называемая гегелевская "триада". Взаимоотношения между тезисом, антитезисом и синтезом характеризуются тем, что на втором этапе происходит снятие характерных черт первого этапа, на третьем этапе снимаются черты второго этапа и происходит как бы возврат к первому этапу, но на качественно новой основе, т.е. третий этап — это как бы следующая ступень развития первого этапа. Сравним теперь эти положения с мыслями Шлейхера: "Если в языках первого класса мы встречали недифференцированную тождественность значения и отношения, чистое бытие отношения в себе, если в языках второго класса дифференцируются звуки, обозначающие значение и отношение, отношение выступает в обособленном звуковом бытии для себя, то в языках третьего класса это различие превращается в единство, но бесконечно более высокое, потому что оно явилось из различия, имеет его своей предпосылкой и включает его в себя в снятом виде"*[5<?]. Шлейхер подчеркивал, что между тремя четко дифференцированными типами языков, хотя эти типы и исчерпывают все возможные случаи, существуют переходные ступени. Выделение трех типов языков выражает три ступени развития языка, "то же самое можно сказать о природе". Шлейхер, увлекавшийся ботаникой, стремился в развитии языка найти аналогии с органическим миром. Так, три периода развития языка соответствуют трем царствам природы (минеральному, растительному, животному), знаменующим три ступени развития Земли.

По Шлейхеру, языки, отнесенные к трем типам, созданы в доисторический период, когда возник и собственно язык. Придерживаясь, как и большинство его современников, теории двух периодов в развитии языка, Шлейхер определял эти этапы так: "1) Развитие языка - доисторический период. <...> Все высшие формы языка возникли из более простых: агглютинируюшие из изолирующих, флективные из агглютинирующих. 2) Распад языка на звуки и формы, причем одновременно происходят значительные изменения в функциях и строении предложения - исторический период"[159]

Теория двух периодов языкового развития, возникшая под влиянием трактовки исторического процесса в **духе** учения В.Гумбольдта, у Илейхера также связана с гегелевским пониманием процесса развития. В своей книге "Феноменология духа" Гегель утверждает, что первоначальной причиной развития является абсолютная идея, абсолютный дух, который все объясняет, но сам необъясним, Абсолютный дух отчуждает свое бытие: природа представляет собой его инобытие, т.е. воплощение. Пока дух пребывает в природе, природа развивается, она **преисполнена** творческих возможностей; когда же прекращается инобытие духа, природа перестает **развиваться.** То же **Шлейхер** наблюдает между духом и языком: "В языке дух человечества в целом, как и отдельного народа, является нам в своем инобытии... Так же всемирный дух является нам в природе в своем инобытии. Поэтому, когда дух возвращается к себе, его инобытие исчезает, начинается бытие для **себя...** То, чем является **дочеловеческий** период в истории Земли, тем же является доисторический период в истории человека... В первом периоде дух был в природе, в последнем'— в звуке... Природа, преисполненная творческой потенции в предыдущий период, в наш период принизилась до воспроизводства; она уже не создает нового после того, как всемирный **дух** в человеке вернулся из инобытия к себе; после того как дух человеческий... вернулся к себе в истории, Иссякла плодотворность бессознательного созидания его конкретного образа, языка. С тех пор и язык только воспроизводится, но по мере смены языковых поколений становится заметным все большее вырождение языка".

Перенесение положений Гегеля на язык представляет исторический процесс в резком противоречии с научными положениями современной теории развития языка, согласно которой язык является продуктом ряда эпох. В советском языкознании уже отмечалось, что гегелевская трактовка развития опирается на принципы объективного идеализма и поэтому находится за пределами подлинной науки. Однако, хотя и построенная на ложных предпосылках, шлейхеровская классификация языков и теория развития языка представляют тем не менее стройную и цельную систему положений и с этой точки зрения заслуживают интереса.

§ 33. "БИОЛОГИЧЕСКАЯ" КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА

Стремление А.Шлейхера выявить действующие в языке закономерности побудило его определить место **языкознания** в системе **н**аук. Шлейхер исходил из того, что язык не зависят от отдельного лица; в языке действуют определенные законы, которые воля человека не может изменить. С таким же действием законов мы встречаемся только в области естественных наук. "Подделать" объект языкознания, говорил Шлейхер, так же невозможно, как и объект естествознания. Объект изучения дается лингвисту непосредственно, он не подвержен субъективизму исследователя. Отсюда Шлейхер делает вывод: языкознание составляет часть **естественной** истории человека. Филология, также изучающая язык, противопоставляется языкознанию, так как она имеет дело с историей, которая начинается там, где проявляется свободная воля человека. Филология **анализирует** литературные- тексты, поэтому филолог, занимаясь критикой тек-

проявляет к ним свое субъективное отношение. использует образные сравнения. Филолог подобен садовнику: для него существеннее всего практическая ценность растения, его красота и т.п. Языковед же выступает как естествоиспытатель, он относится к языкам так же, как ботаник к рзстениям. Ботаник должен рассмотреть все растительные организмы, изучить законы их строения и развития, а эстетическая и практическая оценка растения для него безразличны. В другом месте Шлейхер сравнивает филолога с земледельцем, у которого есть пара лошадей, а языковеда — с зоологом. Если земледелец должен знать силу своих лошадей, их индивидуальные особенности, привычки и т.п., то зоолога интересует отличие биологического вида "лошадь" от других видов того же семейства, того же отряда. Для этого зоологу необходимо представлять себе систему видов животных в целом. Точно так же и языковед, изучая отдельный язык, должен сравнить его с другими языками, понять, какова вообще система языков и какое место в ней занимает данный язык.

Разделяя языкознание и филологию, Шлейхер указывал, что есть области, где филология и языкознание смыкаются. К ним, например, относится синтаксис, зависящий от мышления и воли индивидуума и в го же время испытывающий действие объективных законов. Четкое различение целей и задач филологии и языкознания имело большое значение для дальнейшего развития языковедения. Если представители классической филологии, изучавшие греческую и латинскую грамматику и тексты, с недоверием относились к сравнительному языкознанию, то для языковедов, по убеждению Шлейхера, большой интерес представляет изучение и бесписьменных языков (например, языков американских индейцев), и народных говоров Бесписьменные языки и диалекты выдвинуты как объекты языкознания в процессе обоснования Шлейхером своей концепции Языка.

"Биологическая" концепция языка впервые была изложена Шлейхером в труде "Языки Европы в систематическом освещении", где язык уподоблялся организму. Почти через десять лет, в книге "Немецкий язык", он уже признает язык организмом: "Языки, эти образованные из звуков природные организмы, притом самые высшие из всех, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что они разделяются на роды, подвиды и т.д., но и в том, что их развитие происходит по определенным законам"; "Жизнь языка несущественно отличается от жизни других живых организмов - растений и Животных. Как и они, он имеет период роста от простейших начал к более сложным формам и период старения, в который языки постепенно все более отдаляются от достигнутой наивысшей степени развития и их формы терпят ущерб. Естествоиспытатели называют это обратной При этом следует помнить, что в термин "организм" Шлейхер вкладывал отнюдь не биологическое содержание. Он понимал под "организмом" развивающуюся структуру, которая образовалась естественно, без вмешательства человеческой воли. Именно в этом смысле Шлейхер называет язык природным организмом (Naturor- сопоставляя его с организмами, в природе.

Огромное впечатление произвела на Шлейхера теория Ч.Дарвина о происхождении и изменении видов. В своей работе "Теория Дарвина в применении к науке о языке" он прямо указывал, что "законы, установленные Дар-

вином для видов животных и растений., применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языков"[160] -По его мнению, разделения и подразделения в области языков, в сущности, такого же рода, как и в царстве естественных организмов. Так, виды одного рода у нас называются языками, подвиды — диалектами; разновидностям соответствуют местные говоры, или наречия, наконец, отдельным особям соответствует образ выражения отдельных людей. Шлейхер подтверждает для языков установленный Дарвином закон изменчивости видов: "Те языки, которые, по выражению ботаников и зоологов, следовало бы обозначить видами одного рода, мы считаем за детей одного общего основного языка, из которого они произошли путем постепенного изменения. Из племен языков, нам хорошо известных, мы точно же составляем родословные, как это старался сделать Дарвин для видов растений и животных".

Основываясь на закономерностях развития животного и растительного мира, Шлейхер стремится установить общие законы возникновения и развития языка. Как органический мир развивался из одноклеточных организмов, так и все языки мира ведут свое происхождение от таких простейших языков, в которых еще не выражены ни глаголы, ни имена, ни спряжения, ни склонения. "...Употребляя форму уподобления, - пишет Шлейхер, - я назвать корни простыми клеточками языка, у которых для грамматических функций, каковы имя, глагол и т.д., нет еще особых органов и у которых самые эти функции (грамматические отношения) столь же мало различны, как, например, у одноклеточных организмов или в зародышевом пузырьке высших живых существ, дыхание и пищеварение". Таким образом, продолжает он, мы принимаем для всех языков по форме одинаковое происхождение. Но звуковой материал, жизненные условия у различных людей были неодинаковыми, чем и объясняется многообразие языков.

Шлейхер переносит на языки и положение Дарвина о борьбе за существование в природе, согласно которому выживают лишь наиболее приспособленные, жизнеустойчивые виды, в то время как слабые исчезают. Эту теорию Шлейхер применяет к языкам без всякого изменения; он полагает, что "в настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются преимущественно языки индогерманского племени; распространение их беспрерывно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены".

Таковы основные особенности "биологической" концепции языка. Необходимо отметить, что Шлейхер был весьма далек от отождествления языка с явлениями органического мира. Его аналогии между языком и органическим миром сейчас кажутся наивными; не слишком серьезно относился к ним и сам Шлейхер. Находясь на уровне современного ему состояния науки, он понимал, что основу знания составляет наблюдение. А где можно установить верное, строго объективное наблюдение? Только в природе, наблюдая совершающиеся по определенным законам изменения живых организмов. А потому "только точное наблюдение организмов и законов их жизни... должно служить основанием и нашей науке". Такими точными и строгими методами наблюдения во времена Шлейхера обладали лишь есте. ственные науки. На основе изучения закономерностей развития живых организмов Шлейхер пытался познать исторические закономерности развития

языков. Тем самым он уподоблял язык явлениям органического мира. Подчеркивая независимость языка от воли индивидуума, Шлейхер стремился обосновать возможность закономерного в языке. В поисках языковых закономерностей, аналогичных закономерностям органического мира, заключается сущность его "биологической" концепции языка.

§ 34. ПОНЯТИЕ ПРАЯЗЫКА И ТЕОРИЯ РОДОСЛОВНОГО ДЕРЕВА

АШлейхер был первым языковедом, предложившим генетическую классификацию родственных языков индоевропейской языковой семьи. Он считал, что невозможно установить общий праязык всех языков земного шара; скорее всего, существовало множество но родственные языки всегда происходят из одного языка-основы. Языки, происходящие из одного праязыка, образуют языковый род, или языковое дерево, оно затем делится на или языковые ветви. Задача языковеда, по словам Шлейхера, заключается в том, чтобы "восстанавливать на основе доступных нам более поздних форм существовавшие в прошлом формы семейства, или же праязыка всего рода". Это гипотетическое восстановление звуков, форм, слов праязыка называют реконструкцией праязыка (восстанавливаемые элементы обозначают звездочкой, чтобы показать их теоретический характер, то, что они не зафиксированы ни в одном из письменных памятников).

Хотя Шлейхер не поддерживал мнения Ф.Шлегеля, который первоисточником всех индоевропейских языков считал санскрит, но реконструируемый им праязык должен был обладать идеализированной структурой санскрита, ибо в этом древнем языке ясно обнаруживалось соотношение элементов, выражающих значение и отношение. В основу реконструкции звукового состава индоевропейского праязыка Шлейхер положил схему чередования гласных, разработанную древнеиндийскими учеными. Звуковому строю праязыка он приписывал строгую математическую симметрию. Прибавлением гласного [a] (по древнеиндийской терминологии *guna* 'качество') к трем основным гласным [a, i, и] получались дифтонги [a + a] = **= И;** [a+ i] = **[ai(e)];** fa + u] = **[au(б)]** . Повторное присоединение гласного [a] к первому элементу дифтонга (древнеиндийский термин *vrddhi* - 'приращение') приводило к удлинению дифтонга [a-+ a] = **[aa]** ; [a*+ ai] = = [-ai]; [a+ аи] = **[аи]**. По этой схеме каждый гласный мог двигаться только в пределах своего ряда. Таким образом, утверждал Шлейхер, вокализм индогерманского праязыка, состоявший из 3x3 звуков, был в высшей степени прост, но и в высшей степени правилен и строго симметричен. Кроме гласных в индоевропейском праязыке, по мнению Шлейхера, было 15 согласных. Эта заманчивая по своей простоте и логической стройности схема не отражала архаического праиндоевропейского состояния языка, так как не принимал во внимание влияние ударения на изменение качества гласного, игнорировал характерное для праязыка чередование [e/o] (типа *несу - ноша)* и другие факты индоевропейской фонетики. Ошибочность трактовки вокализма в индоевропейском праязыке в шлейхеровской сравнительной грамматике объяснялась тем, что он исходил из предвзятого убеждения в древности санскритских форм.

Что касается морфологической характеристики праязыка, то здесь Шлейхер занимал в основном позицию, близкую позиции **ФБоппа.** Ок стро¬ го различал корень, основу, суффикс, полагая, что цель исследования состо¬ ит в разложении тесно сросшихся элементов слова. Например, емую ивдоевропейскую форму творительного падежа множественного чис- ла ***шкаю* 'волками'** он считал возникшей из ***mrkabhi$,*** а ***varka-bhi-$*** из еще более древней формы ***varkabhi-sa,*** составленной из корня *vark-,* **имен-** ной основы ***varka,*** падежного суффикса *-ЬМ-* и суффикса множественного числа **-*t** Конечно, это была искусственно созданная форма.

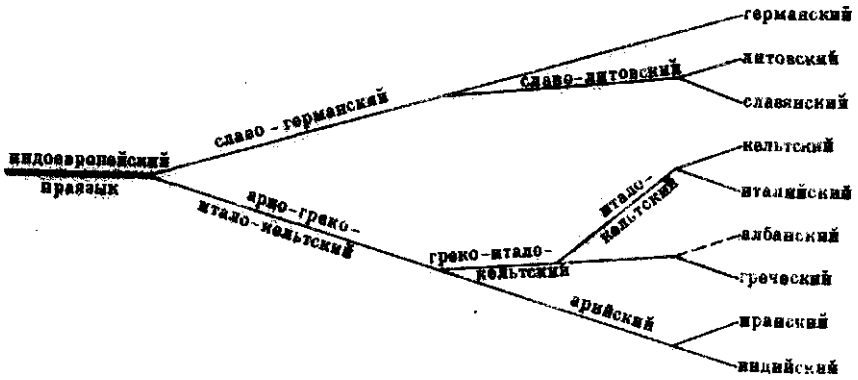
Разделяя учение Боппа об агглютинации, **Шлейхер** утверждал, что все суффиксы восходят к словам, а личные окончания глаго¬ ла произошли из **местоимений.** Так, он считан, что окончание ***й*** **1**-го **л.ед.ч.** перфекта якобы восходит к местоименному корню **1-го** л. ***ma: bsbhara*** он выводил из По мнению в праязыке было девять па¬ дежей (именительный, винительный, отложительный, родительный, мест- ный, дательный, **инструментальный** первый, инструментальный второй и звательный), три числа (единственное, двойственное и множественное) и три рода **(мужскок,** женский, средний).

Характерно, что в своем стремлении показать простоту и стройность ин¬ доевропейского праязыка Шлейхер зачастую прибегал к произвольному звуковыми изменениями, схематическому представлению морфологической структуры слова и т.д. Чтобы доказать верность своей реконструкции, он написал басню на реконструированном им праязыке. Работы последующих поколений компаративистов показали, что это сочине- ние было грубым **приближением** к формам **праязыка,** потому что Шлейхер слишком ориентировался на санскрит. Но сам метод форм впоследствии широко применялся языковедами.

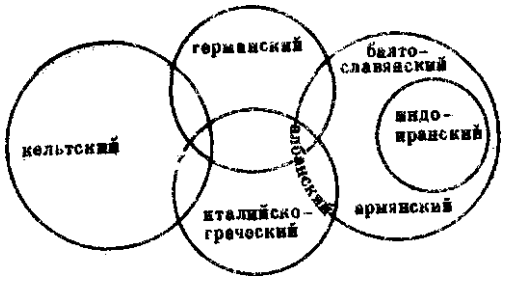
вопрос о дальнейшем развитии языка, Шлейхер отмечает, что языки, возникшие первыми из праязыка, можно называть почти каждый из них распадается на от¬ дельные языки могут далее распадаться на а диалекты - на п о д д и а л е к т ы. Эти диалекты и поддиалекты с течением времени на¬ столько обособляются, что отдельные языки, которые, в свою очередь, дробятся на диалекты и языки. При таком процессе диффе¬ ренциации языков Шлгйхер полностью исключает возможность перекрест¬ ного скрещивания языков и диалектов. Для иллюстрации процесса распада индоевропейского праязыка он схему родословного дерева ин¬ доевропейских языков (см. рис. на с. 95).

На основе теории родословного дерева Шлейхер делает следующие вы¬ воды: 1) языки, относящиеся к рдной и той же ветви родословного дерева, во всех отношениях ближе друг к другу, чем к языкам иных ветвей; у язы¬ ков же, относящихся к разным ветвям дерева, общими мо¬ гут быть только такие черты, которые уже существовали в праязыке; 2) чем восточнее живет индоевропейский народ, тем на более древнем уровне остался его язык, и чем западнее, тем менее древних черт и более новообразований содержит язык. Оба эти вывода не выдерживали критики с точки зрения реальных фактов индоевропейских языков. **Во**-первых>упо- тому, что одинаковые фонетические процессы (например, переход [S > S])

захватывали языки, принадлежащие к разным ветвям родословного дерева, а во-вторых, в восточном древнеиндийском языке, санскрите, который считался эталоном праязыка, наряду с архаическими чертами обнаруживается немало специфических новообразований. Кроме юго, факты показывают, что индоевропейские *языки* уже а глубокой древности вступали в контакты между собой.



Эти положения **Шлейхера** были восприняты лингвистами критически. В 1872 г. немецкий языковед, ученик Шлейхера И.Шмидт в своей книге "Отношения родства между индоевропейскими языками" в противовес гипотезе родословного дерева выдвинул "теорию волны, которая концентрическими становящимися все более слабыми по мере удаления от центра распространения новообразований"[161]. Схема Шмидта выглядит следующим образом:



ШМИДТ подчеркивает большую связь балтийских языков с германскими, чем со славянскими, а с индоиранскими и т.д., т.е. все индоевропейские языки оказываются связанными друг с другом цепью взаимцых переходов. Шденхеровской концепции последовательного дробления индоевропейского праязыка Шмидт противопоставил теорию постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ праязыка. "Теория волны", несмотря на то, что она более последовательно выражала отношения между языками диалектами праязыка, тем не менее

•тоже заключала в себе существенный недостаток, ибо она снимала вопрос о диалектном своеобразии отдельных частей индоевропейской языковой общности. Однако в зарубежном языкознании концепция Шмидта приобрела чрезвычайную популярность.

В лингвистической концепции Шлейхера были и положительные, и отрицательные моменты. И лучше всего эти противоречия отметила советский языковед А.В. Десницкая: "Шлейхер как мыслитель стоял на уровне прогрессивных идей своего времени. Он несомненно принадлежал к тем гегельянцам, которые, как Л.Фейербах, пришли к материализму. Слова, сказанные Ф.Энгельсом о Л.Фейербахе, могут быть применены также к Шлейхеру, который строил свое понимание материальных основ речевой деятельности как непосредственной реализации мыслительного процесса, осуществляемого в мозгу, на положениях естественнонаучного материализма и который отрицал наличие особого духовного начала. Шлейхер мыслил столь же материалистически, как и Фейербах... Он стремился создать последовательно материалистическую теорию языка, освобожденную от влияния философского идеализма и основанную на объективных методах изучения фактов, получаемых путем наблюдения. Главным недостатком теоретической концепции Шлейхера было отсутствие понимания общественной сущности языка и историко-материалистических закономерностей его развития. Нет, однако, оснований считать вульгарным материалистом ученого, который - первый и единственный из лингвистов XIX в. — пытался поставить вопрос о материальных основах речевой деятельности и при этом не отрывал языка от мышления"[162].

ГЛАВА 8

МЛАДОГРАММАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 35. ИЗ ИСТОРИИ МЛАДОГРАММАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В **70-80-е** годы ХГХ в. в европейском языкознании, в частности в Германии, новое направление, сторонники которого выступили с резкой критикой взглядов старшего поколения **языковедов-компаративистов** - **Ф.Боппа,** Я.Гримма, А.Шлейхера и др. Именно за эту критику представителей нового направления назвали
а отстаиваемое ими направление — младограмматическим. Возникновение младограмматического направления связано с именами **К.Бругмана** (1849-1919), **Г.Остхофа** (1847-1909), **Г.Пауля** (1846-1921), **БДельбрюка** (1842-1922), А.Лескина (1840-1916). Поскольку эти ученые были связаны с Лейпцигским университетом, направление нередко называют также Лейпцигскойшколойязыкознания.

Не все немецкие лингвисты разделяли взгляды младограмматиков. Так, между Бругманом и Остхофом и представителями старого направления сравнительно-исторического языкознания, группировавшимися вокруг эти-

молога А.Фика в Геттингенском университете, с самого начала разгорелась ожесточенная полемика. Представители того направления, к которому принадлежал Фик **(А.Бецценбергер, Г.Коллитц,** Ф.Бехтель и др.), уделяли большое внимание семантической истории слов, в то время как Бругман и Остхоф считали такой способ исследования ненадежным, поскольку, по их мнению, развитие значения слова осуществляется весьма сложными путями, не поддающимися точному определению. Глава так называемой Берлинской школы И.Шмидт продолжал развивать взгляды своего учителя **А**Шлейхера и к методическим принципам младограмматиков относился если не отрицательно, то, во всяком случае, сдержанно. Характеризуя сложившуюся в немецкой лингвистике того времени обстановку, академик И.В. Ягич писал, что в Германии сколько университетов, столько и "школ". Сами немецкие лингвисты отмечали остроту борьбы между отдельными направлениями, их изолированность друг от друга, бесконечные споры, касавшиеся больше личностей, чем сути дела.

Но стремление лейпцигских младограмматиков к усовершенствованию методов исследования языка, тщательная обработка огромного языкового материала, углубление и расширение сравнительно-исторического изучения языков оказали большое влияние не только на большинство ученых Германии, которые со временем перешли на позиции младограмматиков, но и на многих европейских лингвистов. В той или иной мере к младограмматикам примыкали **скандинавские** ученые **В.Томсен** (1842-1927) и **КВернер (1846-1896), француз** М.Бреаль **(1832-4915), итальянец ГАсколи** (1829-1907), американец У.Уитней (1827-1894) и др. Что же касается русских языковедов Ф.Ф. Фортунатова и **И.А**.Бодуэна де Куртенэ (см. гл. 9 и 10), которых ранее признавали сторонниками **младограмматизма,** то Л.В. **Щерба** справедливо считал, что эги так называемые русские Младограмматики не поддерживали полностью концепцию младограмматиков и стремились отойти от идей теоретика младограмматизма Пауля. В.А. Богородицкий прямо указывает на то, что в России движение младограмматиков отразилось весьма слабо. Фортунатов, Бодуэн де Куртенэ и некоторые их ученики очень быстро осознали недостатки предлагавшегося лейпцигскими младограмматиками метода исследования языка и критику его вели с позиций, приближающихся к положениям современного языкознания.

§ 36. **ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ КАК ОСНОВА** ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МЛАДОГРАММАТИКОВ

Принципы младограмматического направления наиболее четко отражены в предисловии К.Бругмана и Г.Остхофа к первому тому издававшегося ими непериодического сборника "Морфологические исследования в области индоевропейских языков" (1878), который иногда называют манифестом младограмматиков, а также в книге Г.Пауля "Принципы истории языка" (1880), в работе Б.Дельбрюка "Введение в изучение индоевропейских языков" (1880). Можно также упомянуть полемическую работу Г.Курциуса "К критике новейших исследований по языку" (1885), а также "К современному состоянию языкозцания" (1885) **Бругмана** и "Основные вопросы исследования языка" (1901) Дельбрюка.

Из этих работ наиболее важной являются "Принципы истории языка" Пауля - теоретическое обобщение взглядов представителей направления, школы. Из широкого комплекса проблем, поднятых Паулем в этой книге, мы ограничимся рассмотрением вопросов, связанных с психологической основой его теории, с пониманием соотношения индивидуального и социального, речевой деятельности и нормы, индивидуума, общества и языка, с определением объекта языкознания и принципа историзма.

Прежде всего следует отметить, что младограмматики стремились избегать философии: это связано с их разочарованием в глоттогонических построениях В.Гумбольдта и А.Шлейхера. Недаром Дельбрюк заключает свое "Введение в изучение языка" словами: "Языкознание вступило из философского периода в **исторический"**[163]. Историзм лежит в основе всей концепции Пауля, который обосновывает **его** как единственно научный принципплингвистического анализа. Все языкознание Пауль сводит к истории языка: "То, что понимают под и все же научным рассмотрением языка, есть по сути дела также историческое, но не совершенное изучение языка... Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории. <...> Мне вообще неизвестно, как можно с успехом рассуждать о языке, не добывая сведений о его историческом **становлении"***[64].

Для того чтобы понять историческое развитие языка, Пауль предлагает особую, науку", которую он называет учением о принципах. Только с помощью науки о принципах исследования история обретает, по его мнению, свою подлинную ценность; языкознание как история языка относится к историческим наукам, которые делятся на естественноисторические и культурно-исторические. Языкознание - наука культурно-историческая, общественная. Лишь общество создает культуру, отсюда следует, что задача учения о принципах культурно-исторической науки (языкознания) заключается в том, "чтобы показать, как протекает процесс взаимодействия индивидов, как отдельное лицо, выступая в роли получателя и дающего, определяемого и определяющего, соотносится с общностью, как младшее поколение овладевает наследием старшего". Таким образом, Пауль ставит проблему **взаимоотношения** индивидуума и общества. Все многообразие этих отношений он сводит к четырем категориям: 1) в индивидууме возникают психические образования, или комплексы представлений, под влиянием других индивидуумов; 2) глядя на движения других людей, индивидуум научается целесообразным движениям частей своего тела; хотя движение - процесс физиологический, в нем есть и психологический момент; 3) только сотрудничество нескольких индивидуумов делает возможным изготовление орудий труда и накопление капитала; 4) индивидуумы оказывают друг на друга физическое воздействие, которое может быть или во вред, или на благо прогрессу, но оно не может быть от культуры.

Эти выступают отличительными признаками, позволяющими Паулю отграничить о принципах от коллективной психологии, или этнопсихологии, - учения, выдвинутого в середине ХГХ в. **Г.Штейнталем, ко-**

9?

торый утверждал, что сущностью человеческой души является то, что она не есть обособленный индивидуум, но принадлежит определенному народу. Пауль исходит из того, что всякие чисто психические образования (комплексы представлений) появляются в душе индивидуума и "остается лишь признать, что в действительности существует лишь индивидуальная психология и что никакая этнопсихология, или как бы ее еще ни называли, не может быть ей противопоставлена".

Пауль считает, что важнейшим признаком культуры является **ческое** начало: это "важнейший фактор всякого движения культуры, все вращается вокруг этого фактора. Психология является поэтому главной базой культурно-исторической науки во всей полноте ее содержания". Младограмматики признавали психологию основой языкознания, поэтому учение о принципах развития строится на основе психологии. Однако Пауль утверждает, что "культуры на чисто психической основе не существует", **что,-** помимо **психологии,** которая является законоустанавливающей наукой, надо знать законы действия физических факторов культуры. Принцип историзма предполагает понимание потому вполне закономерен основной вывод Пауля: "Языкознание должно быть психологическим насквозь, даже там, где речь идет о констатации единичных фактов".

Отрицая коллективную психологию, исключая существование общего **Духа** и элементов общего духа, Пауль говорит о взаимоотношениях психологических сущностей отдельных индивидуумов ("всякое чисто психическое взаимодействие совершается в недрах души индивида"). И подлинной реальностью в его концепции выступает лишь **индивидуальный язык:** "Если руководствоваться бесспорным положением, что каждый индивид обладает собственным языком, а каждый из этих языков - собственной историей", то придем к выводу о том, что "на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов". С предельной ясностью это положение выражено Бругманом и Остхофом: язык "истинное бытие имеет только в индивидууме, поэтому все изменения в языке могут происходить только от говорящих индивидуумов"[165]. Таким **образом, психологизм, по** Паулю, определяет индивидуализм. Поэтому концепция может быть определена как индивидуалистически-психологическая.

Пауль различает две сферы психики: 1) сферу сознания, к которой относятся говорение, слышание, а также всплывающие при этом представления и мелькающие в сознании языковые образования, и 2) сферу бессознательного: "Все проявления речевой деятельности вытекают из смутной сферы бессознательного. Все языковые средства, используемые говорящими... хранятся в сфере бессознательного в виде сложнейшего психического образования, состоящего из разнообразных сцеплений групп представлений". Эти хранящиеся бессознательно представления являются следствием того, что появлялось ранее в сознании как при слушании других, так и в процессе собственного говорения и мышления с помощью формы языка. Именно они, по мысли Пауля, возможность повторного появления в сознании того, что некогда в нем уже было, а следовательно, возможность понимания или произнесения **того,** что ранее понималось или произносилось. Связь между этими сферами устанавливается с помощью

организмов, которые непрестанно изменяются, причем у каждого индивидуума своеобразны и развиваются по-своему. По убеждению Пауля, развиваются исторически эти психические организмы, а не Следует отметить, что современная психология еще не в состоянии ответить на вопрос, какие процессы происходят в той сфере человеческого сознания, которую Пауль называет сферой бессознательного. Заслуга Пауля в том, что он привлек внимание к области познания, которая в настоящее время стремится ответить на вопрос, где и как хранится полученная человеком информация.

Пауль исключает обособленное развитие индивидуума, так как лишь общество делает человека разумным существом. Но с другой стороны, по его мнению, в действительности существуют одни индивидуальные языки. Это противоречие лингвистической концепции Пауля было слишком очевидным, чтобы он мог не обратить на него внимания. И для объяснения коммуникативной функции языка Пауль вводит понятие узуса: "Сравнение отдельных языковых организмов позволяет выявить нечто среднее, на основе чего определяются существующие в языке нормы употребления, языковой узус". Узус выступает как нечто общее в индивидуальных "языковых организмах", как надындивидуальная языковая абстракция, которая, противопоставляясь индивидуальной речевой деятельности, делает возможным общение. Описание узуса и составляет цель исследования грамматики. Узус не совпадает с речевой деятельностью, так как он лишь до известной степени управляет языком, в встречается еще много такого, что не только не зависит от узуса, но и прямо ему противоречит. Подлинной причиной изменения узуса, по Паулю, выступает обычная речевая деятельность. Эту же мысль высказывали и другие младограмматики. Дельбрюк, например, считал, что по своему характеру однородные (тождественные) изменения в произношении, возникающие у отдельных лиц, затем путем подражания широко распространяются. А.Бецценбергер также указывал, что многие перенимают чье-либо произношение, видя в нем образец хорошего вкуса. Своеобразное произношение какого-либо лица сначала становится модой, а затем, распространившись среди членов коллектива, находящихся в постоянном общении, — узусом, т.е. общепринятой нормой. Младограмматическая концепция развития языка и сводится к выявлению взаимоотношений языкового узуса и речевой деятельности отдельного

Изменения языкового узуса могут быть, по Паулю, положительными и отрицательными: процесс — это возникновение нового, а процесс — это утрата в языке младшего поколения элементов языка старшего поколения. И наконец, могут быть процессы замены, когда отмирание старого и появление нового являются одним актом. Эти процессы соответствуют последовательности поколений (генераций), говорящих на одном языке ("между поколением, активно владеющим данным [языковым. — *Ф.Б.]* фактом, и поколением, утратившим его полностью, стоит поколение, лишь пассивно владеющее им"). Эта теория языковой непрерывности и роли смены поколений в изменениях языка характерна для младограмматического направления. Пауль учитывает общественный характер языка, но он не замечает его социальности. Он

утверждает реальность индивидуального языка, но не показывает, как индивидуальный язык может служить средством общения. Из теории Пауля не ясно, как психологически обусловленная речевая деятельность индивидуума влияет на историческое развитие языка, — таковы недостатки исторической концепции Пауля.

§ 37. УЧЕНИЕ О ЗВУКОВЫХ ЗАКОНАХ И АНАЛОГИИ КАК ВАЖНЕЙШИХ ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Рассмотрение младограмматиками языка как проявления психофизиологической деятельности организма привело к изменению языкознания. Были выдвинуты новые принципы исследования языка. Важнейшие из них изложены К.Бругманом и Г.Остхофом - это изучение речи говорящего человека, а не письменных памятников прошлого и учет при анализе истории языка действия звуковых (фонетических) законов и аналогии.

Главный недостаток сравнительно-исторического языкознания Бругман и Остхоф видят в том, что оно подходило к объекту своего исследования, индоевропейским языкам, "не составив себе ясного представления о том, как вообще живет и развивается человеческий язык, какие факторы влияют на речевую деятельность и как эти факторы в совместном действии влияют на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С исключительным рвением исследовали но слишком мало - говорящего человека". Стремление восстановить индоевропейский праязык приводило к тому, что ученые старшего поколения недостаточно исследовали речевой механизм говорящего индивидуума, не уделяли должного внимания его психологии, недооценивали историю языков, пренебрегали новыми и новейшими периодами в их жизни.

Далее Бругман и Остхоф сделали предложения, которые должны были способствовать устранению отмеченных недостатков. Прежде всего они советуют изменить объект исследования ("компаративист должен обратить свой взор не к праязыку, а к современности"). Это свое требование они выразили очень образно: "...только тот компаративист, который покинет душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы, и выйдет на свежий воздух осязаемой действительности и современности, чтобы познать все то, что непостигаемо с помощью сухой теории, только тот, кто раз и навсегда откажется от столь распространенного ранее и встречающегося и сейчас метода исследования, согласно которому язык изучают только на растворяют все в терминологии, в формулах и в грамматическом схематизме... — только такой ученый сможет достичь правильного понимания характера жизни и преобразования языковых форм". Изучать живые языки следует потому, что они: 1) народные, не подвергшиеся литературной обработке, следовательно, отражают разговорный язык; 2) включают множество диалектов.

Смена объекта исследования привела к изменению теоретической базы языкознания. В основе новых методологических принципов "лежат две предельно ясные мысли: во-первых, язык не есть вещь, людей и над ними и существующая для себя; он существует только

в индивидууме, тем самым все изменения, в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов, во-вторых, психическая и физическая деятельность человека при усвоении унаследованного от предков языка и при воспроизведении и преобразовании воспринятых сознанием звуковых образов остается в своем существе неизменной во все времена"

Бругман и Остхоф указали также на необходимость коренного изменения методики лингвистических исследований. Важнейшими младограмматики считали следующие методологические принципы: "Во-первых: каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по не имеющим с люч ен й... Во-вторых, так как ясно, что ассоциация форм, т.е. новообразование языковых форм по аналогии, играет очень важную роль в жизни сле- дует без колебаний признать значение этого способа обогащения языка для древних и древнейших периодов". Они исходили из **того, что** источник всех изменений языка находится в сфере Бессознательно происходят и сами изменения, которые обусловливаются психологическими и физиологическими процессами, протекающими в душе индивидуума. Эти процессы и отражаются в языке в виде звуковых законов и образований по аналогии.

Младограмматики не первыми обратили внимание на закономерность совершающихся в языке звуковых изменений. Известный славист кин, отмечая существование системы в звуковых изменениях, в книге "Склонение в славяно-балтийских и германских языках" (1876) писал, что допускать произвольные, случайные, не согласуемые между собой отклонения — значит признать, что объект .исследования, язык, не доступен для науки. Немецкий **филолог -классик** Г.Курциус еще ранее указывал, что именно в жизни звуков можно с наибольшей достоверностью установить такие законы, которые действуют с такой же последовательностью, как силы природы. Однако ни Лескйн, ни Курциус не проводили этого принципа с достаточной строгостью, и их мнения о действии звуковых законов были противоречивы (в частности, допускал, что в звуковых законах есть исключения).

Выступая против ошибочного отождествления звуковых законов с законами **природы, Г.Пауль** в "Принципах истории языка" писал: "Понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии... Звуковой закон не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определенной группы исторических явлений". Кроме того, младограмматики неоднократно подчеркивали, что звуковые законы действуют без всяких понимая под этим однородность изменения одинакового звука в определенных условиях у всех членов коллектива.

Как же младограмматики понимали звуковые законы? Точный ответ на это дает Б.Дельбрюк: звуковые законы есть не что иное, "как единообразия, возникающие в известном языке и д известное время и имеющие силу только для этого языка и Пауль предупреждал против отождествления звуковых законов с чередованием звуков, так как о звуковом законе можно говорить лишь в случае звуковых изменений. Совре-

менная лингвистика к "известным" ограничениям, упоминаемым в определении Дельбрюка ("в известном языке'и в известное время"), добавляет еще "известные условия и территорию" и определяет понятие фонетического закона следующим образом: фонетическим законом называется' звуковое происходящее языке, в данных условиях, на данной территории, в данное время.

• Конкретным примером действия фонетических законов может служить изменение (не чередование!) [к > ч] (ср.: *пеку - печёт, теку - течёт* и др.). Это изменение происходило в условиях (перед всеми гласными переднего ряда и перед [j]), в определенное вре- (в общеславянскую эпоху; в современном русском языке этого изменения не происходит: мы говорим *по реке, гиря* и т.п.),в определенном языке (например, в близкородственных балтийских языках такого изменения не наблюдается: ср. русск. *четыре,* но лит. *kcturi).*Примером территориального ограничения звукового закона может служить изменение [о > Л] в предударном слоге в средних диалектах русского языка (так называемое аканье). Младограмматики считали, что "только тот, кто признает действие звуковых законов, на понятии которых основывается вся наша наука, на твердой почве в своих исследованиях".

Однако очень много споров велось по поводу исключений в фонетических законах. Противники младограмматизма часто приводили убедительные примеры существования исключений. Так, датский лингвист К.Вернср в статье "Исключение из первого передвижения согласных" (1877) объясняет некоторые противоречия в первом германском передвижении согласных. По закону Раска — Гримма, система смычных согласных всех германских языков передвинулась на одну ступень, т.е. индоевропейские глухие смычные в германских языках перешли в глухие щелевые:

индоевроп.	общегерм.	**готск.**	нем.
I'Pl	in	[П	1Ы
I't]	|th]	[tl,l	[d|
I'k]	[h|	[Ь|	I lil

г

Если такие соответствия, как санскр. *bhratar,* готск. *brothar,* нем. *Bruder* "брат", обнаруживают точное соблюдение закона Раска - Гримма (в середине слова [t -> th -> d]), то в санскр. *ГОТСК. fadar,* нем. *Vater* 'отец' мы наблюдаем отклонение (в середине слова представлены готск. [d] и нем. [t] , которые соответствуют индоевроп. [Hh] а не [*t]). Эти факты так и считались бы исключением, если бы Вернер не открыл закона, объясняющего все влиянием индоевропейского ударения. В переработке Пауля закон Вернера гласит: глухие щелевые, возникшие из индоевропейских глухих смычных, а также звук [s] озвончились, если непосредственно предшествующий гласный не имел на себе индоевропейского ударения (обратите внимание на место ударения в словах *bhratar* и Русский языковед Ф.Ф. Фортунатов (см. гл. 9) указал, что подобные "исключения" вызываются: 1) действием иного фонетического закона (как в приведенном примере), 2) аналогией и 3) заимствованием слов либо из другого языка, либо из другого диалекта того же языка.

Оставив в стороне заимствование слов, рассмотрим процесс **аналогии.** По мнению Пауля, аналогия имеет исключительное значение как для речевой деятельности, так и для **развития** языка в целом. Первым обратил внимание на значение аналогии в развитии языка датский лингвист Я. Бредедорф. Его работу "О причинах языковых изменений" младограмматики считают самой важной до "Принципов истории языка" Пауля. Они исходят из того, что слова в сознании говорящего, появляясь не изолированно, но в тесной связи с другими, образуют определенные группы. В результате большей частоты употребления одна группа слов превосходит другую и подчиняет ее себе. Например, в древнерусском языке существовали следующие отношения между падежами существительных, относящихся к разным типам склонения:

	основана-а	основана-о	основана-/
Дат. п. мн. ч.	***женамъ***	***вълкомъ***	***костьмъ***
Твор.п. МН. ч.	*женами*	***вълкы***	*костьми*
Места, (предл.) п. мн.ч.	*женах*	***вълцехъ***	***костъхь***

Под влиянием широкого распространения существительных с основой на *-а* падежные формы слов с основой на **-о** и -;' были вытеснены, установилась единая форма для всех указанных склонений. В результате такого выравнивания форм возникли современные *жёнах, волках, костях* (ср. с формами местного падежа множественного числа в древнерусском языке). Это пример морфологической аналогии.

Следует обратить внимание на действие фонетического закона в парадигме слова *волк,* где произошло смягчение заднеязычного [к] перед гласным переднего ряда ([к > ц]). В большинстве же случаев основа во всех формах этого слова оканчивалась на *-к.* В дальнейшем происходит выравнивание звуков (звуковая аналогия): формы на ***-ц*** уступают давлению форм на *-к,* и происходит унификация по этой форме.

Приведенные примеры показывают **отношениетиежду** фонетическими законами и аналогией, которое Дельбрюк формулирует следующим образом: "...звуковое изменение основано на перемене в произведении звука и проявляется везде при одинаковом стечении звуков; аналогия же, напротив, влечет за собой замену старой формы новообразованной". Звуковые законы, по мнению младограмматиков, нарушали симметрию и целесообразность системы форм, способствовали ослаблению грамматических связей, объединяющих слова. Грамматическую аналогию младограмматики воспринимали как противопоставление ненужным различиям, привносимым фонетическими законами. Признавая существование противоречия между звуковыми законами и аналогией, они тем не менее использовали звуковые законы для объяснения исторического развития языка, поскольку последние были разработаны более основательно. "...Мы,- пишут **Бругман** и Остхоф, — строжайшим образом соблюдаем принцип, согласно которому к аналогии следует прибегать только тогда, когда нас к этому принуждают звуковые законы. Ассоциация форм является и для нас последним прибежищем (ultimum refiigiiim)". Таким образом, кто отказывался от объяснения изменений в жизни языка действием фонетических законов, тот неиз-

бежно должен был апеллировать к аналогии, сделавшейся, по меткому замечанию одного из младограмматиков, "идолом современного языкознания".

Образование по аналогии, считал Пауль, "напоминает **решение** пропорционального **уравнения,** когда, зная ряд привычных пропорций, мы свободно создаем по образцу этих отношений искомый второй член пропорции, первый член которой нам также известен"; "поскольку новообразование по аналогии представляет собой решение пропорционального уравнения, то ясно, что для составления такой пропорции необходимо наличие по крайней мере трех подходящих для этого членов". Так, в латинском языке можно составить уравнение *animus :* = *senatus : x,* где *x* = *senati.* Чаще всего аналогия встречается в устной речи; ср.: *читать : читаю = махать:махаю, лизать :лижи = бежать :бежи* идр. Такие формы, как *"махаю", "бежи", "текёт", "хочите"* (вместо **литер,** *машу, беги, течёт, хотите),* возникают именно под влиянием аналогии.

Обратив внимание на необходимость изучения звуковых изменений в языке и аналогии как мощного фактора перестройки грамматической системы языка, младограмматики сильно преувеличивали их значение в жизни языка. Они считали, будто и в языке древнейших периодов аналогия действовала в том же или еще большем объеме, как и в современном языке. На самом деле, хотя учение о грамматической аналогии имеет важное значение, следует учитывать многообразные пути преобразования отдельных элементов грамматической системы языка, различные типы аналитического выравнивания форм, связь со смысловой стороной слов и т.д.

§ 38. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ МЛАДОГРАММАТИКОВ

Быстрое распространение методических принципов младограмматиков объясняется тем, что в это время было сделано несколько важных открытий, которые привели к совершенно новой трактовке фонетики индоевропейских языков и праязыка. Так, опираясь на усовершенствованную методику, К.Бругман (в работе, написанной вместе с Б.Дельбрюком, "Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков", 1886-1900) выделяет в индоевропейском праязыке 73 звука (вместо 24 звуков, установленных **А.Шлейхером)**. Большая часть фонетических исследований 80-х годов XIX в. была посвящена вокализму (совершенно справедливым было утверждение И.Шмидта, что вся сравнительная грамматика растворилась в изучении гласных), и сделанные в вокализме открытия оказались принципиально важными.

Так, если Г.Курциус пытался защищать явно не подтверждаемую языковыми фактами гипотезу о "расщеплении" единого праязыкового гласного [a] на три различных e,o]), то младограмматики выдвинули новую концепцию, согласно которой гласный типа [e] уже существовал в общеиндоевропейскую эпоху и чередовался с гласным типа [o] (ср. *несу ~ ноша).* Автором этой концепции был **Г.Коллитц,** который на основе открытого им закона смягчения (палатализации) определил систему гласных индоевропейского праязыка. Согласно этому закону, [k, g] сохраня-

лись перед гласным заднего ряда [а], но переходили в [с, dz] перед гласными переднего ряда и таким [а], которое возникло из [el , например лат. ***que,*** но санскр. *'са* (ср.: русск. *пеку - печь, могу — можешь).* Из этого следует, что в эпоху, когда в древнеиндийском языке совершился переход [к > с], следующий за согласным гласный был еще звуком [е]. Так было доказано существование в древнеиндийском языке звука [е] .

Бругман в статье "Носовой сонант" доказывает, что индоевропейские плавные и носовые звуки могли, при отсутствии ударения, выступать в слогообразующей функции, т.е. ударные [am, an, **ar, alj**, оказываясь в безударном положении, становились сонантами (слоговыми согласными) [т, п, г, *l]* (кружочком внизу обозначается слоговая функция этих звуков)" Естественно было предположить, что и ударным [ai, аи] в безударном положении соответствуют [i, u]. Следовательно, основными гласными для индоевропейского праязыка оказались не простые гласные, как полагал Шлейхер, а дифтонги; простые же гласные являются результатом ослабления дифтонгов в безударном положении. Бругман устанавливает для индоевропейского праязыка 14 дифтонгов и **11** слогообразующих согласных.

В 70-х годах XIX в. А.Фик обосновал теорию двух рядов индоевропейских заднеязычных согласных - палатальных [k, g] и велярных (твердых) [k,g]. Позже к этим рядам А.Бецценбергер, Г.Остхоф и К.Бругман добавляют третий, который они назвали **лабиовеляркым [k»,gW]** ,т.е. велярный, сопровождаемый округлением губ. Остхоф открывает в индоевропейском праязыке сонанты - плавный *[I]* и дрожащий |**r**].

Остановимся на работе швейцарского языковеда Фде Соссюра "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" (1879), в которой излагается теория строения индоевропейского корня. Де Соссюр констатировал, что каждый индоевропейский корень в ударном виде содержит гласный a^1**(Ie]**), чередующийся с a^2([о]), т.е. a_1/a_2 (или [е/о]). Гласный aj может выступать либо самостоятельно, либо в сочетании с сонантами [i, и, г, 1, т, п], а также с исчезнувшими звуками [А, О] (де Соссюр называл их сонантическими коэффициентами), фонетический характер которых оставался неуточненным. Сочетания основного гласного с сонантами дают дифтонги (например, a_r + [i] = [ei], **a, +** *[u]* = **[ou]** и т.д.), а с **сонантическим** коэффициентом - различные варианты долгих гласных, т.е. tfj + [А] = [ё], a_2+ [А] = **[6]** и т д. Эти долгие гласные по своей функции соответствуют дифтонгам. И подобно тому, как ударные [am, an] и т.д. в неударном положении дают сонанты [гп, п] и т.д., точно так же в неударном положении в сочетаниях [А], [А] основной гласный выпадает, а сонантический коэффициент выполняет слогообразующую функцию. Введение сонантических коэффициентов, изучение различных сочетаний их с основными гласными, их положения в ударной ~ безударной форме корня помогли де Соссюру объяснить все многообразие фонетической системы индоевропейских языков.

Итогом достижений младограмматиков в области сравнительно-исторического языкознания являются "Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков" Бругмана и Дельбрюка. В этой работе все факты индоевропейских языков были тщательно зарегистрированы, исторически

объяснены, было определено место каждого из них. Привлекая огромный фактический материал (использованы данные почти 70 различных индоевропейских языков и диалектов, однако половина примеров взята из древнегреческого, древнеиндийского, латинского и древневерхненемецкого языков), авторы этого исследования дают характеристику праязыка, подробное описание звуковой системы индоевропейского праязыка, отдельных явлений праиндоевропейской морфологии. К сожалению, собранный и систематизированный фактический материал не был объяснен. И все же этот капитальный труд стал гордостью индоевропейского сравнительно-исторического языкознания XIX в. (О работах русских языковедов в области сравнительно-исторического языкознания периода см. гл. 9 и 10.)

§ 39. ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА В УЧЕНИИ МЛАДОГРАММАТИКОВ

Младограмматиков интересовали фонетические и морфологические проблемы индоевропейского праязыка и отдельных языков. Из крупных синтаксических исследований следует упомянуть лишь "Синтаксические исследования" (1871-1888) Б.Дельбрюка и "Синтаксис индоевропейского простого предложения" (поем. 1925) К.Бругмана. Вместе с тем младограмматики, и в частности Г.Пауль, заложили основы научного кого синтаксиса на психологической основе, покончив тем самым с многовековым господством логической грамматики.

В "Принципах истории языка" Пауль уделяет много внимания определению и анализу предложения, различным синтаксическим конструкциям и синтаксическим отношениям. Специфика синтаксической концепции Пауля обусловлена влиянием ассоциативной психологии И.Гербарта (1776—1841; немецкий философ, психолог и педагог) и философии лингвистического позитивизма. Гербарт считал представления основным психическим феноменом, а ассоциацию - основным психическим процессом. Его философия, исходящая из непознаваемости находящихся в "сфере бессознательного" представлений, и легла в основу определения предложения Паулем: "...предложение является выражением, символом того, что в психике говорящего произошло соединение нескольких представлений или групп представлений, а также средством возбуждения в психике слушателя такого же соединения тех же самых представлений". Вместе с тем Пауль признает, что в отдельных предложениях можно обнаружить элементы расчленения, анализа.

При определении предложения Пауль, исходя из его двучленности как характерной особенности, выделяет грамматические категории подлежащего и сказуемого. Поскольку грамматическая категория возникает на психологической основе и является в известной мере внешним выражением психологической категории, постольку Пауль выделяет психологическое подлежащее и психологическое сказуемое. Психологическое подлежащее — это совокупность с самого начала имеется в сознании говорящего, т.е. то, что известно говорящему. Психологическим подлежащим или его частью является, как правило, вынесенное в начало предложения анафорическое местоимение (так называют слово, функция

которого заключается в воспроизведении смысла предшествующего слова) или относительное местоимение. Психологическое сказуемое - это сово- ' представлений, которая присоединяется к психологическому подлежащему и в себе что-то новое, поэтому на сказуемое всегда падает более сильное ударение.

А как же быть с односоставными предложениями типа *Пожар!* или *Вот мельница?* Это противоречие Пауль объясняет тем, что один из членов предложения, как правило, психологическое подлежащее, представляет собой нечто само собой разумеющееся и поэтому не получает языкового выражения. В наших примерах психологическим подлежащим является сама ситуация, та непосредственная действительность, которая присутствует в данный момент в сознании говорящего и слушающего. Советский языковед С.Д. Каинельсон считает, что предлагаемый Паулем выход недостаточно убедителен, поскольку включение представления о внешнем объекте в число внутренних элементов предложения недопустимо и произвольно, так как легко позволяет превратить одночленные предложения в двучленные, двучленные — в трехчленные и т.д., что не соответствует языковой реальности[167].

Хотя, по Паулю, грамматические связи строятся на основе психологических отношений, в языках с развитыми формальными средствами психологические подлежащее и сказуемое не всегда совпадают с грамматическими. Так, в предложении *Карл едет завтра в Берлин* с грамматической точки зрения выделяются подлежащее *Карл* и сказуемое *едет.* При подходе с точки зрения выделения психологического подлежащего (что известно) и психологического сказуемого (что сообщается нового) возможны различные варианты. Если уже шла речь о поездке, которую Карл завтра предпримет, и неизвестно только место поездки, то сказуемым становится *в Берлин.* Если уже говорилось о предстоящей поездке Карла в Берлин и осталось •неясным только время этой поездки, то сказуемым становится *завтра.* Если, наконец, известно, что кто-то поедет завтра в Берлин, и неясно только, кто поедет, то грамматическое подлежащее в психологическое сказуемое. С психологической точки зрения подлежащим или сказуемым, по мнению Пауля, может быть каждый член предложения, в какой бы грамматической форме он ни выступал.

Разграничение психологических и грамматических членов предложения имеет под собой реальное основание, хотя соотношение и содержание этих категорий еще во многом неясно. Обращение к современному языку, замена традиционной логической схемы предложения более гибкой структурой психологических категорий, утрата психологического индивидуализма в применении к синтаксическим проблемам — все это объясняет то глубокое влияние, которое синтаксическая концепция Пауля оказывает на синтаксические исследования наших дней.

Подробно анализируя проблему частей речи и членов предложения, образование второстепенных членов предложения из главных, типы отношений и т.д., Пауль в большинстве случаев не предлагает ничего нового. Но при рассмотрении морфологических процессов ок подходит к понятию системы языка и существующих в этой системе отношений: "...отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей

совокупности языкового материала... только таким путем можно прийти к познанию причинной связи". Однако тут же Пауль утверждает, что в этой системе отношений мы постоянно сталкиваемся с проявлением случайности. Такое противоречивое понимание системности в языке и приводит к тому, что Пауль ограничивается протокольным описанием отдельных средств синтаксической связи, падежных значений и **т.д.,'**без теоретического их обобщения.

§ 40. ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ТРАКТОВКЕ Г.ПАУЛЯ

В "Принципах истории языка" подробно рассматривает вопрос о различных видах изменения значений слов. Созданная им классификация этих изменений, основанная на логическом принципе, с некоторыми модификациями применяется и в настоящее время. Говоря о смысловых изменениях, Пауль считает необходимым разграничивать ное и узуальное значения слова: "Под узуальным значением мы будем понимать всю совокупность представлений, составляющих для члена данной языковой общности содержание данного слова, под окказиональным значением — те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и которые, как он полагает, свяжет, в свою очередь, и слушатель с данным словом". Иначе говоря, узуальное значение слова внеконтекстно, а окказиональное значение конкретизировано в индивидуальном речевом акте. Если мы вспомним, что Потебня тоже выделял два вида значений слов — ближайшее, объективное, народное, которое делает возможным процесс общения, и личное, дальнейшее, субъективное, характерное для данного индивидуума, то ближайшее значение слова у Потебни можно соотнести с узуальным значением у Пауля, а дальнейшее значение — с окказиональным значением. Например, значение слова *осёл* является узуальным, ближайшим, а конкретное его значение, известное собеседникам ('тупой человек'), — окказиональным, дальнейшим.

Причину изменения значений слов Пауль видит в **неустойчивости индивидуальной** психики, вызывающей смещение границ между узуальным и окказиональным **значениями** слова. Разница между окказиональным и узуальным значениями слова объясняется двумя причинами. Во-первых, окказиональное значение чаще всего богаче узуального по содержанию его по объему, т.е. слово в окказиональном употреблении может выражать нечто конкретное, в то время как узуально оно обозначает лишь нечто абстрактное. Во-вторых, в узуальном плане слово может быть многозначным, окказионально же оно всегда однозначно. Здесь Пауль выступает против Г.Штейнталя, который отрицал многозначность слова, сводя полисемию к единому всеохватывающему значению. Пауль выдвигает критерии несводимости полисемии к позволяет отличать окказиональные значения от производных: 1) невозможно дать простое определение, которое охватывало бы целиком весь объем значений, и 2) невозможно окказиональное употребление слова в полном объеме его значения. В самом деле, вряд ли можно дать общее определение слова *лиса,* которое

включало бы в себя и узуальное его значение ('животное') и окказиональное употребление ('хитрец').

Положив в основу классификации логический принцип, основанный на количественном противопоставлении значения до и после изменения, Пауль различает: 1) сужение значения, 2) расширение значения, 3) перенос значения и 4) прочие случаи ("ухудшение" или "улучшение" значения, литота, гипербола и т.д.). **Сужение** значения слова, которое Пауль называет специализацией значения, характеризуется сужением назывной функции слова, когда общее значение слова остается рядом с новым, более специальным значением. Например, в современном русском языке *пиво* - 'напиток', а в Древней Руси — 'то, что пьют'; *балык* в татарском языке - 'рыба', а в русском — ' копченая спинка осетра, белуги'; в средневерхненемецком *List* - 'ум', а в современном немецком - 'хитрость, лукавство'; древнеанглийское ***Juj ot*** **-** 'птица', а в современном английском *fowl* - 'домашняя птица'. Специализация значения характерна для процесса перехода слов из общего употребления в узкоспециальное, например из общелитературной лексики в профессиональную.

При расширении значения происходит обеднение содержания представления, когда, несмотря на присутствие в слове всех элементов его старого значения, существенными для говорящего оказываются только некоторые из них. Например, русск. *дом* - 'здание' и 'родина', англ. *pipe* первоначально обозначало музыкальный инструмент, а ныне — любую трубку; нем. *der Brief* ранее являлось названием только официального письменного документа, а теперь обозначает любой письменный документ.

Пауль рассматривает также **перенос** названий на базе ассоциативных связей (пространственных, временных, каузальных), основанный на внешней похожести предметов, сходстве функций, смежности, т.е. изменения, известные под названиями "метафора", "метонимия", "синекдоха".

Разбирая некоторые другие разновидности изменения значений, Пауль полагает, что когда-то эти значения были окказиональными, а в результате длительной традиции их употребления стали узуальными. К таким изменениям он относит случаи, подводимые под рубрику "ухудшение" значения, под которым понимает усиление эмоционального оттенка до такой степени, что оно поглощает все прочие значения слова. Например, **др.-англ.** *cnafa* 'мальчик'; мальчики часто исполняли функции слуг, а отношение господствующих классов к слугам было отрицательным, отсюда англ. *knave* 'плут, негодяй'. При "улучшении" значения усиливается положительная эмоциональная оценка. Так, др.-англ. *cnicht* 'мальчик, слуга' превратилось в *Knight* **'рыцарь',** перен. 'благородный человек'. Народная речь, считает Пауль, изобилует **гиперболами,** т.е. крайним преувеличением размеров какого-либо явления или предмета *(умирать со скуки, лёгкий как Перышко, тысячу лет* и т.д.). Противоположность гиперболы - **литота,** т.е. намеренное преуменьшение размеров предмета или явления, а также определения в форме отрицания противоположного, например *неплохо* в смысле 'хорошо'.

При ознакомлении с этой классификацией прежде всего бросается в глаза, с одной стороны, привнесение этических и эстетических критериев оценки семантических процессов (ср. "ухудшение" и "улучшение" значено

ния), а с другой стороны — ее логическая непоследовательность: если первый, второй и третий виды изменения значений действительно исходят из сравнения понятий, то четвертый вид объединяет самые разнообразные процессы.

Предложив четкую и стройную классификацию, Пауль, однако, не показывает внутренних связей между отдельными семантическими процессами. По мнению С.Д. Кацнельсона, общий недостаток семантической концепции Пауля в том, что, рассматривая развитие значений как результат отклонений и колебаний, вызванных неустойчивостью индивидуальной психики и индивидуальностью словоупотребления, он искажает действительную сущность процесса семантического развития, упуская из виду его объективные основания и общественно-историческую и социальную обусловленность. Однако при всех недостатках этой классификации семантических изменений ее придерживается большинство лингвистов.

§ 41. КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ МЛАДОГРАММАТИКОВ В РАБОТАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РУССКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ (О ТАК НАЗЫВАЕМОМ '"РУССКОМ МЛАДОГРАММАТИЗМЕ")

Младограмматики не смогли дать теоретического обоснования выдвинутым ими звуковым законам. Неуточненным оказалось также и положение о различных видах аналогии, ее направлении, взаимодействии с фонетическими законами и т.д. Все это дало повод для резкой критики младограмматической концепции языковедами разных стран. Австрийский языковед Г.Шухардт в статье "О фонетических законах (против младограмматиков)" (1885) писал, что учение о непреложности действия фонетических законов является тормозом для дальнейшего развития науки, а новые методические принципы младограмматиков не знаменуют никакого подъема в языкознании. Основные положения младограмматиков, по мнению Шухардта, исключают творческое исследование языка и приводят к механизации методов его изучения.

Основатель Казанской лингвистической школы **И.А.** Бодуэн де Куртенэ также критиковал младограмматиков за полное игнорирование экстралингвистических факторов, влияющих на звуковые изменения: "...разум многих сторонников этой теории омрачен... Для этих людей постоянно существует некий индивидуум, олицетворяющий все человечество... который говорит непрерывно, никогда не закрывая рта: кроме того, это фонетическое перпетуум мобиле говорит столь искусно, что постоянно выкрикивает зу все звуки или фонемы, никогда не засыпая и не отдыхая. <...> Они [младограмматики] считают носителем вариантности языка некое воображаемое существо, олицетворяющее собой все человечество, и исследуют относящиеся к нему факты, отвлекаясь от социального общения людей"[168].

Бодуэн де Куртенэ доказал, что говорить о существовании каких-то определенных факторов, вызывающих звуковые изменения, невозможно, как невозможно показать все связи и зависимости, относящиеся к звукам языка. Звуковые изменения совершаются под действием множества факторов, часто противоречивых. Поэтому фонетические законы следует заменить психическими законами ассоциаций, восприятий, чувства, законами

проявлений языковых представлений, законами физического мира, т.е. фонетико-акустическими законами, механическими, оптическими законами, законами эволюции и т.д. В отличие от младограмматиков, Бодуэн де Куртенэ выдвинул тезис о причинной обусловленности языковых изменений. Он считал, на изменение речи членов данного коллектива влияют не подражание, как полагали младограмматики, а одинаковые условия, индивидуальные и социальные, которые сближают каждого отдельного индивидуума, наделенного способностью говорить, с ему подобными.

Квалифицируя точку зрения младограмматиков, согласно которой "каждое фонетическое изменение имеет своего автора, своего инициатора... а другие люди следуют его примеру, подражают ему, как овцы или гуси", как весьма вульгарную, Бодуэн де Куртенэ выдвигает тезис о коллективной индивидуальности, т.е. об индивидууме как неотъемлемой частице общества, носителе всех привычек, свойств, качеств, особенностей, характеризующих тот или иной языковой коллектив. И языковые изменения возникают не в некоей индивидуальной "душе", а определяются целым рядом условий, "непосредственно действующих **ив** индивидуумах и в процессах социального **общения,** условий, включающих в себя также и общение индивидуума с самим собой". Кроме того, по мнению Бодуэна де Куртенэ, на языковые изменения могут оказывать влияние сознание и воля людей, их образование и другие причины.

Бодуэн де Куртенэ считал, что выдвигаемая младограмматиками теория безысключительности действия звуковых законов затрагивает лишь поверхностную констатацию явлений и не вскрывает существа фонетических изменений. Критикуя эту концепцию, он высказал мысль о том, что причину изменений в языке следует искать на стыке различных элементов языковой системы, в пограничных областях, соприкасаются между собой различные уровни системы языка. Бодуэн де Куртенэ полагает, что языкознание должно выяснить причины, условия действия существующих в языке законов, управляющих изменениями и развитием языка. "Действительные законы", законы причинности, скрыты в среди самых различных элементов.

"Теоретическая суть разногласий между Бодуэном и младограмматиками, — указывал Л.В. **Щерба,** — состоит в следующем: во-первых, сводя в сущности язык (langue) к **-речевой** деятельности человека (parole), Бодуэн указывал на множественность, а зачастую и противоречивость факторов каждого данного языкового изменения, а „звуковые законы" считал лишь результатом скрещенного действия этих факторов, отказывая им поэтому в праве называться во-вторых, он возражал против ческого объяснения языковых изменений, и, **в-третьих, ои^адставад** против понимания языка как организма, которое шло от Шлейхера и котТ)рве^**еще** существовало у **Бругмана"**[169].

В 1886 г. появилась интересная рецензия К.Ю. **Агшеля** на работу Г.Курциуса "К критике новейших исследований по языку" и на статью Г.Шухардта "О фонетических законах (против младограмматиков) ". Она содержала обстоятельную критику общих положений младограмматиков. "Различия во взглядах между господствовавшим до половины 70-х годов и новейшим направлением языкознания, — указывает Аппель, — далеко не так значи-

тельны, как это на первых порах старались представить новограмматики. <...> Во всяком случае, различия обоих направлений, старого и нового, лишь количественны, не качественны. Новограмматики не создали новых, неизвестных дотоле научных приемов, но требуют более строгого и последовательного применения Принципов, уже установленных. К **Шлейхеровской** школе они относятся почти так же, как сам относится к Боппу и его сподвижникам; значит, на новограмматическое направление следует смотреть просто как на дальнейший фазис (естественного) развития науки о языке"*"[0]. **Аппель** также отмечал, что желание младограмматиков примирить искусственный тезис о безысключительности действия звуковых законов с требованиями живого языка заставляло их до тех пор суживать пределы говора, пока они не провозгласили достойным изучения лишь язык отдельного индивидуума. "Но разве такое ограничение, — резонно спрашивает Аппель, - не равносильно окончательному reductio ad **absurdum** основного положения новограмматиков?"

Аппель высмеивает **"безысключительность"** действия звуковых законов как **"полное** тождество произношения всех индивидуумов, живущих в одной и той же местности, в одно и то же время". Объясняется это тем, что Г.Пауль и его последователи, по словам Аппеля, слишком уж упрощенно подходят к вопросу об изменении звуков, игнорируя социальные, возрастные и другие условия, которые вызывают заметные отклонения в изменении звуков у членов данного языкового коллектива. Кроме того, младограмматики совершенно не принимают во внимание того, что звук может быть различным, в зависимости от частотности употребления той формы слова, в которую он входит, либо от тех единиц, в которых он находится. Вот это **"безразличие** категорий слов и, стало быть, морфологических единиц, к которым принадлежат чередующиеся звуки", представляется совершенно неверным. Ошибка младограмматиков, по его мнению, заключается еще и в том, что они "почему-то игнорируют в языке, по крайней мере в области фонетики, участие **сознания, воли,** индивидуального **почина** и вообще искусственного влияния (школы, общества и т.п.) ". Критикуя отдельных младограмматиков, увлекшихся объяснениями звуковых изменений различного рода перестановками, Аппель замечает: "По-моему, если здесь и может быть речь „о перестановке" и вообще о „перемене звуков", то, конечно уж, причины явления следует искать не в анатомических и **физиологических** условиях **артикуляции,** но в **психофизиологических** условиях **механизма языка,** в известных отношениях (связях) **психомоторных центровязыкав** мозге"[171].

Понимание Аппелем языка как механизма и выявление условий функционирования его элементов и их зависимостей в тесной связи с происходящими в мозгу человека мыслительными процессами является одним из первых в русском языкознании указаний на психолингвистическое направление языковых исследований. С этой точки зрения Аппель пытался объяснить влияние мыслительных процессов на формирование различных морфологических изменений.

Далее Аппель писал, что среди ученых, использовавших принцип аналогии, незаслуженно замалчивают Бодуэна де Куртенэ, который совершен-

но самостоятельно и с несколько иных позиций подошел к анализу вопроса о характере морфологических изменений в языке. В одном из писем Бодуэн де Куртенэ писал: "...труд Лескина „Ueber den Dialekt der russischen Volksleider des Couveraements Olonec" был составлен только в декабре 1868 г., тогда как мое рассуждение „Einige Falle der Wirkung der Analogie" было готово и передано Шлейхеру еще в феврале 1868 г. Я указываю это потому, что в работе Лескина применяется тоже „аналогия" как средство объяснения, хотя далеко не в той мере и не так последовательно, как в моем рассуждении. <...> Итак, оказывается, что я применил „аналогию" при объяснении многих явлений в истории польского склонения совершенно независимо от Шерера и Лескина, точно так же как и в своем последовавшем затем научном развитии я не подвергался их влиянию"[172].

По мнению Аппеля, младограмматики стремились изучать живые говоры потому, что они позволяют принимать во внимание те факты, которые "лучше мирятся с построенной а игнорировать те, которые ей противоречат". Но поскольку они никогда не занимались диалектологией, главным предметом их научных исследований оставались мертвые литературные языки.

Положению младограмматиков о том, что всякий акт языкового творчества является делом индивидуума, русские языковеды противопоставили учение о социальной детерминированности языковых явлений. Изолированное рассмотрение отдельных факторов языкового развития, признание безысключительности проявления звуковых законов и одностороннего характера действия аналогии встретили резкую критику русских ученых, которые отстаивали принцип системной организованности языка. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатов выдвинули тезис о множественности причин изменения языка — фонетическое окружение, морфологическое чередование, социальные условия, возрастные особенности, диалектные различия и т д. Эти особенности обусловливают вечно изменяющееся развитие языка. Характерному для младограмматиков исключительно историческому взгляду на язык русские языковеды противопоставили две точки зрения на язык — статическую и динамическую.

ГЛАВА 9

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА

§ 42. ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Выдающийся русский языковед Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) родился в г. Вологде, в семье учителя. В 1868 г. Фортунатов окончил Московский университет. В 1871 г. после сдачи магистерских экзаменов он был командирован на два года в Германию, Францию и Англию. За границей Фортунатов много работает в библиотеках, изучая древнеиндийский эпос, Веды, посещает лекции Г.Курциуса и А.Лескина в Лейпциге, М.Бреаля

в Париже. Результатом заграничной командировки Фортунатова стала диссертация "Samaveda **Aranyaka-Sarnhita"** (1875), представляющая собой перевод на русский язык и **комментарий** одной из частей Вед. В приложении к диссертации были даны "Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков".

После защиты магистерской диссертации Фортунатов, по предложению профессоров Ф.Е. Корша и **Ф.И.Буслаева,был** избран профессором Московского университета по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков. Лекциями Фортунатова по языкознанию и сравнительной грамматике было положено начало систематическому преподаванию этих предметов в Московском университете. До 1902 г. Фортунатов преподавал в Московском университете: читал лекции по готскому, литовскому и старославянскому языкам, санскриту, общим вопросам языкознания, сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков, вел семинары, работал с молодыми учеными. Именно в университете создал он свою научную школу. Его учениками и последователями были Е.Ф. Будде, В.М. Истрин, Б.М. Ляпунов, М.М. Покровский, В.К. Поржезинский, **А.И.Томсон.Д.Н.Ушаков,М.Фасмер,** А.А Шахматов; А.И. Белич (Сербия), И.Богдан (Румыния), О.Брок и Т.Торнбьёрссон (Норвегия), П.Буайе (Франция), И.Миккола (Финляндия), Х.Педерсен (Дания), Ф.Сольмсен и Э.Бернекер (Германия) и др.

университетских лекциях Фортунатова были высказаны основные теоретические положения его учения, предложено решение ряда вопросов, волновавших филологов того времени, сформулировано несколько законов в области сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков, поставлен ряд общеязыковедческих проблем, таких, как соотношение языка и мышления, языка и общества **и**'др. Однако из-за огромной требовательности Фортунатова к себе и скромности все это редко оформлялось в виде печатных работ, в основном издавались лишь литографированные курсы его лекций. Только в 1956 г. удалось осуществить издание избранных сочинений Фортунатова, подготовленное его учениками - М.М. Покровским, Б.М. Ляпуновым и М.Н. Петерсоном.

Фортунатов не создал обобщающей работы, в которой были бы выражены его общелингвистические взгляды. Из 34 написанных им статей следует упомянуть такие, как "Об ударении и долготе в балтийских языках" (1895), "Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке" (1896), "О залогах русского глагола" **(1899,** опубл. 1903), "О преподавании грамматики русского языка в средней школе" (1903, опубл. 1904) и др. Но эти узкоспециальные, на первый взгляд, статьи, а также развернутые отзывы и рецензии Фортунатова на работы других языковедов содержат столько новых и оригинальных мыслей, что по своим научным достоинствам стоят целых томов сочинений.

Современники очень скоро поняли огромное значение трудов ученого, и в 1884 г., по одновременному представлению Киевского и Московского университетов, Фортунатов был удостоен почетной степени доктора сравнительного языковедения без защиты диссертации. А в 1898 г. за работы, имевшие важное значение для развития сравнительно-исторического и славянского языкознания, он был избран в члены русской Академии наук.

Затем Фортунатов стал действительным членом Сербской Королевской Академии, доктором философии университета в Христиании (Осло, Норвегия), действительным членом **Финне.-Угорского** общества в Гельсингфорсе (Хельсинки, Финляндия) и почетным членом многих русских научных обществ. В 1902 г. Фортунатов переезжает в Петербург. Он принимает деятельное участие в русского языка и словесности Академии наук, редактирует академические издания, но научной работы в эти годы не ведет.

§ 43. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

В своих немногочисленных работах, в лекционных курсах Ф.Ф. Фортунатов ставил и решал чрезвычайно сложные проблемы философского и лингвистического характера. Много внимания уделял он вопросу о соотношении языка и мышления.

Фортунатов считал, что не только язык зависит от мышления, но и мышление зависит от языка. По его мнению, "процесс мышления состоит в образовании чувства соотношения между представлениями как частями одной цельной мысли"[173]. А что же такое представление, в понимании Фортунатова? "...Представление есть представление того или иного предмета мысли... представления являются в мышлении заместителями других представлений, т.е. представлениями знаков для мышления"; "все представления по происхождению являются воспроизведениями ощущений". И наконец: "Представлением как известным духовным явлением называют тот след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует уже причина, вызвавшая ощущение, и который впоследствии может воспроизводиться по действию закона психической ассоциации". Остановимся теперь подробнее на понимании Фортунатовым природы представлений, их взаимоотношений между собой и мышлением.

Основная особенность концепции Фортунатова заключается в том, что при рассмотрении вопроса о соотношении языка и мышления он исходит из **чувственно-образной** формы мышления, не **раз граничная** представления и понятия. При форме мышления, одним из компонентов которой является представление, обобщение всех свойств в одном образе невозможно, так как образ еще сохраняет известные индивидуальные признаки. Поскольку, например, словом *яблоко* **можно** обозначать любое яблоко, то происходит вычленение из состава всех признаков яблока таких, которые могут относиться к любому яблоку, являясь индивидуальными признаками этого образа, и одновременно отличать яблоко от других предметов. Представляется, что именно это имел в виду Фортунатов, когда писал: "Все наши ощущения, а потому и представления, индивидуальны"; разбирая в качестве примера слово *берёза,* он указывает, что предмет мысли, обозначаемый данным словом, есть конкретная, "индивидуальная" береза в тех ее свойствах, какие являются у нее общими с другими **березами.**

Считая представление духовным явлением, обусловленным влиянием психических представлений на функционирование языка, Фортунатов не смог подойти к пониманию обобщенного и абстрактного характера мышления в виде понятий, что сказалось на его восприятии связи между представ-

лением и мышлением. Понятие, в отличие от представления, является более абстрактной и обобщенной формой отражения действительности, т.е. оно содержит отвлечение от индивидуальных свойств и признаков предмета. Фортунатов это понимал, однако, рассматривая вопрос о сопутствующих представлениях, возникающих в нашем мышлении при представлении того или иного предмета, он указывал, что "для такого существования представлений вовсе не требуется непосредственная по происхождению связь между представляемыми знаками и тем, что ими обозначается".

Тот или иной предмет внешнего мира, по его мнению, может через ощущение давать представление о себе. Но с этим основным представлением появляются и сопутствующие представления, поэтому в процессе мышления могут воспроизводиться не основные представления, а сопутствующие, являющиеся знаками невоспроизведенных представлений самих предметов (в примере *белый снег* таким сопутствующим представлением является признак белизны снега).

То, что Фортунатов не признавал общего, существенного, необходимого, сказалось и на его понимании связи между представлением и мышлением. Выше уже отмечалось, что он сводил мышление к образованию чувства соотношения между представлениями как частями отдельной мысли; при этом обращает на себя внимание прежде всего количественная интерпретация этого вопроса. Правильное понимание взаимоотношений между представлением и мышлением находим в трудах классиков марксизма-ленинизма, которые исходят из того, что мышление — это процесс, в результате которого объективный мир отражается в нашем сознании. Представление также отражает реальность, хотя менее абстрактно. Следовательно, и мышление, и представление находятся на одной ступени и мышление вовсе не состоит в образовании чувства соотношения между представлениями, как это утверждал Фортунатов. О связи между представлением и мышлением В.И. Ленин писал: "Представление ***ближек*** реальности, чем мышление? И да и нет. Представление не может схватить движения *в цел о мна-* пример, не схватывает движения с быстротой 300000 км. в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить. Мышление, взятое из представления, тоже отражает реальность"[174]. Мышление отражает действительность глубже, полнее и шире, ибо вскрывает общее. Из этого следует, что мышление нельзя понимать как совокупность ряда представлений и отношений между ними.

По Фортунатову, представления могут вступать между собой в соотношения двух видов — объединения и отделения; связь представлений (в смысле их соотношения) Фортунатов называет суждением. "Отдельная мысль, образуемая **объединением (в** чувстве соотношения) одного представления с другим, называется суждением, именно **положительным** суждением (а также по отношению как к процессу образования этой так и по отношению к результату этого процесса. Точно так же отдельная мысль, образуемая отделением (в чувстве соотношения) одного представления от другого, называется суждением, именно по отношению к процессу ее образования и к результату процесса". Основываясь на теории психических ассоциаций И.Гербарта, Фортунатов различает

суждения по смежности и по ассоциации. В дальнейшем он приходит к прямому отождествлению суждения и предложения.

Своеобразное понимание природы представления повлияло и на уяснение природы суждения. Суждение, по Фортунатову, как и представление, является психологической категорией, сущность которой определяется как связь двух представлений — господствующего и подчиненного: "...в психологическом суждении, рассматриваемом по отношению к выражению его в речи, мы можем различать два элемента: первую часть психологического суждения и вторую в открываемом мыслью отношении к ее первой части. Вторая часть психологического суждения в ее отношении к первой части может быть названа психологическим сказуемым, а первая, предполагаемая такою второю частью, — психологическим подлежащим". Из этого следует, что субъект психологического суждения — то представление или комплекс представлений, которое является в сознании говорящего или слушающего первым, а предикат — то, что слушащий или говорящий должен мыслить об этом представлении.

Рассматривая грамматические и психологические категории, Фортунатов несколько своеобразно проводит различие между языком и речью. Язык имеет дело с процессом мышления как способом выявления соотношения между представлениями. К нему относятся предложения в **мысли** (психологические суждения), которые выражаются затем в грамматических предложениях. Речь же выступает как выражение мысли, как обнаружение в звуках речи представлений слов и оформляется речевыми (психологическими) **предложениями.**

Формой выражения психологического суждения, по Фортунатову, является грамматическое предложение. Однако анализ предложения с грамматической точки зрения может не совпадать с анализом выраженного в нем суждения с психологической точки зрения. Например, **предложение** *NN приехал из Москвы* как психологическое суждение, по теории Фортунатова, членится на психологическое подлежащее *NN приехал* **%ракт,** известный говорящему или слушающему) и психологическое сказуемое *из Москвы* (утверждение нового об известном факте). В другой ситуации, например в факте сообщения *приехал NN,* психологическим подлежащим может быть сказуемое *приехал* (известный факт), а психологическим сказуемым — подлежащее *NN* (новый факт, сообщаемый говорящему или слушающему). И наконец, возможна третья ситуация, когда все сочетание *приехал* входит в состав психологического сказуемого, а психологическим подлежащим выступает внеязыковое представление (приехавшего человека вообще).

Признавая тесную связь языка и мышления, Фортунатов отмечает, что суждения можно называть предложениями, ибо они настолько тесно связаны с мышлением, что в реальном процессе мышления человек не отделяет суждения от предложения, мыслит суждениями-предложениями, которые и являются в речи предложениями. В этом смысле Фортунатов прав; но никак нельзя согласиться с субъективизмом его трактовки суждения, **С** тем, что суждение выступает не как форма отражения объективной реальности, а как сочетание, совокупность представлений, определяемых волей человека. Кроме того, об отождествлении суждения и предложения

нельзя говорить и потому, что суждение как логическая категория состоит из трех частей, а предложение категория грамматическая может состоять из одного члена.

Учение Фортунатова о психологическом суждении было характерно для европейской синтаксической мысли конца XIX в. Его можно определить как психологический синтаксис (наиболее полно это направление выразилось в работах Г.Пауля). Однако если синтаксическая концепция Пауля представляет собой оторванную от действительности теорию "сдвигов" психологических категорий относительно грамматических, то синтаксические взгляды Фортунатова более гибко выражают динамику отношений между логическими и психологическими категориями и основываются на анализе конкретной языковой действительности.

§ 44. УЧЕНИЕ О СЛОВОСОЧЕТАНИИ

Под словосочетанием Ф.Ф. Фортунатов понимает "то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части". Как видим, это понятие теснейшим образом связано с психологическим суждением и исходит из него. Во всяком словосочетании Фортунатов выделяет две части - зависимую, несамостоятельную и независимую, самостоятельную. Ученик Фортунатова В.К. Поржезинский, развивая его мысль, пишет, что "словосочетание может быть законченным, если оно выражает целое суждение и не составляет, следовательно, части другого словосочетания, и незаконченным, когда оно является выражением только лишь части суждения"*[7] ^

Если психологическое суждение является предложением в мысли, то словосочетание является предложением в речи: Фортунатов определяет словосочетание как мысль, выражающуюся в предложении и имеющую две части, которые могут быть сложными. Кроме того, фортунатовское определение предложения указывает и на отношения этих частей между собой в образуемом ими целом. Далее Фортунатов естественно приходит к отождествлению словосочетания и предложения ("законченное сочетание и предложение полное — синонимы в языковедении") и в дальнейшем, говоря о словосочетании, всегда имеет в виду предложение как форму его выражения.

Словосочетания могут выступать в виде полных и неполных предложений. Под неполным предложением Фортунатов понимает выражение такого психологического суждения, в котором одна часть находит словесное выражение, а другая является внеязыковым выражением действительности. Например, вид пламени, дыма представляет собой подлежащее психологического суждения, языковым выражением сказуемого которого будет слово *пожар,* следовательно, неполное предложение. Полное предложение — это такое выражение психологического суждения, которое в обеих своих частях имеет представления слов, причем оно может состоять как из словосочетания, так и из одного слова. Такие предложения Фортунатов называет словами-предложениями. В индоевропейских языках он выделяет слова-предложения двух типов — личные и безличные. Приме-

рами личных слов-предложений являются русск. *Иди,* лат. *Dico* и др., в которых подлежащее — форма лица. Безличные слова-предложения, происхождение которых Фортунатов относит к индоевропейскому праязыку, — это предложения типа *Смеркается; Морозит,* в которых глагол включает в себя предмет мысли. Безличные слова-предложения подобного типа можно представить в виде развернутых словосочетаний и предложений: *Признак смеркания происходит; Мороз в настоящее время происходит* и т.д.

Фортунатов не рассматривает различные виды полных предложений, его более интересуют отношения частей словосочетания. Изучив их, он разрабатывает понятие грамматической формы словосочетания, под которой понимает обозначение отношения данного предмета мысли к другому предмету. С точки зрения выражения этих отношений Фортунатов делит на грамматические и неграмматические. К матическим словосочетаниям относятся такие, в которых вычленяются грамматические части, т.е. формы слова, показывающие отношения *(птица летит, воспитанник корпуса* и т.д.) .Б неграмматических словосочетаниях *(Пушкин - поэт, сегодня мороз, они ну возиться* и т.д.) не обозначено формами языка отношение одного предмета к другому.

Поржезинский отмечал, что фортунатовская концепция грамматической формы словосочетания предполагала наличие противопоставления, оппозиции одной формы к другой: "Предложение *Отец добр* является в русском языке потому грамматическим, что само отсутствие обозначения формы времени вспомогательным глаголом при *добр* понимается нами как обозначение настоящего времени в соотношении с *Отец был добр* и т.д." Таким образом, грамматическим может быть и незаконченное словосочетание в том случае, если его самостоятельная часть выражена грамматической формой.

Словосочетания-предложения, по Фортунатову, тоже могут быть грамматическими и неграмматическими. Грамматические - это те, в которых "грамматические части... различаются как грамматическое сказуемое и как грамматическое подлежащее; грамматическим сказуемым является та часть словосочетания, которая заключает в себе форму сказуемости, а грамматическое подлежащее есть та часть словосочетания, с которою сочетается грамматическое сказуемое". В неграмматических предложениях нет выраженных грамматических сказуемого и подлежащего, а потому нет и противопоставления *(Орёл-птица; Пётр-ученик* и т.д.). Игнорирование Фортунатовым качественного своеобразия между словосочетанием и предложением объясняется психологической основой определения единиц языка, искажавшей объективное изучение языковых фактов.

§ 45. УЧЕНИЕ О ФОРМЕ СЛОВА

Признание тесной взаимосвязи языка и мышления определяло решение Ф.Ф. Фортунатовым конкретных вопросов языка, в частности вопроса о форме слова. Подобно тому как мышление, по Фортунатову, состоит из соотношения представлений, так и форма слова является результатом соотношений, существующих в данном языке в данную эпоху.

Фортунатов исходил из своеобразного понимания слова как всякого

звука речи, имеющего в языке значение, не зависящее от других звуков, являющихся словами. Он делил слова на и **простые,** или **сложные.** Полные - это слова, обозначающие предметы мысли и образующие части предложения или целое предложение ("отдельными предметами мысли, обозначаемыми полными словами, являются или признаки, различаемые в других предметах мысли, или вещи, предметы, как вместилища известных признаков"). Отдельные полные слова могут иметь которая определяется как отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и принадлежность слова". Фортунатов дает еще несколько определений формы слова: "Формами полных слов являются... различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях, т.е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значения других, принадлежностей тех же слов"; "присутствие в слове делимости на'основу и аффикс дает слову то, что мы называем **его** формою"[176]. Из этих определений явствует, что под формой слова он понимал внешнее морфологическое выражение грамматического значения, т.е. Фортунатов сводил форму к наличию или отсутствию флексии (внешней или внутренней), ˣсловообразовательным аффиксам. Ограничение формы слова внешним звуковым выражением окончания, подмена сущности грамматической формы одним из факторов, создающих эту форму, - основной недостаток фортунатовской концепции формы слова.

Фортунатов различает два вида форм отдельных полных слов, в зависимости от того, являются ли они знаками отдельных предметов или обозначают отношения между предметами. Соответственно он выделяет формы отдельных знаков предметов мысли (формы словообразования) и формы слов в предложении (формы словоизменения).

Формы словообразования бывают двух категорий. Первую составляют формы, обозначающие различия в признаке того или иного предмета мысли, обозначаемого данным словом *(беленький, красненький,* но *белый, красный; волк,* но *волки; зверь,* но *звери).* **Ко** второй категории относятся формы, образованные от той же основы, но находящиеся в определенных отношениях к предметам мысли, обозначаемым другими словами *(синька* по отношению к *синий; читатель* по отношению *упитать* ит.д.) Форма словообразования в простых словах может быть формой целого слова (например, в формах числа *стол - столы)* или формой основы *(краснеький)*. В формах образования сложных слов Фортунатов различает формы словосложения (типа *пароход, водовоз)* и формы, Принадлежащие второй части данного сложного слова *(длинношеий, голубоглазый* и т.д.), не употребляющиеся отдельно.

Так же на две категории Фортунатов делит **нения,** или формы флексий слов. К первой категории относятся формы времени, наклонения и лица в глаголе: эти формы показывают отношения существующие между подлежащим и сказуемым. Вторая категория включает в себя формы, обозначающие различия в уже известных отношениях данного предмета мысли к другим предметам. В индоевропейских языках к этим формам относятся формы склонения существительных и **прилага-**

тельных (я *назову друга,* но **Я** *назову другом; хороший день,* но *хорошая погода).*

Кроме форм отдельных полных слов Фортунатов выделяет также формы словосочетаний. "Форма словосочетания в собственном значении этого термина, — уточняет фортунатовское положение В.К. Поржезинский, — это... способность данного словосочетания выделять в нашем сознании в своем составе такую принадлежность, которая имеет формальное значение". Формой словосочетания является порядок слов, различие в музыкальном ударении, положение главного ударения и Такие формы существуют в немногих языках (например, в китайском), где нет отдельных полных слов и где возможны только формы самих словосочетаний.

Понимая грамматическую форму как звуковое выражение флексий, Фортунатов не учитывает интонацию, имеющую также значение формальной принадлежности (отдельные замечания об интонации не получили развития в его работах).

Форма, по Фортунатову, может быть положительной (иметь звуковое выражение) и отрицательной (отсутствие звукового выражения) , ибо "само отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само сознаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова... по отношению к другой форме... где являются положительные формальные принадлежности... Например, в русском языке слова *дом, человек* заключают в себе известную форму, называемую именительным падежом, причем формальной их принадлежностью в данной форме является самое отсутствие в них какой-либо положительной формальной принадлежности".. Слова *дом* и *человек* как бы распадаются на и вот по этим-то нулям мы и узнаем форму. (Про такие слова можно сказать, что они имеют нулевую формальную принадлежность.) Подобное отсутствие формы, по мнению Фортунатова, выполняет в языке конкретную функцию - показывает отношение этого слова в именительном или винительном падеже к другим словам в косвенных падежах.

Как же определяются основная и формальная принадлежность слова? Очень просто объясняет это ученик Фортунатова А.М. Пешковский[177]. Слово *стекло,* например, нам кажется состоящим из двух частей: *стекл+о.* Происходит это потому, что мы невольно сравниваем слово *стекло* с другими похожими на него словами: *стекла, стеклу, стеклом, стёклышко, стеклянный, застеклить, стекляшка* и т.д.; от этого сравнения у нас выделяется в сознании единая во всех этих словах часть *стекл-.* В то же время мы сравниваем слово *стекло* и с такими словами, как *весло, помело, полотно, сукно* и от этого сравнения у нас выделяется сходная часть Таким образом, *стекло* распадается на *стекл-* и *-О.* Следовательно, для того чтобы слово имело форму, нужно, чтобы в языке существовало два ряда слов, похожих по звукам и значению на данное слово:

стекл о *окно, весло, сукно, долото* и т.д.
стекл а
стекл янный
стекл яшка
стёкп ышко ит.д.

В одном из этих рядов должна являться та же основа, но с отличными формальными частями (вертикальный ряд), в другом — та же формальная часть, но с иными основами (горизонтальный ряд). Только вследствие такого двойного сопоставления или противопоставления основных и формальных принадлежностей и происходит распадение слова на части.

Идея функциональности формы, основанная на **.соотнесенности** членов грамматической парадигмы, позволила Фортунатову представить формо- и словообразовательные категории как микросистемы грамматической структуры, помогающие осуществлять коммуникативную функцию языка. Это уже не младограмматическое понимание языка, а совершенно оригинальная концепция, легшая в основу современных направлений структурального и исторического функционализма.

Концепция формы слова предопределила и своеобразное понимание Фортунатовым задач грамматики и ее объема. Определяя грамматику как учение о формах слова, Фортунатов относит сюда и неграмматические словосочетания. Грамматика подразделяется им на морфологию и синтаксис: морфология рассматривает отношения отдельных слов между собой, а синтаксис изучает формы отдельных слов по отношению к употреблению их в словосочетаниях, равно как и такие формы языка, которые представляют собой формы словосочетаний.

В зависимости от наличия у полных слов форм словоизменения и словообразования Фортунатов различает грамматические и неграмматические классы слов. Под грамматическими классами он понимает разряды (группы) слов, имеющих одну общую форму или формы, соотносительные между собой по значению. Грамматическим классам слов противопоставляются основывающиеся на классах значений слов. Наиболее общими неграмматическими классами слов являются **слова-названия, обозначающие** либо предметы мысли *(стол),* совокупность признаков этих предметов *{белизна),* и имения, обозначающие предметы мысли в их отношении к речи (я, *ты, этот)* или отношения этих предметов в речи *(который* и т.д.).

Считая традиционную классификацию частей речи смешением грамматических и неграмматических классов слов, Фортунатов предлагает свою классификацию, основанную на наличии или отсутствии в слове формы. Части речи — это классы слов, различающиеся по значению, по способности сочетаться с другими словами в предложении и выполнять определенные синтаксические функции и по своим грамматическим функциям. Синтаксическими свойствами частей речи определяется структура данного языка, морфологическими- вся система грамматических форм. Фортунатов рассматривает части речи как чисто классы слов. Он различает полные, т.е. самостоятельные, слова, имеющие формы ния, и слова, не имеющие таких форм. Первые он подразделяет на слова с формами склонения (существительные) или спряжения (глаголы) и слова, которые кроме форм склонения имеют еще формы согласования в роде (прилагательные). Вторые он делит на слова, имеющие формы словообразования (большинство наречий), и слова, не имеющие форм (некоторые наречия и отдельные числительные).

По классификации Фортунатова, местоимения и числительные не явля-

отдельными частями речи (причастие относится к прилагательному, а не к глаголу), деепричастие и инфинитив попадают в одну категорию с наречиями, т.е. категорию слов, не имеющих форм ни словообразования, ни словоизменения. Это противоречит современному пониманию частей речи. Кроме того, как отмечал В.В. Виноградов, "попытка морфологической классификации частей речи на основе форм словоизменения не могла удаться, так как уже Ф.Ф. Фортунатов вкладывал чисто синтаксический смысл в само понятие форм словоизменения"[178]. Основная особенность формальной классификации частей речи Фортунатова заключается в том, что отличительные признаки частей речи сводятся в ней к одному критерию — наличию или отсутствию в словах аффиксов. В этом отношении учение Фортунатова предваряло современные структуралистические течения.

§ 46. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА

В истории сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков в последней четверти XIX в. одно из почетнейших мест принадлежит академику Ф.Ф. Фортунатову. Лингвистические взгляды Фортунатова были совершенно новыми для своего времени и нередко опережали развитие лингвистики на Западе. В его лекционных курсах по проблемам сравнительно-исторического анализа были предложены новые принципы исследования, идущие вразрез с устоявшимися к тому времени в западноевропейской, в основном немецкой, лингвистике. Большое внимание уделял Фортунатов реальным процессам, являющимся основой языковых изменений, причинной интерпретации наблюдаемых фактов, установлению непосредственной связи сравнительно-исторических исследований с изучением истории отдельных языков, выработке новых принципов построения сравнительно-исторической грамматики и сравнительно-исторического метода исследования.

"Только путем сравнительно-исторического изучения возможно большего числа семейств языков, только путем постепенного перехода от одного воссоздаваемого нами праязыка к другому, более древнему, только так лингвистика могла бы приблизиться к решению вопроса, произошли ли все человеческие языки от одного праязыка или от нескольких первоначальных языков", — писал Фортунатов. Вопрос о генезисе языков не представлял для него теоретического интереса, но все же он склонялся к теории моногенетического происхождения языка, к признанию такого первобытного языка, в котором "существовало лишь очень ограниченное число звуков и звуковых сочетаний и... область значений слов была здесь также очень ограничена, причем эти значения представлялись... крайне неопределенными".

Характеризуя ту структуру индоевропейского праязыка, которая вырисовывалась в результате применения сравнительно-исторического метода, Фортунатов отмечает, что ни о каком примитивном состоянии этого языка не может, быть и речи: "Общий индоевропейский язык в эпоху его распадения был языком очень развитым, имевшим много слов и грамматических

форм, и это общее стояние индоевропейской семьи подвергалось впо¬ следствии в жизни отдельных индоевропейских языков длинному ряду раз- постепенных видоизменений, вследствие которых отдельные индо¬ европейские языки в новом периоде их жизни кажутся при первом взгляде мало сходными между собою". Он стремится уже в этом языке выявить те звуковые разнообразия, которые обусловили фонетические особенности конкретных индоевропейских языков. Подобные звуковые различия не могли принадлежать одному языку, т.е. праязык был не монолитным по своему составу, а распадался на диалекты. Следовательно, можно предполо- жить, что в индоевропейском праязыке существовали весьма разнообраз¬ ные и тонкие оттенки произношения. Известный польский славист нер, подводя итоги изучения славистики в XIX в., отмечал, что фортунатов- ский метод "решительно разделывается со старой **пшейхеровской** концеп¬ цией, воспринимающей все новейшее развитие языка только как упадок и крушение великолепного здания древнейшей языковой структуры, и под- черкивает органическое развитие и движение **вперед"**[17]**'.**

Как же представлял себе Фортунатов звуковой состав индоевропейско- праязыка и какие его особенности позволили ему поставить ряд таких проблем **сравнительно-исторической** фонетики, которые вызвали оживлен- ную полемику? В индоевропейском праязыке в эпоху его распадения Фор- тунатов выделяет следующие гласные: **[a^a], [a^e], [a^o_1], [a^o_2],** [ā^δ], [I^e], la^0] » [a], **[ё];** [Э], [a] в слоговом и неслоговом употреблении, т.е. как [a] и [a]; [i], [T], **[и],** [п]. Гласные **[i], [I]** и **[и],** [п] употреблялись и как слоговые и как неслоговые. Кроме того, в звуковом составе индоевро¬ пейского праязыка Фортунатов выделяет:

1) долгие слоговые гласные, их долготы были двоякие по качеству (в зависимости от происхождения долгого гласного): в большинстве случаев "длительные" (т.е. "непрерывистые"), а в других, более редких случаях "прерывистые", **т.е. "нисходяще-восходящие"** в тоническом и экспираторном отношениях;

2) три плавных согласных: а) согласный [г], который во всех отдель- ных **индоевропейских** языках оставался как [г]; б) согласный [1], сохра¬ нившийся во всех европейских языках, армянском и санскрите и перешед¬ ший в [г 1 в древнеиранских языках, и в) неопределенный [\], совпадав¬ ший с [1] в европейских языках и армянском и изменившийся в **индо¬** иранскую эпоху в древнеиндийском и иранских языках; эти плавные согласиые могут быть долгими и краткими. В отдельных диалектах индоев¬ ропейского праязыка долгие сонорные согласные сокращались с последую- щим появлением неопределенного гласного [Э] (например, дифтонгичес¬ кое сочетание

3) носовые согласные [п] зубное, **[п]** задненёбное (перед [k, g] зад- ненёбными) , [п] средненёбное (перед [к, g] задненёбными) и [тп];

4) общеиидоевропейские дифтонги **[a^Д°д, a^a i, a^e jj, a°ц,** 1***11, ii,** аи] с различными разновидностями [а]. По мнению Фортунатова, до эпохи рас¬ **падения** индоевропейского праязыка в ием существовали также дифтонги *[Ы,* Эи] , но в тот же период эти дифтонги, не изменившиеся в **[i,**n], совпа¬ ли со старыми дифтонгами **[aj^afu],** а изменившиеся в имели дол¬ гую неслоговую часть, т.е. были

5) согласные **задненёбные** [к, g], которые могут быть либо лабиализованными или **нелабиализованными** ([ku, **gu**]),.mбо нёбными **(k,g];**

6) зубные [t, d];

7) **губные** [p, b];

8) нёбный среднеязычный звонкий Н.];

9) зубные [S, /| (вместо одного [s], принятого в классической лингвистике) ,**губной** звонкий [v];

10) гортанный фрикативный согласный [h] как отдельный звук, помимо придыхательного *[y]* ;

11) придыхательные согласные [kh, gh, $k^{u}h$, $g^{u}h$, kh, gh, th, dh, ph, bh];

12) зубные аффрикаты, непридыхательные и придыхательные;

13) [c, ch, **s(dz), shj**; получившиеся из ft, d, th, dh] в положении перед шумными зубными согласными. Затем **общеиндоеропейские** придыхательные аффрикаты утратили свое придыхание во всех индоевропейских языках.

В редких случаях в числе отдельных согласных индоевропейского праязыка в эпоху его распадения Фортунатов находит и придыхательный **[h]** как отдельный звук перед слоговыми гласными как в начале, так и внутри слова. Такой звук [h], по Фортунатову, можно найти в общеиндоевропейской местоименной основе **[ha/ha^{e}]** (лат. ***hone,*** общесл. *he,* откуда русск. [э] в словах *этот,* эх).

Ударение в словах индоевропейского праязыка было свободным, т.е не зависело ни от места слога, получавшего ударение, ни от различий в долготе отдельных слогов. По своей природе ударение было выдыхательно-музыкальным.

Таким образом, Фортунатов в звуках индоевропейского праязыка видел не только праязыковые символы, но стремился выяснить их конкретные звучания и исторические изменения **(Брюкнер** упрекал его за придумывание слишком тонких нюансов этих звуков, за конструирование недоказанных звуковых переходов и т.п.). Но не получили ли мысли Фортунатова подтверждения в дальнейшем развитии сравнительно-исторического языкознания? На основе звукового богатства фонетики **индоевропейского** праязыка Фортунатов стремился создать такую систему, которая характеризовалась бы различными возможностями и разнообразием функций входящих з нее звуков.

В течение всего XIX в. в языкознании спорным был вопрос о признании исконными для индоевропейского праязыка гласного [а] или гласных [а, **ё,** о]. Большинство языковедов признавали таким исконным гласным [а]; это положение было отчетливо сформулировано **А.Шлейхером,** находим его мы и у многих других исследователей. В то же время **К.Бругман** признает, что для индоевропейского праязыка исконными являются звуки [а, **ё,** о], которые не возводятся к [а].

Фортунатов исходит из того, что в индоевропейском праязыке более древним звуком был краткий гласный [а], приближавшийся по качеству либо к [а] чистому, либо к либо к [о] двух видов (что он условно обозначает как **[a*, a^{e}, a°, a^])**, которые в различных индоевропейских языках отражались различно. Он замечает, что невозможно установить более раннее происхождение **|a^{e})** по сравнению с **[a°]** ; ооа эти звука являют-

ся разновидностями какого-то третьего звука. Чрезмерная гиперболизация Фортунатовым места, занимаемого [а] в фонетической системе индоевропейского праязыка, с одной стороны, не дала ему возможности поставить ряд принципиальных вопросов индоевропейской фонетики, а с другой — обусловила такое подробное ее рассмотрение, которое позволило выдвинуть интересные гипотезы в области фонетики индоевропейского праязыка. В частности, рассмотрение [а] в различных положениях привело Фортунатова к установлению в индоевропейском праязыке особых гласных — неслогового иррационального **[о]** *и* слогового **[а]**. Введение иррационального гласного двух видов сыграло важную роль в построении теории сонантов, а "фортунатовская теория сонантов поднимала большой вопрос о существовании в общеиндоевропейском языке **разветвленной** системы **чередований** со **гласных** нарядус чередованием гласных"[18].

С именем Фортунатова связана разработка такой важной области сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков, как **историческая акцентология.** Причем в его работах делается упор не на исследование каждого отдельного звука вне связи с общей фонетической системой, что было характерно для младограмматиков, а на установление внутренней взаимозависимости между сонантами и интонацией. Фонетическая сторона звуковых явлений, по Фортунатову, включала з себя не только отдельные звуки, но и связанную с количественными различиями в вокализме слоговую интонацию, что приводило к расширению содержательной стороны фонетики в историческом плане (в отличие от фрагментарного рассмотрения звуков у младограмматиков). Новые и неожиданные выводы о связи балто-славянского ударения с газдоевропейскими сонаитами содержались в статьях Фортунатова "О сравнительной акцентологии **литво-славянских** языков" (1880) и "Об ударении и долготе в балтийских языках" (1895).

Открытие Фортунатова вызвало большой резонанс в западноевропейской лингвистике. Его выводы были развиты **А.Лескиком** и другими немецкими лингвистами. Основываясь на положениях Фортунатова, несколько позже **А.Бецценбергер** установил тесную связь между греческим и литовским языками в соотношении и акутовых конечных слогов. С этим же направлением исследований была связана и диссертация немецкого индоевропеиста **Г.Хирта** "О циркумфлексной и акутовой интонациях в индоевропейских языках" автор которой говорит, что нисходящие и **восходящие,** интонации литовского языка соответствуют **греческим** акутовым и **циркумфлексным** интонациям. Позднее немецкий лингвист **Ф.Ханссен** сделал попытку применить положение Фортунатова к германским языкам, в частности к готскому, в котором конечный слог со старой циркумфлексной интонацией долог, & конечный слог со старой акутовой интонацией краток.

Исследования количественных отношений не только в **балто-славянских,** но и в общеиндоевропейском языке продолжены Фортунатовым в ' работе "Об ударении и долготе в балтийских языках", где он, отмечая наличие двух видов долготы (прерывистой и длительной) в общебалтийском языке, уже совершенно четко указывает, что **"литовско-славянская** „прерывистая" и **.длительная"** долгота долгих гласных, дифтонгов и диф-

тонгических сочетаний на сонорную согласную образовалась из двух видов в индоевропейском праязыке, причем в долгих гласных индоевропейского праязыка я различаю также прерывистую и длительную долготу (хотя... прерывистость долгих гласных получалась не только из индоевропейской прерывистой долготы, но также при известном условии и из индоевропейской длительной долготы), а в индоевропейских дифтонгах и дифтонгических сочетаниях на сонорную согласную по отношению к количеству целого дифтонга или дифтонгического сочетания (без отношения к количеству слоговой части) я определяю различие между дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями с краткою неслоговою частью и дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями с некраткою неслоговою частью: индоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания первого вида имели в литовско-славянском языке прерывистую долготу, и потому дифтонги и дифтонгические сочетания второго вида представляли здесь длительную долготу"[181]. В этом положении Фортунатова **получила** свое оформление классическая теория общеславянского и общеиндоевропейского ударения, характеризующегося определенными закономерными соответствиями музыкальных различий в балто-славянских и общеиндоевропейском языках. Здесь ясно показана связь общеиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний с кратким сонантом н **циркумфлексной,** интонацией в балтийских и славянских языках.

В тесной связи с положением Фортунатова о качестве ударения в балто-славянских языках находятся его высказывания о месте ударения и его изменении, известные как закон Фортунатова — славянских языках в склонении слов с основой на наблюдается перенос ударения с слова в форме **именительного** падежа на корень слова в форме винительного падежа; ср., например, русск.дукд - *руку* (общесл. ***ГОпЫ -*гбпкйт)*** диалогичное лит. *гапка* - ***rahkf.*** Условия этого переноса ударения яснее всего прослеживаются на словах с русским сочетанием в корне: русск. *борода* - *бороду* = лит. *barzda* - ***bdfzdas,*** т.е. ударение переносится с нисходяще-долгого слога **(общесл. *<?г**)на следующий восходяще-долгий. Исходя из того, что **в индоевропейском** праязыке **следует** различать два вида дифтонгов - с краткой и долгой неслоговой частью (в примерах общесл.* ***ronka - * ronkSm*** и лит. *гапкь* - ***гапка*** это **-am** и ***-am),*** - Фортунатов считает, что давало нисходящую интонацию (прерывистая долгота), тогда как давало восходящую интонацию (длительная долгота).

§ 47. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ А.А. ШАХМАТОВА, Б.М.ЛЯПУНОВА И М.М. ПОКРОВСКОГО

Ф.Ф. Фортунатов воспитал целую плеяду лингвистов. В своей научной практике его ученики разрабатывали различные вопросы общего и частного языкознания, но интерес к той или иной области лингвистического исследования возник у них под влиянием лекционных курсов Фортунатова. Так, В.К. Поржезинский и Г.К. Ульянов занимались изучением **балто-славянских** языков, Н.Н. Дурново **и М.Н.** Петерсон разрабатывали синтаксические проблемы. Но из многочисленных учеников следует прежде всего

отметить А.А. Шахматова, М.М. Покровского и Б.М. Ляпунова, которые наиболее последовательно развивали его идеи.

Обладая исключительной одаренностью, *АЛ.* Шахматов (1864—1920) уже в детстве проявляет большой интерес к истории, к изучению различных языков. Знакомство Шахматова, тогда еще гимназиста, с Фортунатовым на всю жизнь определило его интерес к русскому языку. История русского языка в связи с историей русского народа, происхождение русского языка и его наречий в связи с происхождением славянских народов, восточных в частности, — исследованием этих вопросов Шахматов занимался всю жизнь. Этим проблемам посвящены такие его труды, как "Очерк древнейшего периода истории русского языка" **(1915)**, "Древнейшие судьбы русского племени" (1919) **идр.**

Как историк русского языка, Шахматов главным образом **занимался** вопросами исторической русской фонетики. За "Исследования в области русской фонетики" (1893—1894) Шахматов получает докторскую степень. Далее он обобщает свои наблюдения над фонетическими явлениями русского языка в работе "К истории звуков русского языка" (1903). В этих, как и во многих других своих работах (Шахматов написал более 150 книг и статей), он использует сравнительно-исторический метод исследований. Если Фортунатов заканчивает анализ исторического развития индоевропейских языков периодом, непосредственно предшествующим распаду славянских языков на крупные диалектные то Шахматова интересует следующая эпоха в жизни этих языков. Он пытается воссоздать общерусский праязык во всех его фонетических подробностях путем сравнительно-исторического сопоставления древних и современных русских диалектов, с привлечением также данных других славянских языков. Как и Фортунатов, Шахматов стремится представить фонетическую систему общерусского праязыка не как абстрактную совокупность определенных звуковых черт, а как систему, характеризующуюся разнообразием своих различительных возможностей, внутренними закономерностями, которые в дальнейшем отразились на всем языковом развитии. Шахматова упрекали в гипотетичности построений, в недостаточности приводимых им доказательств. Однако все его построения служили достижению одной, цели — объяснению многих неясностей в истории русского языка. Привлекая данные фольклора, палеографии, этнологии, истории, он положил начало новому, комплексному методу изучения языка.

Шахматов развивал и фортунатовское учение о дифференциации (расчленении) диалектов **и.их** интеграции (слиянии), обусловленных социальными причинами. Восстанавливая общерусский праязык, он обращал большое внимание на передвижение (миграцию) славянских племен, пытался проследить процесс создания русской народности и т.д. Доказывая, что история языка есть часть истории народа, Шахматов выступает в науке о языке как языковед-социолог. К пониманию языка как социального явления он подошел не сразу. В ранние периоды своей научной деятельности под влиянием младограмматиков Шахматов также признавал, что язык народа есть научная фикция, а реальное бытие имеет только язык отдельного индивидуума. Но эта концепция не согласовывалась с реальным положением **нещей.**

Именно с учетом социальности языка решал Шахматов общие проблемы языкознания, особенно в одной из своих крупнейших работ — в "Синтаксисе русского языка" (1925—1927). Причиной появления этой книги явилось, с одной стороны, повышенное внимание к вопросам русской грамматики в первом десятилетии XX в., с другой — полемика по проблемам синтаксиса, разгоревшаяся в европейской лингвистике. "Синтаксис русского языка" Шахматова — это не только тщательный анализ конкретного языкового материала, но и выражение общелингвистических взглядов ученого. И в этой работе Шахматов прежде всего подчеркивает, что "язык возник как средство общения людей между собою"[182]. Как и А.А. Потебня. он считает, что "в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложения, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова".

Шахматова не удовлетворяло учение младограмматиков о психологическом подлежащем и психологическом сказуемом. Признавая связь языка и мышления, он стремится определить ту единицу мышления, которой соответствует предложение, и выдвигает теорию психологической **коммуникации,** сущность которой сводится к следующему:

1) "психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологическою же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который... мы назовем потому что он "имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений";

2) "обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит в себе выражение, является внутренняя речь. <..> Начало коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь";

3) существеннейшим различием между предложением и коммуникацией **являете*** "конкретизм членов коммуникации и **рВсчлененность** предложения: предложению *Испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* соответствует коммуникация, субъектом которой является *испуганная нами ворона,* а предикатом *взлетела на высокую липу;* двум членам коммуникации противопоставляются семь слов, причем эти слова соответствуют шести членам предложения". Современное языкознание вряд ли может удовлетворить психологически окрашенное понимание сущности предложения, но само введение понятия коммуникации, в котором Шахматов старался показать связь языка и мышления и социальную сущность языка, заслуживает высокой оценки.

Учение о психологической коммуникации тесно связано с шахматовским определением предложения как **никации.** В отличие от Потебни, который считал невозможным дать общее определение предложения, Шахматов сформулировал несколько таких определений: **"Предложение** — это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления"; "Предложение - это словесное, облечен-

ное в грамматическое целое... выражение психологической коммуникации. < „ > Это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям простым или сложным"; "Предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка".

В "Синтаксисе русского языка" Шахматов, привлекая огромный фактический материал, анализирует разнообразные типы простого предложения (сложное предложение не рассматривается) на основе соотнесенности их с психологической коммуникацией, причем вместо главных и второстепенных членов предложения он выделяет основные, зависимые и служебные. Детальная классификация видов простых предложений может показаться несколько механической, но попытка Шахматова установить количество и характер членов предложения в зависимости от типа предложения представляется чрезвычайно плодотворной для построения общей теории синтаксиса.

Б.М. Ляпунов (1862—1943), как и его учитель Фортунатов, стремился обнаружить современные диалектные различия еще в общеславянском праязыке. Именно в этом аспекте он интересовался многими кардинальными вопросами праславянской фонетики. В основном своем труде "Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи" (1899) Ляпунов рассматривает установленные Фортунатовым иррациональные гласные ъ и ь и их отражение в диалектах общеславянского праязыка. Он полностью принимал фортунатовскую теорию сонантов (включая терминологию), интересовался вопросами славянской акцентологии.

Ляпунов, как и Шахматов, считал, что при изучении языка следует принимать во внимание данные внешней лингвистики - контактирование ков, их передвижение, взаимоотношения между различными племенами и т.д. В некоторых своих работах он пытался рассматривать географическое распространение отдельных фонетических, морфологических и лексических особенностей, применяя положения лингвистической **географин** к изучению поздних эпох общеславянского праязыка. Из работ Ляпунова следует отметить "Формы склонения в старославянском языке" (1905), где он рассматривает происхождение форм склонения в общеславянском праязыке, а также некоторые вопросы праславянской акцентологии. Большинство исследований Ляпунова посвящено праславянской тематике, поэтому с именем этого выдающегося лингвиста связано развитие славянского языкознания в нашей стране.

Другой ученик Фортунатова, М.М. Покровский (1869-1942), **методы** сравнительно-исторического исследования применил в классической филологии — исторической грамматике латинского языка, латинском словообразовании, латинской этимологии, греческой и латинской лексикологии. Покровский одним из первых занялся мало разработанными проблемами семасиологии (наука о значениях слов), заложив основы сравнительно-исторической семасиологии. В таких работах, как "Значение сравнительного языкознания для классической филологии" (1895), "Семасиологические исследования в области древних языков" (1895), "О методах семасиологии" (1896), "Материалы для исторической грамматики латинского языка" (1898) и др., на обширном материале древнегреческого,

латинского, немецкого, русского и французского языков Покровский ставит новую для своего времени проблему закономерностей семантических изменений слов.

По его мнению, закономерное развитие языка не подлежит сомнению и легче всего обнаружить эти закономерности с помощью сравнительно-исторического метода. Закрывать глаза на достигнутые сравнительно-историческим языкознанием результаты, - образно говорит Покровский, - это все равно что не признавать солнечного света, и если бы языковеды вздумали **вывести** сравнительный метод из научного обихода, то они не раз почувствовали бы свое бессилие перед массой разрозненных фактов. Поэтому и "семасиология какого-нибудь отдельного языка немыслима без сравнения его с другими языками; тем более необходим сравнительный метод при занятиях семасиологией древних языков: только таким путем можно вдохнуть жизнь во многие запутанные... обороты этих языков"[183].

В истории любого языка Покровский отмечает наличие консервативных традиций прошлого, выражающихся в сохранении старых форм, и прогрессивных тенденций будущего, проявляющихся в образовании новых форм. На развитие языка действуют два фактора: внешний, культурно-исторический фактор, "культурно-исторические поводы", социальные причины, и внутренний, психологический. В качестве иллюстрации действия первого фактора Покровский приводит пример, когда вследствие одной и **той** же культурно-исторической причины, обесценивания денег, слова русск. *грош, копейка,* лат. *as,* фр. *sou* сделались **синонимами** чего-то ничтожного.

В своей исследовательской практике Покровский отказался от применения правил формальной логики к явлениям семасиологии и признал, что изменения слов с о ц и а л ь н о На примере слова *бойкий (бойкий малый* '**живой** малый", *бойкое мест* "оживленное **место',** *бойкая улица* 'скользкая улица, где лошади получают ушибы' — связь со **словами** *бой, вить)* он показывает, что "и классы, и профессии не только хранители старины, но они в то же время являются большой творческой силой, дающей языку широкое многообразное развитие". Эта социологическая характеристика подтверждается экспрессивных оттенков глагола, обозначающих разные категории пьющих людей: портной *настегался* и *наутюжился,* сапожник ***настукаяся,*** музыкант ***наканифолился,*** барин *налимонился,* лакей *нализался,* солдат *употребил.* Но замечания Покровского о социальных причинах, лежащих в основе изменения значений шов, носят абстрактный характер, лишены конкретного историзма, не устанавливают закономерного связи между историей общества и историей языка. И положение о том, что "нужно искать первоначальную причину изменения слов в соответствующем изменении условий жизни и в реальном окружении, в котором находятся данные предметы и люди", носит зачастую декларативный характер.

В качестве внутреннего, психологического фактора семасиологических изменений Покровский выдвинул принцип с е м а с и о л о г и ч е с к о й **а с с о ц и а ц и и ,** или **а н а л о г и и .** В основе этих ассоциаций лежит общность психофизической деятельности человека, которая одинаково проявляется и в явлениях аналогии, и в семасиологических явлениях. Эту тождественность лексических явлений с морфологическими

и подчеркивает Покровский ("история новообразований по аналогии во многих пунктах сходна с историей значения слов"). Как в явлениях аналогии наблюдается закономерность и способность к классификации, так и в семасиологических явлениях, несмотря на их кажущуюся прихотливость и хаотичность, существуют закономерности. Принцип семасиологической ассоциации заключается в том, что в языке имеется масса значений, которые может приобретать отдельное слово, и в то же время сходство между этими значениями у ряда слов. Например, лат. *judicium* и *consilium* обладают массой значений: *judicium* означает суд в смысле судопроизводства, приговора, совокупности судей, зала суда и т.д.; может обозначать совещание, совет, место совещания и т.д. И вместе с тем эти слова обладают определенным сходством: они являются отглагольными существительными и принадлежат к одному словообразовательному типу на *-um*. Здесь чрезвычайно важно обратить внимание на связь принципа семасиологической ассоциации с определенным словообразовательным типом (в приведенном примере — с категорией отглагольных существительных).

Покровский впервые предложил изучать историю значений не отдельных слов, а групп слов, принадлежащих одной и той же сфере представлений, под которой он понимал сферы общественной жизни, производства и т.д. Изменение значений слов Покровский связывает с изменениями в культурной жизни народа, в хозяйстве, быте и т.д. Например, у многих древних народов единицей стоимости вместо металлических денег зачастую выступал скот. Поэтому сферы представлений *деньги, собственность скот* совпадали, а слова, относящиеся к этим сферам, были синонимичными: *скотница* "казна", лат. *pecu* 'скот' и *pecunia* "деньги", готск. *faihu* "деньги" и нем. *Vieh* "скот". Покровский выделяет такие группы слов, принадлежащих одной и той же сфере представлений, как *собираться* и *собрание,* а также слова, выражающие понятия игр и зрелищ, обедов и пиров, меры и веса и т.д. Значение учения Покровского о группах слов, выражающих определенную сферу представлений, заключается в том, что он ввел понятие системности в лексике (ср. интенсивно разрабатывающиеся в современном языкознании вопросы анализа семантических полей).

Таким образом, приложение выдвинутых Фортунатовым общих принципов сравнительно-исторического исследования к анализу различных сторон языка (фонетики, морфологии, семасиологии), стремление объяс- а не только описывать факты языка, свидетельствуют об определенном единстве взглядов представителей Московской лингвистической школы.

ГЛАВА 10

КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Название "Казанская лингвистическая школа" обязано своим существованием главным образом традиции. Когда говорят о научной школе, то обычно подразумевают под этим единство научных принципов, самостоя-

тельность их развития. Основатель Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что его принципы разделялись далеко не всеми его учениками; некоторые из них совершенно не проявили себя в теоретическом отношении и оставались пассивными участниками этого лингвистического общества (например, А.Н. Анастасиев, Н.С. Кукуранов, И.А. Александров и др.), другие же некритически восприняли идеи учителя. Распространяло же принципы Казанской лингвистической школы всего несколько человек, и прежде всего Н.В. Крушевский и ВА Богородицкий. Но интересы этих наиболее талантливых учеников Бодуэна де Куртенэ слишком различны, чтобы о них можно было говорить как о его единомышленниках. Кроме того, у них нет самого основного для последователей "школы" - самостоятельности развития взглядов. Поэтому Бодуэн де Куртенэ название "Казанская лингвистическая школа" всегда употреблял в кавычках, предпочитая говорить о Казанском лингвистическом кружке. Рассмотрение основных вопросов лингвистической концепции наиболее выдающихся представителей Казанской лингвистической школы, оказавших непосредственное влияние на дальнейшее развитие языкознания, начнем с анализа лингвистических взглядов ее основателя.

§ 48. ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ИА БОДУЭНАДЕ КУРТЕНЭ

С юношеских лет Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) проявлял интерес к вопросам математики и языкознания. Поступив в шестнадцать лет в варшавскую Главную школу (университет), он начал интенсивно заниматься физиологией звуков, санскритом, литовским и славянскими языками, собирать материал по истории польского языка. Результаты изучения польского языка Бодуэн де Куртенэ обобщил затем в ряде работ, в том числе в "Некоторых случаях действия аналогии в польском склонении" (1868). В этой книге, по словам известного языковеда М.Фасмера, особое внимание обращено на современное состояние польского языка и впервые подчеркивается значительное влияние аналогии на звуковые изменения, т.е. впервые говорится о психол%гических изменениях в языке.

После окончания Главной школы в 1866 г. Бодуэн де Куртенэ командируется за границу; он побывал в Праге, Иене, Берлине. Вернувшись в Петербург, он под руководством И.И. Срезневского начинает работать над диссертацией "О древнепольском языке до XIV столетия", не потерявшей научного значения до настоящего времени. После ее защиты (1870) Бодуэн де Куртенэ получил звание приват-доцента и был допущен к чтению лекций по сравнительной грамматике индоевропейских языков в Петербургском университете.

Собранные в результате научных поездок в южнославянские земли диалектологические и этнографические материалы были использованы Бодуэном де Куртенэ в докторской диссертации "Опыт фонетики резьянских говоров" (1874). После защиты диссертации Бодуэн де Куртенэ начинает читать лекции в Казанском университете. В казанский период (1874-1883) его интересы были сосредоточены на двух основных вопросах: на фонетике в ее отношении к физиологии звуков и на сравнительной типологии. За это

время Бодуэн де Куртенэ не создал сколько-нибудь крупных работ, но в своих лекциях высказал немало оригинальных мыслей (в области фонологии, морфологии, а также типологии на разных уровнях языка).

К началу 80-х годов жизнь в Казани начинает тяготить Бодуэна де Куртенэ, и он переходит в Дерптский университет на кафедру сравнительной грамматики славянских наречий. В Дерпте он ведет активную научно-исследовательскую работу, изучает высшую математику, армянский, эстонский, арабский и латышский языки. Бодуэн де Куртенэ свободно владел кроме русского и польского немецким, французским, литовским, итальянским языками, хорошо знал чешский, лужицкие и др. Свои многочисленные работы (а он написал более 600 статей) он писал почти на всех европейских языках.

В 1887 г. Бодуэн де Куртенэ избран членом Краковской академии наук. С 1893 г. в Краковском университете он читает курсы антропофоники и общей фонетики, сравнительной грамматики славянских, балтийских и германских языков, ведет семинар по Ригведе. К этому времени Бодуэн де Куртенэ уже приобрел европейскую известность, был избран пожизненным членом Парижского лингвистического общества. Он поддерживал дружеские связи и переписывался со знаменитыми европейскими языковедами Ф.деСоссюром,А.Мейе, был лично знаком с Г.Паулем, О.Есперсеном, И.Ягичем, Г.Шухардтом.

В 1900 г. Бодуэн де Куртенэ снова возвращается в Петербургский университет. В течение двух лет он читает лекции на правах приват-доцента (хотя в 1897 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук), а в 1901 г. назначается профессором по кафедре сравнительного языковедения и санскрита. В 1900-1916 гг. Бодуэн де Куртенэ одновременно с работой в университете преподает сравнительную грамматику славянских и сравнительную грамматику индоевропейских языков на Высших женских (Бестужевских) курсах. Как и в Казани, в Петербургском университете вокруг Бодуэна де Куртенэ быстро сформировался кружок лингвистов, из которого вышли такие блестящие языковеды, как Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский и др. В этот период он интересуется проблемами лексикологии и лексикографии, психического субстрата языковых явлений, а также общеграмматическими вопросами.

В 1918 г. Варшавский университет приглашает Бодуэна де Куртенэ занять кафедру индоевропейских языков. Несмотря на преклонный возраст, он принимает активное участие в научной и общественной жизни Польши; по его инициативе было создано "Общество друзей польского языка". В 1922—1923 гг. Бодуэн де Куртенэ читает циклы лекций в ряде европейских университетов (в Пражском, Копенгагенском и др.). Большое место в его жизни занимает публицистическая деятельность: он пишет статьи в защиту "малых народов" Польши от великопольского шовинизма, а также статьи атеистического характера.

§ 49. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Для понимания лингвистической концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ важное значение имеет рассмотрение его мировоззрения, ибо, хочет того

исследователь или нет, в его работах всегда есть философская основа; тем более, что Бодуэн де **Куртенэ** считал языкознание философией языка. Большинство лингвистов XIX в. опирались на господствующую тогда идеалистическую философию, придавая ей психологическую — применительно к языкознанию — окраску. Поэтому их мировоззрение, в том числе и Бодуэна де Куртенэ, без детального изучения часто характеризовалось как субъективно-идеалистическое.

Когда, **например,** Бодуэн де Куртенэ говорил, что "язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество"[184], что никакой язык "вовсе не существует, что существуют как психические реальности одни только индивидуальные языки, точнее, индивидуальные языковые мышления", то все это, на первый взгляд, давало основания для обвинения его в идеализме. Тем более, что и причину языковых изменений Бодуэн де Куртенэ видел в законах п с и х и ч е с к и х и **ч е с к и х,** отождествляя социологию с психологией народов (Volkerpsychologie). Сущность его психологизма, особенно характерного для работ более позднего периода, проницательно вскрыл Л.В. В некрологе, посвященном памяти своего учителя, он писал, что психологизм Бодуэна де Куртенэ не является философской основой его лингвистического мировоззрения[185].

Полагая, будто человеческий мир представляет собой не что иное, как совокупность социальных группировок, Бодуэн де Куртенэ указывает, что у людей наличествует сходство психических свойств и в этих свойствах заложены условия для изменения и языка вообще, и языка данного племени или данного народа в частности. Считая так, он отходит от чрезмерно индивидуального психологизма младограмматиков: "...некоторый определенный языковой отпечаток (определенный характерный язык) как реальность, как действительно существующее, может быть исключительно индивидуальным явлением, или, вернее, **в и д у а л ь н ы м** (явлением коллективным и **индивидуальным)**". Языковые изменения возникают не где-то в сферах подсознательного, в душе человека, как говорили младограмматики, а в лингвистическом процессе, т.е. во время передачи языковых представлений от одного человека к другому. Причем психический момент, присущий, по представлению Бодуэна де Куртенэ, только отдельному индивидууму, и происходящие в речи индивидуума языковые изменения объясняются психическими факторами. Но "психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц". А поскольку языковые изменения возникают при передаче языковых представлений от одного человека к другому в процессе общения, т.е. в мире социальном, то, следовательно, ни о каком абсолютном психологизме в звуковых изменениях не может быть и речи. Анализируя языковые явления, Бодуэн де Куртенэ опирается не на психологический социологизм, а на социальную, коллективную психологию, "коллективную индивидуальность". изменения и вообще развитие языка он объясняет в основном произносительными и слуховыми тенденциями, унаследованной способностью к речи и к языку данной этнической группы в частности, "привыч-

кой", "стремлением к удобству", "бессознательным забвением", "бессознательным обобщением", "бессознательной абстракцией" и т.д.

Утверждение первичности органического мира, обусловливающего существование мира психосоциального, крайне отрицательное отношение ко всем проявлениям идеализма позволяют считать де Куртенэ сторонником стихийного материализма. Говоря о философских взглядах Бодуэна де Куртенэ, следует отметить его стремление к материалистическому монизму (философское учение, которое, в противоположность дуализму, принимает за основу всего существующего одно начало), приведшее к пониманию языка как явления психосоциального. Критикуя А.Шлейхера за дуализм как методический эклектизм, заключающийся в смешении разнородных явлений (дух и природа, язык и история, жизнь и история, история и развитие и т.д.), Бодуэн де Куртенэ замечает, что "этот дуализм... ставит его помимо его желания и сознания... в совершенное противоречие с новейшим, монистическим направлением естественных наук". За дуализм критиковал он и своего ученика Н.В. Крушевского. Бодуэн де Куртенэ не принимал также субъективный идеализм: "Гипотеза, которая предполагает, что вселенная является созданием личности, похожей на человека, не имеет никакого смысла".

Диалектический материализм признает монизм, утверждающий первичность материи, **объективность** ее существования. **Материалистический монизм** составляет существо философских взглядов **Бодуэна.де** Куртенэ, основу его лингвистической концепции. Монистическое понимание языка как психосоциальной сущности, имеющей "коллективно-индивидуальное" или "собирательно-психическое" существование, предполагает, по его мнению, нераздельность в языке индивидуального и общего ("индивидуальное является одновременно и общим, общечеловеческим"). Так совершенно определенно ставится проблема взаимоотношений индивидуального и социального, общего и частного в языке, языка и речи.

§ 50. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ, СТАТИКИ И ДИНАМИКИ ЯЗЫКА В ТРУДАХ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Н.В. КРУШЕВСКОГО

Обычно постановка проблемы о взаимоотношениях языка и речи связывается с именем швейцарского лингвиста Ф.де Соссюра. Но еще в 1870 г. в лекции "Некоторые общие замечания о языковедении и языке" И.А. Бодуэн де Куртенэ обращал внимание "на различие речи человеческой вообще, как собрания всех языков... от отдельных языков, наречий и говоров и наконец от индивидуального языка отдельного человека, с другой же стороны - на различие языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующего только in potentia и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам, ему подобным, т.е. другим людям (язык - речь - слово человеческое) "..В этом высказывании обращает внимание прежде всего восприятие молодым языковедом известных мий В.Гумбольдта: "язык - речь" и "**язык-** энергия".

^ДИвидуальный язык Бодуэн де Куртенэ рассматривал "как одну человеческого организма в самом обширном смысле этого 031083 • Развивая положение Гумбольдта о том, что язык как функциональная реал.
доват"Юность является деятельностью, а не продуктом деятельности, и сле-
что у^Ьно, предполагает активное функционирование языка, он считал,
Язык " °ение языка - это активный творческий процесс,
ооусл j)e4b составляют такое взаимопроникающее единство, что
не к оьЛивают реальность друг друга ("язык индивидуальный существует
^Циничное целое, а просто как видовое понятие").
индив°0тношение между языком и речью, между языками племенным и
187Q ^Уальным Бодуэн де Куртенэ понимал по-разному. Так, если в
ных о" ^Я" определял язык как "комплекс членораздельных и знаменатель-
да" т и СОЗВ У чий . соединенных в одно целЬе чутьем известного наро-
КОГр Т°.Позже он говорил, что "нет вовсе ни русского, ни немецкого, ни ка-
bi хо ни было национального или племенного языка. Существуют
только . „ ^
плем Индивидуальные языки . Бодуэн де Куртенэ оперирует понятиями
ei°lОго (национального) языка, индивидуальной речи и среднего
отвлеч* *Чоето* мнению, языкплеменнои инациональныи является чистою
ально^ ^ у ^ п ^ ^ ^ ^ ^ § 9 Д ^ ^ ^ ^ Р ^ :
КоНКретное проявление языка, "и именно на индивидуумах мы можем
посреп ВаТЬ некото рые явления в увеличенном виде или гораздо более не¬
- -твенно, чем это имеет место при исследовании такой абстракции,
проек 31>1К пл тм 6 тм тм или народный". Средний язык представляет собой
плем •^'иеменного языка на индивидуальное языковое сознание, это
- Юй язык, рассматриваемый как функция некоего образцового ин-
ми*идуУМа_ Как
видно, высказывания Бодуэна де Куртенэ по вопросу о
1Цении языка, речи и среднего языка слишком неопределенны, чтобы
тм осн <>йании их делать какие-либо выводы. Важно только отметить его
пив На социальн У ю природу индивидуальных речев15к актов: "...ин-
в'об 44 *»ожет развиваться в языковом отношении и вообще духовно только
У ес тве, т.е в сношении с другими индивидами".'
" Че Ник Бодуэна де Куртенэ Н.В. Крушевский (1851-1887) не принял
Тих "вожений своего учителя, и идея о социальной обусловленности
изн ка Оставалась для него чуЖцой. Крушевский считал, что поскольку про-
0Си *ельные навыки одинаковы у всех индивидуумов данного времени
и говор а> постольку одинаковы и речевые процессы у всех людей того
е вре\,ени и ГОВОра: *i*) g речи данного индивида не могут быть один раз
ДНИ^ Другой раз другие звуки. 2) В речи данного индивида не могут быть
м^н 1 *,»^/ 105, К0Т0 Р Ь1Х нет в речидругих индивидов того же говора и вре-
и -«.Наблюдаемые в речи отдельных лиц отклонения для языка вооб¬
Ще нИК a1coro значения не имеют. Высказанная Бодуэном де Куртенэ мысль
оо отп^у
речи и языка как общего средства выражения человеческой мысли от
^Дельного человека не была воспринята Крушевским.
ЦИП и *5.1 рассмотрении истории языка Бодуэн де Куртенэ выдвинул прин-
приз Сг Орического, истинно научного его изучения. Критикуя языковедов,
чесК на, ощих эволюционную точку зрения верной только в науках биологи-
138 социологических, он указывал: "Нет неподвижности в языке. При-

нимаемые, например, многими лингвистами одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т.д. во всех родственных языках - есть ученая выдумка, ученая фикция и вместе с тем тормоз для объективного исследования. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений". Исторические изменения в языке совершаются по определенным законам движения, которые составляют динамику языка. Наряду с этим существуют законы сочетания звуков в определенный момент существования языка, законы равновесия, составляющие статику языка. В языке в каждый данный момент его состояния надлежит "считаться с фактом наличности, с одной стороны, пережиточных форм, унаследованных от прошлого и уже не соответствующих данному общему строю языка, с другой же стороны, явлений, предвещающих, так сказать, будущее состояние данного племенного и национального языка и еще не подходящих под современное построение этого языка". Взаимоотношения статики и динамики Бодуэн де Куртенэ понимает диалектически: "Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики".

Следует обратить внимание на то, что еще в начале 80-х годов XIX в. Бодуэн де Куртенэ вместо двучленной предлагает трехчленную систему категорий (статика — динамика — история). Так, при описании звуковой системы языка под статикой понимается описание и исследование того, что существует, без учета изменчивости, под динамикой — исследование и определение условий изменчивости, т.е. каузальная часть фонетики, а история констатирует изменения в языке и является наукой общественной. В трактовке этого положения у Бодуэна де Куртенэ и Крушевского было много общего.

Крушевский также исходит из необходимости различать современное состояние языка, его статику, и историческое развитие языка, последовательность в изменении фактов языка. И с этой точки зрения звуки меняются во времени. "Звук человеческий, - пишет Крушевский, - может быть рассматриваем трояко: **1)** независимо от места и времени. Под "местом" здесь надо понимать место звука в звуковых комплексах или соприкосновение звука с другими звуками; 2) в зависимости от т.е. в зависимости от соседних звуков; 3) в зависимости от времени, т.е. изучение **звука** в его историческом развитии. Первое составляет предмет... антропофонической **статики,** второе и третье - предмет **динамики:** второе составляет предмет динамики в точном смысле слова, третье - предмет антропофонической истории"[187]. Выше говорилось о такой же трехчленной системе категорий у Бодуэна де Куртенэ. Совпадение не может быть случайным, скорее всего надо признать взаимное творческое влияние учителя и ученика в разработке этой проблемы.

Предупреждая исследователей о невозможности разделения статического и динамического изучения языка, Бодуэн де Куртенэ указывал на то, что современные звуковые явления станут понятными, если их перевести в прежнее время, "спросить историю языка". Он четко сформулировал принципы относительной **хронологии,** теоретическое значение которых важно до сих пор:

"При грамматическом рассмотрении языка необходимо соблюдать хронологический принцип, т.е. принцип объективности по отношению к совершающемуся во времени генетическому развитию языка. Этот принцип генетической объективности можно выразить тремя следующими положениями.

Положение 1-е. Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно, в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов... называются слоями... языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения.

Положение 2-е. Механизм языка и вообще его строй и состав в данное время представляют результаты всей предшествующей ему истории, всего предшествовавшего ему развития, и наоборот, этим механизмом в известное время обусловливается дальнейшее развитие языка.

Положение 3-е. Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени. Задача исследователя состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить состояние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиться такой-то и такой-то строй и состав времени последующего... наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обусловливая его строй и состав".

Утверждение тесной связи и взаимообусловленности языковых периодов, возможности их перехода из одного в другой стало одним из открытий Бодуэна де Куртенэ.

Одним из первых Бодуэн де Куртенэ обращает внимание на социальную дифференциацию языка. В состав языкового материала, указывает он, следует включить "народный язык во всей его полноте, разговорный язык (речь) всех слоев общества данного народа, не только тех, которые ходят в сермягах и зипунах, но и тех, что носят сюртуки... язык всех без исключения сословий... язык разных возрастов (детей, взрослых, стариков и т.п.) и известных состояний человека". Говоря о социальных факторах развития языка, Бодуэн де Куртенэ указывает на то, что "язык может реализоваться только в обществе и так как психическое развитие человека вообще возможно только в общении с другими людьми, следовательно, мы имеем право сказать, что языкознание — наука циологическая". Следовательно, основой языкознания должна служить как индивидуальная психология, так и которая, к сожалению, еще мало разработана. Именно эта неразработанность социологии не позволила Бодуэну де Куртенэ подняться до признания общественного сознания как объективно существующей категории. Несмотря на высказанные в разное время мысли о влиянии сознания на язык всего народа и о невозможности трактовать язык как нечто неприкосновенное и свободное от вмеша-

тельства со стороны сознания, он же остановился на признании индивидуального сознания, выражающегося в коллективно-индивидуальном языке.

§ 51. УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ КАК СИСТЕМЕ В ТРУДАХ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Н.В. КРУШЕВСКОГО

В лингвистической концепции Бодуэна де Куртенэ привлекает внимание трактовка языка как системы, предвосхитившая современное понимание системности Этого вопроса касались и ученые предшествующего поколения, в частности В.Гумбольдт, А.Шлейхер, младограмматики. Позже, в связи с рассмотрением значений слов в древневерхненемецком языке, Г.Пауль выдвигает понятие системы языкового строя, ибо "отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала... только таким путем можно прийти к познанию причинной связи". Но Пауль тут же себе противоречит: "...для соотношения языковых явлений между собой характерно как раз отсутствие всеобщих логических принципов. В этой области мы постоянно сталкиваемся со случайностью, с отсутствием преднамеренности"[188]. Таким образом, Пауль подчинил причинно-следственные отношения языковой системы господству случайных, бессистемных связей.

За несколько лет до выхода "Принципов истории языка" Пауля Бодуэн де Куртенэ изложил свое понимание системы языка как совокупности, части которой связаны между собой отношениями значения, формы, звучания и т.д. Так, в подробной программе лекций, читанных в 1876 1877 гг. в Казанском университете, он пишет, что "физиологически тождественные звуки разных языков имеют различное значение, сообразно со всей звуковой системой, сообразно с отношениями к другим звукам". В более поздних работах Бодуэн де Куртенэ указывает на зависимость фонетического развития от фонологических факторов, обусловленных языковой системой ("немецкое *S* потому могло развиться в *R,* что вся немецкая звуковая система тогда была совершенно отличной от славянской системы, в которой *S* такому изменению не подвергалось").

В дальнейшем Бодуэн де Куртенэ прилагает понятие системы не только к фонологии, но и к другим элементам языка: "Все элементы звукового мышления, как фонетические, так и морфологические и семасиологические, укладываются сами собою в группы и разряды". В 1910-х годах он выделяет в системе языка подсистемы: фонетическую ("фонетическую структуру слов и предложений"), морфологическую ("морфологическую структуру слов") и синтаксическую ("морфологическую структуру предложений"). Эти подсистемы, в свою очередь, подразделяются им на например, в фонологии Бодуэн де Куртенэ выделяет фонемы на низшем, среднем и высшем уровнях со своими специфическими особенностями.

Бодуэн де Куртенэ так определяет уровни звуковой системы: "В... языке само собой напрашивается разграничение: 1) его „внешней" стороны, чисто фонетической; 2) его внеязыковой стороны, стороны семантических представлений, стороны семасиологической; 3) его морфологической стороны, его структуры, являющейся основной характеризующей чер-

той человеческого языка". При этом он довольно четко указывает соотношение элементов языковой системы в разных подсистемах языка; так, фонемы могут рассматриваться лингвистически только в составе живых языковых элементов, т.е. морфем, ассоциируемых как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями.

Система языка - категория **историческая,** причем в процессе исторического развития системность языка увеличивается: в нем уменьшается число форм обособленных, друг с другом не связанных, - их место занимают формы, подведенные под известные типы.

трактовка языка как системы оказала влияние на Н.В. **Крушевского.** Свою систему языка Крушевский строит на взаимозависимости фонетики и морфологии. "...Никакое слово не может существовать в языке, не приспособившись своей внешней и внутренней стороной к стройному целому, называемому **языком"**[189]**.** "Само собою разумеется, — пишет он в другом месте, — что каждая словесная категория находится в... более или менее определенном отношении сродства и зависимости не с одной какой-нибудь категорией, а со многими; **потому-то -** несмотря на все уклонения - **язык** представляет одно **гармоническое** цело **е"**[190]**.**

В этом гармоническом целом Крушевский выделяет три большие подсистемы — фонетическую (звуковую), характеризующуюся гармоническим сочетанием звуков и их разновидностей,

кую и основанные на внешнем (т.е. по своей структуре и отчасти по своим звукам) и внутреннем (т.е. по своему значению) сходстве слов. Каждая часть слова связана "отдельными узами сходства с такою же или почти такою же частью в тысячах других слов". Сотни и тысячи слов, построенных по одному образцу *(приносить, приводить* и т.д.), образуют известные структурные семейства, системы типов, которым соответствуют столь упорядоченные представления о предметах и яапе-**ниях** объективной действительности. Крушевский проводит ***иысль** о том, что системы структурных элементов языка связаны и соотносятся с процессами типизации, т.е. со способностью человеческого мышления классифицировать или обобщать предметы и явления объективного мира в определенные системы или типы понятий:

"В языке всегда можно открыть известные слов и связь между отдельными типами, другими словами — можно открыть известные другой стороны, область называемого, мир понятий представляет известное число общих категорий, как предмет, его признак, его действие и проч. Каждая из этих категорий имеет свою более или менее обширную семью; представления о предметах действующих, о предметах, испытывающих действие других предметов, о служащих орудием при действии и проч. составят одну семью; представления о действиях, принадлежащих настоящему времени, прошлому или будущему, о действиях мгновенных и продолжительных и проч. составят другую семью или систему. Язык не был бы пригоден для той цели, для которой он существует, если бы упомянутым системам понятий не соответствовали — с большей или меньшей точностью — системы словесных

В морфологической системе языка Крушевский выделяет системы низшего порядка, отдельные члены которых находятся в более тесных связях между собой, чем с элементами других систем. К ним он относит системы склонения и спряжения, изменения прилагательных по степеням сравнения, различные словообразовательные системы.

С точки зрения связи элементов между собой, или их упорядоченности, Крушевский выделяет три типа систем: "1) Неупорядоченные, как иольск. *iwga. nogi. nodze, nogc, uoga, w nodze*или малорус, *ноу а. ноуи, нози.ноуу, поуию, у нози: 2)* находящиеся на пути к упорядочению... где рядом с новыми формами употребляются... старые. Ясно, что в таких случаях на забвение обречены формы старые, а не новые: новая форма... может быть и произведена, и воспроизвелона...; 3) вполне упорядоченные системы, как склонение русского *волк* и т.п.".

Каковы же отличительные черты этих видов систем? Неупорядоченные системы включают в себя все в языке, и связи элементов в этих системах основаны на воспроизводстве, или на по смежностис означаемыми вещами (ассоциации по смежности связаны со значениями). В упорядоченных системах, включающих в себя все - в о ев языке, связи между элементами основываются на производстве, или на по под которыми понимается оформление модели по внешнему структурному образцу [например, прилагательное от *волк* в соответствии с группой слов притяжательной категории *(собачий, кошачий)* будет *волчий].* Ассоциации по сходству представляют, по мнению Крушевского, прогрессивную силу языкового развития. Крушевскии придает чрезвычайно большое значение построению системы по внешним признакам, считая, что "упорядочение систем основано на законе ассоциации по сходству", а то, что основано только на ассоциациях по смежности, стоит вне языковой системы.

К вопросу об упорядоченности системы языка подходит исторически: "Однородность данной системы не есть нечто исконное и постоянное: мы уже видели, что система, представляющаяся в данное время вполне однородной и стройной, раньше не всегда была таковой... однородность данной системы есть продукт более или менее продолжительной работы языка". Оценивая общую концепцию системности языка Крушевского, следует отметить ее глубокую разработанность, применение принципа системности не только к фонетике, но и к морфологии и семасиологии. Однако Крушевский не касается соотношения элементов языковой системы — проблемы, решение которой составляет сильную сторону интерпретации языковой системы Бодуэном де Куртенэ.

Важно еще отметить положение Крушевского о двух видах отношений в системе языка. Слова в языковой системе между собой связаны. Эти связи могут быть двух видов: и опосредованные. "Если большими буквами обозначим представления о вещах, а маленькими — представления о соответствующих вещам словах, то эти [непосредственные] связи выразятся следующим образом:

Слова *а и b,* не связанные непосредственно, являются тем не менее связанными, так как *а* связано неразлучно *с А, b с В,* **а** А и *В* связаны непосредственно". Мри непосредственных связях одни слова связываются с другими либо в силу схожести между ними (порядок сосуществования, сходство), либо в силу привычки употребления одного слова с другими (порядок последовательности, смежность). Для действительного функционирования языка непосредственные связи слов имеют большое значение.

"Если наши слова своим происхождением обязаны своим значением они зань і ассоциациям смежности". Эти два важнейших закона ассоциации по положение слов в системе языка их линейную последовательность, когда группы слов складываются в ряды либо на основе тождественности выражаемых ими значений, когда то или иное слово воспроизводится по памяти (например, глагол *внести* вызывает в нашей памяти слова *деньги, залог, сумму* и т.д.) — ассоциация по смежности; либо на основе сходства или различия с другими словами (например, *борона, борозда; водить, возить, носить; ближний, весенний, внешний),* когда слова соединяются на основании внешнего сходства или сходства по значению — ассоциация по сходству.

"Если вследствие закона ассоциации по сходству, — пишет Крушевский, - слова должны укладываться в нашем уме в снстсiv%1 ИЛИ гнезда, ТО благодаря закону ассоциации по смежности те же слова должны строиться в ряды". Эти двоякие связи слов в системе языка удивительно напоминают учение Ф.де Соссюра об ассоциативных и синтагматических соотношениях в языковой структуре. Подробнее об этом мы будем говорить далее, а сейчас только кратко отметим, что под синтагматическими отношениями де Соссюр понимал отношения, основанные на линейном характере языка, опирающиеся на протяженность (например, *пере-читать, человеческая жизнь* и т.д.), а под ассоциативными — отношения слов, имеющих между собой что-то общее. Причем они ассоциируются в сознании так, что из них образуются группы с самыми разнообразными внутренними отношениями: по общности акустических образов *(обучать, печать),* по аналогии означаемых *(обучать, наставлять, просветать*)и т.д.

Таким образом, указанные Крушевским ассоциации по сходству аналогичны соссюровским ассоциативным отношениям, а ассоциации по смежности (тоже с указанием различных отношений между словами в этой группе ассоциаций) - синтагматическим отношениям. Крушевский, рассуждая об ассоциациях, замечал, что эти различные отношения слов тесней шим образом связаны между собой и их взаимное функционирование определяет развитие языка.

§ 52. ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА В ТРАКТОВКЕ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Н.В. КРУШЕВСКОГО

Понятие системности языка у И.А. Бодуэна де Куртенэ теснейшим образом связано с понятием **языка** как **скстемы знаков,** как совокупности "множества случайных символов, связанных самым различным образом". "...Подавляющая часть слов человеческого языка - лишь **случайно возникшие символы.** <...> И как раз эта **случайность** есть характерная черта **языка**". В понимании этой особенности знака Бодуэн де Куртенэ был глубоко прав, если признавать слова символами, служащими для обозначения тех или иных предметов объективной действительности. Выбор символа (наименования) данного предмета определяется его признаками, поскольку случайность есть форма проявления необходимости.

Особенности слов как символов особенно характерно проявляются при сравнении со знаковыми системами, используемыми для целей общения в других биологических сообществах, в частности среди животных: "Постоянное и неустранимое различие между языком людей и „языком" животных составляют, однако, следующие отличительные черты: голоса животных неделимы, неразложимы, с начала до конца однородны, без переходов от одних звуков к другим... 2) голоса или звуки человеческого языка являются голосами членораздельными или артикулованными". Бодуэн де Куртенэ подчеркивает независимость механизмов, управляющих голосом, у животных и человека:

"...**звуки,** издаваемые животными, обладают одной общей всем им чертой, они самой природой соответствующих **животных** организмов для ражать именно **то,** что очи в действительности **выра-** Они должны вызывать как раз то чувство, как раз то представление, какие в действительности - именно путем непосредственного чувственного впечатления — и вызывают. И этим их задача исчерпывается.

Между тем все **слова,** принадлежащие собственно человеческому отличаются способностью принимать все причем их генезис, источник их значения обычно совершенно забывается. Сами по себе они ничего не говорят ни о чувстве, ни о способности воображения; они что-то означают лишь потому, что они ассоциированы с известным рядом значений. Характер необходимости им совершенно чужд".

И особенно важно отметить определение **социального** характера языкового знака. Упрекая Н.В. Крушевского за то, что он иногда смотрит на морфемы, корни как на звуки, лишенные значения, Бодуэн де Куртенэ замечает: "Если можно составлять морфологические единицы (морфемы), слова, предложения и вообще речь из простых, голых звуков, то, может быть, только в языке говорящей машины или фонографа, но никогда в живом человеческом языке, в языке живых общественных существ".

Крушевский с несколько иных позиций подходил к интерпретации языкового знака. Он исходил из того, что слово со стороны внутренней нельзя рассматривать как нечто неделимое, "оно обозначает известное понятие с

его оттенком или оттенками". Это понятие о предмете тесным образом свя¬ зано с процессом его наименования, причем название предмету дается по его наиболее **характерному,** бросающемуся в глаза признаку. Возь- мем, например, слово *весло,* - рассуждает Крушевский,- "предмет назван по одному из ею качеств. Что сделал бы тот, кому неизвестно слово ***весло!*** Он, вероятно, сказал бы: вещь, сделанная из дерева, длинная, одна полови¬ на тонкая и круглая, - другая пошире, плоская; служит для плавания. Мы выбираем последнее качество, кажущееся нам в данное время более важ¬ ным, берем уже существующее **слово,** обозначающее что-нибудь родствен¬ ное этому качеству, и из делаем название нашему предмету. Таким об¬ разом, название предмета первоначально есть часть его **описания,** служащая субститутом всего описания. <...> Такое название, как *весло,* будет первоначально так как оно дано предмету только вследствие какого-нибудь его сходства с чем-нибудь уже назван¬ ным, и **неполным,** так как оно подчеркивает только один наи¬ более выдающийся признак В этом определении слова как знака явственно прослеживается стремление считать знак субститутом, символом того предмета, который он обозначает, причем "возможность такой субсти¬ туции есть одно из величайших преимуществ языка".

Крушевский указывает также на произвольный характер слова: "...сло¬ во может по очереди служить знаком бесконечному ряду меняющихся с течением времени вещей. Так, слово *стол,* которым была названа первона¬ чально простая подстилка при приношении жертв (ср. служит отличным знаком не только для массы разнообразных домашних предметов, существующих в наше время для известного употребления (со¬ существующая семья предметов), но служило в продолжение веков таким же знаком для целых рядов предшественников этих предметов (последова¬ тельный ряд предметов)".

первоначально наименование предмета было на одном каком-либо его признаке, то "вследствие продолжительного употребления слово соединяется в такую неразрывную пару с представлением о вещи, что становится собственным и полным ее знаком, приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме представление о вещи со всеми ее **признаками".** Итак, по Крушевскому, слово есть первоначально не¬ полный знак (субститут) вещи, предмета, основанный на каком-нибудь од¬ ном его признаке, впоследствии становящемся собственным и полным зна¬ ком этой вещи, охватывающим совокупность всех признаков предмета.

§ 53. УЧЕНИЕ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ О ФОНЕМЕ

Именно в казанский период своей деятельности **И.А.** Бодуэн де Куртенэ четко осознает необходимость выделения фонетических **единиц,** которые нельзя отождествлять со звуками. К таким фонетическим едини¬ цам относятся когеренты и дивергенты, с одной стороны, и коррелятивы и корреспонденты - с **другой**, Поскольку звуки находятся в более или менее близком соседстве друг с другом и между ними устанавливается тесная причинная связь, то они находятся в отношениях зависимости и различия.

Комбдаационную зависимость звуков друг от друга Бодуэн де Куртенэ называет к о г е р е н ц и е й; в когерентных отношениях находятся [б — б'] и [ы - и] в *был - бил.* Комбинационные изменения, которые вызываются этой комбинационной зависимостью, он называет **д и в е р г е н ц и е й.** Д и в е р г е н т ы - однородные по происхождению (гомогенные) звуки, подвергающиеся комбинационным изменениям; ср.: *лодка - лодочка, год - года - годовой,* где [т, д], [о, Л, ъ] - дивергенты. Дивергенты отличаются от к о р р е л я т и в о в - звуков, различных на данном этапе развития языка, но имеющих одно происхождение (исторические чередования звуков: **[г/ж]** в *бегу - бежать,* **[к**/ч] в *теку - течь* и т.п.). Дивергенты и корреляхивы отличаются от к о р р е с п о н д е н т о в - однородных по происхождению звуков, сопоставляемых в области нескольких родственных языков, например [р] и [f] в *пал. pater к антп. father* 'отец'. Такие фонетические единицы, которые нельзя отождествлять со звуками (коррелятивы и корреспонденты), Бодуэн де Куртенэ называет **ф о н е м а м и,** определяя фонему как "сумму обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимую при установлении коррелятивных связей в области одного языка и **корреспондентных** связей в области нескольких языков".

Коррелятивные связи — это оттенки, свойства звуков (например, твердость мягкость), которые проявляются в различном фонетическом окружении. Причем "следует отличать иоложения, благоприятствующие проявлению всех индивидуальных свойств данной фонемы, от положений, каким-то образом препятствующих этому", различать "фонемы, кажущиеся идентичными, в зависимости от того, находятся ли эти фонемы в начале, в конце или в середине слова". Бодуэн де Куртенэ не первым обратил на эта внимание. Еще Г.Пауль отмечал, что количество звуковых оттенков, обусловленных положением звука, гораздо больше количества букв Кроме того, он различал устойчивый слуховой образ и изменчивые **артикуляторные** воспроизведения звуков речи.

В работе "Некоторые отделы „сравнительной грамматики" славянских языков" (1881) Бодуэн де Куртенэ определяет фонему как обобщенное выражение всех антропофонических свойств звуков, как фонетический тип: "...знаки же фонем - это знаки фонетических типов, знаки отвлечен**ностей,** знаки результатов обобщения, очищенных от положительно данных свойств действительного появления или существования". Оперируя приме-

[k/П Г*АП

рами чередования р он отмечает возможность обобщения определенных свойств фонемы в более общие фонемы высшего порядка.

Бодуэн де Куртенэ непосредственно не говорит о смыслоразличительной функции фонем, но указывает на связь фонем со значением слова, т.е. на функциональную значимость фонем. Так, одной из задач фонетики он считает "рассмотрение отдельных звуков в связи со значением слов", ибо в механизме звуков существуют "взаимные отношения, основанные на связи значения со звуком". Давая определение фонемы, Бодуэн де Куртенэ учитывает ее характер, так как "морфологические сопоставления составляют исходную точку для сопоставлений фонетических" Тесная связь фонетики с морфологией признавалась и ученика-

ми Бодуэна де Куртенэ, особенно в работах о соотношении звуковых законов и аналогии.

Позднее понимание Бодуэном де Куртенэ фонемы несколько изменилось. В 1910-х годах он пытается дать психологизированное определение фонемы: "Постоянно в нашей психике существующее представление „звука", т.е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть ф о н е м о ю". В этом определении фигурируют уже психологические сущности, не раскрываемые на языковом материале. Однако это не переход от одного понимания фонемы к другому, так как в разное время Бодуэн де Куртенэ фонемами называл различные В классическом труде "Опыт теории фонетических альтернаций" (1895), положившем начало морфонологии, Бодуэн де Куртенэ объясняет фонетические изменения на морфологическом уровне. Под а л ь т е р н а ц и е й он понимает отношение друг к другу фонетически различных фонем, находящихся в этимологически родственных морфемах и занимающих в фонетической структуре этих морфем постоянное место. Так, если мы возьмем такие морфологические формы, как *везу - воз , несу - ноша, муха - мушка,* то фонемы <е, о, с, ш, х, ш> находятся в отношениях альтернации и являются "...Во всех подобных случаях альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы, так как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами", а фонемы составляют часть определенного типа морфем. Таким образом, в приведенном примере альтернирующими (чередующимися) являются морфемы: *вез-, воз-,* ***нес-,*** *нош-;* фонетическое **различие** морфологически родственных морфем Бодуэн де Куртенэ называет ф о н е т и ч е с к о й **а л ь т е р н а ц и е й.** Для альтернации чрезвычайно важно, по его мнению, историческое происхождение фонем из общего источника, этимологическое родство в пределах одного и того же языка. При этимологическом родстве морфем в разных языках мы имеем дело с альтернацией другого типа, называемой **к о р р е с п о н д е н ц и е й.**

Причиной альтернации являются произносительные нормы, характерные для данного состояния языка, выработанные в результате общения людей. "В данном состоянии языка причиной альтернации со стороны фонетической может считаться только традиция только социальное общение, ю л ь к о , , и su s". Мы научились говорить именно так, а не иначе благодаря среде и благодаря своим предкам"; "мы не можем указать индивидуального подхода к сохранению данной альтернации".

С точки зрения фонетической (антропофонической) причинности, в альтернациях можно выделить т.е. чередования, возникшие в современном языке в результате расщепления одной фонемы на две, причем на это расщепление повлияло фонетическое окружение. Так, сравнив <а> в *мат* и <а> в *мать,* мы замечаем, что мягкость предшествующего согласного изменила качество **<а> в** слове *мать.* Это чисто **ф о н е т и ч е с к а я д и в е р г е н ц и я.** Расщепление гласного в этимологически родственных морфемах дает ф о н е т и ч е с к и - э т и м о л о г и ч е с к у ю **д и в е р г е н ц и ю,** или н е о ф о н е т и ч е с к у ю а л ь т е р н а ц и ю типа <о /Л/ ъ> в *воды* **[воды],** *вода* [вЛда], *водяной* [въд* аН/оj].

Альтернация фонем, связанная с морфологическим или смысловым различием, дает или
тернации, используемые наряду со словообразующими морфемами для различения морфологических категорий (<с/ш> в *носить ~ ноша,* <т/ч> в *светить - свеча);* сюда же относится внутренняя флексия, служащая для различения видовых значений глаголов (русск. *ходить - хаживать),* образование множественного числа (англ. *child- children, нем. Wolf- Wolfe).*

В морфологических чередованиях фонетическую значимость имеет также отсутствие фонемы, например в *сон - сна.* Нулевой фонеме аналогична "нулевая" морфема, т.е. морфема, "лишенная всякого произносительно-слухового состава и тем не менее ассоциируемая с известными семасиологическими и морфологическими представлениями".

Если для дивергентов характерна фонетическая причинность, для коррелятивов — психическая, то или традиционные, альтернации вызваны исторической эволюцией языка (<е/о> в русск. *несу - ноша,* <i/o> в англ. *write - wrote,* <е/а> в нем. *geben - gab).* Этот вид альтернаций в настоящее время относят к разряду спонтанных фонетических изменений, в основе которых лежат исчезнувшие фонетические причины.

Морфологические чередования могут вызываться не только действующими в данном языке факторами, но обусловливаться взаимодействием языков. Бодуэн де Куртенэ приводит примеры русских альтернаций, целиком заимствованных из церковнославянского языка: *родить - рождать, осветить - освещать, светить - свечу, государь - уосударь.*

Альтернации указанных типов представляют собой макроскопические явления языка. Наряду с ними Бодуэн де Куртенэ выделяет микроскопические явления, к которым принадлежат незаметные, зарождающиеся, эмбриональные альтернации фонем. Что же создает эти незаметные различия? "Сам факт, что фонема входит в состав слов, то
линия... то психические различия (семасиологические или разницу между
которая со временем
стать заметно й". В качестве примера таких эмбриональных чередование в русском языке Бодуэн де Куртенэ приводит слова *года* [года] - , где ударные и неударные гласные а] вызывают несколько различное звучание [г, д] .. Замечая столь тонкие различия в произношении согласных в зависимости от ударяемости гласных, он использует даже минимальные возможности выявления физиологических и акустических особенностей звука.

Бодуэн де Куртенэ не говорит об отношениях между различными альтернациями, но указывает на тесную взаимосвязь этих последовательность их развития. Так, в эмбриональных альтернациях "можно совершенно независимо от этимологического родства морфем... изучать факторы антропофонических изменений и определять зародыши дивергенции фонем". Затем следуют "палеофонетические, или традиционные, альтернации с постоянно действующим социальным с коллективно-социальной причинной связью, с устраненной первоначальной ант-

ропофонической причинностью всех альтернаций". После этого следуют психически обусловленные корреляции (т.г. связанные с морфологическими и семасиологическими представлениями, с формой и значением слова).

Учение де о фонеме, не понятое современниками ученого, активно используется современной лингвистикой. АМейе писал, что книга Бодуэна де Куртенэ о фонетической альтернации привлекла мало внимания. "...Она вышла слишком рано. К этому времени думали лишь об исторической лингвистике. Книга по общей лингвистике почти не вызвала интереса. В ней Бодуэн де Куртенэ проанализировал с глубиной и поразительной точностью явление, которое особенно ясно в польском и вообще в славянских языках, но которое наблюдается почти повсюду и имеет большое значение. Еще сегодня, когда все интересуются общей лингвистикой, явления альтернации не всегда определены с точностью, не рассмотрены так, как они того заслуживают, потому что слишком мало читается эта короткая книга, в которой каждое слово весомо и предмет рассмотрен во всей его глубине"[192].

§ 54. ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ В ТРУДАХ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ, Н.В. КРУШЕВСКОГО И В.А. БОГОРОДИЦКОГО

В конце XIX в. в исследованиях русских и зарубежных языковедов много внимания уделялось вопросам морфологии, анализу морфологического состава слов, потому что именно знание морфологических особенностей развития языка позволяло составить ясное представление о том, какие факторы обусловливают это развитие и как они действуют.

Основоположники сравнительной грамматики индоевропейских языков, в первую очередь Ф.Бопп, придавали большое слова, а морфологическую структуру слова в целом не анализировали. Признавая корень неизменяющимся., они отрицали историческое развитие структуры слова. И.А. Бодуэн де Куртенэ первым обратил внимание на историческую основ склонения в индоевропейских языках. Он указал на то, что корни или основы слова, как и вообще все в языке, подвергаются постоянным изменениям, фонетическим и под влиянием аналогии, которые приводят к изменению границ между морфемами слова. Он прослеживает последовательные этапы процесса переоформления древних основ, начиная с праязыка и до появления отдельных языков. Итогом такого морфологического переоформления явилось, по мнению Бодуэна де Куртенэ, полное смешение типов склонения, исчезновение основ в их прежнем значении и появление новых основ. Бодуэн де Куртенэ определил также основное направление процессов переоформления морфологической структуры слова в индоевропейских языках.

Эти положения Бодуэна де Куртенэ были развиты в работах Н.В. Крушевского и В А Богородицкого. В "Очерке науки о языке" Крушевский тщательно анализирует характер морфологических элементов Каждому корню, указывает он, свойственно звуковое разнообразие: звуковое оформление меняется в зависимости от положения корня (в начале, в середине или в конце причем степень этого изменения может быть различной. Именно неустойчивостью формы корня объясняется неопреде-

ленность границ между корнем и корнем и префиксом. Эти наблюдения над изменением морфологических элементов слова позволили Крушевскому прийти к интересным выводам о том, что вариации морфологических элементов слова повышают выразительность языка.

Крушевский выступал против противопоставления морфологических элементов. Изучение вариантов их соотношения позволило ему установить, что в индоевропейских языках корень, суффикс и окончание не являются независимыми друг or друга элементами, но часто смешиваются, так что со временем границы между ними становятся изменчивыми. Это приводит к тому, что корень развивается и обогащается морфологическим путем, поглощая суффикс или префикс. Переразложение между префиксами и корнями встречается редко, потому что эти морфологические единицы, образованные из знаменательных частей речи, имен и лов, отличаются чрезвычайной устойчивостью. Однако Крушевский решал вопросы изменения структуры слова, в частности проблемы морфологической абсорбции, лишь в общетеоретическом плане. Когда же он обращался к конкретному языковому материалу, то делал выводы несколько односторонние, например, указывал, что при морфологической абсорбции решающую роль играют только фонетические изменения.

Восприняв учение Крушевского о морфологической абсорбции, **В**.А. Богородицкий (1857-194!) определяет виды этой абсорбции. Он устанавливает следующие морфологические процессы: аналогию, дифференциацию, опрощение и переразложение, обращает внимание на их исторический характер. Богородицкий пытается выяснить закономерности морфологических процессов, в частности "Процессы аналогии в языке так же закономерны, как и процессы фонетические; эта закономерность обнаруживается в том, что аналогия действует в каждом языке обычно в определенном, для него

Анализируя процессы аналогии, Богородицкий определяет фонетическую и морфологическую основы ее действия. Под ф о н е т и ч е с к о й основой действия аналогии он понимает дивергенцию (расщепление) морфем, совершающуюся в результате фонетических процессов. Что же касается м о р ф о л о г и ч е с к о й основы, то ее сущность - • в изменении формы слова под влиянием другой формы, выражающей то же или подобное значение. Например, глагол *чихать* некогда в форме 1-го л. ед. ч. имел форму *чишу* (ср. *пишу),* однако под влиянием широко распространенных Глаголов с показателем *-а-* в инфинитиве (ср.: *читать - читаю, мечтать - мечтаю)* в настоящее время употребляется форма *чихаю.*

Причиной появления другого морфологического процесса д и ф ф е р е н ц и а ц и и ~ является, по мнению Богородицкого, выразитель- языка: за каждым вновь возникающим оттенком значения закреп- \, ляется, по возможности, и особое выражение. Типичным примером дифференциации является дифференциация по оттенку значения окончаний форм ' родительного падежа единственного числа существительных мужского рода *(цвет снега - много снегу;* окончание *-у* свойственно словам, входящим в количественные словосочетания).

Богородицкий обращает внимание и на семасиологическую сторону морфологических процессов, которая является, по сути дела, связующим

звеном между аналогией и дифференциацией. В языке под действием аналогии появляются новые разновидности морфем, они наполняются новым семасиологическим содержанием, что повышает выразительность языка. Новое семасиологическое содержание морфемы препятствует вытеснению ее другой морфемой.

Сущность процесса переразложения, по Богородицкому, состоит в том, что "слова в умах индивидуумов известного времени... ассоциируются не теми сходными частями, которыми они ассоциировались в умах индивидуумов прежнего времени"*[94]. Переразложение, или изменение границ между морфологическими элементами слова, чаще всего происходит между основой и флексией и приводит к сокращению основ: встречается оно также между префиксом и основой, когда в качестве префикса выступает предлог, древнейшая форма которого оканчивалась на *-н.* Примером переразложения могут служить формы *жёнам, жёнами, жёнах,* которые первоначально разлагались так, что в них *-а-* принадлежал основе *(жёна-м, жёна-ми, жёна-х).* Но так как ***-а-*** повторялся перед флексиями и во всех других словах того же склонения *(рыба-м, рука-м* и т.п.), то он стал восприниматься как принадлежность флексии, и потому первоначальные основы, кончавшиеся гласными, стали уже оканчиваться согласными *жё'н-ах).*

Все многочисленные морфологические слов подразделяет на изменения внешней стороны и внутренней стороны. Аналогию, дифференциацию и переразложение он безоговорочно относит к изменениям внешней стороны, опрощение — к изменениям внутстороны

Богородицкий определяет опрощение как такой случай изменения морфологической структуры слова, когда "слово, в умах индивидуумов прежнего времени разлагавшееся на морфологические части, в умах индивидуумов последующего времени... не разлагается, становится простым". Причины опрощения различны. Это может быть утеря со временем значения, которое связывалось с данным словом, как, например, в слове *подушка;* опрощение может возникать в результате фонетических изменений, претерпеваемых словом *{-ушка* в слове *подушка* не связывается со словом *ухо),* и наконец, в результате выхода из употребления родственных слов, когда слово остается одиноким в языке (например, слово *кольцо,* уменьш. от *коло,* стало простым, так как *коло* вышло из употребления).

Рассматривая виды и формы опрощения, Богородицкий отмечает, что кроме неполного опрощения, когда возможна еще продукция слова, может быть опрощение или совершенное. Примером полного опрощения служит слово *сутки:* "Если бы мы вздумали попросту разложить это слово на морфологические части, то, вероятно, разложили бы на *сут-ки,* принявши *сут* за корень, а *ки* за суффикс с окончанием: такое деление получилось бы с точки зрения чутья современного языка. Между тем, принявши в соображение этимологические указания, мы должны разделить это слово так: *су-тк-и,* где корень *тк...* (ср. *ткнуть)".*

Кроме того, Богородицкий различал еще опрощение внешнее и внутреннее. Примером внутреннего опрощения является словосочетание *слава богу,* потому что это выражение утратило свое первоначальное значе-

ние, оно почти равнозначно словам *хорошо, ничего.* Слово *безвыходный* — пример внешнего опрощения; сложного префикса нет, хотя слово *выход* имеет прозрачный морфологический состав. Богородицкий объясняет, почему нет сложного префикса *"безвы-":* 1) количество сложных слов этого рода очень мало, 2) смысловая причина — нераспространенность значения'безвы-'. Тоже самое наблюдается и в слове *безвыгодный,* где префикс *без-* присоединен к слову, начинающемуся префиксом *вы-,* но в словах *выгодный, выгода* уже нет ясной морфологической делимости из-за опрощения. Наблюдается еще случай семасиологического опрощения: например, слово *дворянин* не связывается со словом так как они не сходны теперь по своим значениям.

§ 55. ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В уже упоминавшейся работе ИА Бодуэна де Куртенэ "Опыт теории фонетических альтернаций" наряду с положениями о регулярном чередовании фонем в разных вариантах одной и той же морфемы содержится много типологических наблюдений (типология - раздел языкознания, занимающийся изучением черт сходства и различия в родственных и неродственных языках). В России Бодуэн де Куртенэ первым заинтересовался типологическим изучением языков. Он считал, что "вместо необоснованного различения языков „флексивных" и „агглютинативных" следует говорить... о различии между сочетанием морфем друг с другом и между психофонетическими альтернациями одних и тех же морфем". Бодуэн де Куртенэ стремился найти иные, не морфологические критерии классификации языков, которая основывалась бы не на предвзятой, "сомнительной" идее об исторической последовательности языковых морфологических типов, а лишь на фактах сходства и различия в родственных и неродственных языках. Уже в его работах казанского периода намечается двусторонний подход к пониманию сущности типологических исследований.

С одной стороны, речь идет о типологическом (сопоставительном) изучении фонетических и морфологических структур родственных языков, особенно славянских, что дает возможность проследить общие закономерности развития этих языков. Сравнение родственных языков в статическом и динамическом планах с целью изучения фонологической и морфонологической структуры этих языков легло в дальнейшем в основу бодуэновской теории сравнительной грамматики, которая занимается "сопоставлением и сравнением структуры разных родственных языков в двух направлениях".

С другой стороны, Бодуэн де Куртенэ считал, что сопоставительное изучение языков может основываться на выявлении общего сходства независимо от исторических или генеалогических связей: "Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу и исторически, и географически. С этой точки зрения мы можем сравнивать развитие языков романских с развитием языков новоиндийских, развитие языков славянских с развитием языков семитических, развитие языка русского с развити-

ем языка коптского, развитие языка английского с развитием языка китайского и т.д.". Здесь он подходит к выделению и сопоставлению в языках целостных систем, определенных структурных отношений, в которых обнаруживаются функционально-тождественные общие черты. такой подход принят в современных направлениях типологического изучения языков.

При выявлении общих структурных черт в неродственных языках Бодуэн де Куртенэ основной акцент делает на фонетическую іипологию, так как "в разных, совершенно различных морфологических классах языков, при совершенно различном строе, все таки фонетическая сторона, фонетические законы, изменения и соответствия в общем одинаковы, и это как с диалектической (географической), так и хронологической (временного порядка) точки зрения". Наиболее характерным фонетическим признаком, типичным для ряда языков (романских, германских, индийских,семитских, финских и т.д.), является консонантное чередование, например [к/ч] в *пеку - печёшь.* Этот общий тип чередования можно назвать "общечеловеческим языковым явлением", или, иначе говоря, языковой универсалией. Из других типологических особенностей в области фонетики неродственных языков Бодуэн де Куртенэ отмечает исчезновение звонких смычных согласных в датском, средне-верхненемецком, эстонском и других языках, регрессивную ассимиляцию в индоевропейских языках и прогрессивную в финно-угорских и урало-алтайских и т.д.

Чрезвычайно любопытны замечания Бодуэна де Куртенэ о типологии морфологических элементов слова в языках различных типов. Так, если в индоевропейских языках флексии и префиксы тесно сливаются с корнем, то для урало-алтайских языков характерна самостоятельность их существования; корень в индоевропейских языках подвергается и морфологическим изменениям, а в урало-алтайских — нет. В индоевропейских языках строение слова характеризуется замкнутостью, а в урало-алтайских корень находится в начале слова и за ним следуют морфологические элементы и т.д. Отдельные наблюдения Бодуэна де Куртенэ в области морфологической типологии недостаточно глубоки, однако они во многом отвечают тем требованиям, которые предъявляет к типологическому изучению языков современная лингвистика.

Под влиянием типологических идей Бодуэна де Куртенэ Н.В. Крушевский пытается приложить теорию изменения звуков во времени не только к родственным, но и к неродственным языкам и находит интересные типологические параллели в их фонетических системах. Как же объяснить удивительную аналогию в развитии звуков и звукосочетаний родственных и неродственных языков? Крушевский считает, что существуют всеобщие звуковые законы, которые и объясняют параллелизм в развитии фонетических систем. Отмечая действие общечеловеческих звуковых законов, выражающееся в одинаковом изменении определенного звука, Крушевский подтверждает существование универсалий как определенных свойств или признаков всех языков. Признание действия этих всеобщих законов явилось результатом типологического изучения родственных и неродственных языков, их фонетических систем как наиболее дос-

тупных наблюдению. Эти идеи предвосхитили современное направление языкознания, связанное с изучением языковых универсалий.

Стремление к сопоставительному изучению родственных и неродственных языков характерно и для исследований В.А. Богородицкого: "Сравнение может быть не только или основанное на родстве языков, но также аналогическое, т.е. можно сравнивать однородные явления и в языках неродственных"[195]. Типологическим (аналогическим) изучением языков Богородицкий заинтересовался в годы нашего столетия. Он четко представил себе цели и задачи генетического и логического изучения языков. На основании сравнения грамматических явлений в родственных индоевропейских языках строились гипотезы относительно того, соответствовало этим явлениям в индоевропейском праязыке. Аналогическое сравнение заключается в систематическом и углубленном сравнении морфологических и синтаксических структур языков, принадлежащих разным семьям'[96]. Это разграничение генетического и аналогического сравнения языков позволяло уяснить природу общих лений в родственных и неродственных языках. Если наличие общих признаков в родственных языках объясняется происхождением этих языков от единого источника, то в неродственных языках общие признаки являются результатом либо соприкосновения или смешения этих языков при племенных передвижениях в прошлом, либо общечеловеческой способности к мышлению.

Сопоставительное изучение общих структурных черт в родственных и неродственных языках Богородицкий проводил в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Он указывал, что с фонетической стороны нужно стремиться к установлению соотношения между звуковыми системами разных языков. Сам он изучал соотношения звуковых систем русского и татарского языков, весьма подробно характеризуя общие и различные наки ударяемых неударяемых гласных.

Представляет интерес типологическая характеристика роли ударения в дифференциации значения в языках различных семейств. Так, рассматривая смыслоразличительную роль интонации в китайском языке, отмечает, что аналогичную функцию интонации можно обнаружить в индоевропейских языках, именно в тех, в которых существуют различные виды ударения, например в литовском (ср.: *aulti* "стынуть", *abhi* "светать"). Рассматривая чередования в тюркских языках, он отмечает, что, как и в индоевропейских, здесь нужно выделять чередования на основе морфологической функции ударения и чередования под влиянием гармонии гласных, или сингармонизма, который, по мнению, является общей гической особенностью ряда неродственных языков.

Для изучения общих тенденций языкового развития в родственных и неродственных языках гораздо большее значение по сравнению с морфологическими явлениями имеют синтаксической связи, так как они весьма сходны в разных языках ввиду ограниченного круга выражаемых ими отношений. Так, рассматривая синтаксическую конструкцию, Богородицкий находит аналогию между выражения субъекта в косвенном падеже, а объекта в прямом. По его мнению, конструкции

Мне виделся сон и *Охотнику убита птица* (т.е. *Охотник убил птицу)* тождественны.

Богородицкий специально не занимался типологическими исследованиями и не имел определенной методики проведения этих исследований. Он устанавливал сходные структурные особенности лишь в статическом плане, путем сопоставления разных языков безотносительно к их генетическому родству, без установления определенных тенденций их развития, без учета их относительной хронологии. Но Богородицкий не противопоставлял типологические исследования сравнительно-историческим, он стремился к их объединению, чтобы "идти все дальше и дальше вглубь времен, к выяснению глоттогонических вопросов и к гипотетическому построению общего родословного древа человеческих языков"[197].

Богородицкий внес большой вклад и в разработку новой методики сравнительно-исторических исследований. Гипотетичность воссоздаваемых праязыковых форм заставила Богородицкого перейти от воссоздания праязыка к определению хронологической последовательности явлений и уже затем к сравнению таких явлений в отдельных ветвях и распространению их по языкам-основам отдельных групп языков. Прежде исследователи, изучая закономерности какого-либо языка, игнорировали анализ закономерностей развития семьи или группы языков, что вело, в свою очередь, к недооценке сравнительного изучения истории родственных языков. Причина этого заключалась в том, что лингвисты брали за основу сравнения хронологически не сопоставимые древнейшие письменные памятники, пренебрегая всем последующим развитием языков. По мнению Богородицкого, в этом случае как бы выхватывался лишь один из моментов истории этих языков. Между тем характер языка всем ходом его истории. Таким образом, в сравнительной грамматике нельзя ограничиваться рассмотрением только древнейших языков данной языковой семьи, взятых в известный момент своей истории, но необходимо вместе с тем следить за всем ходом их развития до настоящего времени. Этот синхронический принцип он назвал главным в языкознании.

Таким образом, старые методы сравнительно-грамматических исследований Богородицкий предлагал заменить новыми: рассматривать явления языка с исторической точки зрения, сравнивать пути развития отдельных языков индоевропейской семьи. Для сравнительного анализа языковые явления следует располагать таким образом, чтобы они приобрели характер одновременности в каком-либо временном пункте, и в этом пункте их следует изучать статически.

§ 56. ЗНАЧЕНИЕ РАБОТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Каковы же были особенности интерпретации фактов языка представителями Казанской лингвистической школы? Ответ ка этот вопрос дал сам И.А. Бодуэн де Куртенэ: "Существенным признаком „Казанской лингвистической школы" является стремление к обобщениям, стремление, многими

порицаемое и даже осмеиваемое, но тем не менее стремление, без которого немыслима ни одна настоящая наука" (мы бы назвали это стремление к созданию общего, теоретического языкознания), "затем... важность различения фонетических и морфологических частей слов, важность различения фонетической и морфологической делимости слов, важность различения чисто фонетического (физиологического) и психического элемента в языке, важность различения изменений, совершающихся каждовременно в данном состоянии языка, и изменений, совершившихся в истории, на протяжении многих веков и в целом ряду говорящих поколений, важность считаться с требованиями географии и хронологии по отношению к языку (разные наслоения языковых процессов), преимущество наблюдений над живым языком перед догадками, извлекаемыми из рассмотрений памятников, великая важность анализа и разложения сложных единиц на их отличительные признаки и т.д. При этом проповедовалась полная равноправность всех языков, полная демократизация все языки заслуживают внимания языковеда и всестороннего изучения. <...> В связи с этим находилось признание важности диалектологии, признание важности изучения новых языков". Одним из требований школы было требование "не навязывать языку чуждых ему категорий, а доискиваться того, что в нем действительно существует".

Выражаясь языком современной лингвистики, можно сказать, что понимание языка как системы, понимание множественности причин изменений языка, социальная обусловленность языковых изменений, элементы знаковой теории языка, теория фонем и морфонологических изменений (альтернаций), типология языков составили тот круг проблем и задач общего языкознания, которые решали в своих работах представители Казанской лингвистической школы и которые оказали огромное влияние на формирование современных структуралистических течений. В статье "Истоки структурализма" шведский ученый Б.Коллиндер писал: "Можно сказать, что молодые казанские лингвисты образовали авангард современного структурализма"[198], а другой видный ученый А.Соммерфельт подчеркивал, что "Ф. де Соссюр и Бодуэн де Куртенэ... являются прямыми вдохновителями современного структурализма"[199]. Нельзя не согласиться с такой справедливой и заслуживающей внимания оценкой деятельности представителей Казанской лингвистической школы, вписавших славную страницу в историю русского и мирового языкознания.

ГЛАВА 11

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф.ДЕ СОССЮРА

§ 57. ЖИЗНЕННЫЙ ИТВОРЧКС'КИЙ ПУТЬ

Один из выдающихся лингвисюв XX в., швейцарский языковед Фердинанд де Соссюр (1857—1913) родился в Женеве, в- семье ученых. С детства

проявились его способности к языкам. В 1875 г. де Соссюр начал заниматься в Женевском университете, а в 1876 г. переехал в Лейпциг, где сравнительное языкознание преподавали крупнейшие лингвисты времени Г.Курциус и А.Лескин. В Лейпциге он пробыл два года, интересуясь преимущественно сравнительным изучением языков. Результатом его занятий в этой области стало исследование "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" (1879); в этой работе характерное для младограмматиков описание отдельных фактов языка заменено целостным описанием системы языка. Младограмматики холодно встретили труд де Высокую оценку исследованию молодого ученого дал Крушевский, который полученные де Соссюром данные пытался применить к анализу старославянского языка. (Творческие устремления ИД Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского и Ф. де Соссюра в этот период во многом совпадали; недаром де Соссюр говорил впоследствии, что эти два русских ученых ближе всех подошли к теоретическому рассмотрению языка.) Вопросам сравнительного языкознания посвящена и докторская диссертация де Соссюра "Родительный абсолютный в санскрите" (1880).

С 1880 г. де Соссюр живет в Париже и принимает активное участие в работе Парижского лингвистического общества (с 1882 г. он заместитель секретаря общества), В 1884 г. он приступает к чтению лекций в Высшей практической школе, и с этого времени его научная деятельность ограничивается преподаванием. Однако как иностранец де Соссюр не имел права возглавлять кафедру ни в одном из высших учебных заведений Франции/ В 1891 г. он возвращается в Женевский университет, где становится сначала экстраординарным профессором сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, затем ординарным профессором санскрита и индоевропейских языков, а с 1907 г. руководит кафедрой общей лингвистики.

За время преподавательской деятельности де Соссюр не опубликовал ни одной общетеоретической работы, хотя продолжал заниматься теорией языка и логической классификацией языков. Его глубокие **размышления** над проблемами сущности языка нашли отражение в курсе общей лингвистики. Прочитанные де Соссюром в 1906-1912 гг. три курса по общему языкознанию легли в основу "Курса общей лингвистики" (1916), изданного посмертно; книга представляет собой записи его лекций Ш.Балли и А.Сеше. (В 1957 г. швейцарский ученый Р.Еодель опубликовал книгу "Рукописные источники „Курса общей лингвистики" Ф.де Соссюра", в которой ставит под сомнение подлинность отдельных положений де Соссюра в виде, в каком они были обнародованы Балли и Сеше. В 1967-1968 гг. издана сводная публикация текста книги в сопоставлении со всеми рукописными материалами.) "Курс общей лингвистики" получил мировую известность, был переведен многие языки и оказал большое влияние на становление разнообразных направлений лингвистики XX столетия.

§ 58. ИСТОКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В основе лингвистической концепции Ф.де Соссюра лежит критика взглядов младограмматиков, стремление глубже осмыслить структуру

языка и сущность его основных единиц, использовать данные других наук для познания природы языка. Вместе с тем де Соссюр творчески воспринял достижения современного ему языкознания,

В решении основных языковедческих проблем — о природе, сущности и специфике языка - на де Соссюр-. большое влияние оказали идеи французских социологов-позитивистов (см. § 67). В "Курсе позитивной философии" (1830-1842) О.Конт впервые вводит термин "социология". По Конту, описывать изучаемые явления надо без проникновения в их сущность, лишь устанавливать наименьшее число внешних связей между ними. Эти связи определяются на основе сходства явлений и их последовательного расположения по отношению друг к другу. Социологию Конт подразделяет на социальную статику, которая должна описывать состояние общества, и социальную динамику, исследующую воздействие моральных стимулов на преобразование мира.

Проблема сущности социальных явлений подробно разбирается в работе Э .Дюркгейма "Метод социологии" (1899); он пишет, что общество - это "своеобразное психическое существо, ассоциация многих сознаний". Отрицая существование объективного мира, Дюркгейм считает, что объективно, вне человека, существует только так называемый "социальный факт", "коллективное сознание", т.е. верования, обычаи, образ мыслей, действия, язык и т.д. Дюркгейм выводит "закон принуждения", согласно которому всякий социальный факт является принудительным: заставляя человека подчиниться, он в то же время предписывает человеку определенное поведение.

Эти идеалистические положения учения Дюркгейма оказали влияние на лингвистические взгляды де Соссюра. Как Дюркгейм считает, что общество — это механическая ассоциация многих сознаний, так и де Соссюр полагает, что язык — это "грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу или, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе"[200]. Действие дюркгеймовского закона принуждения также отмечается де Соссюром при анализе мотивированности лингвистического знака. Подчеркивая обусловленность языка, он считает, что "если по отношению к выражаемому им понятию означающее
ляется свободно выбранным, то, наоборот, по о«ношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. <... > Языку как бы говорят: „Выбирай!", но тут же добавляют: „...вот этот знак, а не другой!" Де Соссюр рассматривает язык как такой социальный факт, который существует вне человека и "навязывается" ему как члену данного коллектива.

Влияние Дюркгейма сказалось также и на учении де Соссюра об объекте и точке зрения в науке о языке. Дюркгейм утверждал., что мы получаем представление о реальном мире лишь на основе восприятий. Де Соссюр, развивая эту мысль применительно к языкознанию, пишет: "В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект". мнению, только "поверхностный наблюдатель" может допускать реальность существования языка. Слова существуют лишь в той мере, в какой они воспринимаются

говорящим. Поэтому не сам факт существования языка создает объект исследования, а наша точка зрения на язык.

Другой философ-социолог, Г.Тард, в работе "Социальная логика" (1895) объявил основой социальной жизни закон подражания. Соотношение общества и индивидуума — такова основная проблема сочинения Тарда, для решения которой он привлекает и факты языка как социального явления. По Тарду, в обществе нет ничего, чего бы не было в индивидууме. Но меньшинству людей отводится роль изобретателей, а уделом большинства остается подражание. Это положение Тарда сказалось в решении де Соссюром проблемы языка и речи: "Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного". Однако де Соссюр не показал диалектики взаимоотношений между языком и речью.

Де Соссюр был знаком и с трудами по политической экономии[201]. Ссылаясь на эти работы [в основном А.Смита и Д.Рикардо, которые говорят о двух типах стоимости (ценности) - потребительской и меновой] , он утверждает, что для установления значимости (ценности) лингвистического знака необходимо: "1) наличие какой-то непохожей вещи, которую можно обменивать на то, ценность чего подлежит определению, и 2) наличие каких-то вещей, которые можно вать с тем, о ценности чего идет речь".

На формирование теоретических взглядов де Соссюра оказала влияние также его критика положений сравнительно-исторического языкознания. Прежняя лингвистика, по его мнению, слишком большое место уделяла истории и сравнению отдельных языков и поэтому была односторонней: она изучала не систему языка, а отдельные языковые факты ("этот исключительно сравнительный метод влечет за собой целую систелф ошибочных взглядов, которым в действительности ничего не соответствует и которые противоречат реальным условиям существования человеческой речи вообще"). Хотя сравнительно-историческое языкознание 80-х годов ХГХ в. и достигло значительных успехов, но не все ученые полностью соглашались с теорией младограмматиков. Американский лингвист У.Уитней, русские языковеды И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.В. Крушевский и др. пытались ставить и решать крупные теоретические проблемы.

В книге Уитнея "Жизнь и развитие языка" (1875) де Соссюр мог познакомиться с такими проблемами языкознания, как взаимоотношения языка и мышления, отношения индивидуального и социального явлений и т.п. Уитней определяет язык как совокупность знаков, употребляющихся для выражения мыслей. Он отмечает две особенности знаков человеческого языка: их произвольность и условность. Произвольность знака заключается в отсутствии связи между словом и выражаемой им идеей, а условность — в использовании его тем обществом, к которому принадлежит говорящий. Считая язык комплексом соотносительных и взаимопомогающих частей, Уитней приближался к признанию системного характера языка. Он пытался также уяснить структуру языковых единиц, взаимоотношения их компонентов. Сравнение лингвистических взглядов Уитнея и де Соссюра показывает несомненное влияние учения американского языковеда, но де Соссюр не повторяет, а переосмысливает положения Уитнея[2]^.

Де Соссюр высоко ценил и работы Бодуэна де Куртенэ и Крушевского. Некоторые их положения также нашли отражение в его работах; "очень многое, высказанное Соссюром в его глубоко продуманном и изящном изложении, ставшем всеобщим достоянием и вызвавшем всеобщий восторг в 1916 г - писал Л.В. **Щерба,** - нам было давно известно из писаний Бодуэна"[2„3]. В чем же совпадали теоретические взгляды де Соссюра, Бодуэна де Куртенэ и Крушевского и чем различались?

Бодуэн де Куртенэ выдвинул свое понимание системы языка как совокупности, части которой связаны между собой отношениями значения, формы, звучания и т.д. Он считает, что звуки разных языков имеют различное значение, сообразно с отношениями к другим звукам. В системе языка, основанной на отношениях, Бодуэнде **Куртенэ** выделяет уровни — фонетический, морфологический, семантический. Он постоянно указывает на историческую изменчивость понятия системы. Так же понимает язык и де Соссюр ("язык есть система, все элементы которой образуют целое"). Правда, он основывает свое понимание системы на **лении** как "частном случае отношений".

В "Курсе общей лингвистики" де Соссюр подробно разбирает такое противопоставление, как "язык — речь", связанное с соотношением социального и индивидуального (психологического) в языке. Русские языковеды давно разграничивали язык и речь. Еще в 1870 г. Бодуэн де Куртенэ обращал внимание на отличие речи человеческой вообще от отдельных языков и говоров и, наконец, от индивидуального языка отдельного человека. Де Соссюр считает язык **социальным** элементом речевой деятельное-' ти, а речь актом воли и понимания, т.е. противопоставляет язык речи. А в трактовке Бодуэна де Куртенэ язык и речь составляют взаимопроникающее **единство,** они обусловливают реальность друг друга: индивидуальный язык существует лишь как вид языка. Де Соссюр трактует социальное как психологическое, противопоставляя его индивидуальному. Коллективно-индивидуальное существование языка, по мнению Бодуэна де Куртенэ, предполагает нераздельность в языке индивидуального и общего, так как индивидуальное является одновременно и общечеловеческим.

Бодуэн де Куртенэ устанавливает законы развития языка во времени и законы, обусловливающие функционирование языка в одновременном его состоянии, т.е. законы исторического развития языка, его динамики (то, что де Соссюр впоследствии назвал диахронией языка), и законы современного состояния языка (по де Соссюру, синхроническое состояние языка). Де Соссюр противопоставлял синхроническую точку зрения диахронической, считая синхронический аспект более важным.

На становление и развитие научных взглядов де Соссюра оказала влияние и теория о типах отношений в языке Крушевского. Положение слов в системе языка, считал Крушевский, определяется либо ассоциацией по смежности, когда связь между словами осуществляется или в их линейной последовательности (например, *внести деньги, большой дом),* или в тождественности выражаемых ими значений, либо ассоциацией по сходству, когда слова соединяются на основании внешнего сходства или сходства по значению (например, *борона, борозда* - внешнее сходство; *водить, возить, но-*

сип - общность значения; *ближний, весенний, внешний* - общность суффикса) . Де Соссюр также выделяет два типа ртношений - синтагматические и ассоциативные. Под с и н т а г м а т и ч е с к и м и отношениями он понимает отношения, основанные на линейном характере, опирающиеся на протяженность *(пере-читать, человеческая жизнь);* это ассоциации по смежности у Крушевского. Под **а с с о ц и а т и в н ы м и** отношениями де Соссюр понимает отношения слов, имеющих между собой что-то общее, сходных либо по корню *(обучаю, обучать, обучение),* либо по суффиксу *(обучение, наставление),* либо по общности значения *(обучение, просвещение, учение* и т.п.) ; это ассоциации по сходству у Крушевского. Де Соссюр признавал только эти виды отношений, а Крушевский отмечал, что два типа отношений не исчерпывают всех средств, которыми располагает наш ум для того, чтобы соединить всю массу разнородных слов в единое целое.

Де Соссюр исходил исключительно из противопоставления конкретных единиц языка. Крушевский же обращал внимание на то, что у них общего, что позволяет объединить слова в уме в системы или гнезда. Несомненно также сходство определения з н а к а как означаемого и означающего с определением знака, данным Крушевским: слово есть знак вещи, и представления о вещи (означаемое) и о слове (означающее) связываются законом ассоциации в устойчивую пару.

Итак, все проблемы, которые ставит де Соссюр в "Курсе общей лингвистики" (системного понимания языка, его знакового характера, соотношения современного состояния языка и его истории, внешней и внутренней лингвистик, языка и речи), уже были поставлены в трудах его предшественников и современников: В.Гумбольдта, У.Уитнея, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, М.**Бреаляидр.** Заслуга де **Сосцора** в том, что он, объединив эти проблемы, создал общую теорию языка, правда, не свободную от противоречий и не дающую окончательного ответа на все вопросы.

§ 59. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКА. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Проблема соотношения языка и речи была впервые поставлена В.Гумбольдтом, затем ее пытались решить АА Потебня и И.А **Бодуэн** де Куртенэ. Ф. де Соссюр также разрабатывает различные аспекты этой проблемы.

Выделяя язык (langue) и речь (parole), де Соссюр исходит из своего • понимания речевой деятельности (langage) в целом, т.е. речь (речевой акт) и язык выделяются "внутри общего феномена, каким является **р е ч е в а я ^ д е я т е л ь н о е** ть". Речевая деятельность относится и к индивидуальной, и к социальной сферам, вторгается в такие области, как физика, физиология, психология, имеет внешнюю (звуковую) и внутреннюю (психическую) стороны. В концепции де Соссюра она выступает как понятие человеческой речи вообще, как свойство, присущее человеку. Язык же только часть, правда, **важнейшая,** речевой деятельности ("язык для нас - это речевая деятельность минус речь")
второй стороне речевой деятельности. Соо **гаошение** между языком, р. чья. ;

речевой деятельностью де Соссюр представляет в виде схемы:

.^('1111 \рошм

реченан леятелытсп, •< Ччиачрония
(laugagt) lpe4li

Речевая деятельность объединяет язык и речь, основное различие между которыми заключается в том, что язык социален, а речь индивидуальна. Де Соссюр постоянно подчеркивает, что язык есть "социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять". В языке все социально, все обусловлено. Язык как социальный продукт усваивается каждым индивидуумом в готовом виде ("язык — это клад, праючкою речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу"). Однако, признавая социальный характер языка, де Соссюр подчеркивает и хическую природу; язык - это "ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, имеющие местонахождение в мозгу". Это утверждение психического характера языка, психической сущности лингвистического знака дало некоторым ученым основание говорить о психологическом социологизме лингвистической концепции де Соссюра.

Речь в теории де Соссюра - это "индивидуальный акт воли и разума, в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (code) языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации". С другой стороны, речь — "сумма всего того, что говорят люди; она Включает: а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих; б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций. Следовательно, в речи ничего нет коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны".

Язык и речь "тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку". Признав внутреннее единство языка и речи, де Соссюр в то же время утверждает, что эти две вещи совершенно различны. Столь неожиданный вывод обусловлен теми свойствами, которые он выделяет, определяя язык и речь:

1. Язык - социальный продукт, речь же всегда индивидуальна. Каждый акт речи порождается отдельным индивидуумом, а язык воспринимается в таком виде, в каком он завещан нам предшествующими поколениями. Следовательно, "язык не деятельность (fonction) говорящего. Язык - это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим... Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума".

2. Язык потенциально существует в каждом мозгу в виде грамматической системы; реализацией этих потенциальных возможностей является речь. (Как говорил де Соссюр, речь относится к языку, как исполнение

симфонии к самой симфонии, реальность которой не зависит от способа исполнения.)

3. Язык отличается от речи, как существенное от побочного и случайного. Существенным в языке являются закрепленные языковой практикой нормативные факты языка, а к побочным и случайным явлениям принадлежат всякого рода колебания и индивидуальные отклонения в речи. Анализ рукописных материалов "Курса общей лингвистики" показывает, что де Соссюр признавал связь языка и речи, но только предлагал изучать их отдельно: "Вероятно, мы знаем язык только через речь. Речь нужна для того, чтобы установился язык... 1) В языке нет ничего, что не вошло бы в него (прямо или косвенно) через воспринимаемую речь... Наоборот, речь возможна лишь благодаря такому продукту, как язык, который снабжает индивида элементами для построения речи. 2) Коллективное сознание вырабатывает и фиксирует язык, являющийся по сути своей коллективным. Когда мы говорим, что слово вошло в язык, мы подразумеваем, что оно получило общественное признание. Но нет коллективной речи. Акты речи индивидуальны и мгновенны"[2]^.

Такими различными свойствами может обладать один объект, ао их необходимо разграничить: "Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. <...> Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не примешаны к ее объекту". Поэтому де Соссюр, требуя отдельного изучения каждой из сторон речевой деятельности, предлагает различать две науки — лингвистику имеющую объектом изучения язык, и имеющую второстепенное значение и изучающую особенности индивидуальной речи. Исследователю "надо избрать либо один, либо другой из двух путей и следовать по избранному пути независимо от другого; следовать двумя путями одновременно нельзя"; сам де Соссюр занимался преимущественно лингвистикой языка.

После выхода в свет "Курса общей лингвистики" появилось множество толкований соссюровской дихотомии "язык — речь". Одни ученые признают необходимость различения языка и речи, другие считают это противопоставление научно несостоятельным. Возникают споры и о том, какие лингвистические единицы относить к языку, а какие - к речи; причина этих споров — в противоречивых высказываниях самого де Соссюра о разграничении языка и речи.

Заслугой де Соссюра является определение внутренних проти- в речевых процессах. Но, обнаружив эти противоречия, он не заметил органической связи между ними. Его противопоставление языка как социального продукта речи как индивидуальному факту неверно. Язык является средством общения между людьми, этим определяется его социальный характер. Развитие языка обусловлено развитием того общества, нужды которого он обслуживает. Воспроизведение языка множеством людей не может быть однородным: возникают различного рода индивидуальные отклонения, которые, в большей мере касаясь лексики, нежели грамматики и фонетики, не изменяют социального характера языка. Но и индивидуальная речь не может существовать в отрыве от языка. Если бы в

речи не было ничего социального, она не могла бы служить средством ос¬воения языка.

Язык как нечто общее является целостным по своей структуре. Но формы проявления этого общего многообразны. Современные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, кино и т.д.) - это различ¬ные формы проявления языка. Такой же формой его реализации является и речь - устная и письменная, диалогическая и монологическая и т.д. Речь не только индивидуальна, "к ней относится то, что вызывается данной ком¬муникативной ситуацией и может сойти на нет в другой коммуникативной ситуации. Язык и речь не только различаются, они немыслимы друг без друга"[205].

§ 60. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

Главная заслуга Ф. де Соссюра перед лингвистикой заключается в том, что в начале XX в. он обратил внимание на необходимость изучения языка как на необходимость анализа того внутреннего в языке, что определяет его сущность как средства общения. Успеху "Курса об¬щей лингвистики" в значительной мере содействовали и строгая логичность изложения, и яркие, неожиданные сравнения. Так, рассматривая язык как систему, де Соссюр сравнивает его с шахматами: "...язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Уяснению этого может помочь сравнение с игрой в шахматы, где довольно легко отличить, что является внешним, а что внутренним. То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил Если я фигуры из дерева заменю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для систе¬мы; но, если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет „грамматику" игры".

Однако в приведенном сравнении содержится ряд неточностей. Прежде всего, шахматы не знают национальных различий - правила игры всюду одинаковы. Язык же всегда обладает категория¬ми, отличающими от других национальных языков. Далее, если при игре в шахматы для нас несущественна история их возникновения, то на оформление структуры языка всегда большое влияние оказывают у с¬л о в и я, в которых язык формировался. Как бы чувствуя недостаточ¬ность приведенного определения, де Соссюр вводит в понятие системы элемент п р о т и в о п о с т а в л е н и я лингвистических единиц: подобно тому как игра в шахматы сводится к комбинированию положений различ¬ных фигур, так и язык является системой, основанной на противопоставле¬нии его конкретных единиц.

Определение свойств того или иного лингвистического элемента путем сопоставления его с другими лингвистическими элементами - вот то новое, что отличает соссюровское понимание системного характера языка. Однако концентрация внимания только на противопоставлениях привела к ограни¬чению содержательной стороны языка: "В языке нет ничего, кроме разли¬чий"; "в языке имеются только различия без п о л о ж и т е л ь н ы х ч л е н о в с и с т е м ы". Возникает вопрос: что же скрывается за этими

различиями? Ведь они должны различать какие-то реальные объекты. К сожалению, де не дает ответа на этот вопрос. Он умалчивает о том, какие конкретные единицы за этими отношениями скрываются, и призывает ограничить задачи лингвистики исследованием категории отношения.

Как уже говорилось, де Соссюр различает два типа отношений синтагматические и ассоциативные. "Синтагматическое отношение всегда in praesentia: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности". При синтагматических отношениях лингвистические единицы выстраиваются в линию, и в силу принципа линейности каждая единица входит в сочетание с соседними единицами. Такие сочетания, опирающиеся протяженность, он называет Синтагма может состоять из двух или нескольких единиц *(re-lire* 'пере-читать', *centre tous* 'против всех', *la vie humaine* 'человеческая жизнь', *s'il fait beau tempe, nous sortirons* 'если будет хорошая погода, мы пойдем гулять'). К чему относятся синтагматические отношения - к языку или к речи? С одной стороны, де Соссюр говорит: "К языку, а не к речи надо отнести все типы синтагм, которые построены по определенным правилам". Но с другой стороны - "в области синтагмы нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы".

Второй тип отношений де Соссюр называет ассоциативными: "...ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный мнемонический ряд". Возникнув в мозгу человека, ассоциативные отношения объединяют слова по общности корня (фр. *enseignement, enseigner, enseignom;* русск. *обучаю, обучать, обучение)* или суффикса $рр. *enseignement, armement, changement;* русск. *обучение, наставление, направление)* , на основе случайного сходства акустического образа (фр. *enseignement u]u$1emeM,* где в первом слове *-merit* — суффикс существительного, а во втором — наречия; ср. русск. *месиво* и *направо)* или на основе общности значения (фр. *enseignement, instruction, apprentissage, education;* русск. *обучение, наставление, просвещение, учение, натаскивание).* Из приведенных примеров видно, что в ассоциативные отношения де Соссюр включает не только морфологические, но и смысловые связи между словами, хотя он и признает, что наиболее характерными из них являются связи слов в пределах парадигмы словоизменения.

Де Соссюр придавал большое значение теории отношений ("именно... совокупность отношений составляет язык и определяет его функционирование"). Каждый член системы определяется по связи с другими членами как в пространстве (синтагматические отношения), так и в сознании (ассоциативные отношения). Положение о системе языка как совокупности взаимозависимых элементов получило у де Соссюра конкретную реализацию в учении о двух типах отношений. Взаимодействие этих отношений выявляется в процессе речи, при составлении фраз всех типов. Например, в предложении *Что вам известно?* мы подбираем нужный вариант *вам* из ряда *тебе, нам* и т.п.

Язык де Соссюр рассматривал как систему математически точную. Он считал, что все отношения в языке могут быть выражены в математических формулах, и для обозначения компонентов системы пользовался мате-

магическим термином "член". Де Соссюр отмечал две особенности системы: 1) все члены системы находятся в равновесии, *2)* система является замкнутой.

Совокупность отношений определяет функционирование языка как средства общения, обусловливает его социальный характер. Но кроме языка существуют и другие социальные явления - политические, юридические и т.д. Что же отличает язык от других социальных явлений? Знаковый характер, - отвечает де Соссюр, — "язык есть система знаков, выражающих понятия". Учение о языковом знаке имеет первостепенное значение для понимания лингвистической концепции де Соссюра.

S 61.УЧКНИК О ЛИНГВИСТИЧКСКОМ ЗНАК*

Ф. де Соссюр так определяет знак с точки зрения его знаковости: "Язык — зто система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны". Далее он разъясняет свое понимание знака: "Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа". Акустический образ — это не материальный звук, но психический отпечаток звука, представление, получаемое человеком посредством органов чувств. Так как акустический образ является психическим отпечатком звука и понятие обладает психическим свойством, то де Соссюр утверждает, что "языковой знак есть... двусторонняя психическая сущность".

Определив языковой знак как психическую сущность, де Соссюр заключает, что лингвистика языка, наука, изучающая язык как знаков особого рода, является частью семиологии - науки о знаках вообще. Л так как семиология - часть общей психологии, то языкознание (лингвистику языка) следует рассматривать как часть психологии. Поскольку в обычном употреблении знак обозначает только акустический образ, то де Соссюр, подчеркивая лингвистическую сущность своего определения знака, вводит специальные термины: "Мы предлагаем сохранить слово для обозначения целого и заменить термины и кий образ соответственно терминами означаемое и означающее".

Языковые знаки не абстракции, а реальности, находящиеся в мозгу человека. Они представляют собой те конкретные сущности, которыми занимается лингвистика языка. В качестве примера языкового знака дс Соссюр приводит слово как нечто центральное в механизме языка. знаками могут быть не только слова, но и части слова, следовательно, "не в слове следует искать конкретную единицу языка".

Введя общее понятие лингвистического знака, де Соссюр указывает особенности, отличающие его от единиц прочих знаковых систем. Первый принцип лингвистического знака формулируется им кратко: языковой знак произволен, связь означающего с означаемым произвольна. Под извольностью знака де Соссюр понимает отсутствие каких-либо отношений с обозначаемым этим знаком предметом. Например, понятие "сестра" не связано никакими внутренними отношениями с последовательностью звуков французского слова *soeur* [s-o-r] и могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков. Важность этого принципа огромна, ибо

он "подчиняет себе всю лингвистику языка". Однако произвольность лингвистического знака ограничивается законами развития данного языка.

Абсолютно произвольным знаком можно считать лишь некоторую часть слов; в большинстве же слов в общей языка произвольность знака отнюдь не исключает мотивированности. Если мы возьмем слово *сорок,* то оно ничем не мотивировано, внутренняя форма его неясна. Но слово *пятьдесят,* соотносящееся с составляющими его частями *(пять* и *десять),* уже мотивировано. Внутренняя форма в слове *пятьдесят* так же прозрачна, как, например, в слове *ледокол,* а происхождение слов *пять* и *десять* без этимологического анализа уже не ясно. Существование мотивированных слов облегчает человеку овладение системой языка, так как полная произвольность знаков затруднила бы их запоминание. "Не существует языков, — пишет де Соссюр, - где нет ничего мотивированного; но немыслимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все". Языки с максимальной немотивированностью он называет ас минимальной - грамматическими. Это "как бы два полюса, между которыми движется вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексических средств - немотивированных знаков, с другой стороны — предпочтение, оказываемое грамматическим — правилам конструирования". Так. по мнению де Соссюра, в английском языке значительно больше немотивированного, чем в немецком; примером ультралексического языка является китайский, а - санскрит.

Следствием действия принципа произвольности лингвистического знака де Соссюр считает антиномию "изменчивость - неизменчивость" знака. Неизменчивость знака определяется тем, что люди употребляют знаки языка так, как установлено традицией ("именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и только потому он может быть произвольным, что опирается на традицию"). Но в то же время языковые знаки подвергаются изменению. Принцип изменчивости знака связывается с принципом непрерывности. В процессе исторического развития языка изменчивость знака проявляется в изменении отношений между означающим и означаемым, т.е. может меняться или значение слова, или звуковой состав, или и звучание и значение [так, лат. ***necare*** 'убивать' превратилось во фр. ***noyer*** 'топить (в воде)'] . "Язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно меняющим отношения между означаемым и означающим", — это одно из следствий произвольности знака, утверждает де Соссюр.

Де Соссюр выдвигает и второй принцип - принцип линейности знака. "Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью, б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия". Другими словами, акустические образы не могут возникать одновременно, они следуют друг за другом последовательно, образуя линейную цепь. Но последовательно могут располагаться только звуки в слове, а каждый звук обладает своеобразными звуковыми признаками (глу-

ХОСТЬ ~ звонкость, твердость ~ мягкость, взрывность и т.д.). Причем эти признаки выступают в звуке не линейно, а объемно, одновременно обладает несколькими признаками. Следовательно, с точки зрения современной фонологии соссюровский принцип линейности касается звуков в слове, а не фонем. Де Соссюр и сам говорит о том, что принцип линейности характеризует речь, а не язык, следовательно, не может быть принципом лингвистического знака как члена системы.

Если главным для языкового знака является произвольность, то почему не наблюдается общей внезапной перемены в языке, состоящем из таких знаков? Де Соссюр указывает на четыре обстоятельства, препятствующие этому: 1) произвольность знака "защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его", так как нельзя решить, какой из произвольных знаков более рационален; 2) множественность знаков, используемых языком, затрудняет их изменение; 3) крайняя сложность языковой системы; 4) "в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого... В этом отношении его никак нельзя сравнивать с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии, морские сигналы и пр. затрагивают единовременно лишь ограниченное количество лиц и на ограниченный срок; напротив, языком каждый пользуется ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Это фундаментальный фактор, и его одного достаточно, чтобы показать невозможность революции в языке. Из всех общественных установлений язык представляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор".

Одним из главных моментов в лингвистической теории де Соссюра является его учение о значимости лингвистического знака. "Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще - главным образом - значимостью, а это нечто совсем другое. Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. Французское слово ***той*** *ton* может совпадать по значению с английским словом *sheep* 'баран', не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что, говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет *mutton,* а не *sheep.* Различие в значимости между англ. *sheep* ***u$y.moШon***связано с тем, что в английском наряду с *sheep* есть другое слово, чего нет во французском". Иными словами, значение слова в лексической системе одного языка может не соответствовать значению этого же слова в другом языке: по-русски нельзя сказать *"жаркое из барана",* но обязательно - *жаркое из баранины,* а по-французски г*demouton* (букв, "жаркое из барана").

Значение и значимость — также не одно и то же: значимость входит в значение в качестве дополнения. Именно в разбиении семантики слова на значение и значимость и заключается проникновение де Соссюра во внутреннюю систему языка: недостаточно одного констатирования факта, что слово имеет то или иное значение; его еще надо сравнить с подобными ему значимостями, со словами, которые можно ему противопоставить. Содержание слова определяется лишь через привлечение существующего вне его. Значимость знака определяется только его отношением к прочим членам системы языка.

Понятие значимости относится не только к словам, но и к любым явлениям языка, в частности к грамматическим категориям. Так, понятие числа есть в любом языке. Множественное число французского и старославянского языков или санскрита по значению одно и то же (обозначает множество предметов), но по значимости не совпадает. Если во французском языке множественное число противопоставляется единственному, то в санскрите или старославянском, где для обозначения парных предметов *(глаза, уши, руки, ноги)* имелось еще двойственное число, множественное число противопоставляется и единственному, и двойственному. Было бы неточно приписывать одинаковую значимость множественному числу в санскрите и французском, старославянском и русском языках, так как в санскрите или старославянском языке нельзя употреблять множественное число во всех тех случаях, где оно употребляется во французском или русском. - заключает де Соссюр, - значимость множественного числа зависит от того, что находится вне и вокруг него". Аналогичный пример можно привести с грамматической категорией времени. Понятие времени имеется во всех языках, однако значимость трехчленной категории времени в русском языке (настоящее, будущее, прошедшее) не совпадает со значимостью многочленной категории времени в немецком, английском, французском языках. На основе этих примеров де Соссюр приходит к выводу, что значимость является элементом системы языка, ее функцией.

Де Соссюр различает концептуальный и материальный асп^ты значимости. аспект значимости - это соотношение означаемых между собой (см. выше пример со словами *баран и той ton).* М а- аспект значимости это соотношение означающих между собой. "В слове важен не звук сам по себе, а те звуковые различия, которые позволяют отличать это слово ото всех прочих, так как они-то и являются носителями значения". Это утверждение де Соссюр иллюстрирует примером русской формы родительного падежа множественного числа *рук,* в которой нет положительного признака, т.е. материального элемента, характеризующего данную форму, а суть ее постигается через сопоставление с другими формами этого слова *[рук - рука).*

Разработанное де Соссюром учение о значимости лингвистического знака имеет огромное значение для изучения лексической, грамматической и фонетической систем языка. Но вместе с тем, с точки зрения марксистско-ленинской теории познания, оно содержит и ряд слабых положений. Де Соссюр считает, что мы наблюдаем "вместо заранее данных понятий значимости, вытекающие из самой системы. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что они в этом случае чисто дифференциальны, т.е. определяются не положительно - своим содержанием, но отрицательно - своими отношениями к прочим членам системы". Отсюда следует, что значимость слова как часть содержательной стороны языка (означаемого) определяется отношением предмета не к реальной действительности, а к другим единицам языка, местом, занимаемым в системе единиц языка (значение слова *баран* определяется местом этого слова в системе языка, а не тем, что оно обозначает парнокопытное животное) . Если для де Соссюра понятия (значения) формирует система, то для

советских языковедов они - результат отражательной (познавательной) деятельности людей. И от этого понятия ие становятся ни заранее данными, ни полностью совпадающими в разных языках^Об _

Де Соссюр исключает материальный субстрат из понятия значимости: "Звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать языку. Для языка он нечто вторичное, лишь используемый языком материал. Вообще все условные значимости характеризуются именно этим свойством не смешиваться с чувственно воспринимаемым элементом, который служит им лишь опорой". Лингвистическая категория значимости, чрезвычайно им гиперболизированная, замещает собой все. Так, глубоко и тонко подмеченная особенность системы языка, будучи возведенной в абсолют, привела к пониманию системы языка как совокупности чистых отношений, за которыми нет ничего реального. Именно эта идея де Соссюра получила развитие у Л. Ельмслева, основоположника глоссематики, главы Копенгагенской школы структурализма (см. § 76).

Для доказательства положения о языке как системе чистых значимостей де Соссюр обращается к проблеме взаимоотношений мышления и языка, или идеи и звука. Он считает, что наше мышление представляет собой бесформенную и смутную массу, где нет никаких реальных единиц, и похоже на туманность. Звуковая цепь тоже представляет собой столь же бесформенную массу, пластическую материю, которая делится на отдельные частицы. Расчленение обеих масс происходит в языке, ибо он служит "посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц". Разделить язык и мышление нельзя, ибо "язык можно... сравнить с листом бумаги; мысль — его лицевая сторона, а звук — оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную; так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции". Лингвист работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоих порядков. Сравнение де Соссюра интересно, но оно ничего не дает для понимания существа вопроса о взаимосвязи языка и мышления.

§ 62. УЧЕНИЕ О СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Противопоставление языка и речи Ф. де Соссюр образно назвал первым перекрестком, встречающимся на пути лингвиста. Вторым перекрестком он назвал противопоставление синхронии и диахронии, т.е. рассмотрение языка как в данный момент его состояния, так и в плане его исторического развития. По словам де Соссюра, "синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции. Существительные же синхрония и диахрония будут соответственно обозначать состояние языка и фазу эволюции".

При изучении языка де Соссюр считает совершенно необходимым отличать синхроническое его рассмотрение от диахронического и в соответствии с этим различает две лингвистики синхроническую и диахроническую, конкретизируя задачи каждой из них:

должна заниматься логическими и психологическими отношениями, связывающими сосуществующие элементы и образующими систему,

изучая их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием. Диахроническая лингвистика, напротив, должна изучать отношения, связывающие элементы, следующие друг за другом во времени и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, т.е. элементы, последовательно сменяющие друг друга и не образующие в своей совокупности системы".

Элементы языка, существующие одновременно или следующие друг за другом во времени, де Соссюр считал возможным располагать на осях одновременности *(AB)* и последовательности *(CD)*. Иллюстрируя эти положения, он говорил о поперечном и продольном срезах дерева: первый дает картину сосуществования т.е. синхронии. а второй - картину последовательного развития волокон, т.е.

Если синхроническая лингвистика изучает язык как систему, то объект диахронической лингвистики системой не является; иначе говоря, синхроническая лингвистика имеет дело с а диахроническая — с Всякое языковое изменение индивидуально и является фактом речи; часто повторяясь, оно принимается коллективом и становится фактом языка. Таким образом, разграничение синхронической и диахронической лингвистик связано у де Соссюра с различением языка и речи. Две причины заставляют де Соссюра изучать язык методом двух лингвистик: 1) многочисленность знаков "полностью препятствует одновременному **изучению** отношений знаков во времени и их отношений в системе" и 2) "для наук, оперирующих понятием значимости, такое различение становится практической необходимостью".

Каковы же взаимоотношения синхронической и диахронической лингвистик? Де Соссюр считает, что "язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности. Изменения никогда не происходят во всей системе в целом, а лишь в том или другом из ее элементов, они могут изучаться только вне ее. <...> Это различие по существу между сменяющимися элементами и элементами сосуществующими... препятствует изучению тех и других в рамках одной науки". Он отдает предпочтение синхроническому изучению языка, ибо "синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он — подлинная и единственная реальность". Из противопоставления синхронии и диахронии де Соссюр сделал серьезные выводы:

1. Он полагает, что в синхронии обнаруживаются одни силы, в диахронии - другие. Эти силы нельзя назвать законами, так как любой закон должен быть общим и обязательным. Силы, или правила, синхронного состояния языка часто бывают общими, но никогда не становятся обязательными. Силы диахронного состояния часто представляются обязательными, но никогда не выступают как общие.

2. Де Соссюр утверждает, что синхронный план одного языка гораздо ближе к синхронному плану другого языка, чем к своему прошлому (диахронному) состоянию. Таким образом, получается, что синхронное состояние современного русского языка ближе к синхронному состоянию,

положим, японского языка, чем к диахронному состоянию старославянского языка. Несостоятельность подобной точки зрения очевидна.

Отрывать диахронию от синхронии, историю языка от современного его состояния неправомерно еще и потому, что система языка есть продукт длительного исторического развития и многие факты современного языка становятся понятными лишь тогда, когда известна его история. Для того чтобы в современном русском языке понять разницу между словосочетаниями *два дома* и *пять домов,* надо знать, что представляла собой форма двойственного числа *дома,* определившая это различие.

Если в исследовании о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" де Соссюр отмечает системность в развитии индоевропейских языков, то теперь он лишает историю языка системности. Де Соссюр считает, что система языка проявляется только в синхронии, ибо сама по себе она неизменяема. Как же происходят изменения в языке? Оторвав диахронию от синхронии, де Соссюр объясняет все языковые изменения чистой случайностью. Однако, чувствуя шаткость такого объяснения, он добавляет, что традиционная сравнительно-историческая грамматика должна уступить свое место описательной синхронической грамматике, но грамматику, изучающую современное состояние языка, необходимо дополнить историческим анализом, который поможет лучше осознать настоящее состояние языка. Подчеркнув важность изучения синхронного состояния языка, де Соссюр серьезно поколебал теоретические основы традиционного сравнительно-исторического языкознания и подготовил почву для появления новых методов анализа языка.

§ 63. **ВНЕШНЯЯ** И **ВНУТРЕННЯЯ** лингвистики

Последним противопоставлением, на которое и которое важно для понимания сущности языка, является противопоставление внешней и внутренней лингвистик, т.е. внешних и внутренних элементов языка.

Из внеязыковых факторов, влияющих на язык, де Соссюр отмечает прежде всего связь истории языка и истории нации. По его мнению, эти истории переплетаются и влияют друг на друга; с одной стороны, обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой - в значительной мере именно язык формирует нацию. Завоевания, колонизация, миграция, языковая политика оказывают влияние на границы распространения языка, на соотношение диалектов внутри языка, на формирование литературного языка и т.д. Великие исторические события имели огромные последствия для лингвистики. К внешней лингвистике де Соссюр относит также все то, что имеет отношение к географическому распространению языков и к их диалектному дроблению.

Внеязыковыми, экстралингвистическими факторами объясняются многие языковые явления, например заимствования. Но внешние факторы не затрагивают самой системы языка. Подчеркивая, что они не являются определяющими, поскольку не касаются внутреннего строения языка, де сюр резко отграничивает внешнюю лингвистику от внутренней. Вопросов о сущности внешнего и внутреннего в языке, о роли внешних факторов в

той или иной мере касались В.Гумбольдт, И.А. Бодуэн де **Куртенэ,** Х.Габеленц и другие языковеды. Заслуга де Соссюра в том, что, выступив против изучения языка только в связи с историей народа, он привлек внимание ученых к внутренней лингвистике.

Но разграничение де Соссюром внешней и внутренней лингвистик представляется явно несостоятельным. Считать язык социальным по своему характеру и в то же время отрицать влияние общества на язык значит допускать явное противоречие.

Из всего вышеизложенного логически следует вывод, который и заключает книгу де Соссюра: "Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя". Рукописные источники свидетельствуют, что эта мысль у де Соссюра выражена иначе, чем она сформулирована Ш.Балли и А.Сеше. В записях де Соссюра сказано: объект лингвистики — это "речевая деятельность либо в ее различных проявлениях, либо в виде общих законов, которые могут быть выведены только из ее частных форм"[207]. Каноническая формулировка де Соссюра относится, скорее всего, не к языкознанию вообще, а только к внутренней лингвистике. Де Соссюр прав, утверждая необходимость самостоятельного существования языкознания (до начала XX в. лингвистика была частью либо **философии,** либо психологии). Но лингвист, изучая язык, не может и не должен рассматривать язык "в самом себе и для себя". Нельзя отрывать язык от общества, нужды которого он обслуживает; нельзя забывать важнейшую функцию языка - быть средством **общения%Требование** изучать язык "для себя" неизбежно предполагает обеднение содержательной стороны языкознания.

§ 64. ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф. ДЕ СОССЮРА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ XX В.

В 1963 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Ф. де Соссюра, известный французский языковед Э.Бенвенист писал, что в наше время едва ли найдется лингвист, который не был бы чем-то обязан де Соссюру, как едва ли найдется такая общая теория языка, в которой не упоминалось бы его имя. Несмотря на некоторое преувеличение этой оценки, следует сказать, что положения теории де Соссюра оказали большое влияние на последующее развитие лингвистики.

Многие из теоретических положений де Соссюра были высказаны еще в работах представителей Казанской лингвистической школы - И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, ВА Богородицкого. Эти ученые самостоятельностью и оригинальностью лингвистического мышления разрушали привычные каноны классического языкознания. Советский языковед **Е.Д.** Поливанов, учившийся у Бодуэна де Куртенэ, писал, что "в деле разработки общелингвистических проблем русские и польские ученые предшествующего поколения не только были наравне, но и намного опередили современных им, да и современных нам западноевропейцев". А о работе де Соссюра он отозвался довольно резко: хотя книга многими была воспринята как некое откровение, она "не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по срав-

нению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой"[208]. О том же пишет и академик Л.В. Щерба: "Когда в 1923 г. мы получили в Ленинграде „Cours de linguistique generate" de Saussure'a (посмертное издание лекций по общему языкознанию знаменитого лингвиста, профессора Женевского университета, - книга превосходная и произведшая большое впечатление на Западе), то были поражены многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями"[209]. Какие же положения де Соссюра были знакомы русским языковедам?

Виноградов отмечал, что "будущее соссюровское различие gue" и „parole" [языка и речи] нашло совершенно четкое выражение уже в относящейся к 1870 г. лекции Бодуэна де Куртенэ „Некоторые общие замечания о языковедении и языке"[210]. По свидетельству Щербы, "различения языка как системы и языка как деятельности („langue" и „parole" de Saussure'a) не такое четкое и развитое, как у Соссюра, свойственно и Бодуэну". Что же касается различения синхронии и диахронии, то Щерба отмечал, что "столь характерное для Соссюра выдвигание „синхронического языкознания"... является одной из основ всей научной деятельности Бодуэна"[211]. Затем это положение Бодуэна де Куртенэ разрабатывалось его учениками, в частности Богородицким: "...историзм лингвистических исследований может и должен дополняться еще синхронистическим сопоставлением; получаемые синхронические ряды дают возможность определять сравнительную скорость движения того или другого явления в отдельных языках... Итак, идею „синхронизма" при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до появления „Cours de linguistique generale" (1916) де Соссюра, который имел в своем распоряжении... мою немецкую брошюру (Einige Reformvorschlage...), и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей"[212]. По всей вероятности, де Соссюр был знаком и с книгой Г.Пауля "Принципы истории языка", в которой проводится различие между индивидуальной речью и обусловленным целями коммуникации общим языком, узусом.

Вместе с тем следует указать, что проблемы языкознания, рассматривавшиеся предшествующими поколениями ученых, де Соссюр решал по-новому, и в этом его заслуга. Прежде всего, он решительно указал на социальную значимость общего языка и зависимость от него индивидуальной речи. Де Соссюр понимает язык как систему, как совокупность взаимодействующих и взаимообусловленных единиц. Проблема системности языка лежит в основе его лингвистической теории. Заслуга де Соссюра также в том, что он привлек внимание языковедов к изучению внутренних закономерностей системы языка. В зависимости от какое из теоретических положений де Соссюра бралось за основу, существуют различные оценки его концепции.

В своей ранней работе, посвященной исследованию системы гласных в индоевропейских языках, де Соссюр исследует количественные и качественные отношения гласных и сонорных звуков и реконструирует некоторые исчезнувшие звуки. Кроме того, он делает интересные замечания о структуре индоевропейского корня. АМейе писал, что исследование "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" сы-

грало выдающуюся роль в формировании нового метода анализа звуковых родственных языков, поэтому де Соссюр может быть назван выдающимся индоевропеистом, основоположником современного сравнительно-исторического языкознания. Продолжая эту линию деятельности де Соссюра, большой вклад в разработку сравнительной грамматики индоевропейских языков внесли А.Мейе, Э.Бенвенист и Е.Курилович (в 1927 г. Курилович обнаружил теоретически предсказанные де Соссюром сонантические коэффициенты во вновь открытом хеттском языке и назвал их ларингальными звуками).

Утверждение де Соссюром социального характера языка, определение языка как общественного явления (правда, при определенной психологической окрашенности этих понятий) дали основание провозгласить де Соссюра основателем социологического направления в языкознании. Эти положения де Соссюра развивались впоследствии А.Мейе, и А.Сеше, которые изучали в основном лингвистику речи. Балли разработал основы лингвистической стилистики и создал теорию актуализации в речи знаков языка, а Сеше занимался проблемами синтаксиса. Среди других представителей социологического направления во французской лингвистике следует указать Ф.Брюно, М.Граммона, А.Доза и Ж.Вандриеса.

И наконец, существует прямая преемственность между положениями де Соссюра и представителей структурализма в современном языкознании. Одни структуралисты (Н.С. Трубецкой) развивали учение де Соссюра о языке и речи применительно к фонетике, другие сосредоточили свое внимание на понимании языка как системы чистых отношений, за которыми не скрывается ничего реального. Тот факт, что европейский структурализм заимствовал некоторые общие идеи де Соссюра, послужил основанием для признания де Соссюра предтечей структурализма.

ГЛАВА 12

СОЦИОЛОГИЯ ИЯЗЫКОЗНАНИЕ

§ 65. ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ СОЦИОЛОГИИ ЯЗЫКА

Язык как средство общения возникает и развивается только в обществе. Следовательно, язык — явление социальное. Поэтому с самого появления науки о языке лингвистов интересовала проблема связи языка и общества.

В античный период, особенно в Древней Греции, проблема социального характера языка была неотделима от вопроса его происхождения. Диодор Сицилийский (I в. до н.э.), последователь Демокрита, **указывал,что** совместная борьба за существование заставила людей объединяться в коллективы, перейти от бессмысленных звуков к членораздельным и установить слова — символы для каждой вещи. Такая постановка вопроса, в отличие от идеалистических теорий происхождения языка, уже указывала на связь

языка с практическими потребностями общества, нужды которого он обслуживал.

Естественно, что проблемы взаимозависимости языка и **общества** не были актуальными для лингвистических школ и направлений раннего периода, когда происходило накопление языкового материала. Лишь со становлением теоретического языкознания ученые все больше начинают обращать внимание на этот вопрос, указывая на связь истории языка и истории говорящего на нем народа. Я.Гримм считал, что язык — общее достояние всех людей, он принадлежит всему обществу. Более углубленно эту проблему пытался решить В.Гумбольдт, четко сформулировавший тезис о соотношении в языке социального (общественного) и индивидуального. Гумбольдт утверждал, что язык развивается только в обществе и человек понимает себя лишь постольку, поскольку его слова понятны и другим; язык как целое отличается от индивидуальных актов речевой деятельности. Однако он говорил не столько о соотношении языка и общества, сколько о выделении в самом языке социальных и индивидуальных аспектов речевой деятельности.

Именно такой психологический подход и стал преобладающим в языкознании. С одной стороны, утверждалось, что индивидуальная психология имеет дело с психологическими процессами индивидуума и с языком как проявлением его жизни. С другой стороны, продолжением индивидуальной психологии признавалась коллективная психология (психология народов), которая строится с помощью языка. один из видных теоретиков "психологии народов", писал, что язык, по сути своей, продукт общества, народа, является самосознанием, мировоззрением и логикой "духа народа". Теория "психологии народов" как одна из разновидностей психологического социологизма несостоятельна потому, что нельзя свести все общественные отношения, в том числе и языковые, к отношениям психического порядка.

Взаимоотношение социального и индивидуального в языке с точки зрения психологии индивидуума рассматривается представителями младограмматического направления, в частности **Г.Паулем.** Подлинной реальностью, по Паулю, обладает лишь индивидуальный язык, который имеет свою собственную историю. Стремясь как-то обосновать социальную природу языка, Пауль вынужден был ввести некую среднюю величину (узус), которая и делает возможным коллективное общение. Он стремится учитывать общественный характер языка, но вопрос о социальности языка не находит места в его концепции.

Знаменитый русский языковед ИА Бодуэн де **Куртенэ** пытался избежать противопоставления индивидуального и социального в Он говорил, что индивидуум может развиваться в языковом отношении только в обществе. Раз так, то язык как явление действительно существующее должен быть явлением коллективно-индивидуальным. Это монистическое понимание сущности языка подчеркивало его внутреннее единство, позволяющее ему выполнять коммуникативную функцию.

Таким образом, о связи языка и общества существовало два мнения: 1) язык существует только в обществе и 2) внутри языка можно выделить социальное и индивидуальное. Правда, уже в 80-х годах XIX в. в лекциях

русского языковеда Ф.Ф. Фортунатова выдвигается положение о зависимости языка от жизни и состояния общества. Фортунатов указывал, что разъединение общества и происходящие в нем изменения (образование различных профессий и т.д.) находят отражение в языке. Поэтому изучение человеческого языка в его истории и связи с обществом определяет задачи и методологию языкознания как науки.

Разработка социологии языка не занимала большого места в лингвистических исследованиях. Внимание языковедов, особенно в XIX в., было обращено в основном на анализ и описание языковых фактов, а изучение специфики основной функции языка — быть средством общения — оставалось в стороне. Если иногда и затрагивалась проблема "язык и общество", то освещение этой проблемы носило либо психологический, либо вульгарно-социологический характер.

§ 66. СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ЯЗЫКА

Подлинно материалистическое понимание взаимоотношений языка и общества мы находим в трудах одного из основоположников научного материализма Ф.Энгельса (1820—1895). Особенно большое внимание уделял Энгельс вопросу о социальной обусловленности явлений **языка.**

Вопросы языкознания всегда привлекали внимание Энгельса, ученого-энциклопедиста. П.Лафарг вспоминал: "Первыми **увлечениями** Энгельса были филология и военное искусство; он всегда оставался им верен и постоянно был в курсе успехов этих наук... Его знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо **невероятно"**[213]. Энгельс имел блестящие лингвистические способности: в течение месяцев он настолько овладевал каким-нибудь иностранным языком, что мог свободно говорить и писать на нем. В письмах К.Марксу Энгельс часто сообщает о своих занятиях языками: "Я теперь совсем увяз в Ульфиле; надо же когда-нибудь покончить с проклятым готским языком, которым я до сих пор занимался лишь мимоходом. К своему удивлению, убеждаюсь, что знаю гораздо больше, чем думал; если получу еще какое-нибудь пособие, то рассчитываю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древне-норвежскому и англосаксонскому, которыми я тоже всегда владел недостаточно прочно"[214]; "Я в последнее время немного занимался фризско-**англо-ютско-скандинавской** филологией и **археологией"**[215]; "На этой неделе я основательно занимался голландско-фризским языком и нашел там весьма любопытные вещи с филологической точки **зрения"**[216]. Энгельс разговаривал на 20 языках.

Особенно большое внимание Энгельс уделял изучению славянских языков: "Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь почти покончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый слов, и тогда я смогу приступить к чему-нибудь другому. Со славянскими языками я должен в этом году покончить, и, в сущности, они совсем не так **трудны"**[217]; "Знание русского языка, — языка, который всемерно заел» кивает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, —

теперь уже не такая редкость"[218]. Он настолько хорошо изучил славянские языки, что в письме Ф.Лассалю признается, что "некогда лелеял **смелую** мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков"[219]. Глубокое знание многих языков поставило перед Энгельсом вопросы о развитии и структуре отдельных языков, о происхождении языка вообще, о связи языка и общества.

Проблема происхождения языка получила развитие в работе Энгельса "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека" (1876), в которой подчеркиваются биологические и общественные предпосылки формирования языка. "...Развитие труда, — пишет Энгельс, - по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой **совмьстной** деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим"[220]. Таким образом, Энгельс доказывает, что человеческий язык возник вместе с человеческим обществом как необходимое средство общения людей в процессе их совместной производственной деятельности. Маркс и Энгельс подчеркивают творческую роль общества в образовании языка: "Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей"[221].

Маркс и Энгельс всегда выступали против
го подхода к изучению языка. Они высмеивали пустые иллюзии идеолога немецкого мелкобуржуазного анархизма у которого язык "рассматривается как продукт рода. Однако тем обстоятельством, что **Сан,** чо [т.е. **Штирнер. -** *Ф.Б.]* говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам"[222].

Блестящую картину развития языка в связи с общественно-экономическими условиями, с закономерностями развития общества Энгельс дает в труде "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884). Он пишет, что в основе первобытного родового общества лежит принцип кровного родства. Несколько близких родов составляют племя. Племени присущ "особый, лишь этому племени свойственный *диалект.* В **действительности** племя и диалект по существу совпадают--"-*; родственные племена говорят на родственных диалектах.

По мнению Энгельса, диалекты образовались в результате процесса расхождения, или Разделение племен не было полным, пока не появились различия в языке. С возникновением языковых различий завершается образование племени *("постоянная тенденция к разделению* коренилась в элементах родовой организации; *она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке... Локальное разобщение —*

в пространстве - вело с течением времени к **появлению** *различий в языке;* это **приводило** к обособлению интересов **и** к полной самостоятельности"[224]).

В результате многочисленных исторических изменений племенные диалекты развиваются в более сложные языковые единицы — национальные языки. В "Немецкой идеологии" (1845-1846) К.Маркса **и** Ф.Энгельса кратко охарактеризован этот процесс: "...в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической **концентрацией"[225].**

Исследование Энгельса "Франкский диалект" (1881-1882, часть работы "Франкский период"; русск. пер. **1935)** посвящено **вопросам** немецкой диалектологии. Энгельс говорит о возможности установления племенного франкского диалекта, характеризующегося совокупностью определенных фонетических, грамматических и лексических черт. Рассматривая фонетические изменения, известные в истории германских языков как второе передвижение согласных, Энгельс прослеживает его распространение по территории, которую населяли древние германцы. Анализируя фонетические явления языка, он не теряет из виду общественно-исторические причины, которые так или иначе могли повлиять на эти явления. Энгельс далек от **вульгарно-социологического** объяснения причин **фонетических** изменений ("Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от **Судет** до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю **Германию"[526])** Вместе с тем он показывает, что это изменение распространялось по древнему торговому пути, по Рейну, и затрагивало в первую очередь те слова, которые обозначали понятия, характерные для торгового обихода. На основе анализа этих слов языковедами было пред- положение, что "древние франки имели тесные экономические связи с каким-то иноязычным племенем, которое произносило немецкие слова с своеобразной субституцией звуков. Эти первоначально чуждые германцам произносительные особенности постепенно передавались и самим древним **франкам"[227].**

Во диалекте" Энгельс поднял ряд чрезвычайно важных языковед"ческих вопросов, которым дал широкое теоретическое обобщение. В период господства теории младограмматиков Энгельс отказывается от построенного на естественнонаучных закономерностях рассмотрения языка и переходит к с о ц и а л ь н о - и с т о р и ч е с к о м у его анализу.

Материалистические взгляды на проблему взаимосвязи языка и **общества** выражены и в работе **П.Лафарга** (1842-1911) "Язык и революция. (Французский язык до и после революции)" (1894). **В.И.** Ленин характеризует Лафарга как "одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей **марксизма"[228]**. Рассматривая язык как общественное явление, Лафарг считал, что язык **связан** с развитием материальных условий жизни людей: **"Язык** не может быть отделен от своей социальной среды так же,

как растение не может быть оторвано от свойственной ему средь; климатической"[229]. Всякие изменения, совершающиеся в социальной среде (например, переход от образа жизни к городскому, всякие политические события), находят свое отражение в языке. По мнению Лафарга, народы, у которых происходят интенсивные политические и социальные события, быстро изменяют и свой язык. Всем своим содержанием книга Лафарга, имеющая характерное заглавие "Французский язык до и после революции" (имеется в виду французская буржуазная революция конца XVIII в.), иллюстрирует это положение. Автор показывает, как социально-политические сдвиги в общественной жизни Франции того времени находили свое отражение в языке: "В XVIII в. язык видоизменяется: он теряет свой аристократический лоск и приобретает демократические замашки буржуазии. Многие писатели, невзирая на гнев Академии, стали свободно заимствовать слова и выражения из языка лавочников и улицы. <...> Видоизменение языка шло рука об руку с эволюцией буржуазии".

Лафарг подробно анализирует социальные и политические причины, породившие языковые изменения, и приходит к выводу, что революционные события во Франции в 1789—1794 гг. наложили свой отпечаток на французский язык. Рассматривая язык публицистики того времени, он отмечает, что "страстный и резкий язык... газет и памфлетов родился только сейчас: слова, ковавшиеся для лотребностей момента, жалили; фразы, полные нового красноречия, поражали противника как удары дубины". Революционеры создавали слова, в которых чувствовалась потребность. В этот период появились такие слова, как *санкюлот* (фр. *sans-culotte* — букв, 'без штанов, босяк"), *вандализм* (фр. *vandalisme), терроризм* (фр. *terrorisme).* Язык не только обогащался новыми словами, но и старые слова получали иное значение: до революции означало 'быть в нерешительности, колебаться', после революции оно стало обозначать 'повесить на фонаре'; до революции *speculer* значило 'предаваться самому отвлеченному философскому и математическому мышлению', после революции оно вошло в оборот финансистов и получило значение 'спекулировать'. Говоря о влиянии революции на язык, Лафарг приходит к следующему выводу: "Революция сделала свое дело в области языка; блестящий стальной обруч, сковывавший его, был разбит, и язык отвоевал себе свободу".

Указывая на отражение в языке происходящих в обществе изменений, вместе с тем неправильно полагал, что революционные преобразования обязательны не только в классовом обществе, но и в языке ("язык был так же переплавлен в огне революции, как государство, общество, собственность и нравы"). Говорить о революции в языке неверно потому, что грамматический строй языка, его фонетический состав очень устойчивы/ изменяются в течение длительного исторического промежутка времени. Чувствуя несостоятельность своих утверждений о революции в языке, Лафарг вынужден был признать, что "язык, возникший между 1789 и 1794 гг., не был новым. <...> Революция в конечном итоге ограничилась развенчанием аристократического языка и введением в общее употребление языка, на котором говорили буржуа и которым прежде пользовались в литературных произведениях. Этот переворот намечался еще до 89-го года; революция же дала ему сильный толчок вперед".

Развивая мысль Энгельса о влиянии труда на возникновение человека и появление языка, Лафарг утверждает, что без общественного труда люди не нуждались бы в языке точно так же, как в нем не нуждаются животные. В работе "Экономический детерминизм Карла Маркса" (1909) Лафарг проводит мысль о том, что богатство и развитость языка обусловлены уровнем развития мышления, а это, в свою очередь, предопределено состоянием производительных сил и разнообразием человеческих связей. Низкий уровень развития производительных сил предопределяет незначительное количество слов и примитивность грамматических правил. Усложняющаяся практика общественной и производственной деятельности людей ведет к появлению абстрактных понятий, которые находят выражение в языке. Абстрактное слово, пишет Лафарг, — это, как правило, прилагательное, превращенное в существительное, т.е. свойство конкретного предмета, преобразованное в личность, в воображаемое существо.

Исходя из материалистического понимания истории, разработанного Марксом и Энгельсом, Лафарг решительно отверг попытки языковедов оторвать изучение языка от ис ории общества, от истории данного народа: "Лингвисты обычно не понимают влияния среды или пренебрегают им; многие из них ищут происхождения слов... просто в санскрите. Санскрит для языковедов то же, что френология для антропологов: это их - „Сезам, откройся!" ко всему необъяснимому. <...> Кроме того, результаты этимологических изысканий ориенталистов должны были бы быть противоречивы для того, чтобы заставить нас отказаться ради их методов от теории среды, которая постепенно становится преобладающей во всех отраслях естественных и исторических наук". Поскольку язык как социальное явление не может быть оторван от общества, постольку он отражает каждое изменение, происходящее в среде, где он развивается. Само развитие и изменение языка возможно потому, что язык является самым непосредственным и характерным продуктом человеческого общества.

Материалистические взгляды Лафарга на природу взаимоотношений языка и общества не получили развития в языкознании конца XIX в. Во-первых, потому, что работа Лафарга, напечатанная в небольшом социалистическом журнале, осталась неизвестной широкому кругу языковедов. Во-вторых, после падения Парижской Коммуны буржуазия испытывала страх перед поднимающимися силами революционного рабочего класса. Во Франции широкое распространение получили идеалистические учения французских социологов-позитивистов О.Конта, Г.Тарда и Э.Дюркгейма. Идеи этих ученых оказали большое влияние на различные социальные науки, в том числе и на языкознание.

§ 67. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Родоначальником позитивизма был французский философ О.Конт (1798-1857). В своем "Курсе позитивной философии" (1830-1842) Конт проводит мысль о том, что задача науки заключается не в объяснении сущности или причин явлений, а в описании их внешнего облика. Он отвергает все учения, которые явление рассматривают как обнаружение сущности.

Задача науки, по мнению Конта, - свести описываемые явления к наименьшему числу существующих между ними внешних связей — по их сходству и последовательности, установить законы природы и общества. Конт создает новую науку — социологию (социальную физику); основным в социологии является взгляд на общество как на социальный организм, состоящий из множества отдельных индивидуальных организмов, т.е. аналогичный биологическому организму. Между частями этого организма существует солидарность. Идея всеобщей социальной солидарности стала у Конта основой учения об обществе.

В социологии Конт выделяет социальную статику, задача которой заключается в описании общества в состоянии равновесия, и альную динамику, которая изучает воздействие моральных идей на преобразование общества. Движущей силой изменения общества он считает прогресс знания, состоящий в переходе от религиозных представлений к абстрактному понятию о природе. Законы природы и общества Конт понимает как итог наблюдения постоянных отношений, существующих между изучаемыми явлениями. Познание этих отношений представляет собой подлинно научное знание.

Классики марксизма-ленинизма вскрыли реакционную сущность социальных взглядов Конта и позитивизма в целом. "Конт, — писал К.Маркс, — известен парижским рабочим как пророк империи (личной *диктатуры)* в политике, господства капиталистов в политической экономии, иерархии во всех сферах человеческой деятельности, даже в сфере науки, и как автор нового катехизиса с новым папой и новыми святыми вместо старых"

Один из последователей Конта, ЭЛиттре (1801-1881), впервые сделал попытку распространить теорию позитивизма на языкознание. В трудах "История французского языка" (1863) и "Словарь французского языка" (1863—1872) он трактует язык как продукт отвлеченной духовной деятельности, т.е. отрывает его от материальной жизни общества.

После поражения Парижской Коммуны идеологи буржуазии изыскивают новые формы борьбы с пролетариатом. Для объяснения социальных явлений они пытаются использовать данные психологии. Так, в книгах "Социальная логика" (1895) и "Социальные законы" (1898) Г.Тард (1843-1904) утверждает, что психология общества удивительно сходна с психологией личности. Таким образом, вся общественная жизнь растворяется в человеческой психике, а социология становится разделом психологии. Все явления социальной жизни Тард объясняет двумя психологическими факторами: стремлением к изобретению и подражанием. Меньшинство общества - гении, они изобретают, огромное же большинство подражают гениям-изобретателям. Общество Тард рассматривает как подражательный организм, а все явления общества - как "результат внушения - подражания, которое распространило мало-помалу посредством примера идею или поступок первого инициатора или изобретателя таковых"[231].

Аналогичные взгляды Тард стремится перенести и на язык, который он определяет как заранее данную социальному человеку логическую аранжировку, подобно тому как индивидуальному человеку даны пространство и время. Язык представляет собой "социальное пространство идей"[232], т.е. как пространство богато бесконечным разнообразием накап-

ливающихся суждений о местоположении, так и язык богат словами и пред¬ложениями, т.е. суждениями об обозначении, комбинированными различ¬ным образом. По мнению Тарда, в языке также действуют законы подража¬ния. Распространение языка сверху вниз, от низшего к высшему, как в среде нации, так и вне ее, способность языка заимствовать иностранные слова в силу моды, заразительность акцента, тирания языковых обычаев, воспроизведение привычных грамматических оборотов - все это доказыва¬ет подражательный характер языка. Данное Тардом объяснение причин из¬менения языка, надуманное, схематическое, является следствием анти¬научных психолого-социальных

Главой французской социологической школы стал Э.Дюркгейм (1858¬1917), его концепция оказала сильное влияние на многие науки. В своей основной работе "Метод социологии" (1899) Дюркгейм утверждает, что со¬циология обязана игнорировать всякие философские теории, не должна быть "ни индивидуалистической, ни коммунистической, ни социалистичес¬кой в том значении, которое обыкновенно придается этим Социология Дюркгейма отвергает эти теории потому, что они стремятся не только выражать, но и преобразовывать факты. Предметом исследова¬ния социологии Дюркгейм объявляет социальные факты, вАступающие в виде общественных учреждений, законов, установлений и т.д. Позитивизм Дюркгейма проявляется в том, что социальные явления он требует изучать извне, а не проникать в их сущность. Составляющие предмет социологии социальные факты несводимы, по мнению Дюркгейма, к свойствам лич¬ности, ибо "группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сде-лали'бы ее члены, если бы они были разъединены".

Большое внимание Дюркгейм уделяет проблеме взаимоотношения ин¬дивидуума и общества. Он исходит из того, что целое не тождественно сумме своих частей, а является чем-то иным, со свойствами, отличными от свойств составляющих его элементов. И» с этой точки зрения "общество представляет не простую сумму индивидов, но систему, образовавшуюся от ассоциации их и представляющую реальность sui generis, наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает сущест¬вование индивидуальных сознаний; но этого необходимого условия недо¬статочно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы, скомбини¬рованы, и скомбинированы известным образом; из этой комбинации выте¬кает социальная жизнь". Основным в этой коллективной жизни является факт т.е. факт связи отдельных индивидуумов.

Отмечая, что функции социального факта нужно искать в его отноше¬нии к какой-нибудь социальной цели, Дюркгейм обращает внимание на не-обходимость изучения о т н о ш е н и й между социальными явлениями. Рациональным моментом в философии Дюркгейма является его утвержде¬ние о невозможности понять природу человека без учета того, что она ется по отношению к социальному целому (хотя это социальное целое он понимал идеалистически).

§ 68. А.МЕЙЕ О СОЦИАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ЯЗЫКА И ПРИЧИНАХ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Социологические взгляды О.Конта и особенно Э.Дюркгейма легли в основу социологических построений французского лингвиста АМейе (1866—1936), одного из крупнейших языковедов начала XX в., основоположника социологического направления во французской лингвистике. Большое влияние оказало на Мейе положение Дюркгейма о том, что социальный факт, существуя самостоятельно, как бы навязывается индивидууму. Развивая эту мысль, Мейе говорит, что язык существует независимо от говорящего на нем индивидуума; внешний по отношению к индивидууму характер языка и принуждение, которыми Дюркгейм определяет социальный факт, проявляются в языке с наибольшей очевидностью[234].

Научная деятельность Мейе началась в конце XIX в. С 1906 г. он бессменный секретарь Парижского лингвистического общества и редактор его бюллетеня. В том же 1906 г. Мейе избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. По свидетельству Л.В. Щербы, который слушал лекции Мейе в Париже, Мейе с величайшей симпатией относился к славянским языкам, особенно к русскому. "Превращение русского языка в великий литературный язык и мировое политическое значение России, - писал Мейе в 1934 г., — поставили его в новое положение: русские слова также стали проникать в западные языки, увеличивая словарь этих языков"[235]. Мейе организовал в Париже Институт славяноведения и стал редактором его печатного органа "Славянское обозрение".

Много сил отдавал Мейе педагогической деятельности. Его учениками были многие выдающиеся лингвисты: Э.Бенвенист, АЭрну, Р.Готьо, М.Коэн (Франция); Л.В. Щерба, Н.Усов (Россия); Е.Курилович (Польша); А.Соммерфельт (Норвегия) и др. В сотрудничестве ученых разных стран Мейе видел верный путь развития языкознания.

Научное наследие Мейе - 24 книги и около 540 статей. На русский язык переведены его важнейшие работы: "Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков" (1903), "Основные особенности германской группы языков" (1925), "Сравнительный метод в историческом языкознании" (1925), "Общеславянский язык" (1934). Интересны также его "Сравнительная грамматика классических языков" (1925), "Очерк истории латинского языка" (1928) и др. Вместе со своим другом и учеником, известным французским языковедом Мейе возглавлял коллективную обзорную работу лингвистов "Языки мира" (1924).

Будучи учеником Ф. де Соссюра, Мейе воспринял его учение о языке как социальном продукте речевой деятельности. Он определяет лингвистику как науку социальную и одну из задач языкознания видит в том, чтобы установить, какой структуре общества соответствует каждая определенная структура языка и как изменения в структуре общества отражаются на изменениях структуры языка.

Мейе продолжает и традиции младограмматиков, подчеркивавших индивидуальный характер языка, также полагая, что "язык существует, следовательно, только в нервных (двигательных и чувственных) центрах каждого отдельного лица"[236]. С другой стороны, он принимает дюркгеймов-

ский "закон принуждения" и считает, что "язык, будучи, с одной принадлежностью отдельных лиц, с другой стороны - навязывается им; благодаря этому он является реальностью не только физиологической и психической, но и прежде всего социальной. Язык существует лишь постольку, поскольку есть и человеческие общества не могли бы существовать без языка". Однако, в отличие от младограмматиков, Мейе утверждает, что фонетические изменения и изменения под влиянием аналогии не являются движущими силами языковых перемен. Поскольку язык по своей природе является социальной категорией, то именно социальные условия и определяют языковые изменения. Социальная природа языка особенно проявляется в семантических изменениях слов. В статье "Как слова изменяют значение" (1907) Мейе говорит о том, что основной причиной изменения значений слов являются социальные факторы.

Все семантические изменения он делит на три типа. К первому типу относятся изменения, которые проявляются в структуре определенных сочетаний, где слово играет особую роль. Эти изменения вызваны чисто языковыми причинами: например, использование французских *слов pas, rien, personne* под влиянием *ne* в значении отрицания.

Ко второму типу изменений, вызванному социальными причинами, Мейе относит изменения, обусловленные изменением предмета, обозначаемого данным словом. Например, в индоевропейском праязыке слова со значениями 'отец', 'мать' первоначально выражали не родственные,а социальные отношения. Слово **pbter* "отец" обозначало общественную функцию, т.е. им можно было именовать высшее божество как наивысшего из всех глав семейств. С изменением социальной структуры первобытного общества, с исчезновением патриархата эти слова стали служить лишь для выражения родственных связей.

Третий тип изменений, расширение или сужение значения слова, связан с отражением в языке классового расслоения общества. Например, когда батрачке на ферме велят пригнать *скотину,* она без колебаний понимает, что надо пригнать *коров (скотина* для нее — это прежде всего *коровы).* Здесь происходит сужение значения слова. Наоборот, др.-англ. 'хранитель хлеба' и *hldfdige* 'месящая хчеб' в современном английском языке превратились в *lord* 'господин' и *lady* 'госпожа' (при обращении к титулованным особам). Проанализировав многочисленные примеры подобного рода, Мейе приходит к выводу, что главная причина изменения значений слов заключается в существовании групп внутри языковой среды.

С социальной точки зрения Мейе стремится объяснить и звуковые изменения. Младограмматики считали, что эти изменения индивидуальны по происхождению, но затем распространились в результате подражания. Мейе же полагает, что "общество, как правило, решительно противится введению в язык индивидуальных новшеств"[237] и только те новообразования закрепляются в языке, которые могут быть усвоены обществом в целом. Он считает, что языкознание должно изучать те общие формулы языковых изменений, которые "обусловлены обстоятельствами, общими для всех или по мере для отдельных типов цивилизации

Мейе определяет три фактора языковых изменений, которые выраба¬тываются социальным употреблением языка. Прежде всего это ное развитие языка, выступающее как "результат естественной пре¬емственности поколений, использования языка и тождества стремлений и склонностей, наблюдаемого у лиц данного ряда поколений в данный период времени". Другим важным условием языкового развития он признает з а- под которым понимает как слов из одного языка в другой, так и переход слов из диалектов в общий язык. Мейе объясняет заимствования торговыми, политическими, интеллектуаль¬ными, религиозными отношениями людей. Изменения третьего типа начи¬наются тогда, когда население меняет язык. Факт смены языков приводит к явлениям если народ перенимает язык победителей и те¬ряет свой родной язык, или суперстрата, если язык побежденного народа растворяется в языке

С социологических позиций объясняет Мейе и факт смешения языков. Он считает, что ни один язык не является "чистым" с точки зрения лексики. При смешении языков сильнейшее влияние оказывает более культурный язык. Так, латинский язык воспринял греческие слова и, в свою очередь, был усвоен населением римских провинций. Что же касается грамматики, то еще не встречалось случаев, когда можно было бы объявить морфоло¬гическую систему данного языка результатом смешения морфологических систем двух разных языков.

Недостатки социологической концепции языка Мейе хорошо показаны академиком **Щербой:** "...основы своей социологии *Meillet* взял... у своею современника и коллеги официального идеолога Третьей рес¬публики XX века. Поскольку *Durkheim* по многим пунктам резко расхо¬дится с марксизмом, постольку мы должны с крайней осторожностью под¬ходить к социологическим построениям *и Meillet.* <...> Признавая за *Meillet* заслугу четкой постановки проблемы отношений между социологией и лингвистикой, нельзя, однако, считать его абсолютным новатором в этом вопросе. <...> Передовые лингвисты были несомненно вполне готовы к восприятию социологическом трактовки языка z —.

Во французском языкознании первой половины XX в. лингвистический социологизм представлен в трудах современников и последователей Мейе — Ф.Брюно, М.Граммона, А.Доза, Ж.Вандриеса, М.Коэна, Ж.Марузо и др.

§ 69. А.МЕЙЕ КАК КОМПАРАТИВИСТ

В истории языкознания А.Мейе больше известен не как теоретик, а как блестящий специалист в области сравнительной грамматики индоевропей¬ских языков. Он был необычайно силен в таких областях, как славистика, иранистика, арменистика, великолепно знал греческий и латинский языки со всеми их диалектами, албанский язык, а также ряд неиндоевропейских языков. Взгляды Мейе по вопросам сравнительно-исторического языкозна¬ния выражены в его книге "Введение в сравнительное изучение индоевро¬пейских **языков".**

Мейе предложил усовершенствовать сравнительно-исторический метод, который, по его мнению, обладает существенными недостатками. предшествующих поколений индоевропеистов были направлены на ре-

конструкцию индоевропейского праязыка. Мейе **считал**. что никакая реконструкция не сможет представить общий праязык таким, каким он действительно был, ибо "путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык", а потому "индоевропейский язык восстановить нельзя".

Задачи сравнительной грамматики — создавать историю **языков.** "Сравнение - вот единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков. Наблюдению доступны лишь результаты изменений, а не сами изменения. Следовательно, за развитием языков можно проследить и следят лишь путем сопоставления результатов"[240]. Не отрицая сравнительно-исторического метода, Мейе находит ему другое применение. Исходя из соссюровского положения о том, что язык представляет собой внутренне связанную систему, все части которой обусловливают друг друга, Мейе предлагает исследовать не отдельные факты языка, как это делали младограмматики, а сопоставлять одну языковую систему с другой.

Кроме того, Мейе считает возможным применить **сравнительно-ист<уи-**ческий метод для установления системы соответствий между различными языками. Соответствия между известными языками являются единственной реальностью, с которой сталкивается лингвист, поэтому "метод сравнительной грамматики применим не для восстановления индоевропейского языка в том виде, как на нем говорили, а лишь для установления деленной **системы** соответствий между **историчес-**ки **засвидетельствованными языками".** Установление соответствий легче всего начать с фонетики, так как соотношения между двумя языками общего происхождения подчиняются твердым, четко формулируемым фонетическим законам.

Словарный состав является самым неустойчивым элемент ,иыка. А между тем именно лексические соответствия прежде всего бросаются в глаза при сравнении языков. Зачастую соответствие слов двух языков может оказаться случайным. Чтобы избежать этой случайности, говорит Мейе, смысловое соответствие должно быть таким же точным, как и звуковое, т.е. должно подчиняться определенным закономерностям.

В области грамматики - наиболее устойчивой части языка - соответствия устанавливаются или между способами выражения между словами, т.е. между морфологическими типами (например, зависимость между двумя существительными передается либо частицей как во французском языке, либо постпозитивным -s, как в английском языке), или между различиями в формах самих слов. Мейе придавал большое значение исследованию "неправильных" форм в языке, вроде спряжения глагола *быть* (санскр. ***asmi*** 'я есмь', *santi* 'они суть'; фр. ***il*** *est, Us* ***sont;*** лат. *est,* ***sunt),*** которые имеют большую доказательную силу для установления связи между общим праязыком и языком, развившимся из него.

Рассмотрев соответствия между различными индоевропейскими языками, Мейе приходит к выводу, что "совокупность этих соответствий составляет то, что называется индоевропейским языком". Таким образом, с одной стороны, он скептически относится к факту существования индоевропейского праязыка, считая его совокупностью соответствий, а с другой — стремится установить действительный состав звуков и форм, которые характеризовали индоевропейский праязык в период его древнего

единства. Индоевропейский праязык, считает Мейе, представлял собой четко выраженный флективный язык: в нем широко использовались суффиксы, слова состояли, по меньшей мере, из двух или трех слогов, а словоизменение было разнообразным и сложным. Индоевропейский праязык состоял из диалектов, которые потом развились в самостоятельные языки. Наряду с процессом разделения индоевропейского праязыка на отдельные диалекты (так называемый процесс дифференциации) происходил и обратный процесс — объединения диалектов в общий язык (так называемый процесс унификации). История языков, по мнению Мейе, определяется сочетанием этих двух процессов. Само существование диалектов имеет огромное значение для компаративистов, ибо основой специфических особенностей, разделяющих отдельные индоевропейские языки, являются диалектные различия, имевшие место уже в индоевропейском праязыке. В итоге сравнительную грамматику индоевропейских языков Мейе определяет как "разновидность исторической грамматики в отношении тех частей языкового развития, которые не могут быть прослежены на основе документов".

Книга Мейе "Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков" имела важное значение для последующего развития компаративистики. Завершающее целый период в развитии сравнительно-исторического языкознания исследование Мейе — значительный шаг вперед в разработке основных принципов сравнительно-исторического метода, в изучении вопросов языкового родства.

ГЛАВА 13

СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ДРУГИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XX В.

§ 70. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРУКТУРАЛИЗМА

Возникновение в XX в. того направления в языкознании, которое определяется термином структурная связано прежде всего со значительными достижениями в других науках. В первой четверти XX в. физика открыла мир мельчайших частиц. Было обнаружено, что любое доступное непосредственному наблюдению явление может быть разложено на более простые составляющие элементы. Элементы какого-либо явления, вещи, процесса, взаимодействуя определенным образом, создают структуру этого явления (вещи, процесса). Таким образом, под **стру'к-** понимается характер, способ, закон связи, существующей между элементами соответствующего явления.

Бесструктурные образования в реальности существовать не могут. И структура, и элементы относятся к всеобщим характеристикам материального мира. Эта истина кажется общеизвестной. Однако понадобилось несколько тысячелетий, чтобы человеческий ум четко сформулировал проб-

лему, отказался от крайностей и поставил в центр внимания изучение структур в неразрывной связи с элементами, их составляющими. Если характерными чертами науки XIX в. были регистрация и наблюдение фактов, данных в непосредственном опыте (это представляет собой первую ступень познания), то наука XX в. стремится вскрыть сущность наблюдаемых фактов, выявить их внутренние закономерности, обнаружить связи элементов изучаемого явления, их взаимодействие и взаимовлияние. Физика познавать не только структуру кристаллов и атомов, но и структуру света. В физике, химии, биологии, психологии, экономических и других науках наблюдается тенденция к изучению структур и составляющих их элементарных частиц. В физиологии эта тенденция реализуется в развитии И.П. Павловым учения о высшей нервной деятельности, в математике - в создании в 30-х годах XX в. теории математических структур, в психологии - в развитии концепции так называемой структурной психологии.

Понятие структуры становится в XX в. одним из самых популярных (при отсутствии однозначности его интерпретации в терминологии разнЙх наук). Наиболее распространены два определения понятия структуры: 1) структура понимается как целое, состоящее, в противоположность простому сочетанию элементов, из взаимозависимых и взаимообусловленных элементов; здесь структурный подход означает изучение внутренних связей и зависимостей между элементами, составляющими данный объект; 2) структура рассматривается как явление чистой формы и чистых отношений, как форма, отвлеченная от конкретной реализации. Понятие структуры вошло и в языкознание, но оно по-разному определяется в различных направлениях современного структурализма: функциональной лингвистике, глоссематике и американской дескриптивной лингвистике.

§ 71. ПРАЖСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК (ПРАЖСКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ)

Пражская школа — одно из направлений современного структурализма. В 1926 г. по инициативе известного чешского языковеда В.Матезиуса (1882—1945) был создан Пражский лингвистический кружок. Среди представителей этого кружка — видных исследователей славянской и германской филологии, боровшихся за структурный и функциональный подход к языкознанию и литературоведению, - следует упомянуть таких чешских ученых, как Б.Трнку, Б.Гавранека, Я.Мукаржовского, Й.Вахека. Позднее к Пражскому лингвистическому кружку примкнули Й.Коржинек, В.Скаличка, Л.Новак и др. В работе Кружка принимали деятельное участие и русские лингвисты, работавшие за рубежом: Н.С.Трубецкой (1890-1938), СО. Карцевский (1884-1955) и Р.О. Якобсон (1896-1982). Пражский лингвистический кружок издавал серию своих "Трудов", а с 1935 г. - периодический журнал "Slovo a slovesnost". На заседаниях Кружка выступали многие зарубежные, в том числе советские, языковеды. Теоретические взгляды членов Пражского лингвистического кружка, объединенных интересом к проблемам общего языкознания, изложены в "Тезисах Пражского лингвистического кружка", предложенных I Международному съезду славистов (Прага, 1929).

Как и другие направления структурализма, Пражская школа с самого начала противопоставила свою лингвистическую концепцию положениям младограмматического направления, для которого характерен историзм, атомизм, индуктивный метод исследования языковых фактов. Но представители Пражской школы совершенно справедливо указывали, что пренебрежение к наследию младограмматиков было бы ошибкой. Основатель Пражского лингвистического **кружка** Матезиус в статье "Задачи сравнительной фонологии" пишет: "Функциональное и структурное языкознание является полноправным наследником школы **младограмматиков"**[2,*1]. Основные различия между младограмматическим направлением и Пражской школой он сводит к следующим моментам: "Историческая школа младограмматиков утверждала, что чем древнее языковая стадия, тем она ценнее, поскольку она вскрывает глубокие исторические корни последующих стадий. Новая лингвистическая школа... опровергает это положение и утверждает, что только современный язык может дать нам полную, искусственно ничем не упрощенную картину языковой системы. <...> Историческая школа младограмматиков выработала в качестве весьма эффективного инструмента своего исследования особый сравнительный метод, но внесла при этом очень важное ограничение. Согласно этому методу, сравниваются родственные языки, чтобы установить общий встречающихся в них явлений. В лингвистике функциональной и структурной... сравниваются также и неродственные языки".

Строя новую лингвистическую теорию, пражские языковеды восприняли и развили, с одной стороны, некоторые положения Ф. де Соссюра, с дру- — русскую лингвистическую традицию, представленную работами ИА Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, **А.А.** Шахматова и др. "Функциональная и структуральная точки зрения [Пражской школы. — *Ф.Б.\,* — писал Матезиус в статье „Куда мы пришли в языкознании", - основанные на идеях Бодуэна де Куртенэ и Фердинанда де Соссюра, ныне являются единственной теорией, представляющей для языкознания будущего такую плодотворную базу"[242]. Выдающийся швейцарский лингвист Ф. де Соссюр выдвинул важную в методологическом отношении идею о необходимости различения в языкознании диахронической (динамической) и синхронической (статической) точек зрения. В русском языкознании об этом же говорили Н.И. Греч, А А. Потебня, ИА Бодуэн де Куртенэ. Однако **только.** де Соссюр придал этой идее характер стройной лингвистической концепции.

Но де Соссюр противопоставлял синхронию диахронии. Пражские же структуралисты отвергли это неправильное положение: "...нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала Женевская школа, — говорится в „Тезисах Пражского лингвистического кружка". - Если в синхронической лингвистике элементы системы языка рассматриваются с точки зрения их функций, то о претерпеваемых языком изменениях нельзя судить без учета системы, затронутой этими изменениями. <...> Диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функции, но, напротив, без учета этих понятий является неполным". Одно из крупнейших достижений Пражской школы — признание того, что системный, структурный анализ необходим и в области диахронии, хотя большинство чешских языковедов ограничивалось

изучением современного состояния того или иного языка. Но, как указывает Вахек, "предпочтительное внимание, которое Пражская школа уделяла в предвоенные годы синхронии, никоим образом не было показателем антиисторического уклона. В действительности демаркационная линия между пражской и доструктуралистскими (в основном неограмматическими) концепциями языка отделяла не синхронию от диахронии, а структурный подход к языку от предшествующего ему атомистического".

Пражские структуралисты восприняли и творчески переработали также соссюровскую концепцию языка и речи. Де Соссюр полагал, что язык (langue) представляет собой нечто общее и постоянное, существующее в сознании всех членов данной языковой общности, в отличие от речи (parole), которая всегда конкретна и приурочена к определенному месту и времени. Трубецкой считал, что эти два аспекта языкового процесса настолько разнородны, что их звуковую сторону должны изучать разные науки: "...учение о звуках речи, имеющее дело с конкретными явлениями, должно пользоваться методами естественных наук, а учение о звуках языка в противоположность этому — чисто лингвистическими метопами... Мы будем называть учение о **звуках** речи **фонетикой,** а учение о звуках языка — **фонологией"**[2^3].

В области грамматики соссюровскую дихотомию "язык — речь" поддержал Скаличка. Понимая под грамматикой все, что относится к сфере языка (за исключением фонологии), он считал, что составляет собственный объект структурной грамматики, отличающейся в этом отношении от описательной (дескриптивной) грамматики, которая имеет дело с Но некоторые пражские лингвисты по-иному понимали соотношение между языком и речью. Так, Коржинек полагал, что "соотношение между языком и речью представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией, т.е. научной интерпретацией фактов, с одной стороны, и определенными явлениями действительности, составляющими объект этого анализа, абстракции и т.д., — с другой".

На оформление взглядов сторонников Пражской школы сильное влияние оказали мысли Бодуэна де **Куртенэ** о функционализме языка и важности синхронного описания языка, его сравнительно-типологические исследования и особенно выдвинутое им понятие фонемы. Понятие функции пражские лингвисты развили в представление о языке как о функциональной системе, т.е. "системе средств выражения, служащей какой-то определенной цели". (Термин "функция" пражские языковеды понимают, конечно, не в математическом смысле — как выражение строгой зависимости, а как целевую установку речевого высказывания.) Введение понятия функции привело к установлению так называемой телеологической (т.е. целевой) точки зрения, согласно которой любое языковое явление следует оценивать с точки зрения той функции, которую оно выполняет, и той цели, к которой оно направлено.

Этот функционализм Пражской школы, обоснованный в **20-е** годы Р.Якобсоном, был подтвержден в 1958 г. в тезисах, представленных Б.Гавранеком, К.Горалеком, В.Скаличкой и П.Тростом IV Международному съезду славистов: "Лингвистическая концепция Пражской школы имеет

две особенности, которые обе одинаково важны и соответствуют тому новому, что внесла Пражская школа в лингвистику. Это прежде всего структ- пражские языковеды вводят в лингвистическую проблематику проблему структуры — проблему структурного характера языка и взаимосвязанности его частей. Во-вторых, и об этом не следует забывать, пражская лингвистика является функциональной. Термин „функция" означает здесь, разумеется, задачу, а не зависимость"[244]. Таким образом, структурность и функциональность являются двумя характерными особенностями Пражской школы. Вот почему Пражскую школу называют также школой функциональной лингвистики.

Мы уже отмечали, что при выделении внешней и внутренней лингвистик Бодуэн де Куртенэ говорит о соотношении литературного языка и народных говоров. Иными словами, он выступил против обособления языка от внеязыковой действительности. Пражские ученые продолжили эту линию. Представители Пражской школы всегда утверждали, что ни один язык не существует в вакууме; язык существует в языковом коллективе, коммуникативные и экспрессивные нужды которого он призван обслуживать. Поскольку отбор языковых средств в конкретных языковых высказываниях зависит от цели высказывания, постольку "изучение языка требует в каждом отдельном случае строгого учета разнообразия лингвистических функций и форм их реализации". Различные цели высказывания определяют функции языка.

В "Тезисах Пражского лингвистического кружка" выделяются две основные функции речевой деятельности: социальная функция (связь с другими индивидуумами) и экспрессивная функция (выражение эмоций; говорящий либо стремится вызвать у слушателя известные эмоции, либо выражает эмоции вне связи со слушателем). В своей социальной функции речевая деятельность различается в зависимости от связи с внелингвистической реальностью, и здесь выделяются еще две функции: функция когда все внимание говорящего направлено на передачу определенного содержания, и поэтическая функция, когда внимание обращено на форму сообщения, на то, как говорится, а не на то, что говорится. При использовании языка в коммуникативной функции на помощь ему приходят жесты, обстановка, прошлый опыт людей, т.е. внеязыковые элементы. Такой язык пражские лингвисты называют практическим языком. Но бывают случаи, когда в той же функции общения язык пытается стать не зависящей от ситуации системой, стремится быть полным, точным. Такой язык можно назвать языком или языком формулировок (ср. язык научной литературы).

Далее пражские языковеды сделали следующий вывод: если существуют разные функции речевой деятельности, им должны соответствовать разные функциональные языки ("каждая функциональная речевая имеет свою систему — язык в собственном смысле"). Они отмечают следующее соотношение меж-

ду функциями литературного языка и функциональными языками:

«Фикции литературного языка			Функциональные языки
а) коммуникативная	1		а) разговорный
б) практически специальная	I	язык	б) деловой
в) теоретически специальная	Г	сообщений	в) научный
г) эстетическая	J		г) поэтический

Разработка теории функций языка и связанных с ними функциональных различий литературного языка занимала значительное место в теории и практике представителей Пражского лингвистического кружка. В частности, Гавранек, рассматривая функциональное расслоение литературного языка, указывал на необходимость четко отличать литературный язык от бытового ("народного") языка. Литературный язык делится на несколько функциональных стилей, различающихся прежде всего лексикой и синтаксисом. Идеи пражских языковедов о противопоставлении литературного языка "народному" языку в определенной степени пробудили интерес к изучению той специфической роли, которую играет язык в литературном художественном произведении. Но при таком заманчивом, на первый взгляд, функциональном подходе к выделению различных языков нарушается единство национального языка. Поэтому современные продолжатели пражских традиций считают, что автономность этих функциональных языков была Особенно это касалось поэтического языка (языка художественной литературы), который противопоставлялся практическому языку.

На выделении пражскими лингвистами поэтической (или эстетической) функции языка сказалось влияние на них русских 20-х годов XX в., которые бедность и неясность содержания своих произведений прикрывали изобилием формальных элементов. Отражение этой связи мы находим в пражской теории об актуализации языковых средств, характеризующей поэтический язык, в отличие от автоматизации языковых средств, типичной для коммуникативного языка. В статье "Задачи литературного языка и его культура" **(1932)** Гавранек пишет: **"Под автоматизацией мы** понимаем такое использование языковых средств, изолированных или взаимно связанных между собой, которое является обычным для определенной задачи выражения, т.е. такое использование, при котором выражение само по себе не привлекает внимания... Под напротив, мы понимаем такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма, деавтоматизированное, как, например, живая поэтическая метафора". Поясним это на примере. В русском языке существует автоматизированная (омертвевшая) метафора *голубка* — ласковое обращение к женщине. Называя кого-то *голубкой,* мы не думаем при этом о птице. Ср. у **А.С.** Пушкина*:

дней моих суровых, Одна в глуши лесов сосновых
Голубка дряхлая давно ты ждешь

Актуализацию этой метафоры, ее оживление мы находим в поэме Пушкина "Полтава":

Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полну наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старьш коршун, заклевал!..

Слова *коршун, заклевал* актуализировали в этом отрывке стершуюся метафору. Пражские языковеды и рассматривали поэтический язык как организованное, систематическое нарушение языковых норм, используемое для достижения специальных целей.

Функциональный подход к языку нашел отражение в практической деятельности участников Пражского лингвистического кружка, особенно в теоретическом обосновании проблемы культуры языка. "Культура языка — это забота о развитии в литературном как **ном,** так и **книжном,** тех **качеств, которые необходимы** ввиду особой функции литературного языка. Первым из этих качеств является **устойчивость:** литературный язык должен избавиться от всех ненужных колебаний... Второе качество - **способность** ясно и **точно,** тонко и без труда **выражать самые разнообразные** оттенки **значений.** Третье качество- своеобразие **языка,** т.е. усиление тех черт языка, которые обусловливают его специфику"[245]. Значение работ пражских лингвистов в области культуры языка заключается в том, что они заложили основы теории нормативно-лингвистической деятельности.

§72. ПРОБЛЕМЫ ФОНОЛОГИИ И МОРФОНОЛОГИИ

В конце 20 — начале 30-х годов большинство исследований пражских лингвистов было посвящено фонологии - новой лингвистической дисциплине, созданной русским ученым Н.С. Трубецким. Прослушав курсы по языкознанию в Московском университете (их читали ученики Ф.Ф. Фортунатова - профессора М.М. Покровский, В.К. Поржезинский, В.Н. Щепкин), Трубецкой заинтересовался изучением вокалических систем различных языков. Как он сам пишет, он привел в ясность все вокалические системы, которые знал наизусть (всего 34), и попытался сравнить их друг с другом. При сравнении этих систем Трубецкой исходил из соссюровской дихотомии "язык — речь" и вытекающего из этой дихотомии положения о различии фонетики и фонологии. Учение о звуках речи, имеющее дело с конкретными физическими явлениями и пользующееся методами естественных наук, Трубецкой называет а учение о звуках языка, общих и постоянных у всех членов данной языковой общности, - **фонологией.**

"Единственной задачей фонетики, — пишет Трубецкой, — является ответ на вопрос: „Как произносится тот или иной звук?" Ответить на этот вопрос можно лишь точно указав, как звучит тот или иной звук... и каким образом, т.е. благодаря какой работе органов речи, достигается этот акустический эффект. <..> Методы фонетики являются естественнонаучными. <...> Особенно характерно для фонетики полное исключение какого бы то ни было отношения исследуемых звуковых комплексов к языковому значению. <...> Тем самым фонетику можно определить как науку **о материальной стороне** (звуков) человеческой речи. <...>

Фонология должна исследовать, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми различиями, каковы соотношения различительных элементов (или „примет") и по каким правилам они сочетаются друг с другом в слова (и соответственно в предложения). <...> Фонология должна применять, скорее, те же методы, какие используются при исследовании грамматической системы языка. <...> Фонолог должен принимать во внимание только то, в составе звука несет определенную функцию в системе языка". .

Строгое разграничение фонетики и фонологии необходимо по существу и осуществимо практически, заключает Трубецкой свое доказательство необходимости различения этих дисциплин. "Основы фонологии" Трубецкого **(1939;** работа, к сожалению, не завершена) можно назвать первой фонологической энциклопедией XX в. В этой небольшой книге исследуются фонологические системы более **100 языков;** автор подвергает анализу все основные понятия фонологии: фонемы, ее признаков, оппозиции фонем, позиции нейтрализации противопоставленных фонем, сочетания фонем и их положения в системе языка.

Богатая фактами, фонология потому пользовалась преимущественным вниманием пражских лингвистов, что, как отмечал В.Матезиус, "плодотворность и гибкость новой точки зрения и новых методов проверяется прежде всего на звуковой стороне языка, и фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков".

Так как фонология изучает то, что в составе звука несет определенную функцию, Трубецкой разделяет ее на три части, предметом которых являются кульминативная (вершинообразующая) функция звука (указывающая, какое количество слов и словосочетаний содержится в предложении; сюда относится, например, главное ударение в словах немецкого языка), делимитативная (разграничительная) функция (указывающая **границу** между двумя единицами: морфемами, словами, устойчивыми словосочетаниями) **и** дистинктивная (смыслоразличительная) функция звука.

В "Основах фонологии" Трубецкой подробно рассматривает делимитативную и особенно дистинктивную функции, ибо "различение языковых единиц осуществляется исключительно с помощью таких звуковых признаков, наделенных смыслоразличительной (дистинктивной) функцией. Напротив, признаки звука, наделенные кульминативной и делимитативной функциями, не являются абсолютно необходимыми для языковых единиц". На первое место в учении о смыслоразличении Трубецкой выдвигает понятие оппозиции - фонологической и нефонологической: "Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, мы называем **фонологическими** (или **фонологически-дистинктивными,** или **смыслоразличительными)** оппозициями. Наоборот, такие звуковые противоположения, которые не обладают этой способностью, мы определяем как **фонологически несущественные,** или **несмыслоразличительные**". Например, в русском языке оппозиция гласных [о] и [а]

является фонологической, так как есть ряд слов, различающихся только этими звуками *(мол - мал, дом - дам).* Наоборот, нефонологической для русского языка является оппозиция лабиализованного (огубленного) **[сЦ** *(1* - показатель огубленности) в слове *суд* нелабиализованному [с] **.в** слове *сад,* так как эта оппозиция не играет роли в различении слов.

Если мы возьмем такие фонологические оппозиции, как *там — дам, руки — руки,* то для них характерно наличие, по крайней мере, двух членов (глухость ~ звонкость, первый неударный слог — второй ударный слог). Члены такой оппозиции называются фонологическими **единицами,** которые могут значительно отличаться друг от друга по объему. Так, **противопоставленные** • слова *дом - путь* различаются полностью, *столяр — маляр* различаются только первыми слогами, а слова *дал — зал* — начальными звуками. В этих примерах фонологические единицы разлагаются на ряд следующих друг за другом более мелких фонологических единиц. При таком делении мы приходим к мельчайшим фонологическим единицам, которые далее уже не удается раздробить. Фонологические единицы, которые, с точки зрения данного языка, невозможно разложить на более мелкие фонологические единицы, Трубецкой называет **фонемами.**

Это определение фонемы основывается на фонологических оппозициях звуковых признаков (артикуляторных и акустических - смыкание положение спинки языка, отсутствие колебаний голосовых связок, тембровой окраски и т.д.). Такие признаки, которые входят в состав фонологических оппозиций, Трубецкой называет фонологически существенными признаками. Так, акустический признак глухость ~ звонкость в *ток док* становится фонологически существенным признаком, поскольку он различает значения слов. И наоборот, звуковые отличия, которые не могут различать значения слов, являются фонологически несущественными признаками. Так, положение языка при произнесении русск. [и] и [ы] само по себе не влияет на значение слова, и поэтому различие переднего и среднего ряда фонологически несущественно. В связи с этим Трубецкой дополняет данное ранее определение фонемы: "Фонема - это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию".

Фонема не совпадает с конкретным под которым Трубецкой понимает "совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, **где** реализуется фонема". Звуки никогда не являются фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одного фонологически несущественного признака, что для звука речи фактически неизбежно. Конкретные звуки являются, скорее, материальными символами фонем. Отсюда следует, что фонема может реализоваться в ряде различных звуков. Такие физически различные звуки, в которых реализуется одна и та же фонема, Трубецкой называет вариантами **фонемы.** Например, в словах *кон — конь* имеется одна фонема <н>, реализуемая твердым [н] и мягким [н'], которые являются вариантами этой фонемы, огубленное **[дй]** в слове *дупло* и [д] с боковым взрывом в слове *длань* являются вариантами фонемы <д>. Пражские лингвисты **выделяют обязательные,** факультативные и индивидуальные варианты фонем.

Обязательные варианты фонем, в свою очередь, могут быть трех видов: позиционные, комбинаторные и стилистические. **Позицион-** варианты зависят от положения фонемы относительно ударения, характера слова, мелодики речи и т.д. Например, краткие безударные и более долгие ударные гласные в русском языке являются позиционными вариантами; ср. фонему <о> в разных позициях: *год* [гот], ***года*** **[гЛда],** *годовой* **[гъдЛврП.** **Комбинаторные** варианты фонем возни¬кают в результате взаимодействия фонем в потоке речи. Например, сосед¬ство с палатализованными согласными обусловливает разные варианты фонемы <е>, различающиеся по степени подъема; ср. *сеть* [с'ет'] и *шест* [шест]. Стилистические варианты фонем определяются разными стилями произношения. Обычно различают два стиля речи — полный и раз¬говорный, различие между которыми иллюстрируют такие примеры, как *здравствуйте*и *здрасте, человек* и *чек* [чеаек], *говорит* и *грит.*

варианты фонем часто возникают в результа¬те диалектных различий ("если в том или ином языке два звука встреча¬ются в одной и той же позиции и могут замещать друг друга, не меняя при этом значения слов, то такие звуки являются факультативными вари¬антами одной фонемы"). Примером факультативных вариантов фонем может служить взрывное и фрикативное произношение **<г>** в слове *го-род* - **[го'рэт]** и **[торэт] .**

Индивидуальные варианты фонем обусловливаются особеннос¬тями речи отдельных людей, например раскатистое и "картавое" произно¬шение <р>.

Делая упор на семантическую функцию фонем, Трубецкой не решил проблемы взаимоотношения фонем и их вариантов, а также не объяснил соотношения этих понятий фонологической теории с членами дихотомии "язык — речь".

Трубецкой считает, что для определения фонологического содержания фонемы необходимо включить ее в систему фонологических оппозиций, ко-торьк обнаруживают определенный порядок, или структуру. Поэтому в его фонологической теории важное место занимает классификация оппозиций. Основаниями классификации фонологических оппозиций являются: 1) их отношение ко всей системе оппозиций в целом, 2) отношения между чле¬нами оппозиции, 3) объем их смыслоразличительной силы. При классифи¬кации оппозиций по их отношению ко всей системе оппозиций в целом Тру¬бецкой учитывает не только различительные, но и общие признаки, кото¬рые являются основанием для сравнения. По этому принципу он различает два типа оппозиций:

1) **одномерные** (совокупность признаков, которыми обладают в равной мере оба члена оппозиции, присуща только **этим** двум членам оппо¬зиции и не присуща никакому другому члену той же системы): например, <в — ф> — единственная в русском языке пара губно-зубных щелевых;

2) **многомерные** (совокупность общих признаков не ограничи-вается только членами данной оппозиции, а распространяется также и на другие члены той же системы): например, оппозиция нем. **<d** — b> **много¬**мерная, поскольку то общее, что обнаруживается у этих фонем, а именно образование слабой смычки, повторяется и в фонеме <g>.

Различие между одномерными и многомерными оппозициями Трубецкой иллюстрирует на примере букв латинского алфавита. Противоположение букв *E* и *F* в нем одномерно, поскольку совокупность черт, общих этим двум буквам' (вертикальный стержень и два горизонтальных направленных вправо штриха, один из которых укреплен на верхнем конце стержня, а другой посредине не повторяется в других буквах латинского алфавита. Напротив, противоположение букв является многомерным, так как совокупность общих черт (направленная вправо петелька в верхнем конце вертикального стержня), помимо этих двух имеется еще в букве *B*.

В любой системе оппозиций многомерные противоположения количественно превышают одномерные. система согласных немецкого языка в их литературном произношении содержит 20 фонем и возможных оппозиций. Среди них только 13 оппозиций одномерны, а все прочие оппозиции (т.е. 93% всей системы) многомерны. Есть фонемы, вообще не участвующие в одномерных оппозициях. Например, англ. <h> не связана с какой-либо другой согласной фонемой так тесно, чтобы отличаться от нее только одним признаком; эта фонема оказалась полностью изолированной в фонологической системе современного английского языка. Выявление фонем, не включенных в систему, пражские лингвисты рассматривают как вклад Пражской школы в мировые фонологические исследования.

Фонологические оппозиции, в свою очередь, делятся по различию признаков на пропорциональные и изолированные. Оппозицию называют про- если отношение между ее членами тождественно отношению между членами какой-либо другой оппозиции. Так, оппозиция русск. <п — б> пропорциональна, поскольку отношение между <п> и <б> является тождественным отношению между <т> и <д> или <к> и <г> (глухость ~ звонкость) и может быть представлена в виде пропорции: <п:б> = <т : д> = <к : г>. Наоборот, оппозицию называют изолированной, если в фонологической системе различительные признаки, характерные для членов данной оппозиции, не встречаются в других оппозициях. Например, оппозиция русск. <п — ш> является изолированной, поскольку в русском языке нет другой пары фонем, члены которой находились бы в таких же отношениях, как <п> и <ш>.

Различие между пропорциональными и изолированными оппозициями может иметь место как в одномерных, так и в многомерных оппозициях. Например, оппозиция русск. <п — б> одномерная (общее основание для сравнения - губно-губное произношение) и пропорциональная; <р - л> одномерная (боковые сонанты) и изолированная; <п - т> многомерная (общий признак глухость, как в с> и других фонемах) и пропорциональная (ср. <б - д>); <п - ш> многомерная и изолированная. Трубецкой отмечает, что в любой системе изолированные оппозиции гораздо многочисленнее пропорциональных. Так, в немецкой системе согласных из 190 оппозиций только 40 оппозиций пропорциональны, а 150 оппозиций являются изолированными.

При классификации оппозиций по отношению между их членами выделяют следующие типы:

1) привативные, т.е. такие, когда один член оппозиции отличается от

другого наличием ~ отсутствием различительного признака, например, звонкий - незвонкий, носовой - неносовой, губной - негубной; этот тип оппозиций исключительно важен для фонологии; член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называют а член оппозиции, у которого признак отсутствует, —

2) (ступенчатые), члены которых характеризуются различной степенью, или градацией, одного и того же признака; например, различные степени раствора у гласных *(ср:.бип - бел, мол - мел* и т.д.);

3) **эквиполентные** (равнозначные), когда оба члена оппозиции логически равноправны, т.е. в одинаковой степени маркированы (ср.: *пир - тир, фара - кара* и т.д.). Эквиполентные оппозиции **самые** частые в любом языке.

Наконец, но объему смыслоразличИтельной силы оппозиции делят на (если действие различительного признака не например, оппозиция по назализации, ср. *там - нам)* и **нейтрализуемые** (если в определенных позициях различительный признак лишается фонологической значимости; например, оппозиция глухости ~ звонкости в русском языке, так как на конце слова этот признак утрачивает свою значимость, ср. *пруд - прут).*

Разработанное Трубецким понятие нейтрализации - одно из основных в его фонологической теории. С ним связано понятие (сейчас этот термин не употребляется), под которой понимается совокупность для двух фонем; например, русск. <н/н'> *(кон — конь).* Из этого следует, что нейтрализоваться могут только одномерные оппозиции, т.е. при нейтрализации совпадают две фонемы.

Фонемы, которые образуют одновременно одномерные, пропорциональные и привативные оппозиции, связаны между собой наиболее тесно, и такую оппозицию называют Например, в русском языке оппозиции глухих ~ звонких согласных являются одновременно одномерными (каждая пара согласных, соотносительных по глухости звонкости, встречается в фонологической системе только один раз), пропорциональными (отношение глухость ~ звонкость повторяется в ряде других оппозиций) и привативными (наличие ~ отсутствие признака звонкости).

Логическая классификация фонологических оппозиций, разработанная Трубецким на основе фонетической характеристика фонем, имеет не только "эстетическую" ценность, но чрезвычайно важна при решении некоторых практических задач, так как она помогает установить фонематическую значимость той или иной фонемы.

В качестве особого раздела фонологии Пражская школа выделяла морфологическую фонологию, или **морфонологию.** Идеи ИА Бодуэна де о регулярном чередовании фонем в разных вариантах одной и той же морфемы (теория альтернаций) были развиты Трубецким в статье "Некоторые соображения относительно морфонологии" (1931). Под морфонологией (или морфофонологией) он понимает исследование морфологического использования фонологических средств какого-либо языка; например, чередование фонем <е/о>, <с/ш> для создания морфологических форм ***цесу*** - *ноша.* Морфонология, по мнению Трубецкого, должна

занять достойное место в грамматике любого языка как связующее звено между морфологией и фонологией.

Объектом морфонологии является исследование фонологической структуры морфем, изучение комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях, и, наконец, изучение звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию. Такие чередующиеся фонемы, как <г/ж>, <к/ч> в формах *бегу - бежишь, пеку - печёшь* и т.п., позволили Трубецкому ввести понятие **морфонемы,** которая определялась как сложный комплекс, состоящий из двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга внутри одной и той же морфемы (например, морфонема <к/ч> в комплексе *рук — рука — ручной).* Однако невозможность определения морфонемы в терминах дифференциальных признаков привели к тому, что этот термин в настоящее время переосмыслялся и обозначает совокупность фонем, чередующихся в одной морфеме.

Каковы бы ни были отдельные недостатки пражской фонологической концепции, следует признать, что постановка вопроса о смыслоразличительной ценности фонем в их противопоставлениях, выяснение их оппозиций и условий нейтрализации привели к созданию фонологии как особой научной дисциплины.

§ 73. ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАЖСКИХ ЛИНГВИСТОВ В ОБЛАСТИ ГРАММАТИКИ

Представители Пражской школы выдвинули своеобразную концепцию деления науки о языке. Вместо обычных разделов языкознания - фонетики, лексикологии, грамматики (морфология и синтаксис) - пражские ученые предусматривают исследование слова и устойчивых сочетаний слов, входящее в теорию лингвистической **номинации.** В ее сферу включается анализ языковых явлений, которыми занимаются традиционная морфология (словообразование), синтаксис в узком смысле слова (значение частей речи и форм слов) и семантика.

Предметом второго выделяемого пражскими лингвистами раздела языкознания — теории синтагматических способов — являются сочетания слов, возникающие в результате синтагматической деятельности. Синтагматика (линейность речи, проявляющаяся в том, что языковое высказывание осуществляется во времени, когда один элемент последовательно следует за другим), или функциональный синтаксис, в понимании пражских языковедов не соответствует традиционному синтаксису, так как изучает прежде всего типы сказуемого, учитывая при этом функции и формы грамматического подлежащего. Они считают, что функция подлежащего лучше всего может быть выявлена при сравнении актуального членения предложения на тему и высказывание с формальным членением предложения на подлежащее и сказуемое.

И наконец, **морфология,** представляющая собой, по мнению пражских лингвистов, теорию системы форм слов и их групп; морфология Не существует самостоятельно, а перекрещивается как с теорией номинации, так и с теорией синтагматических способов.

Функциональный подход к исследованию синтаксических проблем

представлен прежде всего работами В.Матезиуса ("О так называемом актуальном членении предложения", 1947; "Основная функция порядка слов в чешском языке", 1947, и др.). **в** которых разрабатывается проблема отношения предложения к конкретной ситуации высказывания. Именно с этой проблемой связана теория Матезиуса об актуальном членении предложения, явившаяся важнейшим вкладом Пражской школы в исследование синтаксиса.

В основе этой теории, учитывающей старые психологизированные теории структуры предложения (ср. выделение психологического подлежащего и сказуемого у младограмматиков), лежит мысль о противопоставлении формального членения предложения на грамматические элементы (подлежащее, сказуемое, второстепенные члены предложения и т.д.) так называемому актуальному членению предложения, которое учитывает семантическое строение предложения, его функциональную перспективу. Вот что пишет Матезиус по этому поводу: "Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения — это исходная точка [или основа.- *Ф.Б.]* высказывания [тема в ранних работах Матезиуса. — *Ф.Б.],* т.е. то, что является в данной ситуации известным [психологический субъект, по терминологии младограмматиков. — или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т.е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания [психологический предикат, по терминологии младограмматиков. — *Ф.Б.]".* Матезиус справедливо отмечает, что психологическая окраска обоих терминов у младограмматиков привела к тому, что проблема членения предложения выпала из поля зрения лингвистов, хотя различие между актуальным и формальным членением предложения является одним из характернейших явлений языка. Так, в зачине некоторых русских сказок *Жили-были дед да баба, была у них курочка ряба* первое предложение является яДром высказывания по отношению к бытийному контексту, конкретной ситуации; второе предложение оказывается ядром высказывания по отношению к первому предложению, так как во втором предложении сообщается что-то новое о деде с бабой. В отрывистой повседневной речи картина актуального членения предложения гораздо богаче, чем в литературном языке, потому что в житейской ситуации больше тем высказывания, относительно которых сообщается что-то новое. Достоинством теории актуального членения предложения является то, что здесь нет логико-психологической интерпретации предложения, вместо которой вводится собственно языковой аспект, исходящий непосредственно из коммуникативной функции предложения как единицы сообщения.

Другая особенность грамматических работ пражских лингвистов - использование в исследованиях по грамматике методов, разработанных в фонологии. Речь идет не о приложении фонологических приемов к исследованию грамматики, а о признании изучения значения основой грамматичес-

ких исследований, подобно тому как основным понятием фонологии является смыслоразличительная функция фонемы.

В.Скаличка в работе "О грамматике венгерского языка" (1935) пытается исследовать явления используя достижения фонологии. В центре его грамматической теории - поиски минимальной единицы, составляющей основу грамматической системы. Скаличка считает недоказанным, будто в языке действительно существует противопоставление формы и значения. Раз это так, то надлежит искать не морфологический, а грамматический элемент и для грамматики морфема не может считаться неделимым целым. Например, в слове *печки* морфема *-и* является показателем не только множественного числа, но и винительного падежа. У английских слов *foot - feet, tooth - teeth* явно две функции: 1) функция семантемы - 'нога', 'зуб' и 2) функция числа - единственное и множественное. Такому разделению в других примерах соответствуют две различные "морфемы": *handed* 'рука' и *hand* Is **'руки'.** "В связи с этим, - пишет Скаличка, - мы имеем право сказать: в грамматике существуют мельчайшие неделимые единицы, которые можно назвать семами". **Сема** обычно выражается непрерывным рядом **фонем, т.е.** морфемой. Сема - это одновременно и формальный, и функциональный, другими словами грамматический, элемент.

Большинство языковедов считают, что сема является не основным элементом грамматического строя языка, а компонентом содержания морфемы, ее не с фонемой, а с различительным признаком. Использование различительных признаков в грамматике характерно и для работы Р.О. Якобсона "Очерк общего учения о падеже" (1936). Система падежей представлена здесь как совокупность трех различительных признаков, образующих общее значение падежа. Якобсон выделяет следующие признаки падежей - общие семантические знаменатели:

1) направленность ~ ненаправленность этот признак указывает направленность действия на предмет (винительный, дательный и местный падежи) или от предмета (отложительный падеж); отсутствием признака направленности характеризуются именительный, родительный и творительный падежи;

2) объемность - необъемность **действия;** этот признак указывает на то, что имя которого стоит в данном падеже, может принимать участие в действии в разном объеме (родительный и местный падежи);

3) периферийность - непериферийность **действия;** признак периферийности указывает на то, что данному предмету в определенном падеже в данном высказывании отводится побочная, второстепенная роль, в отличие от основных (непериферийных) в высказывании. Например, в высказывании *Я читал вечером к* главный смысловой акцент падает на объект действия, т.е. на словоформу *книгу,* которая тем самым является формой основного, а не периферийного падежа. Наоборот, словоформа *вечером* обозначает признак времени и не столь существенна для данного высказывания. Это **видно-** из того, что данный признак мы можем заменить другим без ущерба для общего смысла высказывания *[Я читал вечером (дорогой, ребёнком) эту книгу;* формы *дорогой, вечером, ребёнком* даны в периферийном падеже]. К периферийным

падежам относятся дательный, местный и творительный; к непериферийным - именительный, винительный и творительный.

Признаки направленности, объемности и периферийное™, вместе взятые, могут характеризовать до $2^3 = 8$ падежей (двойка означает основание по 2 — наличие признака, обозначаемое знаком +, или его отсутствие, обозначаемое знаком -). Для падежей русского языка эти признаки распределяются следующим образом:

Признак	Падеж					
	именительный	родительный	дательный	винительный	творительный	предложный
Направленность	–	0	+	+	–	0
Объемность		+	–			+
Периферийность	–	–	+	–	+	+

Примечание. Знак 0 означает, что данный признак не имеет отношения к указанному падежу.

Но реальные языковые факты показывают, что тот или иной различительный признак не является общим семантическим знаменателем для всех конкретных употреблений данного падежа. Так, в словосочетаниях *швырять камнями* и *швырять камни* значение творительного падежа полностью совпадает со значением винительного, а между тем в винительном падеже признак периферийности отсутствует.

Следует отметить, что среди представителей Пражской школы нет единства по вопросу о возможности исследования фонологии и грамматики едиными методами. Некоторые фонологические понятия оказываются непродуктивными в области грамматики.

§ 74. ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗОВ

Деятельность представителей Пражской школы способствовала оживлению интереса к типологическому изучению языков. Первые типологические классификации языков были, по сути, морфологическими, т.е. классификациями, основывающимися на морфологической структуре слова (достаточно вспомнить морфологические классификации языков В.Гумбольдта и А.Шлейхера). Однако тогда классифицировали языки на основе нескольких морфологических критериев, зачастую выбранных субъективно. Поэтому эти классификации были ограниченны и односторонни. Недостатки морфологической классификации языков стали отчетливо видны в конце XIX в. Уже ИА Бодуэн де Куртенэ считал ее неточной, поскольку она не учитывала большого количества языков и исходила из неверного предположения об исторической последовательности перехода низшего морфологического типа в высший, каковым будто бы является флексия. Он предложил старую морфологическую классификацию языков заменить их типологическим изучением, т.е. выяснением сходств и различий между родствен-

ными и неродственными языками. Языковедческие исследования в этом направлении успешно вели ИЛ. Бодуэн де Куртенэ и В.А. Богородицкий, которые указывали на связь типологического изучения со сравнительно-историческим методом.

Пражские лингвисты заимствовали и развили идеи типологического изучения языков именно в том плане, в каком они уже разрабатывались в русском языкознании. В "Тезисах Пражского лингвистического кружка" отмечается необходимость исследования разнородных языковых систем при изучении эволюции языков: "Ценный материал для такого рода сравнения мы находим не только в неродственных или отдаленно родственных языках, различных по своей структуре, но и в языках одной семьи, например, в славянских, обнаруживающих в ходе своей эволюции наряду с многочисленными и существенными соответствиями также и резкие различия".

В.Матезиус, В.Скаличка и другие лингвисты считали, что системный анализ любого языка должен проводиться на строго синхронной основе и с помощью типологического (по их ранней терминологии — аналитического) сравнения, т.е. посредством сравнения языков различного типа без учета их родственных связей. Разработка фонологических проблем создала, по их мнению, прочную теоретическую базу для типологических исследований. Подобно тому как в комбинации фонем можно выявить определенные фонологические типы, нечто подобное характерно и для грамматики. Вот эти фонологические и грамматические типы родственных и неродственных языков и изучаются путем сравнения для выявления общих закономерностей развития языков.

Работы пражских лингвистов, показавших, что иногда группы соседних языков обнаруживают сходные черты, даже если они принадлежат к генетически разным языковым семьям, привели к возникновению понятия языкового союза, противопоставленного понятию языковой семьи. В русском языкознании проблема языковых союзов также впервые была поставлена Бодуэном де Куртенэ.

союзом называют группу географически смежных неродственных (или, во всяко.м случае, не близкородственных) языков, обладающих существенными сходными чертами в синтаксической, морфологической или фонологической структурах. Классическим примером языкового союза является балканский языковой союз, включающий в себя греческий, албанский, болгарский и румынский языки. Эти индоевропейские языки принадлежат к разным семьям и находятся в отдаленном родстве; но вместе с тем они обладают некоторыми общими морфологическими чертами - постпозицией определенного артикля (болг. *човекъ-т* 'человек', рум. *lupu-l* 'волк', алб. *vesh-i* 'ухо'), совпадением форм дательного и родительного падежей (в албанском и греческом), образованием форм будущего времени с помощью вспомогательного глагола, восходящего к глаголу со значением 'хотеть', и т.д.

От языкового союза следует отличать языковую семью, характеризующуюся прежде всего общим фондом грамматических морфем и обиходных слов. Однако критериев, объективно показывающих, какие именно лексические или грамматические элементы позволяют отнести язык к данной семье, в частности к индоевропейской, очень мало. Поэтому

Н.С. Трубецкой в статье "Мысли об индоевропейской проблеме" (1937) для доказательства принадлежности данного языка к индоевропейской семье кроме неопределенного числа материальных совпадений выделяет шесть типологических признаков, общих всем индоевропейским языкам:

1) отсутствие гармонии гласных; напомним, что под гармонией гласных (сингармонизмом) понимается прогрессивная ассимиляция гласных, наблюдаемая, например, в тюркских языках (кирг. *кёл* 'озеро', *кёлд'ер* 'озера', *кол* 'рука', *колдор* 'руки');

2) число согласных, допускаемых в начале слова, не менее числа согласных, допускаемых внутри слова; в этом отношении индоевропейские языки сильно отличаются от большинства финно-угорских и тюркских языков, где обычно в начале слова не допускается скопление согласных (русск. *крест,* финск. *risti* 'крест');

3) слово не обязательно должно начинаться с корня; в индоевропейских языках часто используются префиксы, а в финно-угорских и тюркских языках префиксы не используются; ?

4) образование форм осуществляется не только с помощью аффиксов, но и с помощью чередования гласных внутри основы. В качестве примера можно взять формы: русск. *ходить, под-ходить, хаживать;* нем. *brechen* 'ломать', *brack* "сломал"; англ. *to write* 'писать', *wrote* "писал"; еще шире внутренняя флексия используется в семито-хамитских языках, но она не характерна для финно-угорских и тюркских языков;

5) наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных *(ехать,* но *еду; бежать,* но *бегу);* нет ни одного индоевропейского языка, которому грамматическое чередование согласных было бы совсем чуждо, но его нет в семито-хамитских и северокавказских языках;

6) подлежащее при непереходном глаголе трактуется совершенно так же, как подлежащее при переходном глаголе; в кавказских языках, например, есть так называемая эргативная конструкция, в которой подлежащее при переходном глаголе имеет не ту же форму, что подлежащее при непереходном глаголе [аварск. *вац векерула* "мальчик бегает" (непер. гл.), но *воцас* (эргативный падеж) *тип босула* "мальчик берет палку"] .

Трубецкой полагал, что любой язык, обладающий этими шестью признаками, является индоевропейским. Однако его концепция не получила поддержки компаративистов. Так, один из виднейших компаративистов XX в. французский языковед Э.Бенвенист отмечает, что все указанные признаки встречаются и в языке американского индейского племени такелма, который является неиндоевропейским. Ученые выступают против излишней категоричности некоторых утверждений Трубецкого, а не против существа идей, которые заключаются в соединении типологических критериев со сравнительно-историческим методом.

§75. КОПЕНГАГЕНСКАЯ ШКОЛА СТРУКТУРАЛИЗМА (ГЛОССЕМАТИКА)

У истоков Копенгагенской школы структурализма стоят В.Брёндаль (1887-1942), **Х.Ульдалль** (1907-1957) и **Л.Ельмслев** (1899-1965), заложившие основы новой лингвистической теории, известной под названием

"глоссематика" (от гр. *у\шоаи* "язык"). Число сторонников этого направления сравнительно невелико; кроме между ними существуют известные теоретические расхождения. Полому в настоящее время нельзя говорить о і лоссематике как о теории, окончательно оформившейся.

Ряд излагающих основные положения глоссематики, был опубликован в журнале который начал выходить с г. Из них прежде всего следует лингвистику" Брёндаля; "Основы глоссематики" (1957) Ульдалля; "Язык и речь" (1942). "Пролегомены к теории языка" (1943). "Метод структурного анализа в лингвистике" (1950 1951) Ельмслева. Ельмслеву принадлежит' также значительное количество статей, посвященных изложению теории глоссематики.

В статье "Метод структурного анализа в лингвистике" указывает на теоретические источники глоссематики - Ф. Соссюра и логическую теорию языка, развившуюся из математических рассуждений АУайтхеда и Б.Рассела, а также положения венской логической школы, и особенно идеи Р.Карнапа,' изложенные в его работах по синтаксису и семантике. Ьльмслев отмечает, что де Соссюр был первым, кто потребовал структурного подхода к языку, т.е. научного описания языка путем регистрации соотношений между единицами, независимо от особенностей, присущих этим единицам. Эти идеи де Соссюра вызвали настоящую революцию в традиционной лингвистике. Совершенно новым в лингвистике явилось понимание де Соссюром языка как чистой совокупности отношений, как формы, свободной от той материальной реализации (фонетической, семантической и т.д.), в которой эта форма выступает. Заключительное Положение соссюровского "Курса общей лингвистики": "Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя" -сталоосновойглоссематическойтеории, Ельмслев отмечает: "Профессор Шарль Балли, наследник де Соссюра на кафедре лингвистики Женевского университета, за несколько месяцев до своей смерти в письме ко мне писал: „Вы следуете идеалу, сформулированному Ф.деСоссюром в заключительной фразе его „Курса общей лингвистики". Следует, действительно, удивляться, что это не было сделано раньше"[246].

Однако нельзя отождествлять взгляды де Соссюра и Ельмслева. Теория де Соссюра неоднородна и отражает внутреннюю борьбу ее создателя с традиционными взглядами. Поэтому в книге де Соссюра можно найти некоторую несогласованность между отдельными утверждениями. Последовательно подхода к языку в собственном смысле этого слова, т.е. изучения чистой формы, у де Соссюра, как подчеркивает Ельмслев, нет и в помине. Выполнение этой задачи Ельмслев берет на себя. Чтобы различить традиционные и чисто структурные методы исследования языка, Ельмслев предлагает для нового метода особое название с е м а т и к а.

Философская основа глоссематической теории — позитивизм, который последовательно отрицает реальное существование предметов материальной действительности, объявляя эти предметы пучками пересечения их взаимных зависимостей — функций. "Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следова-

тельно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться"[247], - указывает Ельмслев. Влияние философии позитивизма на глоссематику проявляется еще в том, что глоссематики совершенно не учитывают практику, в которой осуществляется
бытия и сознания ["лингвистическая теория не может быть проверена (подтверждена или оценена) существующими текстами и языками"] . Наконец, метод логического позитивизма базируется на конвенционализме, исходящем из чисто условных предпосылок, никак не связанных с действительностью. "...Лингвистическая теория, - читаем у Ельмслева. - единовластно определяет свой объект при помощи произвольного и пригодного выбора (strategy) предпосылок. Теория представляет собой исчисление, состоящее из наименьшего числа наиболее общих предпосылок, из которых ни одна предпосылка, принадлежащая теории, не обладает аксиоматической природой".

Современный неопозитивизм обнаруживает непосредственные связи с махизмом - субъективно-идеалистическим направлением в философии конца XIX В отличиеот современные неопозитивисты основывают свои построения на теории, согласно которой единственным реальным объектом философии признается язык, а ее задачей - объяснение языка науки. Проблему соотношения наших понятий с объективной действительностью неопозитивисты объявляют псевдопроблемой, так как по их концепции все предметы познания не существуют в действительности', а создаются нашим мышлением. Процесс же конструирования понятий определяется языком. Содержание любой науки неопозитивисты видят в анализе синтаксиса ее языка. Резкая критика позитивистских доктрин, данная В.И. Лениным в работе "Материализм и эмпириокритицизм"[248], сохраняет свою силу и в применении к философским основам современного неопозитивизма.

Что касается математической логики, то сторонников глоссематики привлек в ней метод анализа, опирающийся на законы математики. В статье "Структуральная лингвистика" Брёндаль пишет: "Изучение структуры групп, которое, несомненно, сможет и должно взять в качестве образца соответствующую математическую здесь решающим"[249]. Обращение к математике объясняется также тем, что в результате развития математической теории возникло понимание математики как системы знаков, конструируемой в соответствии с определенными формальными правилами. Эта система знаков обозначается термином "язык" в самом широком смысле этого слова, включая и логические исчисления, и языки различных наук, и естественные языки. Широкое заимствование понятий математической логики (понятия функции как зависимости одной величины от другой, понятия константы и переменной, языка-объекта и метаязыка и пр.) привело к тому, что глоссематики свою теорию называют иногда и м-манентной (внутренне присущей, свойственной) алгеброй языка, оперирующей безыменными сущностями, т.е. произвольно названными сущностями без естественного обозначения. "Эта алгебра, - пишет в "Основах глоссематики" Ульдалль, — была задумана как способ описания (гуманитарного) материала в виде целостной структуры, состоящей из неколичественных функций, структуры законченной и не нуждающейся в привнесении определений, заимствованных из других наук"[250].

чужды были глоссематикам и идеи крупнейшего представителя объективного идеализма Э.Гуссерля, который еще в начале XX в. утверждал, что для построения чистой логики анализ языка, ибо-только с помощью такого анализа может быть выявлен подлинный объект логического исследования. В этом объекте надлежит выяснить факторы, стойко действующие на протяжении истории. Вот к выяснению этого постоянного, устойчивого, тождественного, важного для любой науки, в том числе и языкознания, и призывают (Вспомним, что из поисков постоянного исходила и Грамматика Пор-Рояля.)

Постоянные, устойчивые, тождественные факторы существуют вне времени и пространства. И если применительно к языку де Соссюр различал синхронию и диахронию, т.е. рассмотрение языка в современном его состоянии и в историческом развитии, то Брёндаль идет дальше: "...нельзя ли предположить наряду с синхронией и диахронией панхронию или ахронию, т.е. факторы общечеловеческие, стойко действующие на протяжении истории и дающие о себе знать в строе любого языка". Этот внеисторический подход к изучению языка, на чем настаивала феноменология Гуссерля, является крайним выражением антиисторизма.

Идеалистическая философия неопозитивизма в сочетании с феноменологическими теориями Гуссерля, призывавшего искать в объектах науки нечто постоянное, неизменное, находящееся вне времени и пространства, символическая логика, рассматривающая язык как систему зависимостей (функций) между членами, явились тем фундаментом, на котором выросла лингвистическая теория наиболее последовательного представителя глоссематики.

§ 76. ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГЛОССЕМАТИКОВ

Общие критерии теории языка изложены в разделах 1-9 его "Пролегоменов к теории языка". Ельмслев начинает изложение своей теории с упрека в адрес традиционной лингвистики, основной недостаток которой он видит в том, что она занималась не столько познанием природы языка, сколько познанием исторических и доисторических социальных условий и контактов между народами. Традиционная лингвистика, по его мнению, была трансцендентна в том смысле, что сосредоточивала внимание на явлениях, находящихся за пределами языка. Подлинно же научное языкознание имманентно, т.е. занимается изучением внутренне присущих языку свойств. Ельмслев и исходит из того, что лингвистическая теория должна искать постоянное, не связанное с какой-либо внеязыковой "реальностью", то постоянное, что делает язык языком. Цель лингвистической деятельности он видит в том, чтобы подтвердить на благоприятном объекте (языке) тезис: существует система, лежащая в основе процесса, т.е. постоянное, лежащее в основе изменений.

Способность лингвистической теории описывать нечто постоянное Ельмслев называет эмпирическим принципом, который сводится к тому, что "описание должно быть свободным от противоречий (самоудовлетворяющим), исчерпывающим и предельно простым. Требование непротиво-

речивости предшествует требованию исчерпывающего описания. Требование исчерпывающего описания предшествует требованию простоты".

Требование непротиворечивости проверяется в самой теории, так как в математике нет противоречивых

Требование исчерпывающего описания (требование полноты) Х.Ульдалль разъясняет следующим образом: "Описание конкретного предмета является полным, если оно проводится до тех пор, пока (в пределах применяемого метода) не обнаруживается никакого остатка, т.е. пока весь предмет не сведен к структуре рассматриваемого типа". Под глоссематики понимают некое общее понятие (одну возможную единицу для частных случаев) для всех отдельных проявлений одного и того же явления.

В отношении требования простоты следует отметить, что глоссематики воспринимают эпитет "простой" не в бытовом его толковании, когда простота связывается с легкостью исполнения или понимания. "Описание является простым, — разъясняет Ульдалль, — если оно, оставаясь последовательным и полным, раскрывает предмет как нечто состоящее из возможно меньшего числа единиц, представляющих собой конечный результат исследования". Однако в этом требовании простоты уже заложено внутреннее противоречие: можно просто описать отдельный объект (например, любой язык), но это описание окажется непригодным для других объектов. Если же построить теорию, описывающую многие объекты, тогда аппарат описания усложнится. "Построение аппарата описания сопровождается, таким образом, - пишет Ульдалль, — борьбой двух противоречивых стремлений; 1) желанием сделать алгебру возможно более общей, приложимой к более широкому многообразию конкретных описаний, что означает увеличение ее различительной силы и тем ее сложности, и 2) стремлением обеспечить наибольшую возможную простоту конкретных описаний".

Из простоты, продолжает далее Ульдалль, могут быть выведены все остальные научные идеалы: объективность, последовательность, полнота. Объективное описание проще, чем субъективное, потому что оно не отражает личных склонностей или частного опыта, которые входят в понятие субъективности; объективное описание использует только часть человеческого опыта, которая доступна (или может быть доступна) всем. Последовательное описание проще, чем непоследовательное, что противоречие предполагает наличие более чем одного множества исходных идей. Исчерпывающее же описание проще, чем неполное, потому что в любом остатке скрыто содержится возможность противоречия.

Кроме эмпирического принципа Ульдалль выделяет еще принцип когда описание принимает форму постепенного разделения предметов на все меньшие и меньшие составные части, являющиеся конечными результатами исследования,' принцип э к о н о м и и, направленный на получение простейшего возможного результата, и принцип когда определенное описание обобщается для того, чтобы его можно было применить к двум объектам.

Если традиционная лингвистика в образовании понятий шла от простого к сложному (от отдельных звуков — к фонемам, от индивидуальных значений - к общим значениям и т.д.), т.е. была индуктивной, то глоссема-

теория, наоборот, идет от общего к частному, от класса к его части, т.е. является дедуктивной. Ельмслев и определяет метод своей лингвистической теории как эмпирическими дедуктивный. Теория в глоссематике как система формальных предпосылок и выводимых из них теорем, позволяющая установить общее исчисление всех возможных в языке сочетаний.

Сам Ельмслев считал свою теорию теорией метода исследования, цель которой "создать процедурный метод, с помощью которого можно понять данный текст, применяя непротиворечивое и исчерпывающее описание". Кроме того, эта теория "должна быть полезна для описания и предсказания любого возможного текста на любом языке". Универсальный характер, который Ельмслев пытается придать своей теории, сводит на нет качественные особенности естественных языков, и в силу этого теория Ельмслева вряд ли может быть использована как инструмент для изучения природы языка.

§ 77. ПРОЦЕДУРА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (ПО Л.ЕЛЬМСЛЕВУ)

"...Лингвистическая теория, — пишет Л.Ельмслев, - предписывает анализ текста, который ведет нас к выявлению языковой формы, скрытой за непосредственно доступной чувственному восприятию „субстанцией", и к установлению скрытой за текстом системы языка". В этом положении внимание сразу привлекается к цели анализа — выявлению языковой формы и ее соотношения с субстанцией. Различение формы и субстанции в объекте лингвистики является наиболее оригинальной чертой лингвистической концепции Ельмслева и связано с его пониманием языка как особой , семиотической (знаковой) системы (отгр. oejuetbv "знак, признак").

Ельмслев исходит из того, что в языке любая фраза может быть выражена многообразно, иметь различные манифестации. Например, *Я еду домой* может быть выражено графически с помощью букв, передано по телеграфу с помощью азбуки Морзе, передано флажками, жестами (у глухонемых) и наколами на бумаге (в азбуке для слепых). Можно сказать, что *Я еду домой* выражается (манифестируется) в самых различных субстанциях (графика, жесты, колебания воздуха, электрические импульсы и т.д.). Вместе в тем все эти разные субстанции являются проявлением чего-то одного, что Ельмслев называет формой. Форма у него выступает как нечто постоянное, как абстрактная сущность, а ее проявление в той или иной субстанции является переменным и случайным. В приведенном выше примере одна форма реализуется в разных субстанциях. Исходя из этого, Ельмслев считает возможным и другое положение: одна и та же субстанция оформляется по-разному. Например, физическая (фонетическая) субстанция слова *дом* будет иметь в русском и английском языках разную форму как по графике *(дом, house)* , так и по последовательности звуков ([дом], [haus]).

Все эти примеры относятся к дихотомии "форма - субстанция". Однако глоссематики вводят и другую дихотомию: "содержание - выражение". Деление языка на четыре пласта, или слоя, исходя из дихотомий "форма — субстанция" и "выражение — содержание", также составляет характерную

черту глоссематической теории. Опираясь на это членение, глоссематики различают в языке форму выражения и субстанцию выражения, форму содержания и субстанцию содержания. Эти термины употребляются как чисто условные и отнюдь не соотносятся с распространенным пониманием "выражения" как материальных средств для передачи сообщений, а "содержания" — для обозначения области значения.

Глоссематики считают, что существует нерасчлененная сущность, которая проявляется двояко: либо в виде массы человеческого опыта, предметов, мыслей, либо в виде перечисленной цепи звуков. Факты действительности, так или иначе отраженные в языке, понятия, мир оформленных мыслей образуют субстанцию содержания, а субстанцией выражения является цепь звуков, систематизированных языком. Для иллюстрации отношений между пластами языка Ельмслев приводит такой пример. Мы имеем одну и ту же субстанцию выражения (цепь звуков), например *Берлин.* В разных языках эта субстанция выражения оформляется различно: англ. [Ьэ :'lin] , нем. [bSr'Hrn] ,дат. [ЬагК'Н'п] , яп. [bgrulinu], хотя субстанция содержания (представление о Берлине) является одной и той же. Наоборот, при произношении англ. *got* 'получил', нем. *Gott* 'бог' и дат. *godt* 'хорошо' при одной и той же субстанции выражения имеем различную субстанцию содержания (данные объективной действительности).

Различные возможности оформления одной и той же субстанции иллюстрируются и другим примером. Предположим, нам надо выразить мысль, содержащуюся во фраз^р *Не знаю.* Эта мысль есть материал (субстанция содержания), одинаковый во всех языках, но выраженный по-разному: дат. */eg* "я", *v 'eй* "знаю" (настоящее время изъявительного наклонения), Jeff'это', *ikke* 'не'; англ. / 'я', *do* - глагольное понятие, которое не выражено определенно в датском языке, *not* 'не", *know* 'знать' (но ни в коем случае не понятие, соответствующее датской форме настоящего времени изъявительного наклонения); фр. */e* 'я', *ne* — вид отрицания, отличающийся от датского и английского, так как не имеется значения отрицания во всех комбинациях, *sais* "знать", *pas* - второе отрицание; эскимосское *naluvara* "не-знающий-есмь-я-это" - глагол, образованный от *nolo* "невежество' с суффиксами 1-го л. субъекта и 3-го л. объекта.

"Каждый язык, — пишет Ельмслев, — проводит свои границы в аморфной „массе мысли", по-разному располагает их и выделяет различные факторы... Это похоже на одну и ту же горсть песка, которая принимает совершенно различные формы, или на облако в небе, с каждой минутой меняющее свои очертания... Подобно тому как песок может принимать различные формы, а облако вновь и вновь менять свои очертания, принимает различную форму или различную структуру в разных языках и исследуемый нами материал. <...> Материал каждый раз остается субстанцией для новой формы и не может существовать иначе, как в виде субстанции для той или иной формы. Таким образом, в лингвистическом содержании, в его процессе мы устанавливаем специфичную форму, форму содер- которая независима и произвольна в отношении л у и формирует его в субстанцию содержания".

Аналогичные примеры можно привести с терминами цвета, родства и т.д. в разных языках, с членением грамматических категорий числа, време-

ни, **наклонения** и **т.п.** Это несовпадение в разных языках материала (напри¬ мер, аморфного континуума - цветового спектра и понятия "дерево") при различном оформлении Ельмслев иллюстрирует следующими схемами

				дат.	нем.	
					Baum	*arbre*
		уэльсск.	дерево			
		gwyrdd			***Hoh***	*bois*
зеленый	***green***					
			лес	*skov*	***Wald***	
синий	***blue***	***glas***				
						for el
серый	***gray***					
		llwyd				
коричневый	***brown***					

Таким образом, Ельмслев выделяет в языке план содержания и план выражения, каждый из которых имеет свою субстанцию и свою форму; форма является постоянной и определяющей, субстанция - зависимой и пе¬ ременной. Ельмслев всегда подчеркивал зависимость своей теории от пред¬ шествующей лингвистической традиции. Так, форма плана **Содержания** это переформулированная внутренняя форма языка В.Гумбольдта, а форма выражения поразительно напоминает гумбольдтовскую внешнюю форму языка.

Изучение формы содержания Ельмслев называет **плерематикой,** а соответствующие единицы - плеремами (от гр. 'полный', т.е. включающий кусок содержания); изучение формы выражения он называет а соответствующие единицы - кенемами (от гр. 'пустой'). Если отвлечься от терминологических новшеств Ельм- слева, то можно сказать, что кенемы соответствуют фонемам в фонологии, а плеремы — значениям в семантике.

Поскольку форма является определяющей и постоянной по отношению к субстанции, она и становится основным объектом анализа у глоссемати- ков. Более того, Ельмслев утверждает полную автономность формы от суб¬ станции. Лингвистика, отмечает он, может и должна исследовать языковую форму, а то, что лежит вне этой формы, представляет собой внеязыковой материал, так называемую субстанцию. Оторвав язык от объективной дей¬ ствительности, от внеязыковой субстанции, Ельмслев дематериализует язык, объявляет его состоящим только из пучков отношений.

План выражения и план содержания связаны отношениями сущность которых состоит в том, что изменения в плане выраже¬ ния вызывают изменения в плане содержания. Например, если заменить <т> в *том* на **<д>,** то это изменение в плане выражения вызовет изменение в плане содержания: получится слово *дом.* Если при 'замене элемента плана выражения не наблюдается изменения плана содержания, то это явление называется субституц **ией;** например, замена в слове *город* <г> (взрывное) на **<7>** (фрикативное) *[убрдт]* не препятствует **пониманию** значения этого слова.

При коммутации элементы плана выражения и плана содержания рас¬ сматриваются как самостоятельные элементы системы, характеризующие¬ ся взаимной заменяемостью; они называются **инвариантами.** Если в

предложении *Я сделаю это, когда он придёт* мы заменим содержание *когда он придёт* на *когда она расскажет всё,* то изменится и план выражения всего сложного предложения. Следовательно, *когда он придёт* и *когда она расскажет* выступают как инварианты, т.е. меняющиеся единицы одной сущности — придаточной части времени.

При субституции взаимозаменяемые элементы рассматриваются как варианты одного инварианта. Такие предложения, как *Когда она расскажет всё; Когда всё она расскажет; Когда расскажет всё она; Когда она всёрасскажет,* можно рассматривать как варианты одного предложения-инварианта; <с> в *суд* и <п> в *пуд* - разные элементы - инварианты, но **<с">** в слове *суд* и <х=> **в** слове *сад* — варианты одного инварианта <с>. Единицы содержания *дерево* и *лес* 'материал' будут в русском языке инвариантами *{дерево - лес),* а *лес* 'материал' и *лес* 'роща' - вариантами. "...Оказывается, — заключает свое рассуждение о вариантах и инвариантах Ельмслев, — что во многих местах текста встречается „одно и то же" сложное предложение, „одно и то же" простое предложение, „одно и то же" слово и т.д. - иными словами, можно сказать, что встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т.д. Эти образцы мы будем называть **вариантами,** а **сущности,образцами** которых они являются, — инвариантами". Из приведенных примеров видно, что выделение инвариантов и вариантов основано на принципе сводимости, т.е. позволяет сводить элементы языка к некоторому ограниченному количеству простых элементов, которые получаются в результате последовательного дробления сложных элементов.

Подобно тому как на основе принципа сводимости происходит дробление плана выражения (текст периоды — предложения — слова — слоги — фонемы), так и в плане содержания тоже можно получить неразложимые далее единицы, которые Ельмслев называет фигурами. Введение понятия фигуры отличает глоссематическую теорию от теории Ф. де
ра. Понятие знака у де Соссюра характеризуется прежде всего тем, что знак что-то представляет, т.е., являясь единством означаемого и означающего, он всегда что-то обозначает, на что-то указывает. Ельмслев считает, что кроме знаков можно в плане содержания выделить так называемые незнаки, которые обозначают сущности, не являющиеся носителями значений, и следовательно, не являющиеся знаками. "Такие незнаки, входящие в знаковую систему как часть знаков, мы назовем **фигурами**... Язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков".

Фигуры, в понимании выступают как некоторые
ные смыслы, комбинация которых придает значение знаку. Например, знак *мальчик* можно разложить на фигуры { человеческое **существо}** + {молодой} + {мужской **пол};** изменение последней фигуры дает знак *девочка.* Ельмслев полагает, что введение понятия фигуры позволяет определить собственные, внутренние функции языка. Его учение о фигурах перекликается с учением ***КС.*** Трубецкого о дифференциальных признаках фонем и с пониманием семы (минимальной грамматической единицы) В. Скаличкой и представляет собой попытку выделить минимальные единицы в семантике языка.

Исключив из лингвистики субстанцию, Ельмслев единственным способом анализа лингвистических единиц считает изучение отношений между этими единицами. Для определения этих отношений он употребляет термин **функция,** под которой понимает зависимость, отвечающую условиям анализа. Члены функции Ельмслев называют **функтивами,** понимая под функтивом объект, имеющий функцию к другим объектам. В качестве функтивов могут выступать постоянные величины (константы) и переменные величины: "Под постоянной мы понимаем функтив, присутствие которого является необходимым условием для присутствия функтива, к которому он имеет **функцию**^ под переменной понимается функтив, присутствие которого не является необходимым условием для присутствия функтива, к которому он имеет функцию". На основе понятия о константе и переменной Ельмслев устанавливает три важнейших типа функций, характеризующих отношения между различными планами языка: интердепенденцию', детерминацию и констелляцию.

Под интердепенденцией понимается функция между двумя константами, взаимные зависимости, при которых один член предполагает существование другого, и наоборот. Так, отношения интердепенденции существуют между планом выражения и планом содержания, между гласными и согласными, между существительными и глаголами, между формами падежа и числа существительных и т.д., так как ни одна из этих категорий не может существовать без другой.

Детерминация - функция между константой и переменной - предполагает такую одностороннюю зависимость, при которой один член предполагает существование другого, но не наоборот. Примером детерминации в тексте являются некоторые случаи управления, когда, например, предлоги *для, возле, у* предполагают употребление формы родительного падежа, *над* - формы творительного падежа, но не наоборот. Прилагательному в качестве определения необходимо существительное, но существительное возможно и без определения. Детерминация существует между придаточной и главной частями сложноподчиненного предложения и т.п.

Констелляцией Ельмслев называет свободные зависимости, в которых ни один из двух членов не предполагает существования другого. Примерами констелляции в русском языке могут служить отношения между наречием и глаголом (они могут употребляться независимо друг от друга), между категорией лица и рода глагола (в настоящем времени выражается лицо и не выражается род, а в прошедшем времени, наоборот, выражается род и не выражается лицо).

К этим общим обозначениям трех видов зависимости Ельмслев добавляет специальные термины для определения зависимостей в процессе и системе отдельно: "селекция", "солидарность", "комбинация" и т.д. Сведя все богатство отношений в языке только к указанным трем типам, Ельмслев надеется осуществить свою идею дедуктивного анализа. Однако, не привлекая данных конкретных языков, он дает только общую схему анализа. Чтобы показать, насколько далека от лингвистической реальности предложенная Ельмслевом абстрактная схема языкового анализа, приведем небольшие отрывки из его работы: "...анализ заключается в регистрации некоторых зависимостей между элементами, которые... существуют

благодаря этим зависимостям и только благодаря им. Тот факт, что мы можем считать эти элементы частями текста, а всю процедуру — делением, или анализом, основывается на том, что между этими элементами и целым (текстом) обнаруживаются зависимости определенного рода в которые, как мы говорим, эти элементы вступают. Задача анализа и состоит в том, чтобы установить эти зависимости. <...>

или мы можем формально определить как описание объекта через единообразные зависимости от других объектов и через единообразные зависимости последних друг от друга. Объект, подвергающийся делению, мы назовем а другие объекты, которые устанавливаются частным делением как единообразно зависимые от класса и друг от друга, мы назовем сегментами класса"; "...в случае продолженного анализа мы будем говорить о <...> Под дериватом класса мы будем понимать сегменты и сегменты сегментов в' пределах одной и той же дедукции... Степенью дериватов мы будем называть число классов, через посредство которых прослеживается их зависимость от своего первичного общего класса". Этого небольшого отрывка вполне достаточно, чтобы показать, насколько далека от лингвистической реальности предложенная Ельмслевом абстрактная схема языкового анализа.

§ 78. ЯЗЫК И РЕЧЬ В ТРАКТОВКЕ Л.ЕЛЬМСЛЕВА

Понятия плана выражения и плана содержания могут быть выведены из о языке и речи. Этой же проблемы касается и Л. Ельмслев в статье "Язык и речь". Ельмслев отмечает, что главная заслуга де Соссюра состоит в том, что он открыл язык как таковой; до этого лингвисты изучали не язык, а речь и тем самым обходили единственно подлинный предмет языкознания. Ельмслев считает необходимым пересмотреть несовершенную дихотомию де Соссюра "язык — речь" и предлагает четырехчленное деление языка: схема — норма — узус (употребление) - акт.

Под понимается язык как чистая форма, определяемая независимо от ее социальной реализации и материального оформления. В качестве примера Ельмслев рассматривает фр. [г } , которое определяется тем, что оно: 1) относится к категории согласных, а тем самым противопоставляется гласным; 2) принадлежит к подкатегории согласных, встречающихся в начальной и конечной позициях; 3) в начальных группах стоит на втором месте а в конечных — на первом 4) обладает способностью вступать в коммутацию с другими элементами той же категории, например с [1]. Подобное определение [г] указывает на его способность реализоваться, но ничего не говорит о самой реализации. Это определение совсем не касается вопроса о манифестации, т.е. для данного определения безразлично, воплотится ли определяемый элемент в звучании или в графике, будет ли он выражен фонемой или буквой алфавита, жестом (как в азбуке для глухонемых) или сигналом (как при сигнализации флажками).

определяется как материальная форма, связанная с данной социальной реализацией, но независимая от своей манифестации. С этой

точки зрения фр. [г] можно определить как допускающий два варианта: раскатистое [г] и трассированное [г].

подразумевает язык как совокупность навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными манифестациями. С точки зрения узуса [г] определяется как альвеолярный раскатистый главный вибрант или как щелевой увулярный плавный.

Акт речи понимается как индивидуальный речевой поступок, как говорение. Между этими членами Ельмслев устанавливает следующие, уже знакомые нам три вида зависимостей: 1) норма детерминирует (обозначается знаком узус и акт речи (т.е. акт речи и узус логически и практически предшествуют норме); 2) между узусом и актом речи имеет место интердепенденция (обозначается знаком **), т.е. каждый из них предполагает обязательное наличие другого; 3) схема детерминируется актом речи, узусом и нормой, но не наоборот. Графически это может быть изображено следующим образом:

норма

,—————Л————. Г *- **схема**

у^ус акт речи

По мнению Ельмслева, только узус вместе с актом речи и схемой отражают лингвистическую реальность; норма же представляет собой абстракцию, искусственно полученную из узуса.

В научной литературе отмечалось, что если у де Соссюра разграничение языка и речи шло по двум направлениям: социальное - индивидуальное и различительные — неразличительные противопоставления, то Ельмслев признает только второе противопоставление. Он утверждает, что невозможно сохранить и отдельно исследовать различие между социальным и индивидуальным. Изучение только существующих в языке отношений, зависимостей, без учета социального характера языка, игнорирование содержания (субстанции) закономерно привело Ельмслева к отождествлению языка с другими языкоподобными системами.

§ 79. ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (В ТРАКТОВКЕ Л.ЕЛЬМСЛЕВА)

Отнюдь не все положения лингвистической теории Л.Ельмслева могут быть проиллюстрированы примерами из конкретных языков. Ельмслев к этому и не стремится. Он считает, что его теория не является специфичной для естественных языков, а принадлежит более широкому кругу явлений. Лингвистическая теория, рассматривающая лингвистическую форму без учета субстанции (материала), делает возможным ее применение к любой структуре, форма которой аналогична форме естественного языка. Ельмслев проделал анализ таких несложных структур, взятых из повседневной жизни, как сигналы светофора, телефонный диск, бой часов, азбука Морзе и др. Все эти структуры он называет

кими языками. Проанализировав эти системы, он заключает, что обычная звуковая субстанция человеческого языка может быть заменена любой другой, оказавшейся пригодной в конкретных внешних условиях. Языковая форма проявляется здесь в различных субстанциях. Односторонне направленный анализ вновь приводит Ельмслева к выводу, что "субстанция... не является необходимой предпосылкой для существования языковой формы, но языковая форма является необходимой предпосылкой для существования субстанции".

Многие лингвисты критиковали Ельмслева за произвольность отождествления языка с неязыковыми системами передачи информации, поскольку каждая из систем обладает своими специфическими особенностями. Отмечалось также, что все прочие субстанции являются производными и искусственными в противоположность естественности языков. Кроме того, различие в субстанции сопровождается во многих случаях изменением языковой формы.

Ельмслев считает подобные доводы несостоятельными. Он полагает, что производность одной манифестации (жесты, письмо Брайля и т.д.) по отношению к другой (звуки языка) не меняет того, что она все же является манифестацией данной языковой формы. Другой довод несостоятелен, по его мнению, потому, что он не опровергает общего факта манифестации языковой формы данной субстанции.

Эти возражения Ельмслева не выдерживают никакой критики прежде всего из-за его исходных позиций. В неязыковых структурах Ельмслев старается найти основу отношений между элементами этих структур, которые считает характерными и для языка, и наоборот, зависимости, существующие в языке, он механически переносит на другие семиотические системы. В соответствии с этим Ельмслев делает вывод о применимости своей теории к любой структуре, форма которой аналогична форме естественного языка. Более того, он без ложной скромности заявляет об универсальности своей теории. Раз язык и другие неязыковые структуры тождественны между собой как выражения существующих в них зависимостей, отношений, то это делает возможным перевод одной семиотической системы, какой является язык, в другие семиотические системы, и наоборот. Поскольку язык является обычной знаковой системой, он подчиняется, по мысли Ельмслева, логике, изучающей только формальные отношения. Знаковая теория лингвистики Ельмслева исторически берет свое начало в логике.

§ 80. КРИТИКА ГЛОССЕМАТИКИ В СОВЕТСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В стремлении к универсальности теория Ельмслева достигла такой высокой степени абстракции, что оказалась бесполезной при исследовании конкретных языковых явлений. Если В.Брёндаль говорил, что глоссематики не намерены выводить разнообразие лингвистических явлений из абстрактных схем, то Л.Ельмслев весь свой талант языковеда принес в жертву этой абстрактности, которая вызвала суровую и справедливую критику лингвистов.

Ученые многих стран отмечают противоречивость теории Ельмслева, ее схематическую абстрактность и неприменимость в методике анализа

реально существующих языков. Советский лингвист Т.А. Дегтерева, определяя **глоссематику** Ельмслева как "структурализм на ущербе", **считает^что** глоссематика является не чем иным, как печальным актом процесса вырождения структурного подхода к **языку**[25]***.** По мнению австрийского языковеда **А.Неринга,** Ельмслев "видит задачу теории языка в разработке системы, которая характерна для языка вообще и поэтому одинаковым образом действительна для всех различных языков независимо от конкретных форм и содержания их элементов. Эта мысль совсем не так нова, как, **видимо,думает** Ельмслев. Также и традиционное языкознание располагает системой в своих категориях, как существительное, прилагательное, глагол, именительный падеж, родительный и т.д., подлежащее, сказуемое, дополнение и т.д., т.е. системой, которая независима от „субстанций" отдельных языков и поэтому применялась и может применяться по крайней м'ере ко всем индоевропейским языкам. Но когда Ельмслев идет дальше и предполагает применение своей теории ко всем языкам мира и даже еще не реализованным, то такая теория с необходимостью должна оказаться неопределенной и шаткой, какой она и является на самом деле. Часто спрашивали, почему Ельмслев не продемонстрировал практическую ценность своей системы на каком-либо отдельном языке. Это действительно очень жаль, ибо только тогда обнаружилась бы ее практическая ценность или полная ее несостоятельность также и для самого Ельмслева. Пока же я не могу себе представить, как с помощью системы и его теории можно достаточно определить структуру отдельного языка. Ведь в отношении отдельного языка важно не то, что объединяет все языки, а прежде всего значение имеет его индивидуальное своеобразие, и я не вижу, как выявить это своеобразие путем установления таких общих функций, как солидарность, селекция, конъюнкция, дизъюнкция и т.д., и прежде всего путем установления только отношений между элементами. Мне представляется это так, как при описании какой-либо машины стали бы обращать внимание только на проволоки и завинчивания, соединяющие отдельные части, но не на сами части и материалы, из которых изготовлены эти части, хотя ведь эти части созданы в форме и из материалов сообразно с общей структурой машины и ею определены и обусловлены"[252].

Другие лингвисты основной недостаток теории языка Ельмслева видят в игнорировании социального характера языка. В статье "Об отношении языковой „формы" к „субстанции" немецкий ученый Ф.Хинтце пишет: "Язык по самому своему характеру — социальное образование... В отрицании этого существенного признака языка, а именно его социального характера, как мне кажется, заключается причина весьма абстрактного подхода, выдвигаемого Л. **Ельмслевом.** Он строит чисто формальную теорию, которая имеет в виду только доступную исчислению сторону развивающегося в исторической и социальной среде языка, но не языковую цельность в ее феноменологической действительности"[253]. Нет нужды и дальше приводить критические высказывания языковедов, единодушно отмечающих абстрактность теории Ельмслева и скудность иллюстративного материала, поясняющего ее содержание. Приведем в заключение **отзыв** известного французского структуралиста **А.Мартине, который писал, что** теория **Ельм-**

слева — "это башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости"[254].

Мы так подробно проанализировали глоссематическую теорию для того, чтобы показать, насколько может быть бессодержательной лингвистическая теория, несмотря на ее внешнюю логичность и кажущуюся строгость, если она не связана с конкретным языковым материалом, не поддерживается этим материалом и исходит из ложных философских предпосылок.

§ 81. АМЕРИКАНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ (ДЕСКРИПТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА)

Третьим крупным ответвлением современного структурализма является американская дескриптивная лингвистика, у истоков которой стоят такие выдающиеся лингвисты, как Ф.Боас, Э.Сепир и Л.Блумфилд.

Ф.Боас (1858-1942) родился и окончил университет в Германии, собирался специализироваться в области физиологии. Однако участие в научных арктических экспедициях (1883—1884) изменило его планы. Боас заинтересовался изучением языков эскимосов и индейцев Северной Америки. Глубокое знакомство с жизнью этих народов привело его к мысли, которую еще ранее выдвинул И.А. Бодуэн де Куртенэ, — нет "отсталых" народов и нет "отсталых" языков. Боас боролся со всеми видами расизма; недаром его книги были в числе тех, которые сжигались на кострах в фашистской Германии.

Общелингвистические взгляды Боаса представлены в большом труде "Руководство по языкам американских индейцев" (1911-1922). Отмечая большое значение для теории языкознания изучения языков американских индейцев, Боас писал в "Руководстве...", что психологические основы и морфологическое развитие американских языков были настолько необычны, что их изучение явилось настоящим откровением для лингвистов, работающих в области индоевропейских или семитских языков. Изучение языков американских индейцев привело к выводу, что методы научного анализа, выработанные на материале индоевропейских языков, неприменимы при изучении и описании индейских языков. Дело не только в том, что в этих языках представлены иные языковые категории, но и в том, что они не зафиксированы письменно, не ясны их родственные отношения. Поэтому Боас и призывал описывать эти языки "изнутри", на основе "логики данного конкретного языка", или путем индукции. Поскольку, по его мнению, индейские языки не поддаются исторической и сравнительной интерпретации, необходимо выработать объективные методы, основывающиеся на внешних, формальных качествах языков.

Традиции Боаса продолжили Сепир и Блумфилд. Интересы Э.Сепира (1884—1939) сосредоточились главным образом вокруг проблем связей языка и культуры, взаимоотношения языковых явлений и социальных факторов, типологической классификации языков. Его взгляды нашли выражение в книге "Язык" (1921), в статьях "Положение лингвистики как науки" (1929), "Язык" (1933) и других работах. Определив речь, язык как социальное явление ("чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления"[255]), Сепир ставит вопрос о соотношении язый# с иными формами "моделей человеческого поведе-

ния", в частности с культурой: "Культуру можно определить как ч то данное общество делает и думает. Язык же есть т о ^ а к думают. <...> Если бы можно было показать, что у культуры, независимо от ее реального состава, есть присущая ей форма, ряд определенных контуров, мы бы имели в культуре нечто, могущее послужить в качестве термина сравнения с языком и, пожалуй, средства связи с ним. Но покуда нами не обнаружены и не выделены такие чисто формальные стороны культуры, лучше будет, если мы признаем движение языка и движение культуры несопостави¬мыми, взаимно не связанными процессами. Из этого следует тщетность всяких попыток' связывать определенные типы языковой морфологии с какими-то соответствующими ступенями культурного развития. И простые, и сложные языки, в их бесконечном множестве разновидностей, можно найти на любых уровнях культурного развития. Поскольку дело касается языковой формы, Платон шествует с македонским свинопасом, Конфуций — с охотящимся за черепами дикарем Асама"[2^].

Нельзя найти, утверждает Сепир, прямое соответствие между строем языка и культурой; с культурой народа связан только словарный состав языка. Работы Сепира в этом направлении подготовили почву для создания э т н о л и н г в и с т и к и - особого направления в языкознании, изучаю¬щего связь языка с культурой, народными обычаями и представлениями и с народом или нацией в целом.

Вопрос о языка и культуры Сепир рассматривает и в более широ¬ком аспекте, привлекая мышление. Если сначала он говорил о взаимодей¬ствии языка и мышления, то позже он ставит этот вопрос по-другому: мысль зависит не от существования языка вообще, а от конкретного языка, который эту мысль выражает. Развивая положение Боаса о том, что линг¬вистическое исследование является неотъемлемой частью глубокого изуче¬ния психологии народов мира, Сепир пишет: "Люди живут не только в мире объективной действительности или в мире общественной деятельности, как это обычно предполагается, но они в значительной степени находятся во власти конкретного языка, являющегося выражения в данном обществе. Было бы ошибочно полагать, что человек ориентируется в дейст¬вительности без помощи языка и что язык есть просто случайное средство решения специфических проблем общения или мышления. Дело в том, что „реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на языко-вых привычках данного общества"[2^'].

Сепир проводит мысль о том, что не многообразная объективная дейст¬вительность выражается в мышлении людей одинаковыми логическими категориями, а различные языковые формы по-разному членят объектив¬ную действительность. Различные языковые формы приводят к становле¬нию разных форм и норм мышления. Различие норм мышления якобы обусловливает и различие норм поведения в культурно-историческом ис¬толковании. Свое крайнее выражение эта мысль получила в работах Б.Уор-фа (1897-1941) и известна под названием гипотезы Сепира — Уорфа. Эта гипотеза в основе своей идеалистическая, так как исходит из признания первичным мышления, сознания, а вторичным — бытия, объективной реальности.

Сепир предложил новую типологическую (морфологическую) класси-

фикацию языков. Отвергая классификацию языков на языки флективные, агглютинативные, корневые и изолирующие, **Сепир.,** исходит из того, что всякий язык есть оформленный язык и более оправданной была бы классификация языков на основе тех формальных процессов, которые развиты в данном языке. Он и предлагает классифицировать языки с точки зрения выражения в них понятий разного типа, технического выражения отношений и степени синтезирования в грамматике.

В ином направлении взгляды Боаса развивал Л.Блумфилд (1887—1949). Имея широкую лингвистическую подготовку, Блумфилд в начале своей деятельности сочувственно относился к идеям младограмматиков. Резкий перелом в его взглядах наступает в когда почти одновременно с первыми работами Пражской школы Блумфилд в статье "Ряд постулатов для науки о языке" (1926) предлагает новую лингвистическую теорию и методику. Для более точного и ясного изложения своих идей Блумфилд принял математическую форму постулатов, т.е. гипотез и аксиом, исключающих противоречия. Проблему создания постулатов он выдвинул в качестве основной задачи теоретического языкознания. Книга Блумфилда "Язык" (1933) стала для американских лингвистов учебником во всех областях лингвистических исследований. В истории американского языкознания XX в. эта книга занимает место, аналогичное тому, какое занимает "Курс общей лингвистики" Ф. де **Соссюра** в истории европейского языкознания. Изложенные Блумфилдом положения о задачах, принципах и методах лингвистических исследований стали основой развития **дескриптивной лингвистики** - направления, господствовавшего почти четверть века (1933—1957) в американском языкознании.

Прежде чем излагать теоретические основы этого направления, следует отметить, что для него характерен т.е. стремление сочетать чисто научные интересы с практикой. При изучении бесписьменных языков американских индейцев уже в середине прошлого века возникла необходимость создания для этих языков алфавитов (для распространения религиозной литературы). Во время второй мировой войны участие в выработке методов быстрого обучения англо-американских войск "экзотическим" языкам не только расширило область интересов лингвистов, но и заставило по-новому взглянуть на структуру английского языка. В этот же период у американских **дескриптивистов** наметился так называемый **дешифровочный** подход к языку, когда неизвестный язык рассматривается как код, подлежащий дешифровке. Все сведения об этом коде (языке) должны быть получены из его анализа. Наконец, в 50-х годах некоторые области американского языкознания развивались под влиянием задач автоматического перевода текстов, что обусловило идеи формального анализа языка.

§ 82. ОБЩЕЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДЕСКРИПТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Теоретические взгляды Л.Блумфилда явились тем фундаментом, на котором возникла и развивалась американская дескриптивная лингвистика. Ее философской базой является позитивизм. Если вначале Блумфилд еще полемизировал с откровенно идеалистическими концепциями младограмматиков, то позже он заявляет о своей близости к логическому позитивиз-

му Р.Карнапа. Методологические установки современного позитивизма особенно ярко проявляются в пренебрежении к объяснительной стороне науки о языке. Центральной задачей языкознания объявляется описание языка, т.е. регистрация фактов языка, но не их Эта тенденция закреплена в наименовании этого направления как дескриптивного (от англ. ***to describe*** 'описывать'). Сам Блумфилд отрицает (в терминах логического позитивизма) истинность общих понятий, идей. В статье "Язык или идеи?" (1936) он пишет, что идеи, понятия - это только неправильное истолкование языковых фактов. Восприняв эту мысль, современные американские языковеды стараются точно описывать факты языка, но не пытаются их объяснить.

Такая поверхностная классификация фактов языка, несомненно, обедняет содержательную сторону лингвистики. Русские языковеды поддерживали противоположную, прогрессивную точку зрения. Так, еще Ф.Ф. Фортунатов указывал, что задача языкознания состоит в том, чтобы установить причинную связь понятий, представляемых языком, объяснить факты языка. Эта традиция развивается и в современном советском языкознании.

Психологической основой, на которой Блумфилд строит лингвистический анализ, является бихевиоризм (от англ. *behaviour* "поведение") - течение в американской психологии, возникшее на рубеже вв. Бихевиоризм предлагает основывать наши суждения о психических процессах на внешне выраженных реакциях человека, его поведении. Блумфилд, следуя этому учению, стремится не выходить за пределы фактов, данных в опыте, вести весь лингвистический анализ на уровне наблюдения выражаемых человеком стимулов и реакций на них. Он пишет: "Предположим, что Джек и Джилл идут вдоль изгороди. Джилл голодна. Она видит яблоко на дереве. Она издает звук... Джек перепрыгивает через изгородь, влезает на дерево, срывает яблоко, приносит его Джилл и кладет его ей в руку, Джилл ест яблоко. <...> Мы, изучающие язык, будем, естественно, различать здесь самый акт речи и другие явления, которые мы назовем практическими событиями. С указанной точки зрения все происшедшее распадается во времени на три части:

А. Практические события, предшествовавшие акту речи.

В. Речь.

С. Практические события, последовавшие за актом речи. <..> Все... события, которые предшествуют речи Джилл и касаются ее, мы называем стимулом говорящего. <...> Практические события, которые следуют за речью и касаются слушающего, мы называем реакцией слушающего. <...>

Если бы Джилл была одна... она могла бы достать яблоко и съесть его; в противном случае она осталась бы голодной. <...> Чувство голода... является стимулом (который мы обозначим S), а движение к пище — реакцией (ее мы обозначим R). Джилл в одиночестве и бессловесное животное действуют только в одном направлении, а именно: *S* **-*/j"258**

Однако, идя с Джеком, Джилл обращается к нему с просьбой и практический стимул (чувство голода 5) опосредуется речевым стимулом (обращение к Джеку х), в результате чего Джек отвечает ей (реакция, опосредо-

ванная речью, *г)* **и** подает яблоко (неречевая реакция *R).* Схема *S -> R* **опосредуется** речевым актом *s—г* и выглядит следующим образом: **S->£....г->** *R.* Исследователей языка интересует именно речевой акт *(s—r).*

Изложенную общую теорию языка Блумфилд называет материалистической, или механистической, и противопоставляет ее менталистским построениям, под которым понимает в основном психологические теории. Теорию Блумфилда называют иногда теорией лингвистического механицизма. Следует твердо помнить, что определение "материалистический" в терминологии Блумфилда не имеет ничего общего с содержанием термина "материалистический" в марксистско-ленинской философии *(материалистический подход, материалистическое решение вопроса* и т.д.), где он означает признание первичности материи и вторичности сознания. У Блумфилда "материалистический" является синонимом к слову "позитивистский", т.е. основанный на внешнем наблюдении.

Определением языка как особой формы поведения человека, сведением коммуникативной функции языка к цепи стимулов и реакций, а социальной природы - к процессам одного порядка с биологическими процессами снимаются все сложные проблемы, связанные с решением вопросов о связи языка и мышления, о социальной природе языка, с пониманием языка как системы. Все эти вопросы объявляются в американской лингвистике мистическим мудрствованием, темным философствованием, характерным для европейских языковедов. Принятие речевого отрезка, данного в высказывании, единственно конкретной реальностью, основным объектом лингвистического исследования, естественно, ведет к неприятию соссюровской дихотомии "язык — речь". Дескриптивисты считают, что такое противопоставление только вводит в заблуждение.

Другой фундаментальной проблемой, поставленной Блумфилдом перед американскими лингвистами, явилась проблема **-языкового значе-** и его роли в лингвистическом исследовании. Определив значение языковой формы как ситуацию говорящего слушающего, Блумфилд признал значение ситуативным. Поскольку ситуаций может быть великое множество, а знания лингвиста ограничены, постольку Блумфилд приходит к пессимистическому выводу: определение языкового значения является наиболее слабым звеном в науке о языке. Приверженцы Блумфилда в современном американском языкознании и Дж.Трейгер категорично заявляют: "При осуществлении классификаций не должно быть никакого обращения к значению, абстрактной логике или философии"[2]^. Раз отрицается **значение,** то игнорируется и слово — основная единица языка, носитель значения. Лексикология является наименее развитой областью в современной американской лингвистике. Встречающийся у дес- термин "слово" соответствует, скорее, нашему пониманию слова как определенной совокупности морфем.

С именем Блумфилда связана также разработка теории **уровней** Он полагал, что описание языка начинается с наиболее простого уровня — фонологического, при котором определяются все фонемы и констатируется, какие сочетания фонем возможны. После описания фонологического уровня в порядке возрастающей сложности следует переходить к следующему уровню описания, который Блумфилд называет семантичес-

ким; семантику он делит на грамматику и лексику. Поставив вопрос об уровнях (стадиях) описания, Блумфилд вызвал интерес **дескриптивно тов** к проблеме структуры лингвистического знания о языке. Так, совое **менный** последователь Блумфилда Ч.Хоккет выделяет три центральные системы — грамматику (морфологию), фонологию и морфонологию — и две периферийные - семантику и фонетику. Такая структура языкознания приводит к универсализации фонологии и морфологии (сюда включается и **синтаксис;'** ср. понимание И.А **Бодуэном** де **Куртенэ** синтаксиса как морфологии высшего порядка) за счет семантики и фонетики.

Теоретические положения Блумфилда последующим поколением лингвистов разрабатывались в различных направлениях. Поэтому об американской лингвистике нельзя говорить как об едином учении, в настоящее время в нем можно выделить три группировки.

1. Группа учеников и последователей Блумфилда: **Дж. Трейгер** ("Очерк лингвистического анализа" совместно с **Б.Блоком,** 1942; "Очерк структуры английского языка" совместно с Г.Смитом, **1951),** З.**Харрис** ("Метод в структуральной лингвистике", 1951; "Анализ речи", 1952; "Структуральная лингвистика", 1961), **Б.Блок** ("Флексии английского глагола", 1947; "Набор постулатов для фонемного анализа", 1948) и др. Лингвистическое направление языкознания, представляемое этими учеными, известно как **Иельская** школа. Развивая предложенные Блумфилдом формальные методы анализа языка, эта школа усовершенствовала технику лингвистического анализа. Именно эти языковеды требовали полностью исключить фактор значения из лингвистического исследования.

2. Энн-Арборская группа лингвистов: **К.Пайк** ("Язык в отношении к объединенной теории структуры человеческого поведения", 1954-1960; "Интерпретация фонологии, морфологии и синтаксиса", **1958), Ю.Найда** ("Морфология", 1951), **Ч.Фриз** ("Структура английского языка", 1952) и др. Отказавшись от теоретических положений Блумфилда, эти ученые тем не менее приняли его исследовательские методы. Лингвистам этой школы ближе учение Э.Сепира, что сказывается в широком привлечении к вистическому анализу нелингвистических факторов (психологических, социальных, этнических и т.д.). Другой характерной чертой деятельности представителей данной группировки можно назвать большой интерес к практической полевой работе, а также к миссионерской деятельности среди коренного населения Америки.

3. Школа трансформационного анализа: **Н.Хомский** ("Система синтаксического анализа", 1953; "Три модели описания языка", 1956; "Синтаксические структуры", 1957), **РЛиз** ("Грамматика именного образования в английском языке", **1960; "Что'такое** трансформация", 1961) и др. (о сущности этого метода анализа см. § 83).

Сторонники указанных направлений американской дескриптивной лингвистики, оставив в стороне решение общеметодологических проблем общего языкознания, основное внимание обращают на методику лингвистического анализа, приемы описания, последовательность процедур, выработку терминологии, создание строгой формальной процедуры описания — одним словом, на создание техники описания языка. Сущность дескриптивной лингвистики они определяют следующим образом: "Дескриптивная

лингвистика (В терминологическом смысле) есть особая область исследования, имеющая дело не с речевой деятельностью в целом, но с **регулярностями** определенных признаков речи. Эти регулярности заключаются в дистрибутивных отношениях признаков исследуемой речи, т.е. повторяемости этих признаков относительно **Друг** друга в пределах высказываний"; "главная цель дескриптивной лингвистики... есть определение порядка расположения (дистрибуция) или распределения (аранжировка) в процессе речи отдельных ее частей или признаков относительно **друг друга"**[260]. Эта цель требовала формализации лингвистического исследования и выработки соответствующих методов анализа.

§ 83. ДЕСКРИПТИВНЬПЕ МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Методологические предпосылки дескриптивного подхода к языкам, которые и технику лингвистического анализа, наиболее четко выражены в работе З.Харриса "Метод в структуральной **лингвист»** ке". Большинство дескриптивистов признают областью исследования для дескриптивной лингвистики единичный язык, или диалект, под которым понимается либо речь конкретного лица (информанта), либо язык коллектива идентичных в языковом отношении лиц в хронологически определенное Единичный язык рассматривается в краткий период времени.

Объектом исследования в дескриптивном анализе является единичное и законченное высказывание на данном языке. Высказывание определяется как отрезок речи определенного лица, ограниченный с обеих сторон паузами. Как правило, высказывание не тождественно предложению, ибо оно может состоять из отдельных слов, фраз, незаконченных предложений и т.д.

Исследование, по мнению дескриптивистов, есть собирание высказываний в каком-либо едином диалекте и анализ собранного материала. Последовательное применение этих положений учения **Л.Блумфилда** к конкретному предмету (английскому языку) проводится **Ч.Фризом** в **книге** "Структура английского языка". **Фактическим** материалом для **Фриза'**послужили телефонные разговоры (он подслушал около 50 разговоров длительностью 5-30 минут, т.е. свыше 25 ООО слов). Полученный таким образом речевой материал (совокупность единиц Высказывания) исследуется - устанавливаются элементы и определяется этих элементов относительно друга. Лингвистические определяются для каждого языка посредством сопоставления их с конкретными особенностями речи. Можно говорить, что каждый элемент встречается в определенном сегменте высказывания, т.е. в части лингвистически выраженного и протекающего во времени высказывания. Классы лингвистических тов строятся на основе экспериментальной техники субституции, а законы сочетания элементов устанавливаются с помощью анализа по непосредственно составляющим (НС). Сегментация, субституция, дистрибутивный анализ могут применяться для исследования любого аспекта языка, а анализ по НС оправдан только в области морфологии и синтаксиса.

Первой стадией анализа является с е г м е н т а ц и я в ы **с к а з ы** в а н и я, т.е. дробление его на мельчайшие элементы, которые обозначаются **символами.** Словосочетание *что написано пером* [што **нап'ис/,нэ** п'ером] мы можем произвольно разбить на Сегменты [ш-**то-нап'-и**-сАнЗ- tf-ерю-м],

Исследователь просит информанта (или **нескольких)** повторить это **слово¬** сочетание. При втором произнесении сегментам могут соответствовать зву¬ ки, чуть-чуть отличающиеся от ь первом произнесении. Например, один из информантов произнесет 'в слове *пером* "картавый" [р], другой — чуть дрожащий [р] . Сами информанты считают произнесенные словосоче¬ тания идентичными; так как смысл высказывания ясен, различное произношение [р] для информантов несущественно.

Затем мы подставляем наши сегменты в другие высказывания и прове¬ ряем, ли такие высказывания для информанта. При выяс¬ няется, что, например, первый сегмент можно вставить в ряд других высказываний: *Шей!* [unj] и т.д. Причем в другие высказывания можно подставлять не только сегменты, но и их части. Например, первую часть сег¬ мента **[-то-]** можно подставить в высказывание *Вот ты какой!* [вот ты ка-**KOJ**] , а вторую часть — в высказывание *Вот мельница* [вот **м'ел'н'ица]** . От¬ сюда видно, что любой звук представляет собой тот или иной сегмент. В результате описанной процедуры мы установили окружение элементов. или позиция, элемента состоит из соседства (в пределах высказывания) элементов, установленных в процессе той же самой проце¬ дуры, которая использовалась при установлении данного элемента. Под "со¬ седством" подразумевается позиция элементов по отношению к рассмат¬ риваемому элементу. Из проведенною эксперимента видно, что некоторые сегменты неравнозначны. Так, если в высказывании заменить первый звук на |ч] , то информант не будет считать полученное высказывание пов-торением первого; он признает **его** новым высказыванием *Что?* Следова¬ тельно, звуки [к, ч] — разные сегменты.

После выделения в высказываниях сегментов (соответствующие звуки часто обозначают термином число которых может достигать нескольких сот) эти сегменты (фоиы в пределах фонологического уровня) группируются в сравнительно небольшое число классов - ф о н е м . Основанием для такой группировки может служить д и с т р и б у ц и я (поря-док расположения) элементов. Американские лингвисты понимают под дистрибуцией элементов совокупность всех окружений, в которых они встречаются, т.е. сумму всех (различных) позиций (или употреблений) эле¬ ментов относительно употреблений других элементов. В дескриптивной лингвистике выделяются три тина отношений между двумя звуками (или другими элементами); эти типы отношений принято называть **моделя-** м и **д и с т р и б у ц и и .**

Элементы находятся в **к о н т р а с т н о й д и с т р и б у ц и и ,** если они могут встречаться в одних и тех же окружениях, различая значения. При этом различна реакция говорящих, и поэтому такие элементы являются представителями разных единиц, в данном случае фонем. Таковы начальные согласные в словах *дал — зал ~ мал - бал — вал,* принадлежащие пяти раз¬ личным фонемам.

Звуки находятся в отношении
ц и и, когда каждый из них встречается в закрепленных за ним окруженi-ях, в которых другие звуки не встречаются . Например, гласный [и] в рус-ском языке встречается после мягких согласных *{кино, либо),* после гласных *(армии, герои),* но не **м~жет** стоять после твердых согласных:

шило нельзя произнести как [ш'илд] Следовательно, [и, ы] находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Звуки, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, считаются вариантами, или аллофонами, одной фонемы (фонема в терминах дескриптивной лингвистики определяется как класс аллофонов).

Если же два звука (элемента) языка могут заменить друг друга в любом окружении и значение слова при этом не меняется, то они находятся в отношениях свободного варьирования. Например, слово *город* можно произнести с [г] (взрывным) и *[у]* (щелевым), но смысл высказывания не изменится. В этом случае звуки являются вариантами одной и той же единицы, одного звука.

Что касается аналогичной техники лингвистического анализа на морфологическом уровне, то Харрис считает, что, располагая фонологическими элементами языка, мы можем перечислить, какие их комбинации образуют в языке морфемы. Проблему сегментирования морфологических элементов он решает с помощью метода сопоставления, сравнения с другими высказываниями. Желая избежать ссылок на значение, Харрис пытается заменить семантический критерий в морфологии критерием дистрибуции: "Дистрибуция какой-либо морфемы - это сумма всех контекстов, в которых она может встречаться, в отличие от тех контекстов, в которых она встречаться не может"[26]

В морфологии, как и в фонологии, также выделяются три модели дистрибуции. Например, морфемы *-у(ю)и -л,* находясь в одинаковом окружении, различают грамматическое значение глагола в форме 1-го'л. ед.ч. (показывают различное время действия): *броса-ю* и *броса-л.* Эти морфемы находятся в отношениях контрастной дистрибуции. Элемент *хоч-* встречается в соединении с такими морфемами,, как *-у (хочу), -ешь (хочешь), -*т (хочет),* в то время-как перед морфемами *-ешь, '-им, -иге, -ят* употребляется элементхог- (ср.: *хотеть, хотим, хотите, хотят;* невозможно сказать *"хочим ", "хотеть ")* .Морфемы *хот-* и *хоч-* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и являются вариантами (алломорфами) морфемы, встречающейся в определенных окружениях. В свободном варьировании находятся варианты морфемы *-ей* и %о *(землёй, землёю), -ями* и *-ьми (лошадями, лошадьми),* ***-ся*** и ***-сь*** *(смеюся, смеюсь),* где использование того или иного варианта морфемы не меняет значения слова.

Из приведенных выше примеров видно, что описание внешних, формальных элементов языковой структуры проводится при полном игнорировании смысловой стороны языка. Кроме того, при дистрибутивном анализе неясным остается исходное понятие дистрибуции. Если понимать дистрибуцию как совокупность всех окружений, в которых рассматриваемый элемент встречается, то из данного определения видно, что понятие дистрибуции выводится с помощью понятия элемента, а понятие элемента определяется через понятие дистрибуции ("заколдованный круг"). Неясен также термин "окружение элемента". Если понимать его как соседство, которое может простираться по обе стороны от изучаемого элемента на неограниченное количество смежных отрезков, то расплывчатость этого понятия также не может не броситься в глаза. Следовательно, неверно и общее положение американских о возможности изучить языковые особен-

ности путем анализа одних только дистрибутивных Вместе тем следует признать, что дистрибутивные критерии способствовали уточнению объективных приемов анализа лингвистического материала.

Выделение элементарных значимых элементов, т.е. сегментация высказывания, осуществляется также с помощью метода анализа по посредственно составляющим (метод НС). Анализ по НС упоминается уже в работе Блумфилда "Язык", а четкая формулировка принципов этого метода дاااااا

НС, из которых затем составляются более крупные НС, входящие в конце концов в единую НС — предложение, конструкцию.

Метод НС применяется в основном в синтаксисе. Синтаксический анализ, по мысли дескриптивистов, преимущественно состоит из выделения последовательных слоев НС и непосредственных конструкций, а также из описания отношений, существующих между ними. Гораздо меньшее распространение метод НС получил в морфологии и фонологии. Объясняется это тем, что выявилось много спорных случаев, трактовка которых на уровне НС не отражает существующих в языке реальных отношений. Так, анализ по НС позволяет обнаружить первоначальную производную основу ряда многоморфемных слов путем выделения ряда последовательных ступеней. Например, в слове *соотносительность* постепенно выделяются следующие ступени: *соотносительность — соотносительный — соотносить — отноСить — нос\ить.* Однако если мы попытаемся разбить на значимые единицы такие слова, как *приход, подвоз, разъезд* и др., то убедимся в непригодности метода НС, поскольку эти слова произошли не путем соединения морфем, а от приставочных глаголов *приходить, подвозить, разъезжаться.*

Фонологический анализ по НС подробно рассмотрен в книге Ч.Хоккета "Руководство по фонологии" (1955). На фонологическом уровне также обнаруживаются необходимые для анализа по НС иерархические отношения. Основным уровнем фонологического анализа Хоккет считает слоговое деление. В каждом слоге он различает три элемента одинакового структурного уровня: начало, вершину и исход слога, которые анализируются по НС. В англ. *bit* "кусочек, частица" в первом слое производится отделение начала слога в качестве первой НС и соединение вершины к исхода - в качестве второй НС; во втором слое производится отделение вершины от исхода слога, разлагаемого уже в следующем Применение метода НС при фонологическом анализе также сопряжено с большими сложностями (недаром сам Хоккет позднее ограничивает использование метода НС грамматическим уровнем).

Метод НС, предназначенный для изучения последовательности элементов языка и установления отношений между ними, тем не менее далек от того, чтобы быть точным, объективным и однозначным методом лингвистического анализа. Выявлены следующие недостатки анализа *по* НС: 1) метод НС не позволяет различать синтаксические структуры предложений, различных по смыслу; например, предложения *Изучение событий становится интересным* и *Развитие событий становится интересным* дают одну и ту же схему свертывания при анализе по НС, хотя в первом предложении события являются объектом действия (кто-то их изучает), а во втором — субъектом действия (они сами развиваются); 2) метод НС не позволяет установить связи между активными и пассивными, утвердительными и вопросительными конструкциями; он применим только в рамках простого предложения, и то не во всех случаях; 3) метод НС не позволяет ответить на вопрос, что же является элементарной единицей языка на синтаксическом уровне.

Серьезные недостатки метода НС вызвали необходимость разработки нового метода анализа. Трансформационный метод *(ТЫ)* был впервые предложен одним из теоретиков дескринтивизма З.Харрисом ("Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре",

1957) и развит его учеником Н.Хомским ("Синтаксические структуры", 1957). Этот метод основывается на том, что синтаксическая система любого языка может быть представлена в набора элементарных типов называемых предложениями, которые являются простыми нераспространенными утвердительными предложениями в форме активного Эти элементарные предложения образуют фундамент синтаксической системы языка; они являются чрезвычайно устойчивыми и наиболее древними по своему происхождению, что подтверждается историческими данными и фактами детского языка. Данные развития детской речи свидетельствуют о том, что сперва ребенок усваивает утвердительные двусоставные двусловные предложения (типа *Собака бежит),* позже появляются повелительные, восклицательные, вопросительные и отрицательные предложения, причем безличные предложения появляются позже личных. Предложения с дополнениями *(Ты купила книжку)* возникают в речи примерно на три месяца раньше предложений с согласуемыми определениями. Эти данные объективно подтверждают существование ядерных предложений, хотя в обыденной речи подобные предложения употребляются очень редко и почти совсем не встречаются письменных текстах.

Из простейших лингвистических структур (элементарных ядерных и соединительных элементов путем ряда преобразований возможно построить разнообразные предложения неограниченной длины. Полученные новые предложения будут трансформами (производными) ядерных предложений. Иначе говоря, формальные операции, которые произвести над ядерным предложением, чтобы получить более сложное предложение, и есть а производные предложения называются трансформами. Описанное представление о сущности трансформации поясняют иногда сравнением синтаксической системы языка с Периодической системой элементов Д.И. Менделеева: громадное число "молекул" (сложных синтаксических типов) описывается с помощью небольшого числа "элементов" (ядерных типов) и небольшого числа "реакций" (трансформаций).

Изложенные выше теоретические положения можно проиллюстрировать простым примером. Из ядерного предложения *Ученик читает книгу* с помощью ряда трансформаций мы можем получить следующие трансформы: *Читаетлиученик книгу ?Ученик не читает книгу; Книга читается ученик*ом; *Ученик будет читать книгу; Книга будет прочитана учеником; Кем будет прочитана книга? Кем прочитана книга? Чтение книги учеником; Ученик, читающий книгу; Книга, прочитанная учеником* и т.д, Преобразование ядерных предложений производится по трансформационным правилам, которые предполагают как перестройку структуры предложения, так и соединение предложений между собой. По правилам набор элементов, входящих в ядерное предложение, не меняется, а лишь преобразуется грамматическое строение предложения. Трансформационные правила сводятся к следующим основным операциям: 1) перестановка элементов *(Миша пришёл -> Пришёл Миша?);* 2) субституция, или замена одного элемента другим *(Я знаю, что он хочет -* Я знаю это);* 3) адтьюнкция, или добавление *(Ты знаешь это?Ты знаешь ли это?);* 4) эллипсис, или исключение элемента *(Они говорят, что там сейчас тепло -* **Говорят,** что там тепло).*

первый взгляд, может показаться, что приведенные трансформации ничем не отличаются от известных со школьных лет грамматических преобразований (образуйте вопросительное предложение, переведите предложение из активного залога в пассивный и **т.п.)-** На самом деле анализ с помощью ТМ позволяет выявить различия элементов в, казалось бы, одинаковых синтаксических конструкциях, уточнить значения или иного элемента. Например, конструкции *Он пишет другучас* и *Он пишет другу письмо* внешне аналогичны, однако вторая конструкция допускает трансформу *Письмо другу пишется им,* а трансформа от первой конструкции невозможна (нельзя сказать: *'Час другу пишется* **Им**'О-ТМ позволяет объективно расчленить грамматически однотипные слова на определенные классы и подклассы.

Кроме того, с помощью ТМ, например, было выяснено, что не все безличные предложения в русском языке однородны. Возьмем предложения *Листву гонит ветром; Документов не сохранилось; Препятствий не предвиделось.* Предложение *Листву гонит ветром* представляет собой трансформу, сводимую к личному ядерному предложению одной **трнасформа-**цией О *Ветер гонит* ***листву).*** **Предложение** *Документов не сохранилось* отделено от личного ядерного предложения двумя трансформациями *{*- Документы не сохранились «- Документы сохранились). Предложение Препятствий не предвиделось* находится на расстоянии трех трансформаций от личного ядерного предложения (*«- Препятствий не предвиделось <- Препятствия предвиделись *- Некто предвидел препятствия).* ТМ показывает, что единство безличных предложений в трансформационной грамматике исчезает, ибо они входят по своей структуре в разные типы личных предложений. Так ТМ помогает глубже познать анатомию языка.

Кроме того, выделение элементарных предложений, изучение транформационных правил может иметь и чисто прикладное значение, например при преподавании иностранных языков. Здесь задача лингвиста заключается в том, чтобы провести такое сопоставление трансформационных моделей родного и изучаемого языков, которое помогло бы учащемуся уяснить сходство и различие в трансформациях этих языков. Подобное сопоставление может помочь учащемуся на основе преобразований синтаксических структур родного языка усвоить с возможно степенью точности синтаксические структуры изучаемого языка.

Если дистрибутивный анализ и метод НС должны были дать ответ на вопрос, каким образом из мелких кусочков составляется высказывание, то ТМ должен был дать ответ на вопрос, из какого предложения или предложений путем трансформационных преобразований выведено данное высказывание. Но здесь-то и выявился основной недостаток ТМ: этот метод анализа строится сначала чисто эмпирически, а уж затем проверяется на языковом материале. В настоящее время большинство лингвистов считают, что область применения ТМ недостаточно четко обозначена, неясно количество типов ядерных предложений в разных языках, не определены критерии **для** направления трансформаций и т.д.

Рассмотренные нами методы лингвистического анализа **представляю*** собой самое ценное, что создано американской дескриптивной **лингвисти-**

кой. Эти методы *ш* дают ответа на вопрос, как функционирует язык, но позволяют Б какой-то мере его описать.

§ 84. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ОТВЕТВЛЕНИЯМИ СТРУКТУРАЛИЗМА

Рассмотренные течения Пражская школа функциональной лингвистики, глоссематика, дескриптивная лингвистика - позволяют отметить общность некоторых тенденций и указать различия в конкретных принципах лингвистического анализа в каждом из этих течений. Общим для структуралистических теорий является их антимладограмматическая направленность. Младограмматики утверждали ценность исторического изучения языка. Структуралисты же признают, что только **современный** может дать нам полную, искусственно не упрощенную картину языковой жизни. Историзм младограмматиков уступает место синхронии структуралистов, и синхроническое изучение языка объявляется основной задачей языкознания.

Ведущий **представитель** современного структурализма А.Мартине в качестве общего постулата, объединяющего всех структуралистов, выдвинул тезис о том, что каждый язык характеризуется (тем самым ляясь любому другому языку) прежде всего организацией sui generis (особого рода), которая имеет гораздо большее значение, чем случайное сходство между отдельными единицами, т.е. каждый представляет собой **структуру.** Признание языка особой структурой связано с формализацией лингвистического анализа и поисками **тивных** методов **описания** и изучения **языка.** Для структурализма характерно стремление выработать объективную и беспристрастную технику лингвистического анализа. При этом все ответвления структурализма исходят из положения об уровневом характере языка.

Наконец, все структуралисты признают языкознание, которое младограмматики считали конгломератом психологии, физиологии, логики и социологии, самостоятельной наукой, опирающейся на понятие **языкового**

Вместе с тем, как показывает сопоставительный анализ **структуралистических** течений, между ними имеется гораздо больше различий, чем сходства. Объясняется это тем, что оформление разных течений структурализма протекало в разных странах в неодинаковых культурно-исторических условиях, при наличии национальных научных традиций.

Общепризнанным является мнение, будто Пражская и **Копенгагенская** школы представляют полярные течения структурализма, между которыми располагается американская дескриптивная лингвистика. Это мнение основывается на том, что некоторые особенности сближают пражских лингвистов с американскими, отличая их в то же время от Однако есть и общие черты, объединяющие Пражскую и Копенгагенскую школы и противопоставляющие их американскому Общей особенностью ***учит*** Пражской и Копенгагенской школ является понятие **функции.** Однако для **Л.Бльмслева** и **его** школы понятие функции близко к понятию функции в математике, в то время как у пражских

термин "функция" употребляется тогда, когда речь идет о значении (функция слова, предложения) или о структуре смысловых единиц (функция фонемы).

Если копенгагенские глоссематики провозглашают свою теорию независимой от языковой действительности, то пражские лингвисты принимают во внимание многообразные отношения языка к действительности. Заимствованные глоссематиками из математической теории требования эмпирического принципа (непротиворечивость, полнота описания, простота) неприемлемы для пражцев, поскольку эти требования ведут к рассмотрению языка как самостоятельной структуры, оторванной от всего социального. Пражские лингвисты считают, что поскольку язык связан сложнейшими отношениями с литературой, обществом, культурой, искусством и т.д., то нельзя говорить об изолированном, исчерпывающем описании текста.

Представители Пражской школы отрицают и дедуктивный принцип Ельмслева, подразумевающий переход от целого к части, т.е. от целого текста к абзацу, от абзаца к предложению, далее к слову и звуку. Этот принцип не удовлетворяет пражцев потому, что, по их мнению, части являются не только элементами целого, но существуют самостоятельно, имеют свое отношение к внеязыковому миру.

Продолжая линию Ф.де Соссюра, Ельмслев и его ученики представляют себе язык соединением масс — мира мыслительного и мира звукового. Возникающий в результате соединения язык является но не субстанцией. Выделение плана выражения и плана содержания изолирует язык от внешнего мира. Пражские лингвисты никогда не задумывались над тем, является ли язык формой или субстанцией.

По Ельмслеву, мир представляет собой аморфную непрерывность, которая в разных языках оформляется своеобразно. Пражцы же считают, что конкретные языки имеют прямое отношение к действительности, но, стремясь как можно точнее постичь и передать эту действительность, идут разными путями. Таким образом, если теория глоссематиков вряд ли имеет практическое значение, то работами Пражской школы внесен ценный вклад в исследования систем отдельных языков, особенно в области фонологии.

Если Пражская школа не могла ничего принять из теории, то в области фонологии между Пражской школой и американской дескриптивной лингвистикой есть общее. Оба направления используют фонему как единицу фонологического плана. Однако последователи Л.Блумфилда (Б.Блок, Дж.Трейгер, З.Харрис) уделяют основное внимание дистрибутивным чертам фонемы, а пражцы считают фонему пучком дистинктивных (различительных) признаков. Большинство представителей американской дескриптивной лингвистики исключают семантический критерий; пражцы постоянно подчеркивают смыслоразличительную функцию фонем и морфем.

Высоко оценивая новые перспективы, которые открывает для общей лингвистики пражцы, тем не менее, считают, что фонологические лемы нельзя сводить к морфологическим, как это утверждают Н.Хомский и его последователи. Кроме того, пражские ученые полагают, что сторонники ТМ не осознают динамической природы системы языка, которая в концепции Хомского оказывается слишком статичной.

Пражская школа не признает также американскими лингвистами положения о НС, так как оно. по их мнению, приводит к механическому анализу дистрибуции языковых единиц без учета различий морфологических и синтаксических единиц. Пражские лингвисты стремятся избежать ошибки, присущей американским дескриптивистам, а именно так называемого деления уровней, или, точнее, отграничения одного уровня от другого. Подчеркивая тот факт, что изменение в одном языковом уровне может вызвать изменения в некоторых других уровнях, они призывают к учету взаимозависимостей, существующих между различными языковыми уровнями.

Наконец, американские дескриптивисты вследствие узкого практицизма своих синхронических исследований не учитывают в достаточной мере связи между и В противоположность этому представители Пражской школы всегда утверждали, что всякий язык существует не в вакууме, а в языковом коллективе, коммуникативные и экспрессивные нужды которого он призван обслуживать.

Сопоставляя теорию лингвистического описания у представителей американской дескриптивной лингвистики и копенгагенских глоссематнков, также можно отметить и некоторое сходство, и принципиальные различия. Общим для обоих направлений является признание основной задачей языкознания разработки техники лингвистического **следования.** Объединяет эти направления и математизация **формулировок** лингвистических положений. Так, Харрис описывает свой лингвистический анализ как математический, а Ельмслев заявляет, что его цель заключается в создании лингвистической алгебры; Харрис говорит, что его анализ чисто формален, а Ельмслев представляет свою теорию как основанную на чисто формальной системе постулатов. Обе школы пытаются избежать традиционной лингвистической терминологии, стремясь установить некую общую систему **терминов** (метаязык), пригодную для синхронического описания любого языка.

Обе эти школы подчеркивают принцип так называемого ного **деления:** сначала они делят каждое высказывание на две (иногда больше) **часги** и затем подобным же образом делят каждую часть до тех пор, пока не дойдут до последних составляющих. Ельмслев называет это дедуктивным методом, американские лингвисты - анализом по НС. Применение этого технического приема к лингвистическому материалу любого вида на любой стадии лингвистического анализа является одной из существенных черт, присущей обоим направлениям.

Вместе с тем между ними имеются и глубокие расхождения, которые связаны с разным пониманием и задач языкознания как науки. Американские дескриптивисты ставят своей целью создание описания причем набор процедур для описания языка заменяет основные лингвистические понятия. Глоссематики подменяют язык набором **текстов,** которые должны быть описаны непротиворечиво и исчерпывающе. Однако тексты эти описываются часто дедуктивно, умозрительно: этим текстам, т.е. языку, как бы приписываются выработанные заранее понятия. Если для американских структурализа-**дня** текста (т.е. его дистрибуция, аранжировка и т.д.) является конечной

лингвистического исследования, то для глоссематиков конечная цель — поиск в языке постоянного и устойчивого.

Каждое из рассмотренных направлений структурализма внесло свой вклад в развитие современного **языкознания.** Прежде всего они показали несовершенство старых методов лингвистического исследования и стимулировали возникновение новых приемов анализа. К сожалению, сторонники структурализма не создали единого языка лингвистики, в результате чего одним и тем же объектам и принципам присваивались разные наименования, а совершенно непохожие вещи назывались одинаково[263]. Неразработанность языка лингвистики и привела к изоляции течений структурализма, к разобщению их усилий, к созданию самостоятельных лингвистических учений, внешне как будто мало связанных с другом. Несмотря на серьезные **недостатки** и заблуждения, каждое из течений структурализма, один и тот же объект — язык, знаменовало собой стремление найти наиболее объективные методы анализа и описания языка.

§ 85. ТРАНСФОРМАЦИОННО-ГЕНЕРАТИВНАЯ ГРАММАТИКА

Выше мы уже говорили о недостатках формальных методов анализа языка, разработанных в американской лингвистике,— метода анализа по непосредственно составляющим и трансформационного метода. Анализ по НС устанавливает только один тип синтаксической связи — подчинение, хотя существующие в предложении связи не сводятся только к одному подчинению. Кроме того, анализ по НС возможен только с простыми предложениями. Трансформационный метод анализа предполагает описание текста как производного от небольшого количества ядерных предложений в результате их трансформации в более сложные формы предложений, хотя неизвестно ни количество исходных ядерных структур в том же английском языке, на материале которого разрабатывался этот метод, ни виды и типы трансформаций. Оба эти метода анализа языка не помогали познанию механизма функционирования языка. Эти недостатки были видны большинству американских лингвистов, и к середине 50-х годов в американской лингвистике наступило разочарование в идеях дескриптивной лингвистики и образовалось нечто вроде вакуума.

Этот вакуум постарался заполнить американский логик и лингвист Ноум Хомский (Chomsky, р. 1928; в учебнике дается традиционное русское написание фамилии — Хомский, в некоторых изданиях встречается новое, более правильное написание — Чомски), обосновав так называемый второй вариант трансформационной грамматики. В работах "Логические основы лингвистической теории" (1962), "Аспекты теории **синтаксиса"** (1965), "Язык и мышление" (1968) Хомский сформулировал принципы трансформационной лингвистики, или **трансформационно-генеративной** (от англ. *to generate* 'порождать') грамматики (в дальнейшем - ТГГ), которая в течение двадцати лет в США выдавалась за единственно научный метод изучения языка, знаменующий собой решительный поворот от "антитеоретических" исследований Л.Блумфилда и Э.Сепира, которые ограничивались простой констатацией фактов, к якобы подлинной науке.

первых порах ТГГ получила распространение и в некоторых евро-

пейских странах, где позднее к ней стали относиться критически. В США же молодые лингвисты воспитывались только на теории Хомского; им совершенно сознательно внушалось пренебрежение ко всей предшествующей истории языкознания: не считалось нужным даже знать о существовании языковедческой литературы, написанной до "Синтаксических структур" (1957) Хомского. Теория Хомского была воспринята в США как "революционная", открывающая новые горизонты в языкознании. Что же это за теория?

Обратимся к анализу работ Хомского, прежде всего к философским обоснованиям этой теории, ибо, хочет того исследователь или нет, в его работах всегда есть философская основа и любой исследователь в создании своих теорий опирается на опыт своих предшественников. Хомский опирается на философские положения выдающегося французского философа, математика, физика и физиолога XVII в. Р.Декарта (см. § 8), известного в прошлом под латинизированным именем Картезиуса, и излагает их в книге "Картезианская лингвистика" (1966) и в названных выше работах. В советских исследованиях по истории философий отмечалось, что Декарт большое значение придавал интуиции, отводя практике, опыту вспомогательную роль в процессе познания. Интуиция оказывается главным положением картезианского рационалистического метода познания. Этот метод, сыграв свою положительную роль в борьбе со средневековым схоластическим методом мышления, сегодня противопоставляется диалектическому методу. Вот этот р а ц и о н а л и з м Декарта, согласно которому разум (а не опыт и практика) является единственным критерием истинности полученного наукой знания-, и берет за основу Хомский. "При рационалистском подходе, - пишет он, — утверждается, что, помимо периферийных обрабатывающих механизмов, имеются врожденные идеи и различного рода принципы, которые задают форму приобретенного знания, причем, возможно, довольно ограниченным и высокоорганизованным способом"[264]. И далее приводятся цитаты из Декарта: "...представления об этих движениях и образах являются сами по себе врожденными для нас. Тем более врожденными должны быть идеи боли, цвета, звука и им подобные..."; вообще "зрение... не представляет ничего, помимо а слух ничего, помимо голосов или звуков, поэтому все те вещи, о которых мы думаем, помимо этих голосов и картин, как о представленных ими, доходят до нас посредством идей, которые проистекают не из какого иного источника, как нашей способности мыслить, и соответственно являются вместе с самой этой способностью врожденными для нас, т.е. всегда существующими в нас в потенции; потому что существование во всякой способности есть не реальное, а потенциальное существование, поскольку само слово „способность" обозначает не что иное, как потенцию... [Таким образом, идеи являются врожденными в том же смысле, как] в некоторых семьях врожденной является щедрость, в других — определенные болезни, как подагра или камни, и не потому, что в силу этого обстоятельства младенцы в этих семьях страдают от этих болезней в утробе матери, а потому, что они рождаются с определенной наклонностью или расположением к их возникновению,.,"^.

Из этой цитаты Декарта следует, что врожденные идеи это понятия, которые не приобретаются опытным путем, через обучение, а рождаются

вместе с человеком. Вслед за Декартом Хомский цитирует идеалиста ГЛейбница (ем. § 8) и избегает обращения к работам философов-материалистов XVII в. - Дж.Локка, Т.Гоббса, П.Гассенди и др. А ведь именно Локк опровергает утверждение Декарта о том, что ребенок якобы мыслит уже в лоне матери, поскольку наделен "мыслящей субстанцией". Учению о врожденности идей Локк противопоставляет положение о том, что источником всех знаний является опыт, практика. Недаром в "Картезианской лингвистике" Локк изображен простофилей, ничего не смыслящим в вопросах философии. Кажется, что Хомский не читал даже знаменитого "Опыта о человеческом разуме", не говоря о других сочинениях Локка.

Хомский считает, что предлагаемая им лингвистическая теория должна рассматриваться как теория рационалистического толка, поскольку "рационалистский подход, представленный последними работами по теории трансформационной грамматики, как кажется, зарекомендовал себя как вполне прод /ктивный". Рационалистическая основа ТГГ противопоставляется эмпирическому подходу, основанному на знании конкретного материала языков.

Соврсменные зарубежные ученые (Дж. Ссрль, Х.Аарслеф, АЖоли) отмечают, что идеи Декарта отнюдь не предшествуют теории Хомского. Используя положение Декарта о врожденных идеях, Хомский изображает дело таким образом, что у ребенка существует врожденная структура для усвоения языка. Здесь Хомский извращает Декарта. Он действительно признавал существование врожденных идей, но, согласно Декарту, врожденными являются идеи, а язык произволен и приобретается в процессе овладения им. Поэтому позиции Декарта и Хомского по вопросу о врожденном знании языка кардинально различаются. Кроме Хомский утверждает, что "врожденные идеи" были приобретены человечеством благодаря "миллионам лет эволюции или принципам нервной организации, имеющей, быть может, еще более глубокое основание в физическом законе". "Врожденные идеи" рационалистов характеризовались либо как некие таинственные мистические явления, либо получали религиозное толкование, как у Декарта и Лейбница, которые вовсе не рассматривали их как принципы психической организации, определяющие формы и содержание языков. Поэтому заимствование Хомским у Декарта понятия "врожденных идей", как и попытка приложить его к изучению языка, является неудачным и ненужным, так как искажает взгляды рационалистов на эту проблему и ничего не прибавляет к познанию человеческого разума.

Хомский утверждает, что в классическую эпоху учение Декарта якобы произвело "революцию" в понимании природы человека, сущности человеческого языка и шире — теории познания. Однако, по мнению современного французского лингвиста А.Жоли, Декарт не только не произвел интеллектуальной революции, но, напротив, упрочил смешение науки и метафизики; и это в эпоху, когда наука, наконец, получила автономию благодаря Галилею, Ньютону и другим выдающимся умам. Картезианская философия, которая, по Хомскому; определяла развитие всеобщей грамматики около двух веков, на самом деле противоположна языковедческой теории, развивавшейся на протяжении XVIII в.[266]

Нельзя согласиться и с тезисом Хомского о врожденности языковых

структур которые под воздействием стимулов, получаемых ре¬ бенком от взрослых, обеспечивают усвоение им конкретного языка. По словам, "нет ничего невразумительного во взгляде, что стимуляция создает уму условия для применения интерпретирующих принципов, определенных понятий, которые происходят от самой ности понимать", от способности думать, а не прямо от внешних объек- Естественно, что для возникновения языка у человека должны су¬ ществовать определенные биологические предпосылки (определенный уро¬ вень развития мозга и органов речи). Однако, если ребенок с раннего возраста длительное время изолирован от человеческого коллектива, то он не овладевает человеческой речью и после того, как попадает в человечес¬ кое общество (вспомним рассказ Р.Киплинга "Маугли"). На естественно возникающий вопрос, как же появляется у человека врожденная способ¬ ность к языку, Хомский не дает ответа: "...процессы, посредством которых человеческое мышление достигло нынешнего уровня сложности и своей особой формы врожденной организации, являются полной тайной". Хом- ский не понимает того, что результаты социальною развития человека, в том числе и языка, не наследуются и не передаются в генетическом человека. Его утверждение о врожденности языковых противоре¬ чит марксистско-ленинскому положению о социальном характере языка. "Генеративная лингвистика [Хомского. — *Ф.Б.]* является попыткой вдох¬ нуть новую жизнь в давно уже развенчанную материалистической филосо¬ фией картезианскую теорию врожденных идей и в преодоленное марксиз¬ мом чисто биологическое понимание психических способностей чело¬ века"[268].

С заимствованным Хамским у Декарта положением о врожденных идеях тесно связан вопрос о языковых универсалиях.

определяется как некоторый признак, закон, свойство, тен¬ денция, присущие всем или нескольким языкам или языку и целом. Но та¬ кое понимание универсалий восходит к эмпирической лингвистике, резким противником которой выступает Хомский. Лингвистическая теория Хом- ского уже заранее приписывает ребенку не выраженное в явной форме знание этих универсалий именно на базе врожденной предрасположенности к усвоению языка. "...Главной задачей лингвистической теории, — считает Хомский, — должно являться развитие представлений о языковых универ¬ салиях, которые, с одной стороны, не будут опровергнуты действительны' ми различиями, существующими между языками, и, с другой стороны, будут достаточно содержательными и эксплицитными, чтобы объяснить быстроту и единообразие процесса овладения языком и замечательную сложность и разнообразие порождающих грамматик, являющихся результа- том овладения языком"[269] (о порождающей грамматике мы будем гово- рить ниже). Хомским выделяются два типа лингвистических универсалий - субстанциональные и формальные. Субстанциональные универса¬ лии — это набор синтаксических (вернее, морфологических) категорий (та¬ ких, как существительное, глагол и т.п.), которые встречаются в большинст¬ ве естественных языков. В этом плане традиционная универсальная тика (например, Грамматика Пор-Рояля, см. § 6) была также теорией суб" станциональных универсалий. Другое дело - универса-

лии,под которыми Хомский понимает свойство существования грамматики, удовлетворяющее определенному абстрактному условию. Наличие таких формальных универсалий предполагает, по Хомскому, что все языки строятся по одному образцу. Если традиционная универсальная грамматика, тесно связанная с эмпирической лингвистикой, имела дело с выявлением общих признаков и тенденций в конкретных языках, то в теории
она занимается изучением универсалий некоего абстрактного языка, создаваемого для исследовательских целей. Языковые универсалии Хомского
назвать дедуктивными универсалиями, т.е. набором признаков, существующих в абстрактном языке, независимо от их наличия в том или ином конкретном языке. Приспосабливая исторические факты к обоснованию своей ТГГ, Хомский стремится вывести свое понимание языковых универсалий из положений Грамматики Пор-Рояля, не давая себе труда познакомиться как с предшествующей средневековой философской традицией, так и с работами других лингвистов.

Универсальная грамматика в интерпретации Хомского обладает еще одним характерным признаком — она учитывает творческий характер языка, являющийся одним из качеств, присущих всем языкам. Творческий характер языка Хомский определяет следующим образом: "...взрослый носитель того или иного языка может в случае построить новое предложение на родном языке, и другие носители того же языка немедленно поймут его, хотя это предложение является и для них новым. <...> Нормальное владение языком предполагает не только умение легко понимать бесконечное множество совершенно новых предложений, но также и умение опознавать неправильные предложения, а иногда — давать им **интерпретацию"**[270]**.** В другой работе Хомский уточняет понятие творческого характера языка: "...нормальное использование языка носит новаторский характер в том смысле, что многое из что мы говорим... является совершенно новым, а не повторением чего-либо слышанного раньше, и даже не является чем-либо „подобным" по „модели" (в любом подходящем смысле слов „подобный" и „модель") тем предложениям или связным текстам, которые мы слышали в

Этот творческий аспект употребления языка, т.е. человеческой способности порождать совершенно новые предложения и понимать никогда ранее не слышанные предложения, Хомский делает одним из краеугольных камней своей ТГГ. Сущность творческого аспекта языка Хомский пытается передать словами В.Гумбольдта о том, что язык обладает способностью создавать (порождать) безграничное множество предложений. Хомский часто цитирует Гумбольдта, стремясь найти в его высказываниях поддержку своей теории: "С одной стороны, мы располагаем мнением Гумбольдта: „Я следует рассматривать не как застывший результат **ния,** а как сам **процесс порождений?;...** Сущность каждого языка Гумбольдт видит в его специфической **форме** (не смешивать с „внутренней формой"!). <..> Именно отображение формы языка в мозгу говорящих и позволяет им друг друга, т.е. правильно пользоваться языком. <...> **„Ведь** язык нельзя рассматривать[1] как материал, который дан нам в готовом виде и который можно либо охватить во всей его совокупности, либо сообщить следует рассматривать как

такой материал, который вечно в нем определены законы порождения, но объем и в известной мере разновидности порожда¬емого остаются совершенно неопределенными". <..> Именно эта точка зрения на природу языка лежит в основе современных работ по порожда-ющеи грамматике

Казалось бы, в высказываниях Гумбольдта Хомский нашел надежную опору для обоснования своего понимания творческого характера языка. Однако "склонность Хомского к искажанию взглядов других ученых стала общеизвестной"[273]. По мнению западногерманского лингвиста Э.Косериу, Хомский неправомерно смешал гумбольдтовский термин Erzeugimg и неправильно его перевел как generative principle (порождающий принцип). Термином Erzeugimg Гумбольдт обозначал не "порождение", а только творческое начало. Хомский искажает и гумбольдтовское понимание фор¬мы языка, интерпретируя форму языка как постоянный фактор, лежащий в основе нового конкретного речевого акта. На самом деле форма языка понимается Гумбольдтом трояко: 1) язык является формой отражения мира вообще; 2) каждый язык является определенной формой отражения мира (различные языки - различные формы); 3) каждый язык обладает определенной структурой, на основе которой и осуществляется создание го¬ворящими произведений речи (см. § 15). У Гумбольдта форма языка пред¬определяет порождение не отдельных фраз, как это пытается представить Хомский, а порождение языка. Форма языка — это проявление специфичес¬кого "духа народа", неповторимых особенностей семантической структуры данного конкретного языка, т.е. как раз то, что остается вне поля зрения Хомского. Хомский прав в том, что порождать можно бесконечное число предложений. По данным сп[26]ециалистов, например, в английском языке гипотетически существует 10^{26} предложений. Если сравнить это количество с количеством.слов языка ($Ю^{4}$ или 10^{5}), то станет ясна "продуктивность" языка: для произнесения 10^{20} предложений, состоящих каждое из 20 слов, нужно затратить времени в тысячу раз больше, чем возраст Земли[274]. Так что сводить творческий аспект к возможности создания безграничного множества предложений - дело бессмысленное и бесполезное. Сущность языка заключается не в сумме порожденных предложений, а в систем¬ных связях. Кроме того, совершенно верно, что каждый раз в процессе говорения мы не повторяемся, по-новому комбинируем языковые средст¬ва, и это комбинирование происходит не в силу врожденной способности к употреблению языка, а по моделям ранее слышанных предложений и форм словоизменения. Как бы предвидя подобное возражение, Хомский ма¬ловразумительно заявляет, что сводить творческий аспект языка к использо¬ванию предложений "по аналогии" или к "грамматическим моделям" - значит использовать эти понятия метафорически, безотносительно к техни¬ческому (?!) использованию лингвистической теории. Кроме того, врядли можно принять тезис Хомского, что нормальное владение языком предпо¬лагает умение легко понимать множество совершенно новых предложений. Ведь человек, вступив в пору сознательной деятельности, включается в оп¬ределенную сферу деятельности, что находит отражение и в его языке. Гео¬логу, наверное, трудно понять лингвиста, когда он говорит о своей профес¬сии и создает в процессе речи множество новых предложений. Так что

понимания дредложений ограничивается, видимо, сферой обиходно-бытовой речи.

Так обстоит дело с общефилософскими основами ПТ и ее составными частями - положениями о врожденной языковой способности, о языковых универсалиях и о творческом характере языка. Философская основа теории Хомского, состоящая в эклектичном соединении идей Декарта и Гумбольдта, вряд ли является словом в науке и способна указать путь, по которому следует развиваться современному языкознанию.

В чем же заключаются чисто лингвистические обоснования теории Хомского? Как Хомский понимает основной предмет изучения - язык? В "Синтаксических структурах" Хомский понимает язык как "множество (конечное или бесконечное) дредложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов .. каждый естественный язык имеет конечное число фонем (или букв алфавита) и каждое предложение может быть представлено в форме конечной последовательное-) : этих фонем (или букв), хотя количество предложений бесконечно велико"[2] ^ .Позднее он даст другое определение языка: "...любой естественный язык — это простая и в высшей степени системно организованная реализация некой сложной модели, обладающей рядом весьма специфических свойств"[276] -

Эти определения ["множество предложений", "некая (?!) сложная модель"] ни в коей мере не дают ответа на вопрос — какую же функцию выполняет язык? Что это - чисто гипотетическое построение, создаваемое для теоретического изучения объекта на формализованной основе как порождающего устройства, или все-таки инструмент, с помощью которого люди общаются между собой? Хомский, видимо, склоняется к признанию языка гипотетическим конструктом, некоей абстракцией, не имеющей реального бытия. А в силу этого Хомский нечетко и расплывчато формулирует и задачи своей теории. То "задачей лингвистической теории является построение и точное описание двух абстрактных устройств (abstract devices), из которых первое является моделью использования языка (perceptual model), а второе - моделью усвоения языка"[277]. То "главной задачей лингвистической теории должно янляться развише представлений о языковых универсалиях"[2,8]". То "в качестве перспективной задачи для общей лингвистики мы можем поставить проблему объяснения этой врожденной лингвистической теории". Эти определения настолько изменчивы, что обыкновенному читателю трудно получить какое-либо четкое представление о

Чтобы как-то остаться в рамках языкознания, Хомский вынужден ввести некоторые лингвистические определения: "Знание родного языка можно — в некоторой, пока еще недостаточно определенной степени - представшь как систему правил, которую мы можек:, назвать грамматикой языка. <..> Множество... высказываний [строящихся в соответствии с грамматикой языка. - можно назвать Ным грамматикой". <...> Итак, грамматика - это устройство, которое, и частности, множество правильно построенньгх предложений... Возможно, такое утройство следовало бы назвать порождающей грамматикой для отличия его от описательных ут-

которыми определяется лишь инвентарь участвующих в структурных характеристиках элементов и их контекстных вариантов. <..> Порождающая грамматика... представляет собой некое устройство, которое, используя соссюровские термины, мы можем назвать я з ы к о м..\ Носитель языка, выступая как говорящий или слушающий, каждый раз пускает в ход это устройство"[279]. Итак, язык для **Хомского** - в конечном счете порождающее устройство, дополненное трансформационной моделью. Отсюда и название его теории - (порождающая) грамматика (или теория). При построении этой теории Хомский опирался прежде всего на свои познания в логике, в которой особое впечатление на него произвели "порождающие системы" - формальные исчисления, представляющие собой особые процедуры, с помощью которых на базе аксиом, правил построения формул и правил вывода одних формул из других порождается бесконечное множество "правильно построенных форм".

Раз язык - порождающее устройство, то возникает вопрос, в чьих устах это устройство порождается. Хомский дает следующий ответ на этот вопрос: "Лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употребле- Очень трудно найти такого идеального носителя языка, который так или иначе был бы отделен от всех других носителей языка конкретными особенностями своей биографии. Любой человек приспособляется к специфическим условиям своей личной, профессиональной и общественной жизни, что находит отражение и в языке. Непонятна также формулировка о совершенном знании языка. Что такое совершенное знание языка — владение большим лексическим запасом слов? употребление только литературных форм языка? безупречное произношение? Логично было бы предположить, что лингвистика имеет дело не с идеальными объектами, а с реальным языком, в процессе изучения которого вычленяются абстрактные понятия (фонема, семема и т.д.). Но эти абстрактные понятия — лишь часть терминологического аппарата, с помощью которого мы анализируем реальные объекты и системы. Если язык не является хорошо определенной системой, его изучение не нуждается в идеальном говорящем-слушающем.

Кроме того, если бы Хомский лучше знал историю языкознания (зарубежные критики обвиняют Хомского в абсолютном незнании истории развития лингвистической мысли), то он мог бы вспомнить, что концепцию идеального носителя языка выдвинули в свое время младограмматики, *(;е* резко критиковал ИА Бодуэн де Куртенэ; см. § 41).

Хомский об объекте лингвистической теории пишет так: "Для того чтобы изучать реальное языковое употребление, мы должны рассматривать взаимодействие многих факторов, а... компетенция говорящего-слушающего является только одним из них. <...> Таким образом, мы проводим фундаментальное различие между (знанием своего языка говорящим-слушающим) и у п о т р е б л е н и е м (реальным использова-

нием языка в конкретных ситуациях)"[281]. В книге "Язык и мышление" он развивает понятие языковой компетенции, под которой следует понимать "абстрактную систему, лежащую в основе поведения, систему, состоящую из правил, которые взаимодействуют с целью задания формы и внутреннего значения потенциально бесконечного числа предложений"[282]. Из этого определения следует, что ТГГ изучает не какой-то конкретный язык, а лишь абстрактную структуру механизма, делающего возможным речевое общение. Со времен Гумбольдта в истории языкознания широко распространено сопоставление противоречивых свойств языка (ср. "язык - речь" у В.Гумбольдта, ИА Бодуэна **де Куртенэ, Ф. де Соссюра)**. Хомский тоже говорит, что противопоставление, вводимое им, "связано с соссюровским противопоставлением и реч и", однако он отрицает соссюровскую концепцию языка "как только систематического инвентаря единиц" и призывает "скорее вернуться к **гумбольдтовской** концепции скрытой компетенции как системы порождающих **процессов"[283].** Об искажении Хомским взглядов Гумбольдта уже говорилось. Так же Хомский искажает и существо взглядов де Соссюра. Во-первых, де **Соссюр** никогда не сводил язык к простому инвентарю единиц (см. гл. Во-вторых, для де Соссюра язык — это та часть речевой деятельности (langage), которая имеет общественную природу и которую совершенно отрицает Хомский. У Хомского получается, что компетенция должна изучаться без какого-либо учета реального употребления языка. Да и в самом определении компетенции обнаруживается противоречивость и даже взаимоисключаемость. Хомский считает компетенцию то врожденно присущей каждому говорящему способностью порождать грамматически правильные предложения, то чем-то приобретенным (something the speaker has acquired) и впоследствии применяемым каждым говорящим. Все попытки применить дихотомию "компетенция — употребление" в языкознании и противопоставить ее дихотомии "язык - речь" являются неудачными. Советские языковеды неоднократно подчеркивали, что язык существует только в речи и через речь. Лишь эта точка зрения может служить надежной основой для подлинно научного исследования фактов естественного человеческого языка.

По Хомскому, ТГГ изучает лишь абстрактную структуру механизма, делающего возможным речевое общение. В этой абстрактной системе правил выделяются два уровня структуры - поверхностная и глубинная. Сущность этих структур и их взаимоотношения Хомский разъясняет следующим образом: "...синтаксический компонент грамматики должен указывать для каждого предложения глубинную **структуру,** которая определяет его семантическую интерпретацию, и поверхностную которая определяет его фонетическую интерпретацию. Первая интерпретируется семантическим компонентом, вторая — фонологическим компонентом"[284]. А в другой работе эти **снятия** уже детализируются: "Согласно этой традиционной концепции [т.е. рационалистической концепции **XVII—XVIII** вв. - *Ф.Б.],* когда предложение реализуется как физический сигнал, в мышлении образуется система суждений, выражающих значение предложения; этот физический сигнал и система суждений связываются определенными формальными операциями, которые в современных терминах мы можем назвать грамматическими

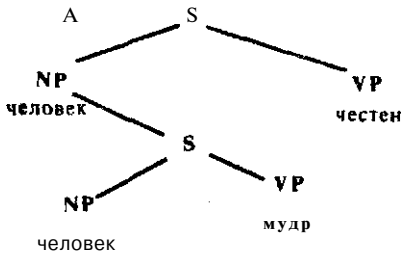
формациями. Продолжая использовать современную терминологию, мы можем тогда различать поверхностную структуру предложения, систему категорий и составляющих, которая прямо связана с физическим сигналом, и лежащую в ее основе глубинную также систему категорий и составляющих, но более абстрактного характера. Так, поверхностная структура предложения *A wise man is honest* 'мудрый человек честен' могла бы дать разложение этого предложения на субъект *a wise man* "мудрый человек' и предикат *is honest* 'честен'. Глубинная структура, однако, будет несколько иной. Она, в частности, извлечет из сложной идеи, которая составляет субъект поверхностной структуры, лежащее в **его** основе суждение с субъектом *man* **'человек'** и предикатом *be wise* "быть мудрым'. Фактически здесь глубинная структура, согласно традиционному взгляду, есть система двух суждений, ни одно из которых не утверждается, но которые взаимосвязаны таким образом, чтобы выразить значение предложения **Л** *wise man is* ***hohest'^^.***

Глубинные и поверхностные структуры описываются в синтаксисе языка с помощью двух систем правил — основной и трансформационной. Правила основной системы порождают лежащие в ее основе грамматические отношения (правило переписывания и т.д.), а правила трансформационной системы объясняют перестановки, присоединения и **т.д.** Введенные Хомским понятия глубинной и поверхностной структур **являются одними** из основных в теории. Они получили широкое распространение и вызвали оживленную полемику.

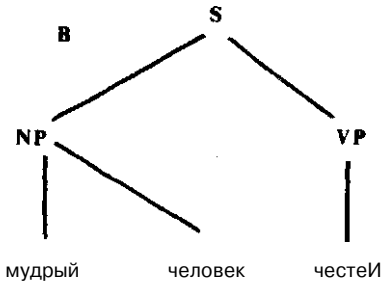
Прежде всего следует сказать, что не оригинален в выдвижении этих понятий. Еще в XIX в. немецкий языковед и психолог В.Вундт (1832-1920) говорил о внутренней и поверхностной структурах языка. Датскому языковеду О.Есперсену (1860-1943) принадлежит учение о понятийных категориях, лежащих в основе синтаксиса всякого языка и отображающих его логику. Советский языковед И.И. Мещанинов в 1945 г. также писал о понятийных категориях, которые являются категориями сознания, но, будучи выраженными через синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями. О скрытых грамматических категориях писал в 1945 г. американский языковед Б.Уорф. Австрийский философ Л.Витгенштейн **(1889-1951)** в своих "Философских исследованиях" (опубл. 1953) употребляет термины "поверхностная грамматика" (Oberriachengrammatik) и "глубинная грамматика" **(Tiefengrammatik).** Наконец, в 1958 г. Ч.Хоккет (критик теории Хомского) выделяет поверхностную грамматику, которая доступные непосредственному анализу формы структурных отношений, и глубинную грамматику, которая изучает то, как мы говорим и понимаем. Заимствованные у Хоккета термины, переходя из одной работы Хомского в другую, постоянно перетолковываются и меняют свое значение. Основная идея ТГГ, по Хомскому, состоит в признании различия глубинных и поверхностных структур, в утверждении что поверхностная структура задается неоднократным применением определенных формальных операций, называемых грамматическими трансформациями, к объектам элементарного вида.

В качестве примера перехода глубинной структуры в поверхностную возьмем приведенное выше предложение *Мудрый человек честн.* Хомский

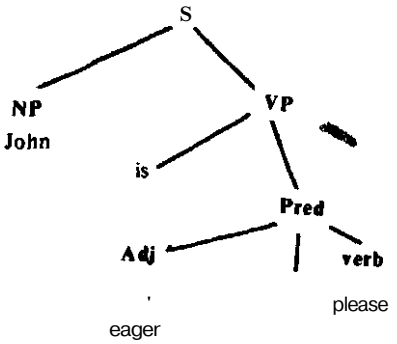
представляет глубинную структуру этого предложения в виде двух **отдельных** предложений ***(А* и *В)***; глубинная структура, изображенная в виде так называемого "дерева", выглядит следующим образом [S (sentence) - предложение; NP (noun predicate) - группа подлежащего; VP (verb predicate) - группа сказуемого] :



Для того чтобы "вывести" из этой глубинной структуры поверхностную, следует последовательно проделать следующие операции: 1) заменить группу подлежащего (NP) словом *который* - получим: *человек, который мудр, честен;* 2) опустить *который* - получим: *человек мудр честен;* 3) переставить *человек* и *мудр* — получаем: *мудр человек честен;* 4) заменить краткую форму прилагательного *мудр* полной - и получим поверхностную структуру нашего предложения:



Другой **Пример,** часто приводимый Хомским:



Этим примером Хомский и сторонники его теории доказывают **CWCT-**вование тождественных поверхностных при различии структур глубинных: *John is easy to phase* ('Джону легко угодить') **и** *John is eager to please* ('Джон стремится угодить").

Судя по приведенным примерам и их схематическому изображению в виде "дерева", глубинная структура формирует смысл предложения, а поверхностная — звуковое воплощение этого смысла. Глубинная структура, с одной стороны, выступает как дозвуковое, а следовательно, и дословесное образование, а с другой стороны как уже оформленное атрибутивное сочетание в виде суждения с субъектом *человек* и предикатом *мудрый.* Чтобы как-то разрешить это **противоречие,** Хомский предпочитает говорить, что глубинная структура есть "система... суждений, ни одно из которых не утверждается, но которые взаимосвязаны таким образом, чтобы выразить значение **предложения"**[286] **И** все таки непонятно, на основе каких правил происходит переход глубинной структуры в поверхностную. Хомский вводит правила подстановки, перестановки, произвольного включения одних элементов *(который* в вышеприведенном примере), исключения других элементов, но не дает системы этих правил, их количества и т.д. Он полагает, что совокупность этих правил и представляет собой "врожденную" способность к порождению языка.

Предложенное Хомским описание языка с помощью "деревьев", формализованных формул объясняется тем, что **"трансформационно-генератигная** теория сформировалась в основном в среде (такой, как в **Массачусетском** технологическом институте), где доминировали символическая логика и техника, а также формулы и графы на доске; эта школа не только любит символические обозначения и диаграммы, но ей также нравится говорить о „переключении" **элементов справа** налево, слева направо, вверх или вниз. В этом и других случаях (например, в частом невнимании к просодическим признакам при анализе предложений) проявляется нездоровая тенденция сторонников ТГ подхода говорить о языке, как если бь; он был первично письменным, а не устным".
грамматика была занята почти исключительно "манипуляциями с карандашом и **бумагой"**[28]**''.**

Критики отмечали также искусственность приводимых Хомским предложений английского языка. Дело в том, что сторонники ТГГ выбирают (или конструируют) для анализа только те примеры, которые удовлетворяют всем их требованиям. Но иногда даже и эти искусственные примеры не поддаются трансформации. Так, предложения *John is eager to please* ('Джон стремится **угодить')** и *John is easy to please* ('Джону легко **угодит».'),** которые вроде бы доказывают тождественность поверхностных структур при различии структур глубинных, должны бы в равной мере трансформироваться. Однако трансформация, например, в вопрос возможна лишь в первом предложении: *Is John eager to please?* ('Стремится ли Джон угодить?'). Во втором **предложении** эта **трансформация** невозможна: */sJohn easy to please?* ('Легко ли Джон угодить?')

Стоит хотя бы на шаг **отступить** от ген**.-ративистеких** логических пропозиций и обратиться к простейшим предложениям естественного человеческого языка, как легко убедиться, что поверхностные структуры не есть

звуковое выражение глубинных структур. Например, поверхностная структура английского предложения *The late vicar was deaf* ("Покойный викарий был глух") никак не соответствует трансформациям в глубинной структуре *The vicar (vicar was late) was deaf* ['Викарий (викарий опоздал) был глух']. Вызывает возражения и запись структуры предложения в виде "дерева". Почему, например, в схемах Хомского группа подлежащего обязательно должна предшествовать группе сказуемого? Почему те предложения, в которых этот порядок нарушен, нужно непременно объявлять трансформациями? Трансформацией чего является, например, английское предложение *May you be* ***happy***! ("Да будешь ты счастлив!').

Хотя ТГГ претендует на приложимость процедуры анализа ко всем языкам мира, на самом деле для других языков, кроме английского, она непригодна, так как каждый язык обладает специфическими особенностями, настолько отличными от английского языка, что не может быть и речи об универсальности этой грамматики. Так, по-русски сказать о девушке, что *она жива* или *она живая* - значит выразить совершенно разные вещи. Различная дистрибуция таких пар слов в русском языке обусловлена как грамматическими, так и смыслоразличительными факторами. Кроме того, ТГГ совершенно не учитывает роль интонации, просодии в синтаксических конструкциях. А, например, в китайском языке интонация имеет большое значение для различения предложений. Ориентация Хомского только на английский язык, его своеобразный "англоцентризм" дали повод французскому языковеду А.Мартине обвинить Хомского в "лингвистическом империализме".

Утверждая, что порождающая грамматика состоит из двух компонентов — синтаксического и фонологического, Хомский исключает семантику из своей теории. В "Синтаксических структурах" он недвусмысленно заявил, что синтаксические исследования не должны подтверждать мнение о том, что грамматика основывается на значении, что грамматику лучше всего определять как самостоятельное исследование, не зависящее от семантики. Правда, позже, в "Логических основах лингвистической теории", он уже делает небольшую уступку, признавая, что семантические особенности конкретного языка могут быть частично объяснены соответствующими синтаксическими функциями.

Следует сказать несколько слов о том, какое место отводит Хомский лингвистике в системе общественных наук. Возникнув в античную эпоху на базе философии и будучи в то время частью философии, в **XVII—XVIII** вв. лингвистика являлась частью логики; в XIX в. в работах А.Шлейхера язык сравнивался с организмом и возникла "биологическая" концепция языка. И только **Ф,** де Соссюр в "Курсе общей лингвистики" утвердил языкознание как самостоятельную область исследований со и^.имобъектом и методами анализа. И вот этой с трудом завоеванной самостоятельности и независимости пытается лишить лингвистику Хомский. Поскольку языковая компетенция рассматривается им как "врожденная" человеческая способность, характеризуемая определенными психическими параметрами, то ее можно определить в терминах психологии. Задача психолога, по мысли Хомского, — обнаружить "врожденную" систему, которая определяет сущность человеческого языка. Естественно, что восприятие человеком окружающе-

го мира в известной мере связано со специфическими особенностями его сенсорной и перцептуальной организации. Но лишать лингвистику своего собственного объекта исследования — языка, игнорировать многочисленные и сложные связи языка с обществом, вернуть лингвистику в лоно психологии на новой неопозитивистской основе, значит, возвращаться к обветшавшим концепциям прошлого.

Рассмотрение основных положений ТГГ показывает, что эта теория не только не является "новой и революционной", как это пытались доказать Хомский и его сторонники, но, наоборот, обладает серьезными недостатками. Прежде всего сам термин "лингвистическая теория" применяется Хомским не для анализа реальных особенностей человеческого языка, а для построения системы гипотез об общих свойствах языка. И в этом плане ТГГ можно сравнить лишь с теорией Л.Ельмслева (см. § 75—80), достигшей такой высокой степени абстракции, что ее вряд ли можно применить к анализу конкретных языков, ТГГ является "работающей" грамматикой, так как многие из используемых в ней теоретических конструктов не соотносятся с наблюдаемыми языковыми явлениями. Невозможно представить себе идеального говорящего-слушающего, находящегося в полной изоляции и не испытывающего влияния общества, в котором он должен жить. "Врожденные" идеи на поверку оказываются мифическими категориями, не подтверждаемыми данными нейрофизиологических исследований. Неопределенные понятия "поверхностных" и "глубинных" структур ни в коей мере не раскрывают механизма функционирования языка, ибо игнорируется основная особенность языка — его социальный характер. Против положения Хомского о наличии у человека "врожденных идей" свидетельствует тот факт, что найденные в джунглях дети так и не могут научиться говорить. "Выясняется, что в подобных ситуациях „врожденные идеи" бесчувственно спят, „глубинные структуры" наотрез отказываются выходить наружу, а механизм универсальной грамматики за годы джунглей становится непоправимо проржавевшим и, несмотря на все усилия окружающей среды, упорно не желает **работать"[2]"".**

Абстрактно понимаемый Хомским язык выступает как абсолютно стабильная система. А ведь в любом конкретном языке имеются неустоявшиеся формы, неологизмы, вступающие в различные сочетания с привычными словами, и т.д. И многие предложения, которые Хомский и его последователи считают двусмысленными и неграмматичными, оказываются совершенно ясными, когда они произносятся с соответствующей интонацией и в соответствующем контексте.

Предлагаемая Хомским дихотомия "компетенция — употребление" принадлежит не языкознанию, а скорее психологии, ибо направлена не столько на изучение языка, сколько на изучение мыслительных способностей человека. Поэтому Хомский и не может определить место языкознания в системе гуманитарных наук, относя его то к психологии, то к логике, то к теории познания.

Уяснению сущности ТГГ мешает еще и то обстоятельство, что при изложении теории Хомский, по замечанию зарубежных лингвистов, до предела исказил значения принятых в грамматике терминов. Так, субъект у него означает не грамматическую категорию, а грамматическую функцию.

Хомский вообще заявляет, что традиционная грамматическая терминология для его грамматики является избыточной. Вместо нее он вводит своеобразный метажаргон ("семантические маркеры", "различители" и т.д.). Однако, приняв новые термины, Хомский не создал последовательной объективней теории, опирающейся на реальные факты языка. Между тем, как уже отмечалось, за последние десятилетия ТГГ заняла господствующее положение в американской лингвистике и получила некоторое распространение в западноевропейских странах. Чем же это объясняется?

Трансформационно-генеративная грамматика Хомского - это явление сугубо американское, полностью обусловленное ходом развития американской лингвистики. По свидетельству американского языковеда Р.Холла (младшего), измышлениям Хомского сопутствовала большая реклама, поставленная на деловую основу. Это особенно интересно, если посмотреть, кто рекламирует и финансирует издание трудов Хомского; например, работа "Синтаксические структуры" финансировалась частично военными организациями США. Непрекращающийся интерес Пентагона к исследованиям по ТГГ станет понятным, если учесть, что "Аспекты теории синтаксиса" были напечатаны в качестве особого технического доклада исследовательской лаборатории по электронике Массачусетского технологического института. Финансовые затраты должны приносить доход: отсюда стремление Хомского к "обновлению" (хотя бы внешнему) своей теории. В "Синтаксических структурах" излагалась стандартная теория "порождающей грамматики", в "Аспектах теории синтаксиса" дается уже расширенная стандартная теория этой же грамматики. "Картезианская лингвистика" представляет собой нагромождение цитат из сочинений Р.Декарта, Г.Кордемуа, Дюмарсе и других рационалистов, а также из работ В.Гумбольдта. Хомский и его сторонники, стремясь показать, что они представляют современную мировую лингвистику и поэтому заслуживают всяческой поддержки, постоянно "подновляют" свою теорию, предлагая ее различные варианты. Эти варианты полностью обнаруживают свою несостоятельность, поскольку сторонники ТГГ не способны обосновать предлагаемые ими выводы.

учитывать также тот факт, что американцам вообще импонирует успех как таковой, и это одна из причин победного шествия в США столь хорошо разрекламированной и щедро финансируемой теории. Как говорят сами американские языковеды, за два десятилетия в американских университетах появилось целое поколение молодых ученых, которым в результате этой рекламы внушили ложное представление о том, что все лингвисты до Хомского (за исключением, разумеется, В.Гумбольдта, Э.Сепира и некоторых других кандидатов на причисление к лику "святых") были
но заблуждающимися путаниками, от чьих **немощных** притязаний Хомский героически освободил лингвистику. Дело доходит до политических обвинений, когда всякую оппозицию взглядам Хомского объявляют контрреволюционной подчиненностью гуманитарных наук[289].

В странах Западной Европы все более усиливается критическое отношение к ТГГ. Это объясняется не столько тем, что западноевропейские лингвисты понимают научную несостоятельность положений теории Хомского, сколько несовместимостью национальных лингвистических традиций этих

стран, связанных с изучением естественного человеческого языка, с фор-.мально-логическими "репрезентациями" порождающей грамматики. Евро- лингвисты очень скоро заметили асоциальный характер основных теорегических положений Хомского, игнорирование им важных аспектов **реальной** языковой коммуникации и вытекающую отсюда неэффективность ТГГ. Практическую полезность этой грамматики они видят в том, %То Хомский ввел новые знаки (--и <-) для обозначения синхронного -замещения **в** отличие от диахронного замещения (обозначавшегося знаками ар и <). Трансформации действительно вносят новое в изучение синтакси**ческих** и словообразовательных отношений, но в том виде, который предложил 3.Харрис, ч не Хомский. В остальном же порождающая грамматика оказалась практически бесплодной.

Противоречивая и непоследовательная теория порождающей граммати¬ ки, связываемая с именем Хомского, вызвала резкую критику и со стороны советских языковедов. Для советского языкознания, на положениях диалектического материализма и исходящего прежде всего из тезиса о тесной связи языка и мышления, неприемлемо основное положе¬ ние ТГГ о "врожденных идеях", ибо в этом положении мы имеем отрыв мышления от языка, который имеет конкретные формы своего существо¬ вания. Признать "врожденные идеи" абстрактными мыслительными катего¬ риями, воплощающимися в глубинных структурах, не имеющими первона¬ чально языкового выражения, - значит открыто перейти в лагерь идеализ¬ ма, что Хомский и делает Поэтому в советской науке широко распростра¬ нено убеждение, что ТГГ Хомского представляет собой одну из разновид¬ ностей современного идеализма в языкознании и в целом это направление тормозит поступательный код лингвистической мысли.

Отрицание традиций мирового языкознания, признание своих теорий самоновейшими и единственно верными, зависимость от военных органи¬ заций США, отстаивание пресловутой "свободы слова" привели Хомского в лагерь защитников фашизма. До недавнего времени пользовавшийся ре- путацией либерала, Хомский в 1981 г. выступил прямым защитником гит¬ леровских фашистов, таявив, что мог бы написать предисловие к книге Гитлера кампф",' так как считает, что она не имела влияния на раз¬ витие нацизма. Так научная беспринципность связывается с беспринцип¬ ностью

§ 86. ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В 60-70-х годах XX в. во французском языкознании сформировалась школа функциональной лингвистики, основателем и идейным руководи¬ телем которой является крупнейший французский лингвист Андре Мартине (р. 1908). В студенческие годы он слушал лекции Ж.Вандриеса по герман¬ ской филологии, работу над диссертацией начинал под руководством АМейе (см. § 68). После защиты в 1937 г, докторской диссертации Марти¬ не заведует кафедрами фонологии и общего языкознания в Высшей практи¬ ческой школе в Парижском университете. В 1946=1955 гг. Мартине - ре- дактор журнала "Word" (США). С 1965 *i* он стал главным редактором журнала "La Hnguistique" (Париж), который является органом Междуна-

родного общества функциональной лингвистики. С 1974 г. Мартине — почетный председатель этого общества. Среди членов Международного общества функциональной лингвистики — известные языковеды разных стран: Ж.Мунен (Франция), Э.Бюйсанс (Бельгия), М.Мамудян (Швейцария), Дж.Мадцер и СХэрвей (Англия) и др.

Мартине написаны такие известные работы, как "Принцип экономии в фонетических изменениях" (1955), "Основы общей лингвистики" (1960), "Функциональная точка зрения на язык" (1962) и др.

В статье "Некоторые основные принципы функциональной лингвистики" (1977) Мартине подчеркивает, что в лингвистическом мире каждый языковед должен четко определить свое отношение к теории и практике трансформационно-генеративной грамматики (ТГГ). Он не скрывает своего неприязненного отношения к этому направлению американского языкознания, полагая, что гипотеза о "врожденных идеях" не является плодотворной, а положение об "идеальном говорящем-слушающем" вряд ли может быть признано решающим лингвистическим критерием по той простой причине, что язык каждого отдельного человека быстро испортился бы, если бы не осуществлялось непрерывное социальное влияние, направленное на сохранение языковых привычек. Трансформационный метод анализа, по его мнению, может быть использован только тогда, когда соответствует реальным фактам языка.

В противовес Н.Хомскому, пытавшемуся подчинить языкознание психологии, А.Мартине выдвигает тезис о языкознании как совершенно независимой научной дисциплине. Мартине полагает, что лингвисты должны осознать самостоятельность своей науки и освободиться от того "комплекса неполноценности", который заставляет их связывать любое проявление языка с психической или физической реальностью. Путь к приобретению лингвистической самостоятельности он видит в строго синхроническом подходе к изучению фактов языка. Критикуя абстрактно-логические формализованные построения ТГГ, Мартине заявляет, что для лингвиста математика является рабочим инструментом, а не моделью, на основе которой должно строиться языкознание. Таким образом, Мартине утверждает самостоятельность и независимость функциональной лингвистики, подчеркивая ее диаметральную противоположность трансформационно-генеративной грамматике.

Понятие функции в современной лингвистике распространено достаточно широко, хотя и не получило однозначного толкования. Одни ученые понимают функцию как выражение внутрисистемных отношений лингвистических единиц, другие понимают функции как отношение лингвистических систем и их проявлений к внеязыковой реальности. Мартине подчеркивает связь французской школы функциональной лингвистики с деятельностью Пражской школы функциональной лингвистики возводит основные положения французского функционализма к положениям Ф. де Соссюра, дополненным работами И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников. Лингвисты Пражской школы понимают "функцию" как целевую установку речевого высказывания и выделяют две основные функции речевой деятельности — социальную (коммуникативную) и экспрессивную (см. §. 71). Французские функционалисты и их последователи подчеркивают прежде всего

социальный характер языка и задачу лингвистической теории видят в рассмотрении языка в действии, в процессе общения. Язык они определяют как "орудие общения, посредством которого человеческий опыт подвергается делению, специфическому для данной общности, на единицы, наделенные смысловым содержанием и звуковым **выражением"**[291]. Французские лингвисты при изучении языка основываются на наблюдении языковых фактов и воздерживаются от предпочтения одних фактов другим, если эти факты не согласуются с их теорией. Рассматриваемый в качестве одного из общественных институтов язык возникает главным образом из потребностей общения. Ребенок усваивает язык, полагают французские функционалисты, не в силу каких-то "врожденных идей", а путем подражания тем языковым моделям, которые употребляют окружающие его взрослые носители языка.

Если пражские лингвисты выделяли две функции языка, то представители французской функциональной лингвистики выделяют три функции. "Существенной функцией... - пишет Мартине, - является **коммуникативная функция"**[292]; "общение остается первичной и центральной функцией языка"[2]". Функция общения — основная функция языка, ибо она дает наиболее точное представление о реализации структуры и о развитии языка. Остальные функции языка — производные функции общения. К ним относятся экспрессивная функция, с помощью которой человек выражает свое отношение к тому, что он ощущает, и **эстетическая** функция, тесно связанная с двумя предыдущими. Эстетическую функцию языка обычно не принимают во внимание, так как она с трудом поддается строгому и объективному исследованию. Примером использования языка в эстетической функции может служить аффектированное, "изысканно" подчеркнутое произношение [э] вместо [е], как, например, в слове *пионер,* или иронически-шутливое ***коман*** **[nj- 6р]** вместо *копан* [д'йр]. Трудности в изучении функции этого типа объясняются практической невозможностью учета всех индивидуальных особенностей произношения тех или иных звуков, намеренных отклонений в речи, вызванных самыми разными причинами. Основное внимание французских функционалистов направлено на изучение этих трех функций, ибо понять функционирование языка, полагает Мартине, значит установить, каким образом функции служат целям коммуникации, не переставая при этом изменяться.

Французские функционалисты выдвигают понятие о языке как о динамически изменяющейся **системе.** Изменения языка в процессе коммуникации вызваны потребностями носителей языка. Отношения между функционированием языка и его развитием - это **отношения-**тождества, а не противоречия. Язык изменяется потому, что он функционирует. Рассматривая язык как непрерывно изменяющуюся систему, французские функционалисты отказываются от соссюровского противопоставления синхронии диахронии. Ведь структурная лингвистика ограничивается синхроническим описанием языка, просто излагая факты языка, не требуя объяснения того, как и почему сложились нормы функционирования языка. А функциональная лингвистика, изучая язык в его функционировании, т.е. в процессе общения, исходит из того, что исследование языка в действии должно предшествовать выяснению того, как и почему язык со временем

изменяется. мнению французских лингвистов, синхронический и диахронический подходы к изучению языка должны не противопоставляться Другу, а дополнять друг друга. Диахроническая ось, по словам Мартине, в известной степени спроецирована на карту синхронии. Динамическая концепция языка французских функционалистов сводится к тому, что данное состояние языка может быть понято тогда, когда известна совокупность его предшествующих состояний; оно, в свою очередь, обусловливает будущее состояние языка. Эта концепция языка повторяет аналогичные выводы Бодуэна де Куртенэ (см. § SO), **в** дальнейшем развитые представителями Пражской школы.

Причину отсутствия противоречий между развитием языка и его функционированием Мартине видит в том, что от самого говорящего зависят изменения в языке, что эти изменения вызваны его потребностями общения, которые являются внешними по отношению к языку категориями. Но внимание на эти внешние по отношению к языку причины изменений, к которым Мартине относит, между прочим, и географические традиции, антропологические особенности говорящих и фран- лингвисты все-таки полагают, что лишь внутренние причинные связи представляют интерес для лингвистов. "Лингвисты, признав зависимость языковых структур от воздействия структур социальных, могут надеяться на достижение более или менее точных результатов лишь в том случае, если они сосредоточат свои усилия на весьма ограниченном периоде эволюции данного языка и будут довольствоваться констатацией следов внешних влияний в языке как таковом... исключив из рассмотрения внеязыковые звенья причинных связей"[294],

Казалось бы, Мартине склоняется к признанию взаимосвязи внешних и внутренних факторов как причины изменения языка. Однако это не так. Он считает, что основным предметом лингвистических исследований должно явиться изучение языковых противоречий, выдвигает единый универсальный принцип, определяющий языковые изменения. Этот принцип, называемый принципом экономии в языке, является одним из основных в теоретической концепции французской школы функциональной лингвистики. Принцип (или закон) лингвистической экономии был первоначально сформулирован применительно к эволюции фонологических систем языков французским фонетистом II Пасси в 1890 г., который писал, что язык постоянно стремится освободиться от что является *А* выделить то, что является необходимым.

В книге "Принцип экономии в фонетических изменениях" Мартине расширяет сферу применения принципа лингвистической экономии, распространяя действие этого принципа на развитие языка в целом. Он выдвигает тезис о противоречии между присущими человеку потребностями общения и его естественной инерцией: "...в любой точке речевого потока как в плане значащих элементов (т.е. слов, морфем и т.д.), и в плане различительных и выделительных элементов (т.е. фонем, ударения и т.д.) постоянно приходят в столкновение потребности общения и инерция. < > Термин „экономия" включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия - это синтез действующих сил"[295]. Примером действия

принципа экономии в области произношения может, например, служить исчезновение латерального [л] я слове *солнце* или исчезновение нескольких звуков в слове *здравствуйте,* которое в беглой речи произносится как *здрасте.* Именно эти примеры приводил советский языковед Е.Д. Поливанов, который в статье "Где лежат причины языковой эволюции?" (1931) впервые в советском языкознании выдвинул принцип экономии произносительных работ.

Несколько позднее Мартине и его последователи стали говорить о лингвистической экономии, как о рациональной организации передачи языкового материала: "Принцип экономии в языке проявляется в постоянном стремлении достичь равновесия между противоречивыми потребностями, подлежащими удовлетворению, - потребностями общения, с одной стороны, и инерцией памяти и инерцией органов речи — с другой"[296]. В последней по времени крупной работе Мартине "Эволюция языков и реконструкция" (1975) закон лингвистической экономии определяется как "постоянное противоречие между стремлением индивида сократить усилия, с одной стороны, и потребностями общения, предписывающими сохранять в языке необходимость для передачи смысла различия, — с другой"[297].

Выдвинутый Мартине принцип лингвистической экономии вызвал большой интерес языковедов, ибо Б ЭТОМ принципе проявилось стремление ученых найти связь между принципами функционирования языка и принципами языкового изменения. Но в то же время не может не обратить на себя внимание умозрительность и схематичность принципа лингвистической экономии. Ведь нельзя ограничиваться абстрактной диахронией, рассмотрением только внутриязыковых отношений. Необходим исторический подход, позволяющий принимать ао внимание всю совокупность языковых и внеязыковых фактов. Кроме того, анатомические факторы тоже вряд ли могут мотивировать какой-либо определенный исторический процесс. Так что принцип лингвистической экономии, представляя собой интересную попытку объяснить причины изменений в языке, поддается слабой проверке на языковом материале, особенно на грамматическом уровне. Исчезновение из повседневной разговорной речи современного французского языка двух глагольных форм Passe- simple HJmparfaii du Subjonctif объясняется отнюдь не принципом лингвистической экономии, а историческим развитием грамматический системы французского языка. Обе формы исчезли из активного употребления, однако остались понятными, причем в устой речи они продолжают употребляться для передачи какого-либо дополнительного семантического оттенка.

Второй важнейший принцип концепции французских функционалистов — это принцип двойного членения языка, "ибо высказывание лишь постольку является собственно языковым, поскольку оно может быть подвергнуто двойному членению"[298].

членение - это способ группировки данных опыта, свойственного всем представителям определенной языковой общности. <...> В каждой из единиц первого членения представлены... значение и звуковая (или фоническая) форма. <.,.>Что же касается звуковой формы, то она может члениться на последовательные единицы, каждая из которых способна отличать одно слово, например *tete* 'голова', от других, например *ьеьі*

'животное', *tante* 'тетка' или *terre* 'земля' [ср. русск. *бал и зап.* - *Ф.Б.].* Эту особенность и называют вторым членением языка. <„.> Единицы первого членения с их означающими и означаемыми представляют собой знаки, причем знаки минимальные <...> ...для обозначения этого понятия употребляется термин монема. Как и любой другой знак, монема представляет собой двустороннюю единицу, значение или значимость которой выступает в качестве одной из ее сторон, идентичной означаемому, тогда как означающее находит свое проявление в звуковом облике, представляющем другую сторону знака и состоящем из единиц второго членения. Эти последние носят название м".

Речь идет о том, что в каждой словоформе можно произвести членение на означаемое (первое членение), т.е. на **монемы** - линейные единицы, обладающие смыслом, и на означающее (второе членение), т.е. на ф**о н е**¬ — минимальные единицы, лишенные смысла. Например, в форме *дарим* содержится две монемы: *дар-* — монема со значением некоторого действия и *-им* — монема, обозначающая говорящего вместе с еще одним или несколькими лицами; монема *дар-* состоит из трех фонем, замена одной из них другой приводит к образованию иной монемы (например, ***пар-).***

Обычно говорят, что первое и второе членения языка можно до известной степени отождествить с двумя планами языка, выделяемыми в глоссематике, — планом выражения и планом содержания (см. § 77). Однако между двумя планами и двумя членениями языка есть различия. У Л.Ельмслева оба плана выступают в качестве функтивов, образующих знаковую функцию. У Мартине же в каждой единице первого членения представлены, как мы видели, и значение и звуковая (фоническая) форма. У Ельмслева план выражения и план содержания равноправны по своей структуре, а у Мартине единицы второго членения — фонемы — выделяются в процессе последовательного членения из монем и выступают в качестве их компонентов. Двойное членение языка — это то, что, по мнению Мартине, отличает человеческий язык от других коммуникативных систем. Например, можно расчленить на составные компоненты и языковую фразу и музыкальную. Но на этом сходство между ними и кончается, так как, в отличие от языковой единицы, в музыкальной между расчленяемым (фразой) и результатом членения (нотами) нет промежуточного слоя первой артикуляции.

Если сходство всех языков состоит в том, что им присуще двойное членение, то различия между ними Мартине усматривает в приемах, которыми пользуются носители разных языков для членения данных своего опыта, а также в способах реализации возможностей, присущих органам речи. Другими словами, говорит Мартине, каждому языку свойственно особое членение. Например, в английском и русском языках одному значению могут соответствовать два вида членения: англ. */ have a ?.?ldache* (букв. 'Я имею головную боль') соответствует русск. **У**меня *болит голова.* Если по В.Гумбольдту изучить иностранный язык - значит перейти из одного круга языка в другой (см. § 15), **то'по** Мартине изучить иностранный язык - значит овладеть особым членением этого языка: "Изучить чужой язык не значит привесить новые ярлычки к знакомым объектам. Овладеть языком — зна-

чит научиться по-иному анализировать то, что составляет предмет языковой коммуникации".

Излагая принцип двойного членения языка, Мартине отмечает характерные особенности составляющих его единиц: "...список **моием** данного языка может быть охарактеризован как список: невозможно точно определить, сколько различных монем содержится в данном языке, так как в любом обществе каждое мгновение обнаруживаются новые потребности, . вызывающие к жизни новые обозначения. <..> Что касается списка фонем того или иного языка, то его можно назвать **закры-** поскольку каждый язык имеет строго ограниченное число фонем.

Мартине выделяет несколько разновидностей монем. Автономные монемы содержат указание не только на некоторый элемент опыта, но и на определенное соотношение с другими элементами опыта. Например, монема *vite* "быстро" обозначает не просто быстроту, но именно ту быстроту, с которой развертывается данное событие. монемы используются для обозначения функции, свойственной какой-либо другой монеме. Функциональные монемы суть монемы грамматические. Здесь следует отметить, что Мартине термин "функция" употребляет уже не применительно к языку в целом, а как обозначение языкового явления, соответствующего отношению, которое существует между элементом опыта и всем опытом, — иначе говоря, для обозначения отношения между двумя монемами в высказывании.. Так, предикативная функция присуща глагольной монеме и выявляется только в синтаксическом контексте. О функции можно говорить только при наличии подчинительных отношений или отношений детерминации. Например, между субъектом и предикатом устанавливаются отношения подчинения. Функция, будучи отношением, предполагает наличие двух членов. Мартине различает **кие** монемы (морфемы) **и** лексические монемы (лексемы). Лексические монемы составляют неограниченный список, а грамматические монемы, находясь в той или иной позиции, чередуются с относительно ограниченным числом других монем.

Монемы могут вступать друг с другом в различные комбинации. Любая комбинация монем дает синтагму с понятием синтагмы у Л.В. Щербы, § 91). Комбинация двух или более монем дает **автономную** По Мартине, автономными синтагмами являются и словоформа *человек-у,* состоящая из двух монем, и словосочетание *большой дом,* также состоящее из двух монем. Во втором примере монемы членимы и раздельны. А автономную синтагму, состоящую из нерасчлененных монем, Мартине называет Слово — значимая единица, чем монема. При изучении основ языковой структуры главное внимание, полагает Мартине, должно уделяться автономным синтагмам.

Казалось бы, принцип двойного членения языка должен представлять собой такой критерий, с помощью которого можно обнаружить любое языковое явление и найти ему место в системе языка. Но оказывается, что за пределами действия этого принципа находятся такие явления, языковой характер которых не вызывает сомнений (прежде всего это явления интонации, просодии). Но сам по себе принцип двойного членения языка представ-

заслуживающим интереса, поскольку его выделение является новой попыткой отразить **бесконечное** множество разнообразных фактов внеязы- действительности с помощью последовательности языковых элемен¬ тов, взятых из ограниченного и достаточно малого множества. Кроме того, двойное членение оказывается такой организацией языка, которая позво¬ ляет с наибольшей эффективностью осуществлять принцип лингвистичес¬ кой **экономии.**

Третий теоретический постулат французских функционалистов - **у Ч е-** н и е о **с м ы с л о р а з л и ч е н и и.** "Лингвистическое исследование, - пишет Мартине, - начинается с того момента, когда из физических и физио¬ логических явлений выделяются такие, которые представляют собой основ¬ ные элементы коммуникации. <.. > ...только элементы, несущие информа- цию, являются существенными в лингвистике". **Так,** в высказывании *Возь- ми книгу!* лингвист различает две монемы: *возьми,* которую можно проти- вопоставить таким значимым единицам, как *дай, положи* и т.д., и *книгу,* при возможных противопоставленных единицах *тетрадь, стакан* и т.д. В слове *мал* различают три фонемы, поскольку замена одной фонемы другой дает иное значимое слово: *бал, мол, мак* и т.д. Именно благодаря функции, в данном случае функции называния, данный элемент занимает соответст¬ вующее место среди других сохраняемых памятью элементов.

При фонологическом анализе французские функционалисты исходят из концепции **Н.С.** Трубецкого (см. § 72), полагая, что в фонологии, как и вообще в языке, нужно изучать только то, что несет определенную функ¬ цию. Но в отличие от Трубецкого они выдвигают тезис об относительном характере смыслоразличения. считает, что неправильно ста¬ вить вопрос так — играет ли такое-то явление смыслоразличительную роль в таком-то Вопрос нужно ставить так — в какой степени это явление является смыслоразличительным для данного языка. Для значи¬ мых единиц языка, особенно в области фонологии, французские функцио- налисты предлагают .ввести понятие к о н т р а с т и в н о й **(или кульмина-** тивчой) функции, ибо с ее помощью слушатель различает последовательные единицы высказывания. Другой существенной фонологической функцией является д и с т и н к т и в н а я функция, способствующая идентификации знака по оппозиции со всеми другими знаками. И наконец, благодаря п р е с с и в н о й функции слушатель узнает о настроении говорящего (ср. удлиненное *е* в произносимое в момент раздражения).

Представители французской школы функциональной лингвистики целиком восприняли учение Трубецкого об архифонеме и нейтрализации. Под архифонемой они понимают комплекс существенных признаков, которые свойственны двум или более фонемам, а под нейтрализацией - устранение оппозиции между глухостью ~ звонкос^ю в конце слова. Мартине также целиком воспринимает учение Трубецкого о морфоноло¬ гии - чередовании гласных или согласных при образовании грамматических форм (ср. *бегу - бежать).*

В отличие от теории Трубецкого французские функционалисты расши¬ рили область фонологического анализа, дополнив его описанием экспрес¬ сивного использования фонем, изучением выраженных различий, а также изучением маргинальных (т.е. занимающих периферийное положе-

ние) фонологических различий. Кроме того, для Мартине неприемлем выдвинутый Трубецким и подхваченный другими фонологами бинарный принцип, т.е. принцип двучленного противопоставления (глухой ~ звонкий, твердый - мягкий, открытый ~ закрытый и **тд.).** Для того чтобы говорить о двучленном противопоставлении, по мнению Мартине, нужно либо исследовать абсолютно все языки и доказать, что дело обстоит именно так (а доказать это почти невозможно), либо утверждать, человек в силу своей природы может расчленять различительные признаки только по бинарному принципу. Доказательств этого тоже нет. "В синхроническом функционировании фонологической системы (каким бы ни было понимание термина „функционирование"), - пишет Мартине, - основной тезис обобщенной теории не находит никакого подтверждения. Все это заставляет нас вернуться к основному научному методу... а именно к объективному изучению фонетической природы различительных признаков. У бинаристов же **вместо** этого мы находим манипулирование фактами, которые путем ловкого устранения „избыточных признаков" им удается в конечном счете приспособить к **своим** основным **постулатам"[299]. Фран**цузские функционалисты предлагают не классифицировать языковые факты по принципу наличия отсутствия признака, а учитывать качественное различие оппозиций, перейдя к расположению их в порядке возрастания значимости признака, т.е. к созданию шкалы оппозиций.

Наиболее интересны взгляды французских функционалистов на структуру языка и на задачи морфологии и синтаксиса. Описание языка, по их мнению, включает два раздела: фонологию и синтаксис (синтагматику) . Морфология в описание языка не входит, поскольку она понимается как дисциплина о вариантах означающего. Поэтому морфологию французские лингвисты заменяют разделом "Инвентарь монем", причем монемы понимаются ими как минимально значащие формально различимые единицы (формы множественного числа, женского рода и пр.). Монемы распределяются по классам (класс "множественное число", класс независимых местоимений, класс ядерных глагольных монем, класс монем — показателей наклонения и т.д.), причем классификация монем не совпадает с традиционной классификацией по частям речи. Одна и та же монема может относиться к различным классам, в отдельных случаях трудно отнести монему к какому-либо классу. Например, англ. *I fish* 'я рыбачу' могло бы скорее значить 'я рыба', поскольку здесь одна и та же монема *fish* может выступать либо в предикативной функции, либо в качестве распространения предиката. В качестве критерия классификации монем французские функционалисты избирают показатель их сочетаемости с другими монемами. По их мнению, сочетаемость есть не дистрибуция, а скорее совместимость компонентов. В системе монем выделяется "нулевая" монема: например, форма единственного числа существительного, выделяемая путем противопоставления форме множественного числа, форма настоящего времени глагола, выделяемая по отношению к форме прошедшего времени, и т.д. Использование метода оппозиций при классификации монем и выделение "нулевой" монемы напоминают аналогичный метод и понятие "нулевой" (отрицательной) формы у Ф.ф., Фортунатова (см. § 45).

синтаксис отвечает задаче представить все граммати¬ ческое описание в виде отношений, которые устанавливаются между авто¬ номными и функциональными монемами (то, что связывает монемы раз¬ ных классов в процессе формирования высказывания). Для обозначения отношений между монемами французские функционалисты прибегают к традиционным терминам "подлежащее", "дополнение", "обстоятельство" и т.д., подчеркивая их условный характер, так как для синтагматики важ¬ но не материальное выражение связи, а существование отношения, выра¬ женного материально. Материальное выражение отношений может быть различно. Например, *la nuit* **'ночь*** выполняет в высказывании разные функции при постпозитивном и препозитивном расположениям по отноше¬ нию к глаголу в предложениях *Le poete chante la* **лшг Поэт** воспевает ночь' и *La nuit le poete chante* **'Ночью** поэт поет".

Основные недостатки синтаксических исследований французских функ¬ ционалистов заключаются в том, что они не рассматривают сложное пред¬ ложение, а также не принимают во внимание интонационное и пунктуацион¬ ное оформление предложения. В отличие от формально-логического подхо- да к анализу предложений представителей ТГГ синтаксический анализ у французских функционалистов не является чисто формальным — они стре¬ мятся совместить рассмотрение материально-языковой стороны высказы¬ вания со смыслом, ибо монема в их понимании — двусторонняя единица, наделенная и формой и значением.

Правда, область лексической семантики у французских лингвистов совсем не разработана. Это связано с тем, что они отрицают понятие "сло¬ во". Мартине, например, полагает, что поиски точного определения слова в общей лингвистике едва ли целесообразны, поскольку бывает трудно оп¬ ределить границы слова в разных языках. Поэтому понятию слова Мартине и его последователи предпочитают понятие автономной синтагмы, состав¬ ленной из нерасчлененных монем. Например, слово *сделаем* состоит из трех монем - ядерной глагольной монемы ***-дела-,*** монемы совершенного вида *с-* и монемы 2-го л. мн.ч. Правда, в последнее время некоторые фран¬ цузские функционалисты требуют реабилитации понятия **"слово"и** введения его в практику лингвистического анализа. Исследований, посвященных проб¬ леме значения, у французских лингвистов практически нет (Ж.Мунен прямо заявляет, что время создания общей концепции семантики еще не наступи¬ ло). Приходится только сожалеть, что французские функционалисты пре- небрегают богатой традицией семантического изучения **сл!в,** развитого во французском языкознании XIX — начала XX в. и представленного в работах А.Дармстетера, М.Бреаля, А.Доза и других французских семасиологов.

Хотя Мартине и заявляет, что для лингвиста представляют интерес лишь внутренние причинные связи, он и его последователи обращают боль¬ шое внимание на социологическое описание структуры языка, которое включает в себя изучение социальных диалектов, разговорного и литератур¬ ного языков, процессов языковой дивергенции (расхождения) и конвер- генции (схождения) языков. Социологическое описание структуры имеет два параметра - внешний (психолингвистический) и внутренний (социаль- ный) . 2хя параметры подробно рассматривает М.Мамудян в статье "Линг- вистическая структура: проблема инварианта и вариантов" (1980). Психо-

логический параметр характеризует индивидуальное восприятие языковых фактов индивидуумом, и оценки информантов в таких случаях распределяются между зоной устойчивых языковых явлений и зоной колебаний. Между двумя этими зонами располагаются оценки, свидетельствующие о большей или меньшей степени уверенности информанта и выражающие его мнение о положении языкового факта в языковой структуре и его функциональной нагрузке в речи. Социальный параметр социологического описания структуры языка характеризует восприятие факта не индивидуумом, а коллективом. Показания информантов оцениваются с точки зрения их согласованности и распределены по зонам согласованности и расхождения. Мамудян стремится выявить соотношение между распространенностью языкового факта и степенью его детерминированности в языковой структуре. Таким образом, выдвигается положение о соотношении психолингвистического и социального параметров в социологическом описании языка.

У французских функционалистов много исследований, посвященных восприятию языковых фактов носителями языка, экспериментальному анализу языкового материала. **Вообще** характерной чертой французского функционализма является внимание к **конкретным** фактам языка: "...первейшая задача лингвиста состоит в исследовании конкретных **языков"**[300]**.** Сведение языка к абстрактным структурам, по мнению Мартине, — это метод большими опасностями, так как он не сопровождается тщательным анализом языковой реальности.

В статье "Некоторые основные принципы функциональной лингвистики" (1977) Мартине обобщает основные положения этого направления языкознания. Следует сказать, что Мартине очень часто оперирует понятием релевантности, которая является одним из основных понятий функциональной лингвистики. Термин "релевантность" соответствует введенному пражскими лингвистами понятию **"смыслоразличительная** функция", и релевантными называются признаки, которые способствуют осуществлению языковой коммуникации. Применение принципа релевантности (смыслоразличения) дает возможность осуществлять классификацию языковых фактов не на основе их физической природы, а на основе их функций. Принципы французской школы функциональной лингвистики в интерпретации Мартине следующие:

1. Релевантная субстанция сохраняется, чтобы определить отношения. Этим положением, в противоположность глоссематике, подчеркивается важность языковой субстанции, а не существующих в языке отношений.

2. Двойное членение языка на монемы и фонемы как асимметричная модель противопоставляется постоянной симметрии, принимаемой для плана содержания и плана выражения у глоссематиков.

3. Изменения в субстанции рассматриваются в качестве первопричины для перестройки сети отношений.

4. Указанные три положения, имеющие дело с релевантной субстанцией, ведут к установлению функциональной языковой реальности, а языковые структуры рассматриваются как структуры, реально существующие в поведении человека, а не как выдумка дескриптивистов. Языковую структуру функционалист стремится представить в виде модели.

Остальные положения оцениваются Мартине как развитие идей де Соссюра, а не отход от них:

5. В синхронии выделяются статика и динамика и предпочтение отдается последней в той мере, в какой наблюдение это позволяет. Соссюровский образ поперечного разреза дерева (см. § 62) отвергается, поскольку функционалист стремится определить, как течет сок.

6. Означаемое и означающее не следует рассматривать в одном и том же ряду, поскольку означающее, состоящее из воспринимаемых различительных единиц, служит ключом к означаемому. Хотя де Соссюр, по мнению Мартине, определял означающее в терминах ментализма, он осознавал природу отношений между двумя этими особенностями языкового знака. Де Соссюр настаивал на признании означающего в качестве особой черты языка, а любое упоминание физической природы означаемого могло бы усилить идеалистические предрассудки его современников, протестовавших против включения означающего в святая святых языка. Означающее как конкретная языковая реальность включается в структуру языка как совокупность лингвистически значимых черт физической субстанции.

7. Поскольку лингвистический знак определяется с помощью означающего, состоящего из значимых дискретных различительных единиц, означаемое должно приниматься во внимание только как понятие. Поэтому морфология, рассматриваемая как изучение формальных вариантов означающего, как и фонология, изучающая аллофоны как варианты фонем, занимают крайнее положение в системе языка, что не умаляет их значимости при описании или преподавании языка.

8. Основной чертой языка является линейность речи, которая определяет существование и природу синтаксиса как учения о представлении тех путей, по которым слушающий воссоздает единство сообщения, разбитого на составные части из-за необходимости членения опыта в процессе языкового общения.

9. Линейность речи не предполагает обязательную релевантность позиции единиц. Последняя важна для уровня фонем, но не для значимых единиц. Одной из задач синтаксиса является определение того, является ли позиция данной единицы синтаксически нет.

10. Отношения между находящимися в оппозиции единицами являются дискретными и четко и они определяются с помощью коммутации (см. § 77). Отношения оппозиции крайне важны для фонологии и морфологии, но их выявление в лексических единицах затруднено из-за их многозначности, как, например, при омонимии.

Хотя Мартине и заявляет, что развиваемые им положения являются продолжениями идей де Соссюра, он не до конца последователен. Выше уже отмечалось, что французские функционалисты отвергли соссюровское противопоставление синхронии диахронии. Они также не принимают дихотомию де Соссюра "язык - речь" (см. § 59). Ж.Мартине, например, пишет: не уверены, что Соссюр, имея возможность продолжить свои размышления, стал бы настаивать на необходимости различать язык и речь"[301]. Мартине отрицает это противопоставление и выдвигает противопоставление "код — сообщение", "причем код понимается как организация, на

основе которой возможно составление сообщения и путем сравнения с которой всех единиц сообщения распознается смысл последнего"[302]. Представляется, что выделение и противопоставление кода и сообщения вряд ли целесообразно, ибо из дальнейшего хода рассуждения А.Мартине следует, что он придерживается положения, распространенного в советском языкознании, а именно, что речь представляет собой конкретную форму проявления языка и что только изучая речь мы можем изучить язык.

Приведенные положения французской школы функциональной лингвистики свидетельствуют о том, что представители этого направления ориентируются на изучение конкретных языковых фактов. Они признают также необходимость учета и внеязыковых данных, стремятся усовершенствовать применение методов структурной лингвистики к диахроническому изучению языков. Они отрицательно относятся ко всем видам лингвистического априоризма. Функциональный подход к языку как к динамической системе позволил Мартине и его последователям избежать разрыва между синхронией и диахронией, характерного для многих лингвистов XX в. Все это дает основание говорить об определенной близости взглядов представителей французской школы функциональной лингвистики идеям Пражской школы функциональной лингвистики.

Оценивая вклад французских функционалистов в разработку общей теории языка, методики анализа и применения теоретических положений в анализе конкретного языкового материала, следует отметить, что они создали оригинальную теорию, выдвинув и обосновав положения о вариантности языковой системы и динамизме языкового развития. Мартине сформулировал правило, согласно которому нарушение и восстановление языковой системы является фактором, определяющим развитие языка. Разработанный французскими лингвистами функциональный синтаксис стремится представить все грамматическое описание в виде отношений, которые устанавливаются между автономными и функциональными монемами.

Акцентируя внимание на выявлении механизма функционирования языка, Мартине и его последователи стремятся ответить на вопрос: что происходит в языке, как и почему совершается наблюдаемый процесс. Теоретические заключения они требуют делать только на основе анализа фактов языка. Основным принципом лингвистического анализа должен быть принцип релевантности (смыслоразличения). Функциональные описания конкретных языков, в частности французского, отличаются богатством языкового материала (исследуются фонетические, морфологические характеристики языка в его реальном употреблении), содержательной интерпретацией этих фактов, классификацией грамматических явлений на едином лингвистическом основании.

Представители французского функционализма стремятся преодолеть искусственные барьеры между различными направлениями современного языкознания, выступая за "реалистическую" лингвистику, которая основывалась бы на изучении конкретного языкового материала и находилась бы в решительной оппозиции к различного рода формалистическим и абстрактно-логическим методам изучения языка*[03].

ГЛАВА 14

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

§ 87. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ - ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Уже в первые годы Советской власти встал вопрос о методологических основах советского языкознания. В статье "О значении воинствующего материализма" В.И. Ленин писал: "...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом"[304]. Это ленинское положение относится и к лингвистам, их методологии научных исследований. Основой советского языкознания стала **марксисток О-ленинская**

Если языковеды прошлого были в большинстве своем эмпириками, стремились лишь к накоплению языковых фактов и не пытались объяснять противоречивые факты языка, то марксистско-ленинская методология позволяет языковедам диалектически объяснить появление или исчезновение любого языкового явления как закономерный прогресс развития языка. Классики марксизма-ленинизма, считая язык важнейшим средством идеологической борьбы, отмечали два основных аспекта языка — **коммуникативный** и **идеологический.** Определяя коммуникативный аспект языка, К.Маркс и Ф.Энгельс писали: "Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для 'других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими **людьми"**[305]. "Язык есть важнейшее средство человеческого общения"[306], — так определил язык В.И. Ленин. Понимание языка как важнейшего средства идеологической борьбы лежит в основе ленинской критики **приемов** либеральной буржуазии. Ленинский анализ псевдореволюционной фразеологии имел основополагающее значение для разработки проблемы социально обусловленных речевых стилей.

Подлинно материалистическое решение вопроса о соотношении языка и мышления дает ленинская теория отражения: "Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем"[307]; "ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств"[308]. В.И. Ленин четко определяет процесс познания: "От живого созерцания к абстрактному мышлению ***и*** *от него к практике* - таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности"[305]. Первой ступенью познания является чувственное восприятие. Воздействуя на наши органы чувств, внешний мир вызывает определенные ощущения (зрительные, слуховые и т.д.). Ощущения от предметов объек-

тивного мира представляют собой материал для мышления: у человека возникает представление о предмете и образуется понятие этого предмета.

В.И. Ленин подчеркивает, что с чувственным восприятием внешнего мира теснейшим образом связано образование представлений и понятий и их наименование. Понятия в мышлении человека возникают благодаря отвлечению от тех или иных сторон действительности в процессе ее анализа. "Познание, — указывает Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc."[310]. Абстракции дают' нам то же отражение конкретных явлений, которое мы получаем в результате чувственных восприятий, только взятых в их общих, наиболее существенных свойствах. Как обобщенное выражение одинаковых свойств конкретных явлений абстракция чувственно не воспринимаема, но это не значит, что она не связана с реальностью. Именно общее показывает нам действительность глубже, вернее, полнее, чем непосредственное чувственное восприятие или представление.

В процессе отвлечения от чувственного восприятия понятие облекается в чувственный образ, каким является слово. В.И. Ленин подчеркивал, что "всякое слово (речь) уже *обобщает",* что "в языке есть только *общее*"[311]. Говоря о том, что в языке есть только общее, мы признаем, что язык так или иначе участвует в выражении мысли.

В тесной связи с вопросом о соотношении языка и мышления находится проблема соотношения формы и содержания. В.И. Ленин указывает, что нельзя изучать язык в отрыве от мышления, форму — в отрыве от содержания. Мышление отражает действительность, а язык выражает действительность только через социальную и познавательную деятельность людей, которые, отражая действительность в своем сознании, воздействуют на нее как общественная сила. Форма и содержание теснейшим образом взаимосвязаны. Внешние показатели, "если рассматривать их как формы, „отличные от содержания и лишь внешние ему", неспособны охватывать истину", - записал В.И. Ленин в конспекте книги Г.Гегеля "Наука логики"[312]. В лингвистическом плане это значит, что язык, являясь формой выражения мысли, имеет и свое содержание — объективный мир, отраженный в сознании. Диалектическое единство формы и содержания не исключает их различия. Форма должна соответствовать содержанию, так как последнее ее порождает, но, развиваясь и изменяясь, содержание постепенно перерастает форму, начинается "борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания"[313]. Признание первичности существования предметов и явлений объективной действительности, существующих вне нас и помимо нас, отражение этих предметов и явлений в нашем сознании и обозначение их с помощью языковых средств составляет одну из характерных особенностей марксистского языкознания.

Диалектический материализм исходит из того, что движение человеческого познания, осуществляется через относительные истины к абсолютной истине. Это значит, что наши понятия и представления о связях и отношениях изучаемых нами явлений все время меняются, углубляются, уточняются во всей совокупности их закономерностей. В конечном итоге такой путь познания все больше приближает нас к проникновению во внутреннюю сущ-

ность изучаемых явлений. "В теории познания, как и во всех других облас¬тях науки, — писал Л. Ленин, - следует рассуждать диалектически, т.е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным"[314]. Следовательно, изучение языка не должно ограничиваться каким-либо одним методом, ибо использование одного метода не обеспечивает полной глубины и точного знания языковых явлений.

Положение диалектического материализма о взаимосвязи всех явлений в природе и обществе находит подтверждение и в науке о языке. В каждом из языковых явлений проявляются свои связи и закономерности. Наши по¬нятия отражают общие, существенные стороны и связи явлений, но это общее "только и есть ***с ту пен ьк*** познанию ***конкретно***^ мы никогда не **познаем** конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов **etc.** дает *конкретное* в его **полноте"[315].** В языке мы также можем выделить общие свойства. Прежде всего общим призна¬ком языка является его с о ц и а л ь н а я функция — служить средством общения между членами языкового коллектива. В каждом языке имеется также звуковая материя, способная воплощать понятия и по-разному организовывать эти понятия в суждения, и наконец, язык способен переда¬вать из поколения в поколение результаты мыслительной деятельности людей путем устной передачи или графического изображения. Глубокое изучение этих свойств языка ведет к познанию языка как объективно су¬ществующей материальной реальности.

С позиций исторического материализма решается в советском знании и проблема соотношения языка и общества. Являясь важнейшим средством человеческого общения, язык не может существовать вне обще¬ства, поскольку он социально обусловлен как по происхождению, так и по назначению, **буржуазное общество,** - писал К.Маркс, - есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производ¬ства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание орга¬низации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм... Ана¬томия человека — ключ к анатомии обезьяны"[316]. Это положение важно и для понимания социального **функционирования** и социальной дифференциа¬ции языка. Экономическая разобщенность и территориальная замкнутость, характерные для феодального общества, приводили к появлению террито¬риальных и социальных диалектов. Характеризуя быт села Красного, Арза¬масского уезда, Нижегородской губернии, В.И. Ленин писал: "Небезынте¬ресно отметить здесь особый жаргон красносельцев; это - характерная, черта территориальной замкнутости, свойственной мануфактуре. „В селе Красном фабрики ***по-матройски*** называются *поварнями... Матройский* язык принадлежит к числу многочисленных ветвей офеньского, из которых глав¬ных три: собственно ***офеньский,*** употребляющийся преимущественно во Владимирской губернии, *гапивонский* — в Костромской и *матройский* — в Нижегородской и Владимирской губерниях" („Труды **куст,** ком.", V, стр. , 4(55). Только крупная машинная индустрия вполне разрушает земляческий

характер общественных связей и ставит на их место национальные (и интернациональные) **связи**"[317].

Примером диалектического подхода к установлению связей между языковыми явлениями и вызвавшими их социальными причинами является работа Ф.Энгельса "Франкский диалект". В ней Энгельс показывает социальные причины второго передвижения согласных в германских языках. Наличие звуковых закономерностей в каждом языке он считает не проявлением слепой необходимости природы, как младограмматики, а результатом определенного периода исторического развития языка, когда эти звуковые процессы совершались. Энгельс проводит мысль о том, что второе передвижение согласных (известное как древневерхненемецкий перебой согласных) происходило в диалектах племен, живших по крупнейшему торговому пути — по Рейну. И сначала передвижение согласных затрагивало лишь слова, так или иначе связанные с торговым обиходом. Это наблюдение указывало на связь изменений языка с конкретными особенностями общественной жизни носителей этого языка в определенную историческую эпоху.

С позиций исторического материализма классики марксизма-ленинизма дали четкий ответ на вопрос, к какой стороне жизни общества — материальной или идеальной (духовной) — относится язык, потому что от правильного решения этого вопроса зависит многое в понимании природы языка и разработке теоретических проблем языкознания. В языке есть и
ная сторона (опосредованное через мышление выражение в языке предметов и отношений объективного мира), и материальная сторона (звуки). К.Маркс писал, что "словесное наименование лишь выражает в виде представления что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи { это - предположение, необходимо вытекающее из наличия речи], определенные внешние предметы служат для удовлетворения их
этого положения следует, что язык относится к области духовной культуры.

В разработке марксистской лингвистической теории в истории советского языкознания, особенно в период его становления, были упрощенческие подходы, вульгаризаторские толкования некоторых положений классиков марксизма-ленинизма. Но в дальнейшем положения диалектического и исторического материализма советские языковеды применяли для познания гносеологических сторон языка и методов и приемов его анализа.

§ 88. ЯЗЫКОЗНАНИЕ В 20-е ГОДЫ. Н.Я. МАРР

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашем многонациональном государстве впервые в мире стала претворяться в жизнь подлинно гуманная идея братства и равенства народов. Каждый народ Советского Союза получил возможность строить свою собственную культуру, социалистическую по содержанию, национальную по форме. Это возложило на языковедов задачу первостепенной важности — помочь ранее бесписьменным народам создать письменность на родном языке. Кроме того, лингвисты чувствовали острую необходимость в критическом пере-

смотре своих теоретических позиций. И в этом отношении особую решительность проявил Н.Я. Марр (1864-1934), один из крупнейших русских языковедов. С отличием окончив кутаисскую классическую гимназию, где были особо отмечены его отличные способности к языкам, Марр в 1884 г. поступает на факультет восточных языков Петербургского университета, где занимается грузинским, армянским, семитскими и кавказскими языками. С 1901 г. Марр — профессор Петербургского университета, а в 1912 г. его избирают действительным членом Академии наук.

Великая Октябрьская социалистическая революция, установившая новые общественные отношения, требовала нового содержания и от общественных наук. Практическая деятельность советских лингвистов была направлена в первую очередь на изучение и описание неиндоевропейских языков различных народов и народностей Советского Союза. И не случайно работу по пересмотру теоретических установок в науке о языке возглавил неиндоевропеист. Именно ученому, занимавшемуся проблемами кавказских и семитских языков, было легче увидеть и ощутить кризисное состояние господствовавшего в то время индоевропейского с сравнительно-историческим методом. Марр признавал заслуги индоевропеистики в развитии научной лингвистической мысли, но справедливо считал, что эти заслуги целиком и полностью относятся к прошлому. На современном этапе индоевропейское языкознание, обязанное, как говорил Марр, в конечном счете породившей его буржуазной идеологии, зашло в тупик, поскольку занималось изучением никогда не существовавшего праязыка.

Марр также считал, что индоевропейское языкознание, каким оно было в начале века, являлось в значительной степени опорой реакционной теории расового неравенства народов и вытекавшего из этой теории положения о разной степени ценности различных языков. Действительно, некоторые представители старого индоевропейского языкознания пытались доказать, что так называемые индоевропейские народы были исконно связаны между собой узами кровного родства и явились творцами и носителями самой высокой культуры в мире, что в силу своего расового и духовного превосходства эти народы подчиняли другие племена и народности и, становясь господствующей социальной силой, **приобщавших** к более высокому материальному и культурному уровню жизни. Все достижения человеческого общества так или иначе приписывались индоевропейскому комплексу народов, исторической миссией которых, с точки зрения некоторых ведущих представителей индоевропеистики, являлось исполнение роли вершителей судеб неиндоевропейских народов, якобы не способных в силу своих расовых особенностей ни к государственному строительству, ни к осуществлению общественного прогресса. Индоевропейские народы объявлялись движущей силой исторического развития общества: Подобные идеи были несовместимы как с идеями интернационализма, братской солидарности всех народов, с материалистическими воззрениями на сущность исторического процесса. Поэтому вполне естественным является бескомпромиссное неприятие индоевропеизма, которое наиболее ярко выразилось в марровском направлении языковедческой работы начала 20-х годов.

Выход из теоретического тупика, в который попала наука о языке, могла, по мнению Марра, обеспечить в данный период развития языкознания

только "яфетическая" лингвистика, выделившаяся позднее в учение о **языке".** Именно изучение яфетических (кавказских) языков дает материал для понимания языковых процессов в системе различных языковых семейств, которые когда-либо находились в **контакте** с яфетическим миром Кавказа. Основные положения "нового учения о языке" сводятся к следующему. Язык, считает Марр, "есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений, предполагающих наличие трудового коллектива"[319], это "такая же надстроечная общественная ценность, как художество и вообще искусство"[320]. Из представления о языке как надстроечной категории Марр сделал ряд выводов:

Языковые состояния сменяются в результате смены общественных формаций (учение о стадиальности языка): "...так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преображалась в **другую"[321]-** Таким образом, переход общества из одной формации в другую должен сопровождаться переходом языка из одного состояния в другое, причем эта смена языковых состояний сопровождается коренной ломкой одной структуры языка и появлением новой, качественно отличной языковой системы, но сохраняющей много элементов старой. Так, изолирующий строй языка являлся якобы языковым отражением первобытнообщинной формации, агглютинирующий строй соответствовал, по мнению Марра **и его приверженцев,** родовой организации общества, а флектирующие языки - формациям классового общества.

2. Пути развития всех языков едины (теория единства глоттогонического процесса).

3. Исключительно большое значение в формировании отдельных, особенно индоевропейских, языков имеет языковое скрещивание. В скрещивании языков Марр видел главный фактор, обусловивший расхождение близкородственных диалектов.

; 4. Поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая то и язык, будучи тоже является классовым (учение о классовости языка).

В связи с созданием "нового учения о языке" возникла настоятельная потребность в таком лингвистическом методе, который бы в корне отличался от традиционного сравнительно-исторического и позволил бы свободно оперировать разноязычным лексическим материалом без учета действия звуковых законов. И Марр предложил четырехэлементный анализ, принципы и техника которого остались неясными ни для последователей ученого, **Ни,** видимо, для него самого. Марр считал, что первоначально существовали «етыре первичных элемента *(sal, ber,yon,ros)*, которые встречаются во всех языках. Исходя из этого, он произвольно манипулировал лексическими элементами разных языков вместо установления точных звуковых соответствий сравниваемых языков.

"Новое учение о языке" господствовало в начальный период развития советского языкознания. Учение Марра было попыткой, пусть несовершенной и неудачной, ответить на запросы эпохи. Оно вдохновлялось правильной в своей основе идеей: революционная страна должна иметь революцион-

ную общественную науку. Антирасистская направленность, внимание к мелким и мельчайшим, бесписьменным и неизученным языкам, содействие их разработке — все это **полностью** отвечало революционному мировоззрению и немало способствовало популярности "нового учения о языке". Боевой дух и пафос преобразования советской эпохи пронизывают деятельность Марра с первых дней революции. "К сожалению, реализация правильных в основе идей оказалась крайне неудовлетворительной. Сказался недостаток философской подготовки, а также отсутствие настоящей лингвистической школы (Марр был больше филолог, чем лингвист). В результате — упрощенное, истолкование сложных явлений и процессов языкового развития. Такие положения, как надстроечность и классовость языка, единство глоттогонического процесса, теория ного развития, носили декларативный характер и не получали серьезного обоснования"[322].

Однако абсолютизация "нового учения о языке" сужала творческие возможности советских языковедов. Поэтому **30-е годы** характеризуются поисками компромисса в преодолении вульгарно-материалистических схем этого учения.

§ 89. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.И. МЕЩАНИНОВА. ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Стремление соединить отдельные положения "нового учения о языке" с самостоятельными лингвистическими взглядами проявляется в работах одного из ближайших учеников **Н.Ж** Марра, видного советского языковеда **ЛИ.** Мещанинова (1883-1967). Выпускник юридического факультета Петербургского университета, Мещанинов сначала заинтересовался археологией Древнего Востока. Затем по совету Марра он слушает лекции по грузинскому и халдскому (урартскому) языкам и с 1922 г. сам начинает читать курсы по халдоведению. В г. Мещанинов впервые выступает как лингвист-теоретик, он занимается преимущественно сравнительно-типологическим описанием грамматических форм разносистемных языков. Лингвистическая концепция Мещанинова нашла отражение в таких его работах, как "Новое учение о языке. Стадиальная типология" (1936), "Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения" (1940), "Члены предложения и части речи" (1945), "Глагол" **(1949)** и др. Наряду с интенсивной научной деятельностью Мещанинов вел большую **научно-организационную** работу: он был директором Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне Институт языкознания АН СССР), академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР (1939—1950) и т.д.

Восприняв идею Марра о единстве глоттогонического процесса, Мещанинов творчески ее переработал, создав синтаксическую альную **теорию.** По его мнению, языки проходят в своем развитии три синтаксические стадии в зависимости от грамматического оформления подлежащего в предложении: пассивную, и активную. Первоначально Мещанинов приурочивает эти стадии к сменам общественного строя. Затем он предлагает изучать основные категории синтаксиса в языках раз-

типов в связи с проблемой развития мышления и средств его языково¬ го выражения.

Для пассивной стадии характерны инкорпорирующие языки (языки американских индейцев, чукотский и др.), которые не различают слова и предложения. Например, чук. 'Я жирных оле¬ ней убиваю' в остов корпуса *ты-нмы-ркын* инкорпорирует /шг 'олень' и его определение иное расположение в чукотском языке невозможно. "Характерной особенностью мышления этой стадии, -пишет Мещанинов, - является коллективное восприятие, ведущее к объединению (обобщению) существ и предметов по группам, каковым в лингвистической литературе обычно присваивается наименование

В таком состоянии логический субъект и объект сливаются в речи и представляются пассивными, так как человеческое сознание якобы создает мифологический субъект, действующий через человека. На пассивной ста¬ дии глагол (основная категория языка) не знает переходности непере¬ ходности действия, а словесный комплекс, представляя единое целое, включает в свой состав различные части.

Подобные образования встречаются не только в инкорпорирующих языках, но и в индоевропейских [ср.: русск. *перекати-поле* 'растение', *гуляй-город* "боевое сооружение в русской армии XV в.'). Факты языка за¬ ставляют задумываться: либо наличие одинаковых конструкций, зафикси¬ рованных на пассивной стадии синтаксического развития и встречающихся в разносистемных языках, является общеязыковой тенденцией, либо это языковая случайность.

За пассивной стадией следовала эргативная стадия, синтакси- ческой основой которой являлась эргативная конструкция. В этой конст- рукции, характерной для иберийско-кавк-азских языков (грузинского, абхазского, адыгейского, лезгинского и др.), баскского и некоторых языков народов Азии и Америки, субъект действия стоит в эргативном па¬ деже, а объект — в именительном. Например, в предложении *Человек приобрел дом* слово *дом* употреблено в форме именительного падежа, а *человек* - эргативного. В эргативной стадии, указывает Мещанинов, "ос¬ лабляется, а затем и вовсе исчезает инкорпорирование... и само реально действующее лицо, сначала понимаемое лишь в роли выполнителя деяния, а затем осознанное как таковое, выносится наружу, утрачивая свое прежнее пассивное содержание и разбивая фразу-слово на ее составные части. Вы¬ деляется логический субъект и его противоположность - объект". Про¬ межуточное положение этой стадии подтверждалось материалом картвель¬ ских языков, в которых эргативная конструкция употребляется меньше из-за развития синтаксической структуры в сторону сближения с индоев¬ ропейскими языками.

И наконец, последней стадией синтаксического развития является ак- тивная, в которой ведущим синтаксическим признаком является именительный падеж (номинатив) в качестве единственной формы подле¬ жащего, вне зависимости от переходности ~ непереходности глагола. Номи¬ нативная конструкция, типичная для активной стадии, характеризует индоев¬ ропейские, финно-угорские, тюркские и семито-хамитские языки.

В дальнейшем Мещанинов ставил под сомнение стадиальный характер развития синтаксических типов. Однако в то время идея проведения синтаксических исследований, построенных на типологическом сопоставлении родственных и неродственных языков, была новой для советского языкознания. Подобные синтаксические исследования содействовали преодолению привычного для сравнительно-исторического языкознания сопоставления только родственных языков; для сравнения стали привлекаться языки иных структурных типов — кавказские, палеоазиатские и др. Поэтому Мещанинов может быть назван основоположником типологического изучения языков в советском Кроме того, своими трудами он способствовал включению в общетеоретические и сравнительно-типологические исследования бесписьменных и малоизвестных языков народов Советского Союза.

' Используя учение Марра о ведущей роли семантики, Мещанинов создает учение о понятийных категориях. Под понятийными категориями подразумеваются понятия, существующие в данной общественной среде (понятия субъекта, предиката, предметности, рода и т.д.). Эти понятия не описываются с помощью языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями. Например, деление людей на мужчин и женщин остается в русском языке различением понятийным; эти понятийные категории проявляются в лексике, в соответствующей семантике слов *(ткач - ткачиха).* Понятийная категория атрибутивности передается грамматической категорией прилагательного. По мнению Мещанинова, понятийные категории, встречающиеся во всех языках, носят универсальный характер, но различаются по внешнему выражению.

В 40-х годах Мещанинов заинтересовался единства человеческого сознания, которое определяет общность понятийных категорий, лежащих в основе структурного разнообразия внешних форм. Таким образом, постепенно он отходит от тех позиций, которые традиционно связывались с именем Марра, и вырабатывает свою лингвистическую концепцию.

§ 90. ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала необходимые условия для подъема общеобразовательного, культурного и научно-технического уровня всех наций и народностей, угнетавшихся в царской России. Народы получили равные права во всех сферах жизни, в том числе и в языковом развитии. В многонациональной стране началась подлинная культурная революция, одной из составных частей которой стало языковое строительство. Термин "языковое строительство" связан с такими новыми в первый период существования Советского государства понятиями, как "социалистическое строительство", "партийное строительство", "советское строительство" и т.д.

Методологической и политической основой языкового строительства явились идеи равенства и суверенитета всех народов России, отмены любых

национальных, языковых и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободного развития всех национальных меньшинств, народов и народностей. Ленинское отношение к национальному вопросу легло в основу решений X съезда **РКП** (б): "...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам... а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих **наиионально-бытовым** условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном **языке...** . Для того чтобы успешно решить эти задачи, нужно было прежде всего создать письменность для многих бесписьменных языков и усовершенствовать правописание старописьменных языков, без чего невозможно было распространение грамотности и становление новых литературных языков.

Актом огромного культурного значения стала реформа правописания 1918 г., утвержденная декретом Советского правительства, согласно которой из русского алфавита устранялись буквы Ѣ , 0, отменялось написание буквы ъ в конце слова, а также был произведен ряд других существенных изменений. Реформа значительно облегчала распространение грамотности среди широких народных масс.

Для практического руководства языковым строительством были созданы научные центры — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, Комитет нового алфавита народов Севера и др. Основная деятельность этих комитетов, в работе которых активное участие принимали советские языковеды, заключалась в определении фонетических и графических основ алфавитов, принципов отбора языков, на базе которых должна быть создана письменность, в разработке терминологии и т.д. В короткий срок были составлены алфавиты на латинской основе для всех тюркских, финно-угорских, ряда кавказских, иранских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков народов и народностей СССР. В 20-е годы переход на латинизированный алфавит объяснялся тем, что нерусское население России еще помнило принудительную русификацию, проводившуюся царским правительством, и создание письменности на русской основе в этот момент могло быть воспринято неправильно. В 30-е годы положение изменилось. Все нации и народности СССР по собственной инициативе, добровольно избирают русский язык в качестве языка межнационального общения и сотрудничества. Однако обучение национальным языкам на основе латинского алфавита при одновременном обучении русскому языку создавало дополнительные трудности. Начинается переход от латинизированных алфавитов на русскую графику, который был завершен к началу 40-х годов.

Наряду с созданием и совершенствованием алфавитов советские языковеды разрабатывали проблемы образования новых литературных языков, определяли их диалектные основы. В настоящее время в СССР насчитывается более 70 литературных языков. В создании письменности, в формировании новых литературных языков большую роль сыграла деятель-

ность таких языковедов, как Д В. Бубрих, Е.Д. Поливанов, Н.Ф, Яковлев и др,

Один из ближайших учеников И.А Бодузна де Куртенэ **ЕД.** Поливанов (1891-1938), будучи **специалис** >м в области восточных языков, после революции активно включился в работу по созданию алфавитов **Для** языков народов СССР. Поливанову принадлежал **первый** проект латинизированной узбекской письменности; он пришел к правильному выводу, что в основу узбекского литературного языка должны лечь городские диалекты Ташкента, Самарканда и Ферганы.

Определяя особенности советского языкознания, Поливанов **важнейшей его** чертой считал **социологизм** в изучении языка. В круг проблем социологической лингвистики должны входить определение социального явления, описание языков и диалектов с точки зрения, изучение развития языка в связи с историей **кульгуры,** вопросы **языковой политики** и т.д.

Поливанов утверждал, что общественные сдвиги более **шш** менее непосредственно отражаются только в лексике и фразеологии; он возражал против лженаучных попыток объяснить фонетические И грамматические явления непосредственным воздействием социально-экономических фактором (от **социально.экономических** факторов зависят не конкретные факты фонетики и а образование семей языков и языковое скрещивание). Деятельность Поливанова способствовала созданию **методологических** основ советского языкознания и языковому строительству СССР.

Другой известный советский языковед, Д.В. Бубрих (1890-1949), первоначально занимался славянскими языками. Овладев на **матерй&че** этих языков сравнительно-историческим методом,он переходит к **исследованию** финно-угорских языков **(карельский,** финский, коми, удмуртский, мордовский) . Бубрих всегда связывал свои теоретические исследования с актуальными задачами языкового строительства, с развитием культуры и истории национальных языков народов Севера. Наряду с теоретическим изучением этих языков ("Звуки и формы эрзянской речи", 1930; "Карелы и карельский язык", 1932; "Грамматика литературного коми **языка",** 1949, и др.) Бубрих обращает большое внимание на практику языкового строительства отсталых при царизме народов, говорящих на этих языках. Он возглавляет ряд экспедиций по мордовских диалектов для выработки основ мордовской письменности. Под руководством Ьубриха началось широкое изучение карельских диалектов в связи с проблемой происхождения карельского народа; он справедливо подчеркивает глубокие исторические связи карельского и русского народов.

С разработкой алфавитов и орфографии, научных и **практических** грамматик, общих и специальных орфографических словарей связаны многочисленные работы профессора Н.Ф. Яковлева (1892-1974), специалиста do кавказским языкам. В "Краткой грамматике адыгейского **(кяхского)** языка" (1930), "Краткой грамматике кабардино-черкесского языка" (1938) Яковлев, рассматривая конкретные особенности этих языков» Исходит из того, что все в языке имеет социальную значимость. Он **провбдйт** большую работу по унификации алфаьишв для горских языков **СевернгЭго** Кавказа [основные принципы этой работы **излс кеНы** в статье "МатШйтИ»

ческая формула построения алфавита" (1928)], что имело огромное значение для развития языковой культуры говорящих на них народов.

Будучи интернационалистами по своим убеждениям, советские языковеды с большой симпатией и глубоким сочувствием относились к борьбе угнетенных народов мира за свою независимость и национальную самобытность, помогали развивать культуру этих народов. Так, крупнейший советский арабист И.Ю. **Крачковский** (1883-1951) уже в первых своих работах отмечал важность переводов Корана на славянские языки для изучения восточнославянских языков. Крачковский первым стал исследовать современную арабскую литературу. Анализ фактов арабских языков он стремился связать с конкретными условиями общественной жизни арабов. Крачковский указывает на большое влияние, которое оказали на арабскую литературу демократические традиции русской литературы.

Советские языковеды занимались не только конкретными вопросами языкового строительства, но и теоретическими вопросами, например, историей языка как общественного явления в связи с социально-классовым расслоением общества, классовой борьбой как движущей силой развития общества и ее отражением в общественном функционировании языка. В первых работах на эту тему ["Язык и общество" Р.О. Шор (1926), "Язык как социальное явление" Петерсона делается попытка не только обобщить достижения западноевропейской научной мысли в области социологии языка, но и конкретно исследовать отражение в языке социальных явлений,

Советские ученые убеждены, что язык есть прежде всего социальное явление, культурно-исторический факт. Поэтому всякая социальная дифференциация должна находить свое отражение в языке. В некоторых случаях, однако, слишком прямолинейно отождествлялись языковые изменения и вызвавшие их социальные факторы. Например, Р.О. Шор связывала исчезновение цоканья в архангельских и холмогорских говорах "с установлением торгового тракта, в течение веков соединявшего Архангельск с Москвою"[325]. От таких "экономических" объяснений языковых явлений предостерегал еще **Ф.Энгельс**[326].

Возникшие в период революционных потрясений новые понятия требовали для своего выражения новых слов, в то же время изменение социальных условий влекло за собой изменение значений "старых" слов. Советские языковеды стремились исследовать отражение в лексике борьбы революционных классов и партий, воздействие словаря революционной эпохи на **национальный** язык.

Разрабатывая проблемы социальной обусловленности языка, советские лингвисты сделали ряд интересных наблюдений. Так, АМ. **Иванов** и **Л.П. Якубинский** в "Очерках по языку" (1932) отметили, что сложноподчиненные предложения получают интенсивное развитие только с возникновением и развитием письменности. Отвлеченные имена существительные также **характерн» i** для письменных языков и слабо представлены в бесписьменных диалектах. Было высказано предположение о влиянии различных форм крепостного права на эволюцию крестьянских

В годах в советском языкознании широко развивается так называемая социальная диалектология, требующая изучать языковые явле-

ния в тесной связи с территориальными и социально-групповыми изменениями в жизни носителей данного языка, а также с изменениями внутри различных группировок этих носителей. В статье "О лингвистическом изучении города" (1928) Б.А. Ларин выдвинул задачу изучения особенностей языка жителей городов, указывая, что язык городского населения представляет собой особую языковую систему, своеобразную как по социальным основам, так и по чисто лингвистическим признакам. Описать состояние языка по общественным группам его носителей, по местным различиям, а также по возрастным признакам пытались и другие лингвисты. В.М. Жирмунский в книге "Национальный язык и социальные диалекты" (1936) исходил из того, что непосредственное наблюдение над языковой действительностью, над функционированием языка как социального явления может стать ключом к пониманию отдаленного исторического прошлого этого языка. Теоретические принципы советской социальной диалектологии положены в основу "Лингвистического атласа района озера Селигер" (1949) : "История народных говоров, а также литературной речи определяется историей различных социальных групп населения, связей одних местностей с другими"[327].

Изучение лингвистических фактор в тесной связи с изучением исторических и социальных условий жизни языкового коллектива особенно ярко проявилось в книге известного советского языковеда Ф.П. Филина "Очерк истории русского языка до XIV столетия" (1940). Автор пытается найти объяснение того "загадочного" обстоятельства, что античные исторические источники упоминают славян впервые лишь в VI в. Филин считает, что племена в начальный период образования племенных союзов представляли собой многочисленные человеческие группы, причем объединения эти были недостаточно устойчивы, чтобы из них создавались большие народности. Лишь спустя тысячелетия из мелких коллективов начали оформляться более прочные этнические образования, а вместе с тем и современные языковые системы. Славяне, по мнению Филина, оформились из древнейших многочисленных коллективов на юго-востоке Европы путем постепенного выделения из племенных образований, имевших пестрый этнический состав. Исходя из теоретических принципов исторической диалектологии, представленных в "Франкском диалекте" Ф.Энгельса, Филин сосредоточивает внимание на изучении языка не союза племен, а племени в его связи с этнополитической обстановкой той эпохи. Книга Филина, подтверждая научную эффективность и познавательную ценность энгельсовского подхода к фактам исторической диалектологии, представляет собой "высшее достижение первого этапа развития советской лингвистической географии"[328].

§ 91. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л.В.ЩЕРБЫ

Работа по созданию письменности для малых народов и народностей Советского Союза сопровождалась тщательным изучением фонетических систем языков этих народностей. Развитие фонетики в советском языкознании было обусловлено достижениями русских лингвистов до Великой Октябрьской социалистической революции. Учение о фонеме, выдвинутое И.А. Бо-

де Куртенэ, было успешно развито академиком Л.В. (1880—1944), создавшим оригинальную лингвистическую концепцию.

Окончив в 1898 г. киевскую гимназию, поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где увлекается лекциями Бодуэна де Куртенэ, оказавшего большое влияние на формирование его научных взглядов. В 1906—1909 гг. Щерба командируется в Германию и Северную Италию. Собранные во время этой командировки материалы он оформляет в виде двух диссертаций - магистерской **'Тусские** гласные в качественном и количественном отношении" (1912) и докторской "Восточнолужицкое наречие" (1915). Щерба так определил круг своих лингвистических интересов: теория языка вообще, фонетика, лексикология и отчасти синтаксис. В области фонетики он прежде всего известен как фонолог, один из основоположников теории фонемы. Много занимался он вопросами синтаксиса русского языка, орфоэпии, лексикографии, методики преподавания языков (им написано около 70 книг и статей).

С позиций общего языкознания Щерба рассматривал все вопросы: о системе языка, проблемы фонетики и фонологии, о роли **сравнительно-исторического** языкознания, о задачах синтаксиса. Различая речевую деятельность (т.е. процессы говорения и понимания), языковой материал (т.е. совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы) и систему языка, он видел основную задачу лингвистики в изучении

Свои взгляды на язык как систему Щерба излагает в статье "О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании" (1931). В языковой системе он видит некую социальную данность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы в условиях ее жизни. В языковую систему входят слова, образующие в каждом языке свою очень сложную систему, а также схемы или правила построения различных языковых единств. В языке Щерба выделяет речь: к ней относятся процессы говорения и понимания. Все подлинно индивидуальное, считает он, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, гибнет.

Языковую систему, т.е. словарь и грамматику данного языка, по мнению Щербы, следует выводить из соответствующих текстов, т.е. из соответствующего языкового материала. Продолжая линию Бодуэна де Куртенэ, Щерба подчеркивает принципиальную важность исследования **менных** живых языков и говоров. Только при изучении **живых языков** лингвист может выработать точные методы создания грамматик и словарей, отражающих действительное состояние языка.

Сравнительно-исторической грамматике старого типа Щерба противопоставляет сравнительное изучение структуры, или строя, различных языков. Однако оговаривается, что ему неясно, может ли такое изучение помочь воссоздать историческую картину развития структуры человеческого языка в связи с развитием человеческого сознания. При сравнительно-типологическом подходе к изучению языка Щерба считает традиционную классификацию языков (на агглютинативные, флективные, изолирующие и инкорпорирующие) преградой для создания языковых описаний, адекватных действительности.

истории языкознания связано и учение о Первоначально придерживался взглядов де который определения фонемы основывал на психологическом понимании сущности фонемы как представления звука, постоянно существующего в нашей психике. пользуясь терминами психологии, строит теорию фонемы на семантической основе. В своей магистерской диссертации он определяет фонему как кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, которое способно ассоциироваться со смысловыми представлениями и слова, а также может быть выделено из речи без искажения фонетического состава слова. Подчеркивая в первую очередь связь фонемы со значением, Щерба стремился объединить определения фонемы и оттенка (варианта) фонемы. Многолетняя углубленная работа над теорией фонемы позволила ему представить фонему как диалектическое единство общего и частного. В "Фонетике французского языка" Щерба определяет фонему как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенок фонемы — как реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется фонема (общее).

В определение сущности фонемы Щерба считает необходимым ввести элемент ("все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп"^[29]). Он полагает, что нет четкой границы между фонемами и оттенками (вариантами) фонем, что существуют фонемы более самостоятельные и менее самостоятельные, а некоторые оттенки фонемы близки к тому, чтобы стать фонемами, и наоборот.

R фонологической концепции Пражской школы функциональной лингвистики часто разделяются фонетика и фонология. исходит из что язык и речь - это два аспекта одного явления, которое практически неразделимо. Следовательно, фонетика невозможна без фонологии, ибо установление фонологических противопоставлений основывается на произносительных навыках. Теоретические 'положения Шербы развивались его учениками — Г.С. Ахвледиани, А.П. Баранниковым, Е.Д. Поливановым и

В области фонологии в советском языкознании обозначились, правда, не всегда достаточно резко и определенно, различия между несколькими научными направлениями, которые представлены так называемыми ленинградским фонологическим кружком (СИ. Бернштейн, Л.Р. Зиндер и др.) и московским фонологическим кружком (Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский и др.).

В области синтаксиса Щербе принадлежит учение об активном и пассивном аспектах грамматики. К пассивному синтаксису он относил изучение синтаксически выразительных средств языка — порядка слов, сочетаний слов, фразового ударения и фразовой интонации. В активном же синтаксисе "рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например, как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности? Как выражается логическое суждение с его 5 [субъек-

том] и *Г* {предикатом]'[1]. Как выражае:ся независимость действия .юли какого иг'о липа действующего'. Как v.* сражается предикативное -л:ст-веннос vде.?ен>н. предмет ; « р\..к азыкг причастными обор .мии оборо:. <<:*1*>>*рыи* и i.:U7 Как выражается количество вещества' <-...> Активи - аспект синтаксиса самый неразработанный в грамматике любых языкоЙ' [и)].

основе синтаксиса у лежит понятие не предложения, а синтаг- фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять из слова, сло¬восочетания или группы словосочетаний. В русском языке синтагма харак¬теризуется усилением словесного ударения *разъезжать по разным городам* и г.д.).

могут в группы высшего порядка с разной ин-юнаиией и в конце концов образуют фразу-- "законченное целое, ко-может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижен!*ем тона"[331]. Существуют два основных типа фразы — одночленные и л:-членные, независимо от числа более мелких членений внутри каждой , них (одночленные: *Пожар: Это безобразие; Он пошел в театр; Я приvx, ,> домой, когда уже было темно;* двучленные *Ленинград большой город; Наш милейшиц дядюшка был большой чудак)* Щерба не указывает разни, цы между фразой и предложением, зачастую употребляя эти термины как синонимы.

В послереволюционные годы ведет большую работу по состав¬лению словарей различных типов; теоретические результаты ной работы он обобщил в статье "Опыт общей теории лексикографии" (1940). "Во всех своих лингвистических построениях Л.В. Щерба стремился само¬стоятельно, глубоко, без всяких шор, без всякой предвзятости изучать языковой материал, осмысляя его как выражение и отражение системы того или иного языка. В силу своей оригинальности сам он всегда приходил и к новым мыслям и к новым решениям лингвистических проблем или, но крайней мере, к новой, своеобразной их постановке"[332].

S 92. СРАВНИТЕЛЬНО -ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В 50-60* ГОДЫ

Несмотря на то что творческие возможности большинства советских языковедов долгое время были скованы догмами "нового учения о язы¬ке"; в работах И.И. Мещанинова, Е.Д. Поливанова, Л.В. Шербы и других ученых в 20-50-х годах были поставлены принципиальные вопросы общего языкознания, интерес к которым особенно возрос после лингвистической дискуссии 1950 г. Эта дискуссия сыграла положительную роль, ибо она освободила советское языкознание от догм марровского "нового учения о языке". Вместе с тем в ходе дискуссии было подчеркнуто, что у Н.Я. Мар-ра есть и талантливые работы, в которых он умело исследует отдельные языки.

В начале 50-х годов большое значение для популяризации основ сравни¬тельно-исторического языкознания имели работы Б.А. Серебренникова,

книга "Вопросы изучения родства индоевропейских языков" (1955), а также коллективный труд "Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков" (1956).

С середины 50-х годов сравнительно-исторические исследования советских языковедов сопровождаются постановкой ряда методологических и методических проблем языкознания. Прежде всего встал вопрос о дополнении сравнительно-исторического изучения языка методом реконструкции и типологическими исследованиями. Если младограммати-ки реконструировали индоевропейский праязык до периода распада, то советские языковеды стремятся проникнуть глубже, выделить временные пласты праязыка. Это вызвало пересмотр сложившихся представлений о звуковом составе индоевропейского праязыка. На основе разработанной польским ученым Е.Куриловичем ларингальной теории, предполагающей наличие в индоевропейском праязыке особой категории согласных (ларингалов), некоторые советские индоевропеисты полагают, что в индоевропейском праязыке был один гласный неопределенного тембра. В эти годы появляется также большое количество статей и по вопросам индоевропейского консонантизма и морфологии.

В работах 50-х годов были высказаны новые предположения о составе индоевропейской семьи языков. В нее включены некоторые новые языки, в частности урартский, пелазгский, а также исчезнувший индоевропейский язык, весьма близкий к балтийским, который был распространен в районе Волго-Клязьминского междуречья. Более подробно разрабатывается проблема диалектного членения индоевропейской языковой общности и обособления отдельных языковых групп, их контактов между собой, определяется место каждой из них в языковом комплексе.

Особый интерес советских языковедов вызывали проблемы славянских языков, их связей с балтийскими языками, формирования восточной, западной и южной ветвей славянства. Впервые вопросами происхождения славян стал заниматься в русском языкознании А.А. Шахматов; его мысли творчески развивались многими советскими учеными. Глубоко и обстоятельно вопросы о прародине славян, о хронологии появления и обособления славянских языков разбираются в книгах Ф.П. Филина (см. § 93).

Работы советских ученых в области сравнительно-исторического языкознания завоевали мировое признание. Цели и задачи дальнейших исследований в этой области четко определяет советский индоевропеист ЭА Макаев: "...на основе последовательного и систематического сравнения фонем и морфем всех языков, образующих определенную генетическую семью, устанавливать генетически исходное состояние, именуемое праязыком, и на основе принципов относительной хронологии выделять хронологические срезы, позволяющие определить наличие архаизмов или инноваций в определенном ареале или в каждом конкретном языке. Не менее важным оказывается вскрытие тенденций развития и выяснение вопроса о том, в какой мере данные тенденции восходят к исходному состоянию или являются следствием конвергентного развития отдельных представителей соответствующей семьи языков"[333].

§ 93. ОБЩЕЯЗЫКОВЕДЧЕСКЛЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

В 50-е годы возрастает интерес советских языковедов к таким вопросам общего языкознания, как определение сущности языка, природы слова и понятия, специфические особенности языкового знака, разрабатываются новые лингвистические дисциплины: история русского литературного ка, изучение языка и стиля писателей и т.д.

Большой вклад в решение общеязыковедческих проблем внес известный советский лингвист А.И. Смирницкий (1903—1954). В своих работах "К вопросу о слове" (1952—1954), "Объективность существования языка" (1954), "Лексикология английского языка" (1956), "Синтаксис английского языка" (1957), "Морфология английского языка" (1959) он рассматривает такие основные вопросы науки о языке, как соотношение языка и мышления, объективность существования языка, лексическое и грамматическое в единицах языка. Смирницкий дает свое толкование проблемы соотношения языка и речи. Речь он определяет как закономерное соединение определенного звучания с конкретным смысловым содержанием, а язык — как систему, совокупность взаимообусловленных и взаимосвязанных единиц и отношений между ними. По мнению Смирницкого, Ф. дс Соссюр, предложивший свою концепцию языка и речи, ошибался, считая язык явлением психическим, но признавая в то же время его общественный характер. Язык есть совокупность всех компонентов различных произведений речи. Если речь есть способ общения, то язык является средством общения. Язык не только существует в речи, но и взаимодействует с ней, поскольку он пополняется и развивается за счет создаваемых речью произведений (пополняется отдельными словами, формами слов и целыми предложениями). Речь выступает как материал, а язык как заключенный в речи предмет языкознания.

Основной единицей языка является а основной речи - Учение о слове занимает центральное место в лингвистической концепции Смирницкого ["слово выступает как необходимая единица языка и в области лексики (словарного состава) и в области грамматики (грамматического строя), и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей"[334]. В слове, следовательно, взаимодействуют лексическое и грамматическое. От любой значащей части слова (морфемы) слово отличается своей оформлен- которая является результатом соединения лексического и грамматического в слове. Морфема *дом-* в падежных формах *дома, дому, домом, дом* значит одно и то же, но *дом* как слово (в определенной форме) значит уже больше, чем морфема *дом-,* так как в последней нет никакого значения падежа, а в *дом* как форме слова есть значение именительного или винительного падежа. Эта цельнооформленность слова обеспечивает его неразрушаемость при различных изменениях. Словосочетание отличается от слова раздельнооформленностью своих членов.

Важным в учении о слове является проблема отдельности слова и его тождества. По Смирницкому, отдельность слова имеет своей предпосылкой употребление того же самого слова в различных случаях.

Так, в примере *Глухой глухого{ 11 via:i на суд судьи глухого (2 ^тшшы глухой, глухого(1)* и *глухого i 2, -чл* . .н гея как три отдельных слова. Выяснение тех отношений, которые л-цапнуют между единицами, высту¬пающими как представители одною и же слова, составляют проблему тождества В приведенном примере, с точки зрения тождества слова, все три единицы представляют собой одно и то же слово, гак как отношение между *глухой, глухого (1) и глухого (2)* **в** плане проблемы тождества было бы тем же самым, если бы они были даны в разных отрез¬ках речи.

Решение проблемы тождества слова предусматривало необходимости выделить целый ряд существенных категорий, таких, как словоформа, ти-поформа и грамматическая форма. Под словоформой Смирницкий понимает связь определенной грамматической формы с конкретным словом (например, *город* - им. п. ед.ч.); типоформа понимается как связь данной грамматической формы с определенным грамматическим типом слов в отвлечении от конкретного значения слова (например, *парус, катер* - им.п. ед.ч. муж.р.); грамматическая форма свя¬зана с объединением различных типов слов, с отвлечением от особенностей не только конкретных слов (словоформ), но и определенных их типов (титюформ).

Сущность грамматического в слове Смирницкий усматривает в выра¬жении отношений и их обозначении в языке, В выражении грамматического явления должны учитываться и сторона — значение отно¬шения, и сторона — выражение этого отношения а изменениях и сочетаниях Невнимание к той или иной стороне грамматических яв¬лений не позволяет правильно отделить от грамматического в Слове, приводит к искаженному И противоречивому изображению фактов **действительности.**

Смирницкий занимался также вопросами фонологии. Он пришел к вы¬воду, что фонемы различают не слова и их формы, а лишь звуковые оболоч¬ки языковых единиц, т.е. фонемы не обладают смыслоразличительной функцией.

Большое влияние на развитие советского языкознания оказали труды В.8. Виноградова (1895-1969). В Петроградском университете Виноградов занимался под руководством А.А. Шахматова. С 1921 г. начинается научно-педагогическая и научно-организаторская деятельность Виноградова. Он был директором Института языкознания АН СССР (1950-1454), Института русского языка АН СССР академиком-секретарем Отделе¬ния литературы и языка АН СССР (1950-1963). Перу Виноградова принад¬лежит около трехсот работ по проблемам общего языкознания в тесной связи с литературоведением, о языке и стиле писателей, по вопросам рии и современного состояния русского языка, по стилистике и лексико¬графии, синтаксису и фразеологии-

Касаясь вопросов изучения языка и стиля писателей, Виноградов указы¬вал, что советские языковеды должны обратить внимание на решение таких проблем, как: 1) соотношение языка писателя и общелитературного языка, 2) соотношение языка и стиля писателя в художественном произведении, 3) границы лингвистического и анализа языка и

стиля писателя, 4) язык писателей XVIII-XX вв. в сопоставлении с языком писателей предыдущего периода. Работы Виноградова "Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка" (1935), "Стиль Пушкина" (1941), статьи о языке Гоголя, Лермонтова, Толстого, Крылова, Ахматовой, Федина и др. отличаются глубиной исследования, тонкостью наблюдения и исключительным знанием русского языка в его историческом раз- Особенно много работ посвящено им языку и стилю великого русского поэта, основоположника русского литературного языка Пушкина, На материале художественных произведений Пушкина Виноградов показывает синтез различных языковых элементов, в том числе средств живой русской речи, в результате чего и образовался общенациональный литературный язык, в себя и книжные элементы и элементы народно-поэтического язык;!. Труды Виноградова в этой области легли в основу новой дисциплины - истории русского литературного языка во всем многообразии его стилей.

Становление стилистики как раздела языкознания также связано с именем Виноградова. Виноградов считал., что стилистика должна активно содействовать повышению культуры речи, заниматься нормализацией общенародного языка, бороться с засорением книжной и разговорной речи жаргонизмами и провинциализмами, вырабатывать нормы правильного употребления.

Много сделал Виноградов и в области лексикологии, разработав принципы изучения истории лексики и уделив большое внимание анализу фразеологических средств языка. Установленные им три типа фразеологических единиц (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания) сейчас общеприняты для разграничения фразеологизмов не только в русском, но и в других языках.

В "Основных вопросах синтаксиса предложения" (1955) Виноградов разрабатывает теорию словосочетания, в основе которой лежит четкое граничение словосочетания и предложения. Он утверждает, что словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, т.е. средств обшения. Разграничивает предложения и словосочетания Виноградов на основе созданного им учения о предикативности, которая обозначает выделение бытийного признака в грамматически независимом предмете высказывания (ср.: *Выдался солнечный день* и *Этот день - солнечный;* во втором высказывании признак, заключенный в слове *солнечный,* раскрывает нам бытие дня и дан нашему сознанию во времени). Виноградов делает важный вывод о том, что "общая теория синтаксиса, построенного на основе марксистского учения о языке, не отбрасывает проблемы связи логических и синтаксических, шире - вообще грамматических категорий. Последовательное применение марксистского положения о единстве языка и мышления позволяет обосновать и подтвердить фактами языка связь логических и синтаксических категорий и в то же время обнаружить их действительные различия, обусловленные спецификой внутренних законов развития языка"[335].

В грамматической концепции Виноградова создаются особые направления учения о слове; 1) учение о в его отношении к грамматике и лексикологии на материале и родственных языков,

2) учение о модальности, экспрессивности и эмоциональности, 3) учение о взаимодействии лексических и грамматических значений. Особенности научного мировоззрения Виноградова четко определил Поспелов:

"Прямой продолжатель Шахматова и Щербы, В.В. Виноградов в своей научной работе сочетает оба эти типа: никогда не упуская из виду общих проблем языкознания, он, однако, ни на минуту не покидает твердой почвы фактов языка. Подобно Шахматову, В.В. Виноградов поражает широтой охвата конкретного языкового материала в стройной системе исчерпывающей классификации, с Щербой же сближает его неукротимый дух смелых поисков новых точек зрения, новых методов, новых объектов лингвистического изучения. При постановке той или иной проблемы В.В. Виноградов, подобно Шахматову, стремится учесть все ее внешние стороны и опосредствования, но при ее решении он, подобно Щербе, всегда погружен в сложность ее внутренней структуры. <...> В.В. Виноградов никогда не пытается механически упростить вопрос приемами внешней **схематизации:,-ОСтаваясь** на почве фактов во всем их многообразии, он стремится разрешить тот или иной вопрос в его реальной структурной сложности. Поэтому в научных построениях В.В. Виноградова всегда ощущается внутренняя перспектива, всегда намечается тенденция к еще более углубленной разработке тех научных задач, которые он перед собой ставит. Можно сказать, что научное зрение В.В. Виноградова всегда перспективно"[336].

Проблемы общего языкознания всегда находились в центре внимания крупного советского языковеда Ф.П. Филина (1908—1982), считавшего необходимым решать общелингвистические проблемы с позиций марксистско-ленинской философии. Его творческий путь характерен для ученого, сформировавшегося в советскую эпоху. Бывший селькор тульских газет, Филин, получив серьезную лингвистическую подготовку под руководством Н.Я. Марра, СП. Обнорского, Б.М. Ляпунова, в 1947 **г.** становится доктором филологических наук, а в г. — членом-корреспондентом АН СССР. Филин был почетным доктором наук Ягеллонского (в Кракове, ПНР) и Хельсинкского университетов. В 1964-1982 гг. Филин -директор Института языкознания АН СССР, Института русского языка АН СССР. В г. ему присуждена Ленинская премия за участие в создании "Словаря современного русского литературного языка". Перу Филина принадлежит около трехсот научных работ по истории славян, лексикологии и лексикографии, лингвистической географии и русской диалектологии, проблемам общего языкознания и социальной лингвистики. По многим важным проблемам языкознания Филиным сказано новое, оригинальное **слово.**

Основополагающим принципом современной лингвистики считается системный подход к языку. • Филин понимает систему языка как комплекс органически связанных между собой компонентов (языковой субстанции и языковых связей), а структуру языка — как сами связи между компонентами. Равновесие и устойчивость системы всегда относительны. Система языков исторически изменчива. Она возникает, развивается и затем постепенно превращается в иную систему. Понять систему языка можно только с учетом ее исторического развития, и единственным методом объяснения системы Филин считает метод осно-

вывающийся на марксистско-ленинском понимании истории. Языковая система относительно самостоятельна: она существует не автономно, а испытывает на себе влияние социологических, психологических, физиологических и иных обстоятельств. Язык — система, полная противоречий. В этой системе одновременно существует и отмирающее и нарождающееся, т.е. действующие в противоположных направлениях тенденции.

В системе языка Филин выделяет внешние и внутренние противоречия, хотя деление это условно. В качестве примера внешнего противоречия языковой системы он приводит языковую ситуацию Древней Руси, когда старославянский язык церковных книг вступил в противоречие с близкородственным древнерусским языком. В первых переписанных на Руси памятниках обнаруживаются отступления от норм старославянского языка под влиянием живой восточнославянской речи. В ходе исторического развития русского языка было преодолено внутреннее противоречие между развитой системой прошедших времен (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и формой настоящего-будущего времени за счет появления системы глагольных видов.

В работах Филина большое внимание уделяется определению национального языка и его особенностей. Национальный язык он характеризует как "сложное объединение единого для всей нации нормированного многофункционального литературного языка с нестандартизованными устными разновидностями речи, причем решающей, ведущей составной частью этого объединения является литературный **язык**"[337]. К числу особенностей, общих для национальных языков всех наций, Филин относит: 1) наличие литературного языка, общего для всех слоев населения; 2) устойчивость национальных языков и в то же время их способность поддаваться воздействию других языков; 3) сложное взаимодействие национальных языков; 4) обреченность диалектов на вымирание, обусловленное образованием национального языка.

В таком многонациональном социалистическом государстве, как СССР, взаимодействие национальных языков приобретает совершенно особый характер. В советских условиях в основе двуязычия лежит полная добровольность в пользовании языками, что соответствует принципам ленинской национальной политики. Изучение двуязычия составляет одну из главных задач советской социолингвистики, науки, рассматривающей сложную проблему взаимоотношения языка и общества. В 70-х годах Филин дает четкое определение предмета социолингвистики и ее задач: за термином с о ц и о л и н г в и с т и к а "нужно закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений и 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество"[338]. Обращая внимание на необходимость изучения общественных функций языка, Филин понимает под ними социальное назначение языка, его многообразные функции в обществе. Общественные функции языка тесно связаны с системой языка, активно воздействуют на нее, во многом предопределяя направление ее развития. Высказывая некоторые соображения о методах изучения общественных функций языка, Филин полагает, что при этом следует шире опираться на общественное мнение, начать более глубокое социолингвисги-

ЧССКое изучение языка, повышать Jill.- гык \. -.кую подготовку студентов-словесников и т.д. По его мне!. і у, . языкознание разрабатывает проблемы языка, связанные • ей оо'цв.ч ч ., ними функциями и самой его сущностью, ГСМ большим Вним ш« мои. , .• .(> стся в обществе.

Из лексИКОЛо!ических проблем *и.ь faiul упоминания рассуждения Филина о вариантах слова В русском языке нередко одно и то же лексическое значение имеет различное звуковое выражение *(ноль* и *нуль, зал* и *зала).* Являются ли подобные слова двумя самостоятельными словами или вариантами одного и того же слова? Филин считает их вариантами и выделяет фонема гаческие варианты слова *(калоша* и *галоши. искренне* и *искренно),* формально-грамматические варианты *(продрог* и *продрогнул, опята* и *опёнки),* акцентологические варианты слова *(йтом* и *атом, м'елочный* и *М&ючндй)* От правильного отграничения слова от его варианта зависит решение и лексикографических проблем, в частности определение объема словаря.

Слова подразделяются на ряды или группы. М.М. Покровский выделял группы слов, принадлежащих к одной и гой же сфере представлений, на психологической основе (см. § 47). В.В Виноградов выделял группы в грамматическом плане *(она - молодец).* Ф.П. Филин предпринимает попытку определить группы слов лексикологическом аспекте, выделяя лексико-Семантические и тематические группы слов и устанавливая границы между ними. Лексико-семантической группой слов он считает объединение двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям, а в группы слов объединяет слова, нередко совпадающие с отраслевой лексикой. У этих двух групп слов есть и общие черты, и различные признаки. Общее Филин видит в том, что слова обеих групп отражают познанную объективную действительность. Разница же между ними в что слова групп являются продуктом лексической семантики языка, а слова тематических групп зависят от Лавня знаний того или иного народа. Кроме ТОГО, образование слов •чекам - емаНТИЧеский групп обусловлено ходом исторического развития синонимические разряды слов), а отношения между словами в кематичс'.КИХ группах строятся на внешних отношениях между понятиями. двух групп слов позволяет определить особенности входящих *п -ті* группы слов, их языковую специфику, семантическую Нроизвод-; .си. возможную сочетаемость.

Большое внимание Филин уделял изучению диалектов русского языка. По его инициативе и под его редакцией с 1965 Г. выходит "Словарь русских народных говоров". При подготовке этого словаря возник ряд труд включать ли в него специальные слова, арготизмы, использовать ли печатные и рукописные записи диалектных слов и т.д. Прежде всего необходимо было определить само понятие "диалектное слово" и его гра- Под Филин понимает слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка. От различных лексики литературного языка диалектная лексика отличается рядом особенностей. Диалектизмы Филин делит на лексические (ю^льш'слабый, больной', *вёдро* 'ясная погода') и семантические *{губы* 'грибы', *мост* 'сени'). Четко определив отно-

шение диалектных слов к персике лик итурного Языка, ФИЛИН установил определенные критерии отборл ело,) *в* ли дектологический словарь.

Особую область научно и^сле»--..нсдьСкйх интересов Филина составляла проблема происхождения современных восточнославянских языков. Будучи Достойным продолжателем А.А. Шахматова, Ф.И. Филин в работах "Образование языка восточных славян" (1962). 'Происхождение русскою, украинского и белорусского языков" (1972) ошергает мысль о неоднородном происхождении восточных славян. Анализ лексического и грамматического материала восточнославянских и других славянских языков позволил ему выдвинуть агрументированяую гипотезу о том, Что древнейшее славянское этноязыковое единство выделилось из праиндисзропсйских групп населения. Границы территории расселения праславяи неоднократно изменялись, что приводило к распаду ираславянекого единства на отдельные группы племен, постепенно перераставших в народности, а соответственно и распаду языка на но самостоятельные славянские языки. Когда мы говорим о русских, украинцах и белоруса*, утверждает Филин, то им.. м в виду не только их общий источник-древнерусскую народность, но и і енстическую общность их корней О) выделения и * праславянских племен до образования древнерусского го.-, ударства.

Исследование с марксистско-ленинских позиций философских вопросов языкознания, определение целей, задач и содержания советской социолингвистики, изучение общественных функций языка, разработка лексикологических и диалектоло1нческих проблем, творческий анализ скрытых в глубине веков причин и условий появлении первобытных славян и образования русского, украинского и белорусского языков, - весь этот круг научных интересов, в р-дление которых Ф.П. Филин внес несомый вклад, позволяет считать ею одним из выдающихся нредскшшелей советского

Творчесь-.й активности сон,, ickhx языковедов способствовал ряд проведенных научных дискуссий проблемам фонологии, стилистики, синхронии и диахронии, о роли и месте структурализма и структурных методов исследования языка в языкознании.

§ 94. СТРУКТУРАЛИЗМ И ПЖКТГ КОЕЯЗЫКОЗНАШИ-:

Структурализм как направление язь--..знания возник в 20-Х годах нашего столетия. Основная характеристик.! всех направлений структурализма сводится к признанию системности и ирукгурности языка. Развитие структурализма связано со значительными сдвигами в других области--. науЧИого познания и, несомненно, зависит or современных философских течений. На оформление различных направлений зарубежного структурализма большое влияние оказала философия неопозитивизма, тесно связанная с махизмом. Поэтому правильно охарактеризовать структурализм мы можем только с позиций марксистско-ленинской Методологии.

Понятие структуры как системы устойчивых внутренних отношений, определяющих сущестпдшые признаки предмета, впервые было применено основоположник 1МИ научного коммунизма в середине XIX в. к

обществу, а не к языку, что было сделано лишь в XX в. Понимая общество как органическое целое, К.Маркс в "Критике политической экономии" писал: "Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой... органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в
Только вскрыв внутреннюю связь между различными сторонами общества К.Маркс и Ф.Энгельс смогли выявить законы его социально-экономического развития. Они продемонстрировали плодотворность структурного метода при анализе экономических явлений капиталистического общества задолго до применения его в лингвистике, психологии, философии. Используя структурные методы для анализа производства и распределения материальных благ, Маркс связывал их с самой материальной практикой человека, ибо в этой практике заложена основа всех других сторон общественного бытия и сознания.

Возникший в начале XX в. структурализм игнорирует эту определяющую основу всех социальных явлений. Появление его именно в этот период не случайно. В.И. Ленин в работе "Материализм и эмпириокритицизм" показал, что научный прогресс в условиях господства идеалистических и метафизических идей приводит к методологическому кризису естествознания, к распространению среди ученых модных антинаучных философских воззрений. Структурализм возник в условиях кризиса буржуазного мировоззрения, когда со всей очевидностью раскрылась несостоятельность традиционных философских систем и учений в решении важнейших вопросов бытия и познания. В области языкознания распространение структурализма связывается с именем Ф. де Соссюра, который первым определил язык как систему знаков, связанных отношениями, и неоднократно подчеркивал решающую роль этих отношений.

Советское языкознание не может принять положения о том, что язык представляет собой систему отношений, которые проявляются путем противопоставления конкретных языковых единиц. Такие отношения элементов той или иной системы не позволяют вскрыть внутренние диалектические противоречия в системе языка. Изучением только отношений можно объяснить механизм функционирования языка, но не сам язык, так как "свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении"[340]. Не абсолютизация языковых отношений, а вскрытие глубинных противоречивых процессов, происходящих в языке, изучение разнообразных связей, существующих между языком и обществом, языком и человеком, поможет понять сущность языка как социального явления.

Диалектический и исторический материализм исходит из того, что в основе всех гуманитарных наук должно лежать понимание человека как совокупности общественных отношений и языка как общественного явления. Структурализм же игнорирует социальную природу языка

и уводит языкознание в область абстракций и метафизики. Он оказывается несостоятельным в решении важнейших философских проблем языкознания, в первую очередь познания сущности языка как социального явления и закономерностей его исторического развития. Для структурализма характерны резко выраженный синхронизм, отрицание исторического развития структуры, что предполагает статичное изучение языка. Конечно, представители языкознания признают, что язык имеет историю, но они представляют ее в виде наслоения одного синхронного среза на другой. Советские же языковеды исходят из того, что синхронное состояние языка и его история составляют тесное единство. Не изучая истории, структуралисты не видят диалектических противоречий в историческом процессе. Поэтому вполне закономерно, что многие советские лингвисты решительно выступают против этого направления.

Важное теоретическое значение для советского языкознания имели дискуссии о структурализме, в ходе которых встал вопрос о соотношении "нового',' структурного и "старого", традиционного языкознания[341]. "Традиционная" и "структурная" лингвистики противопоставлялись прежде всего по объему и методу исследования. Некоторые советские языковеды полагали, что структурной лингвистике принадлежит вся область лингвистического моделирования, а к традиционной лингвистике относится совокупность идей, методов и фактического материала, возникших до структурной лингвистики и не использующих ее методов. Традиционное языкознание признавалось чисто описательным, а структурная лингвистика — имеющей дело с сущностью процесса коммуникации в самой общей форме. Провозглашаемый сторонниками структурализма отказ от преемственной связи с предшествующей лингвистической традицией встретил резкую критику большинства советских ученых.

Немногочисленные сторонники структурализма в советском языкознании утверждали также, что структурные методы предполагают определенное упрощение языковой действительности. Это упрощение языкового материала, подлежащего изучению формальными методами, приводит к тому, что неясным становится даже предмет структурной лингвистики: либо это область лингвистического моделирования, либо наука о динамическом аспекте синхронии языка. Неясно также, следует ли включать структурную лингвистику в семиотику или считать ее лингвистической отраслью кибернетики. Несомненно одно: это направление исключает языкознание из области гуманитарных наук. Формализация языка ради формализации не дает возможности рассматривать язык как источник познания прошлого и настоящего человечества, отрывает от индивидуальной и социальной практики человека.

Поэтому многие советские лингвисты справедливо утверждают, что "сущность структурализма — не в системном рассмотрении языка, ав дегуманизации **языкознания** путем его предельной формализации"[342]; "структурализм во всех **его** здоровых формах более или менее выполнил свою задачу в развитии лингвистики, и теперь наступила пора для отрицания его следующей ступенью развития лингвистической мысли, ступенью марксистского **языкознания"**[343]. Этой же точки зрения придерживается и ряд зарубежных языковедов-марксистов: А.Граур (Румыния),

М.Коэн (Франция), З.Штибер (Польша). Постоянно и непримиримо критикуя идеалистические схемы структурализма, извращающего действительный характер отношений внутри языка, а также языка и действительности, марксистское языкознание вместе с тем признает плодотворность изучения языка структурными методами. В области общественных наук основоположники научного коммунизма использовали эти методы уже в середине ХГХ в. В области языкознания* применение структурных методов обусловлено не методологией структурализма, а общим состоянием языкознания в тот или иной период.

Общепризнано, что русскому и советскому языкознанию принадлежит ведущая роль в разработке структурных методов исследования языка. Задолго до Ф. де Соссюра А.А. Потебня, И.А Бодуэн де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатов указывали на необходимость изучения отношений, противопоставлений между элементами языковой системы. Так, Потебня продолжил уже наметившуюся до него в русском языкознании (К.С. Аксаков, Ф.И. Буслаев) традицию понимания языка как системы взаимообусловленных элементов. Эта традиция была далее развита Бодуэном де Куртенэ, который понятие системности языка рассматривает на разных его уровнях. Русские языковеды выдвинули положение о системе языка как исторической категории, отмечая увеличение в языке системности в процессе исторического развития. Однако русские ученые не считали, что все в языке покоится на отношениях, и не отрывали язык от данных опыта и объективной реальности. Они тщательно анализировали языковые отношения. На деривационный характер отношений между значениями указывал АА Потебня. Н.В. Кру- определил два закона ассоциации (по сходству и по смежности), определяющие положение слов в системе языка. теория ассоциаций предвосхитила учение де Соссюра о синтагматических и ассоциативных отношениях в языковой структуре. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Л.В. Щерба разрабатывают учение о смыслоразличительных противопоставлениях фонем, причем в их теории функциональная сущность фонемы не отрывается от звуковой материи конкретного языка.

Выявление А.А. Потебней и Ф.Ф. Фортунатовым формы слова из соотнесенности членов грамматической парадигмы тоже свидетельствовало о понимании языка как системы и об использовании структурных методов в области грамматики (Фортунатов указывал, что слова в русском языке заключают в себе определенную форму, выявляемую по их отношению друг к другу). Русские языковеды не ограничивались простой регистрацией фактов языка, что характерно для структуралистических работ, а стремились языковые явления исходя из связи формы и содержания. Эта тенденция прослеживается и в работах советских ученых: АМ. Пешковского, Д.Н. Ушакова, АА Шахматова и др. Например, И.И. Мещанинов основывал изучение формальной стороны слова на признании функциональной семантики формы, т.е. на основе взаимосвязи формы и содержания. Использование структурных методов анализа при исследовании синтаксических явлений разносистемных языков позволило ему создать новую отрасль языкознания — структурную

Давнюю традицию в русском языкознании имеет синхроническое и диахроническое изучение языков. То содержание, которое Потебня вклады-

вал в термины "синтаксис" и "этимология", определение де Соссюром синхронии и диахронии. Бодуэн де Куртенэ выдвигает понятие динамики (диахронии) языка и его статики (синхронии). Если уде Соссгора и структуралистов синхронический аспект является господствующим, то Потебня и Бодуэн де Куртенэ рассматривали эти два аспекта во взаимосвязи.

Понимание языка как системы, теория фонем и теория форм языка, выводимые на основании существующих в языке отношений, структурная типология родственных и разносистемных языков, на материале разных уровней языка, вот тот круг проблем, для решения которых русские и советские языковеды использовали структурные методы исследования задолго до провозглашения структурализма "революцией в языкознании".

В связи с этим возникает вопрос о роли национальных традиций в науке о языке. Начиная с М.В. Ломоносова русское языкознание накопило много интересных и ценных научных фактов. Советские языковеды на основе диалектического материализма должны изучить этот материал с помощью тех методов, которые дает современная наука, правильно оценить его и использовать из него все положительное. Выясняя соотношение национального и интернационального, В.И. Ленин неоднократно указывал, что культура социалистического общества основывается прежде всего на бережном отношении к культурному наследию прошлого. В свете этих положений кажутся несостоятельными попытки некоторых сторонников структурализма разъединить традиции "традиционного" и "структурного" языкознания, представить структурализм как направление в языкознании, не имеющее никаких национальных основ (имманентная языка, по мнению Л.Ельмслева, применима к анализу любого языка}. Проводимая структуралистами абстрактная математическая формализация языкового материала является бегством от конкретной реальности.

Советское языкознание использует достижения предыдущих периодов в развитии науки о языке: оно изучает богатые национальные традиции русской науки о языке, творчески заимствует все то лучшее, что достигнуто мировым языкознанием.

й 95. СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала грандиозную ломку не только в сфере общественно-экономических и социальных отношений, но и в области науки. Наука была привлечена к служению народу, первому в мире социалистическому государству, новому обществу. Языкознание, в царской России считавшееся кабинетной наукой, приобрело большое практическое значение. Ленинская национальная политика открыла новые пути для культурного, экономического и социального развития всех народов нашей страны, и в первую очередь различных малых народностей и национальностей. За исторически короткий срок была создана письменность, выработаны литературные языки, созданы грамматики, словари для народов и народностей, не имевших ранее своей графики. Изменилась функциональная роль русского языка, который стал языком *меж наци* о нального общения и международ-

ного сотрудничества. Деятельность советских языковедов по созданию новых литературных языков привела к углубленному практическому и теоретическому изучению самых разнообразных языков нашей страны, расширила диапазон исследовательской работы, поставила перед советскими языковедами новые специфические задачи.

Наряду с решением практических первостепенной важности задач советским языковедам было необходимо перестроить на основах марксистской материалистической методологии саму теорию языкознания. Основой советского языкознания стала марксистско-ленинская философия, диалектический метод как всеобщий способ познания и революционного изменения действительности.

И если в первые годы развития советского языкознания в силу объективных причин в работах некоторых советских языковедов (Н.Я. Марра, Р.О. Шор и др.) встречались вульгарно-социологические и иные ошибки, то в последующий период лингвисты стремятся более углубленно анализировать теоретические проблемы языкознания с позиций диалектического материализма. Марксистская интерпретация таких важнейших проблем языкознания, как проблема сущности языка как общественного явления, проблема методологии и методов исследования, соотношения материального и идеального в языке, взаимоотношения языка и мышления, специфики языкового знака, социальной природы языка, в настоящее время приобретает особенно большое значение в условиях обостренной идеологической борьбы.

На Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания (1974) в докладе **А.С.** Мельничука справедливо отмечалось, что "в течение последней половины столетия язык и языкознание превратились в своеобразную арену упорной и непримиримой борьбы двух антагонистических философских лагерей — диалектического материализма, с одной стороны, и различных направлений идеализма и позитивизма, с другой"[344]. Удельный вес лингвистических вопросов в современной идеологической борьбе неизмеримо вырос, и какое-либо отставание советских языковедов в теоретической разработке новых проблем используется буржуазным идеалистическим языкознанием, которое в ряде случаев стремится навязать свое осмысление и оценку лингвистических фактов. Так, некоторые советские языковеды не сразу, к сожалению, поняли несостоятельность философской базы псевдолингвистических построений Н.Хомского, Основанных на худших вариантах философского эклектизма. За последнее время убедительно доказана порочность философской основы и лингвистических понятий теории Хомского.

Советскими языковедами достигнуты значительные успехи в решении методологических вопросов языкознания с марксистско-ленинских позиций. В таких трудах, как "Ленинизм и теоретические проблемы языкознания" (1970), "Энгельс и языкознание" (1972), в работах В.З. Панфилова "Взаимоотношение языка и мышления" (1971), "Философские проблемы языкознания" (1977), подробно рассматриваются проблема соотношения категорий мышления и категорий языка, понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма, природа лингвистических абстракций в свете ленинской теории познания, соотноше-

ние методологии языкознания, специальных лингвистических методов и методики изучения языка, соотношение индукции и дедукции при исследовании языка и другие вопросы.

Одна из основных проблем советского языкознания, унаследованная от русского классического языкознания, — проблема взаимоотношения **языка** и **мышления.** Материалистическое языкознание исходит из признания тесной связи между языком и мышлением. Однако идеалистические концепции тоже не отрицают такой связи. Особенность решения этого вопроса в советском языкознании заключается в том, что сразу же был поставлен вопрос не только о соотношении языка и мышления, но и о соотношении сознания и бытия. В работах Н.Я. **Марра,** И.И. Мещанинова 20-30-х годов преимущественное внимание обращалось на **филогевезис** языка и мышления в связи с производственными отношениями. Сторонники "нового учения о языке" ставили вопрос о выделении ряда ступеней в развитии языка и мышления — "дологической", **"первобытнообразной",** "труд-магической" и т.д.

Однако связь языка и мышления носит более сложный характер, так как отношения между языком и мышлением включают также и отношения этих категорий к объективной действительности. Соответственно этому наметились и различные аспекты определении специфики связи языка и мышления. Так, в конце 30-х годов преобладал социологический подход к решению проблемы соотношения языка и мышления. В работе К.Р. Мегрелидзе "Основные проблемы социологии мышления" (книга закончена в 1938 г.) мышление рассматривалось как социальный процесс, вплетенный в трудовую деятельность человека, как социогенез идей. Для решения вопроса о связи языка и мышления Мегрелидзе привлекал данные сравнительного языкознания, истории, философии, психологии и других наук. Этот аспект нуждается в дальнейшем развитии, поскольку процесс познания объективной действительности определяется как характером самой действительности, так и, в известной мере, биологическими и социальными особенностями человека.

Советские языковеды преимущественное внимание обращают на гносеологический аспект взаимодействия языка и мышления, рассматривая содержательную сторону языка, в которой зафиксированы результаты познавательной деятельности мышления. Гносеологические проблемы языка разрабатываются на основе марксистской диалектики, утверждающей, что мышление материализуется в языке, в звуках, что непосредственной действительностью мысли является язык и что, наконец, "ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они - только *проявления* действительной **жизни"**[345]. «

Вопрос о соотношении языка и логики в области "слова и понятия" решается в советском языкознании путем определения лексического значения как системной соотнесенности слова с определенным понятием (С.Д. **Кацнельсон,** Н.З. Котелова, **К.Г.** Крушельницкая), а в области "предложения и суждения" — с помощью выделения особого логико-грамматического уровня языка, выражаемого определенными грамматическими средствами (интонацией, ударением, специальными **частицами)** (В.З. Панфилов). Введение логико-грамматического уровня языка позволяет раз-

решить проблему противоречивого соотношения предложения и суждения, способствует разъяснению теоретического вопроса о взаимоотношениях языка и мышления, понять сущность актуального членения предложения.

Не рассматривая специально психологического аспекта взаимоотношений языка и мышления (работы А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна), следует указать на возникшие в последнее время кибернетический и семиотический подходы к изучению языка и мышления. Пока трудно что-либо сказать о конкретных результатах таких подходов. Очевидно только, что совместные усилия ученых разных специальностей могут дать осязаемые результаты в решении сложных вопросов, связанных с данной проблемой.

Дальнейшее развитие получает в советском языкознании теория системы и структуры языка. Принятое в русском языкознании понимание языка как упорядоченного целого, в котором существует определенный порядок и определенные связи (А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де **Куртенэ)**, в работах Л.В. Щербы получает историческую окраску, и понятие **системности** языка начинают относить и к диахронии, а не только к современному языковому материалу. Исследования советских языковедов (В.М. Жирмунского, ЭА Макаева, Б.А. Серебренникова, В.Н. Ярцевой) показали, что диахронический материал более наглядно и убедительно показывает системный характер языка на всех этапах его развития. В работах 50-х годов понятие системы языка начинает приобретать межуровневый характер. Иерархическое расслоение системы языка привело к выделению таких самостоятельных уровней языка, как фразеология (в работах В.В. Виноградова) и словообразование.

В современной зарубежной структурной лингвистике **широко** распространено идеалистическое понимание языка как системы чистых отношений. Основываясь на ленинских положениях об учете всеобщей связи явлений и связи всех элементов отдельно взятой области явлений, на марксистско- понимании категорий вещи, качества, свойства и отношения, части и целого, советские языковеды успешно разрабатывают диалектико-материалистическое понимание языка как системы. В работах Мельничука, В.М. Солнцева делается попытка осмыслить онтологическую природу языковой системы и языковой структуры[346]. Под системой языка понимается совокупность элементов языка как целого, а под — совокупность связей, характеризующих внутреннюю организацию этого единого целого. Дифференциация понятий системы и структуры языка, тесно связанных между собой, но не тождественных, предполагает изучение свойств языка с точки зрения целостности и взаимосвязанности элементов.

Диалектико-материалистический подход к **системно-структурному** пониманию языка, в отличие от предполагает признание связи языка с объективной действительностью, его социальной природы.

При решении всех этих вопросов советские языковеды опираются на последовательное понимание природы языка и его общественных функций, признание первичности языковой суб-

станции и вторичности существующих в отношений. Именно такое материалистическое понимание природы языка, сформулированное К.Марксом, Ф.Энгельсом, В.И. Лениным, помогает советским языковедам комплексно подходить к решению проблем языкознания, дает гарантию успеха в борьбе против использования извращенных представлений о структуре языка и его свойствах, что характерно для различных идеалистических направлений буржуазной науки (структурализм, лингвистическая общая семантика и т.д.).

В современной **идеологической** борьбе большое значение приобретает выработка точной научной **терминологии,** адекватно отражающей новые понятия. Ясность лингвистической терминологии неотделима от четкости лингвистических идей ученого. Большой недостаток некоторых недавних работ по языкознанию заключался в том, что их авторы завесой мудреных терминов прикрывали нечеткость собственных позиций. В некоторых книгах, претендующих на изложение оригинальных лингвистических теорий, эти теории излагались в такой терминологической "одежде", что терялась всякая связь с реально изучаемым языком. В.И. Ленин писал: "Максимум марксизма = максимум популярности и **простоты..."**[347]**.** Он высмеивал псевдонаучный, "тарабарский" язык и добивался единства глубокого содержания с простым и точным языком. Плодотворное развитие любой лингвистической ее способность овладевать умами языковедов зависит от ее доходчивого и ясного иатожения.

Последние десятилетия характеризовались интенсивными исследованиями по **социолингвистике,** изучением условий функционирования языка в обществе, влияния общества на изменения в языке, которое не осуществляется прямо, непосредственно, а проявляется в ней структуре. Советские ученые, занимающиеся вопросами социальной лингвистики (И.К. Белодед, РА Будагов, Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко, Ф.П. Филин и др.), почеркивают, что общественная природа языка определяет все функции, проявляется на всех уровнях языковой структуры. Предпринимаются попытки создания понятийного аппарата социолингвис**тики.**

Опыт развития национальных языков в СССР, массовое двуязычие в нашей стране, существование различных сфер применения языка ставит перед языковедами задачу изучения функциональной стороны языка, связи между функциональным и внутриструктурным развитием языка. Языковая жизнь социалистических наций и народностей СССР является блестящим примером жизненности провозглашенного В.И. Лениным принципа равноправия всех народов и языков, ленинского положения о том, что "демократическое **государство,** безусловно должно признать *полную свободу* **родных** языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из язы**ков"**[348]**.** Выступая против насильственного утверждения какого-либо языка в качестве государственного, Ленин четко представлял себе еще в условиях дореволюционной России, что в будущем демократическом государстве роль межнационального средства общения в силу исторических причин уготована русскому языку[349].

Не удивительно поэтому, что Октября все нации и народности СССР добровольно избрали **русский** язык в качестве языка м е ж н а-

ционального общения и сотрудничества. Характер связей русского языка с другими языками народов СССР обусловлен общностью социальной структуры этих народов, тесными экономическими, политическими и культурными связями. Это приводит к тому, что в языках социалистических наций появляется определенная общность в общественных функциях языков, в синтаксических конструкциях, в семантической системе. Русский язык не только обогащает национальные языки в СССР, но и сам обогащается за счет лексических и стилистических выразительных средств этих языков.

В условиях жизни многонационального государства происходит интенсивное взаимодействие различных языков, в результате чего наблюдается взаимовлияние литературных языков, как вновь возникших, так и языков, имеющих долгую литературную традицию. Проблема взаимовлияния, взаимообогащения языков является новой, характерной для советского языкознания, и ее решение составляет одну из задач советской социолингвистики. В процессе такого взаимообогащения возрастает роль русского языка как языка межнационального общения. Национальные языки и язык межнационального общения (русский) дополняют друг друга. взаимодействие русского языка с национальными младо- и старописьменными языками, взаимодействие этих языков между собой привело к появлению новой лексической категории - общего лексического фонда языков народов СССР. Советские языковеды (И.К. Белодед, Ю.Д. Дешериев, Г.П. Ижакевич, И.Ф. Протченко и др.) полагают, что этот фонд неправомерно отождествлять с интернациональной лексикой, так как он богаче по содержанию и разнообразнее по составу языков, которые служат источниками его пополнения и развития. Существование в нашей стране новой исторической общности — советского народа, перспектива дальнейшего развития и сближения социалистических наций и народностей в СССР предполагают тенденцию к дальнейшему развитию и расширению общего лексического фонда, в связи с чем возникает задача этого фонда, границ его применения, путей и способов перехода лексических и иных элементов из одного языка в другой.

В настоящее время русский язык изучают более 20 млн. человек примерно в 100 странах мира. Для всесторонней помощи изучающим русский язык за рубежом в Москве был создан Институт русского языка им. А.С. Пушкина, который проводит большую методическую работу по составлению программ для изучения русского языка, изданию учебников и учебных пособий по русскому языку. С 1967 г. издается специальный журнал 'Тусский язык за рубежом". Превращение . русского языка в один из языков широкого международного общения связано с его функционального назначения: это язык Ленина, язык мира между народами и пролетарского интернационализма, язык идей братства и сотрудничества, язык прогресса. И этим объясняется большой интерес к практическому его изучению. В то же время за рубежом значительно увеличивается количество теоретических публикаций, посвященных исследованию различных аспектов русского языка. Зарубежные русисты постоянно обращаются к опыту советских ученых, интенсивно занимающихся изучением современного русского литературного языка.

Большое внимание уделяется в советском языкознании исследованию стилей современного русского литературного языка. Интенсивно развивающаяся функциональная стилистика ставит своей целью изучение особенностей функционирования языка в разных стилях речи, соответствующих определенным областям человеческой деятельности. Функциональная стилистика исследует практически все функциональные стили, в частности научный, публицистический, разговорный и т.д. Заметно возрос интерес к теории разговорной речи. Разговорная речь понимается как разновидность языковой системы, противопоставляемая книжному языку и характеризуемая такими особенностями, как спонтанность, особая интонация, влияющая на синтаксис, паралингвистические характеристики (мимика, жест) и др. В синтаксисе разговорной речи выделяются-синтаксические конструкции, образующие синтаксическую подсистему в рамках синтаксиса литературного языка. Все это позволяет ставить вопрос о раздельном изучении синтаксических особенностей языка и синтаксических особенностей речи.

С середины 50-х годов исследования советских ученых в области сравнительно-исторического языкознания характеризуются постановкой ряда методологических и методических проблем. Прежде всего речь идет о дополнении сравнительно-исторической методики внутренней реконструкции данными ареальной лингвистики. Расширение исследуемого языкового материала счет привлечения фактов неиндоевропейских языков привело к более тесному соединению сравнительно-исторической проблематики с идеями и методами типологического языкознания.

Советские компаративисты стремятся заменить плоскостную реконструкцию индоевропейского праязыка выделением его временных пластов - "раннего" и "позднего" этапов развития индоевропейского праязыка; соответственно реконструкция расчленяется на "дальнюю" и "ближнюю". В современных сравнительно-исторических исследованиях все более утверждается научно-познавательная значимость праязыковой гипотезы. Восстановление, например, индоевропейского праязыка сейчас не является конечной целью компаративистских исследований. В работах советских языковедов подчеркивается, что реконструкция праязыковой схемы должна рассматриваться как своеобразная точка отсчета при изучениии истории языков. Именно в этом заключается научно-методическое значение реконструкции праязыка, поскольку реконструированная праязыковая схема позволит нагляднее представить развитие конкретной группы родственных языков или отдельного языка.

Высокого уровня достигло сравнительное славянское языкознание. Развивая идеи А.А. Шахматова о генезисе славянства, советские славяноведы достигли значительных успехов в разработке теории балто-славянской языковой общности в ее языковом и этногенетическом аспекте, в вопросах формирования восточной, западной и южной ветвей славянства. При реконструкции большее внимание стало уделяться данным диалектологии, проблемам относительной хронологии фонетических, морфологических, синтаксических и лексических процессов. Многолетние исследования советских германистов нашли свое выражение в четырехтомной "Сравнительной грамма'тике германских языков" (1962-1966). Интенсивно ведется сравнительно-историческое изучение иранских, тюркских языков.

В последнее время наметился значительный прогресс в области теоретической разработки проблем и принципов **этимологии.** В этимологические исследования наряду со словообразовательным аспектом включается типология семантических изменений. Крупный вклад в этимологические исследования внесли работы В.И. Абаева, ГА. Климова, Э.В. Севортяна, О.Н. Трубачева.

Менее разработаны принципы применения сравнительно-исторического метода в области Одной из главных причин этого является трудность реконструкции синтаксических архетипов. С некоторой степенью достоверности можно восстановить синтаксическую модель, но нельзя реконструировать ее материальное, словесное наполнение, если под этим наполнением понимать слова, встречающиеся в одной и той же синтаксической конструкции. Более результативными являются реконструкции словосочетаний, состоящих из слов, обладающих единой грамматической характеристикой. Плодотворность такого подхода показана на материале германских языков в исследованиях В.Н.Ярцевой, **а** на материале тюркских языков в работах Н.З. Гаджиевой. В исследованиях по сравнительно-историческому синтаксису в настоящее время преимущественное внимание обращается на анализ средств выражения синтаксических связей в родственных языках.

Многообещающим в работах советских компаративистов следует признать широкое использование типологических критериев, поскольку оно делает более надежными выводы сравнительно-исторических исследований. исследования на разных уровнях языковой системы представлены в книге ЭА Макаева "Общая теория сравнительного языкознания" (1977), в монографиях "Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков" (1972), **"Сравнительно-сопоставительная** грамматика романских языков. Проблема структурной общности" (1972), "Опыт **историко-типологического** исследования иранских языков. Фонология. Эволюция морфологического типа" (т. 1, 1975), "Типология грамматических категорий" (1975) и др. По-новому освещается типология языковых состояний с учетом внешней функциональной стороны языка в книге Г.В. Степанова "Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи" (1976). Характерным для историко-типологических исследований грамматических фактов является выявление структурной общности по мере перехода от плана выражения к плану содержания, от незначимых единиц к значимым. Сопоставление родственных языков ведется не только в плане выявления общих признаков в структуре языков, но и в функциональном аспекте, т.е. в плане изучения как функций одних и тех же категорий в разных языках, так и способов выражения одних и тех же грамматических категорий в разных языках. Следует подчеркнуть разноплановость подходов к типологическому сравнению

Если в типологических исследованиях внимание обращается на объединение признаков на том или ином уровне языковой системы в определенные типы и выявление типовых линий развития (работы **Б.**А. Серебренникова), то естественно предположить, что эти типы, представляющие совокупность некоторых признаков, могут встречаться, пересекаясь, либо во

всех, либо в большинстве языков земного шара. Пересечение языковых признаков в различных языках позволяет установить некоторые общие закономерности, характерные для всех или большинства языков, называемые универсалиями. В современном зарубежном языкознании интерес к языковым универсалиям проявился лишь в начале годов, в то время как в советском языкознании уже в 40-х годах И И. Мещанинов указывал, что типология, не ограничиваясь регистрацией только общих схождений, должна выяснять общий языковой субстрат. Он указывал, что таким общим языковым субстратом является выражение синтаксических отношений с их разнообразным содержанием. Высказанная Мещаниновым мысль о сочетании типологических исследований с выявлением языковых универсалий получает развитие в исследованиях советских языковедов.

В сравнительно-историческом языкознании все более важное, определяющее значение получает историческая диалектология и диалектография, поскольку эти дисциплины позволяют определить к^торические основы диалектного членения языка, воссоздать социально-исторический контекст, в рамках которого осуществлялись языковые движения, уточнить направление диалектных изоглосс с учетом историко-культурной ориентации носителей языка. Если долгое время историческая диалектология являлась одной из наиболее отсталых областей языкознания, то теперь все чаще отмечаются попытки создания систематических исследований по исторической диалектологии какого-либо конкретного языка. К этому циклу исследований следует отнести "Историческую диалектологию русского языка" (1972) К.В. Горшковой, "Проблемы исторической диалектологии албанского языка" (1973) А.В. Десницкой, "Введение в армянскую диалектологию" (1972) ГБ- -Джаукяна и др. Общим для исследований по исторической диалектологии является анализ взаимоотношения литературных языков и диалектов в разные периоды развития национальных языков, выявление диалектного состава этих языков, восстановление архаичных и древнейших явлений.

Работы по исторической диалектологии и диалектографии неотделимы от изучения языка исторических документов, которые составлялись в разных местах и лучше всего отражают особенности отдельных диалектов. В связи с этим в советском языкознании начала оформляться новая лингвистическая дисциплина — лингвистическое

занимающееся всесторонним изучением памятников того или иного языка. Особенно значительное развитие получило изучение памятников русского языка. Так, Институтом русского языка АН СССР были изданы "Вести-куранты. 1600-1639 гг." (1972), "Вести-куранты. 1642-1644 гг." (1976) и "Вести-куранты. 1645-1646, 1648 гг." (1980). Эти материалы дают представление о той языковой базе, на которой впоследствии развились научный и публицистический стили русского литературного языка, говорят о живых изменениях в русском языке XVII в. Исследования таможенных книг, канонических текстов, грамот московских князей и других источников дают более ясное представление о фонетике московского говора, о его лексическом составе, морфологии и синтаксисе. Изучение языка памятников позволит определить их территориальную принадлеж-

ность, выявить более древние пласты языка, позволит сделать выводы относительно древней письменной культуры каждого языка.

Советские языковеды интенсивно изучают функционирование и развитие языка в эпоху научно-технической революции, которая поставила перед общественными науками, и языкознанием в частности, ряд новых задач, требующих специальных методов исследования. Одной из характерных особенностей НТР является все более расширяющееся применение электронно-вычислительной техники в процессе передачи и переработки информации в различных сферах деятельности современного общества. Автоматизация таких информационных процессов, как сбор, накопление, хранение, поиск и переработка информации в области информационного обслуживания науки и техники и управления народным хозяйством, требует решения чисто языковых вопросов, которые находятся в компетенции прикладной **лингвистики.** По существу, это вызвало к жизни новую ветвь прикладной лингвистики, которую можно назвать вычислительной лингвистикой. Именно она должна дать ответ на все лингвистические вопросы (которые могут быть объединены понятием так называемого лингвистического обеспечения), возникающие при проектировании и разработке практических автоматизированных информационных систем различного назначения (система накопления и поиска информации, система обработки отраслевой информации, система перевода научно-технической информации и т.д.). Прикладная лингвистика в СССР достигла успехов в этих важнейших направлениях, обеспечивающих потребности электронно-вычислительной техники и связи. Так, проведены обширные исследования **лексикостатистической** структуры текстов естественного языка, отработаны методы составления частотных словарей и проведения трудоемких лексикографических исследований. Ведутся исследования принципов построения информационных языков, предназначенных для записи и обработки информации, перевода текстов с естественных языков на информационные. Разрабатывается система машинного перевода научно-технических документов, проводятся углубленные исследования структуры различных уровней языка, включая и наиболее сложный — семантический. Перспективные области для теоретических и прикладных исследований открываются в рамках проблемы "искусственный интеллект".

Однако следует сказать, что практические результаты этих исследований еще недостаточны. Отрыв от практики не способствует и развитию самой теории, которая становится пустой абстракцией. Это наиболее наглядно выявилось на примере создания систем машинного перевода. Чрезмерное увлечение ложно понятой "теорией" привело к серьезному отставанию в части практики и завело в тупик ряд теоретических направлений языкознания. Некоторые языковеды, видимо, забыли высказывание Ф.Энгельса о том, что "чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции"[350]. Развитие теории — это область, вовсе не обособленная от практической деятельности.

Характерной чертой советского языкознания всегда была связь теоретических проблем с практическими нуждами советского общества.

Естественно, что промышленность, многочисленные коллективы, разрабатывающие автоматизированные информационные системы, вправе ожидать от прикладной лингвистики быстрейшего решения актуальных задач лингвистического обеспечения информационных и информационно-вычислительных систем. Более активное участие в решении актуальных научно-технических задач сегодняшнего дня и ближайшего будущего позволит прикладной лингвистике проверить свои теоретические построения и будет способствовать развитию самой теории языкознания.

История и конкретные достижения советского языкознания привлекают пристальное внимание зарубежных лингвистов. Некоторые языковеды из капиталистических стран стремятся принизить достижения советского теоретического языкознания, а то и вовсе отрицают их. Признается,,например, что в советском языкознании блестяще выполняются и дают значительные результаты исследования, проводимые на основе конкретного фактического материала, в то же время утверждается, что достижения зарубежной лингвистики проникают в Советский Союз с большим трудом и запозданием. Трудно согласиться с этим утверждением, так как, например, периодически издаются тематические сборники "Новое в зарубежной лингвистике", содержащие переводы работ иностранных ученых. Основные научные библиотеки получают все зарубежные лингвистические журналы. Все советские языковеды имеют возможность знакомиться с современной лингвистической литературой.

Принципы советского языкознания, основывающиеся на марксистско-ленинском понимании языка как общественного явления, на положениях материалистической гносеологии, не устаревают и не подвержены моде; их нельзя менять произвольно; они выработаны всем предшествующим ходом развития советской науки о языке и обусловливают те методы, следуя которым можно понять языковую действительность во всех ее проявлениях.

Советское языкознание достигло значительных успехов. Объективно мыслящие зарубежные лингвисты пытаются осмыслить специфические особенности и пути развития советской науки о языке, использовать все положительное и ценное в исследованиях советских ученых. Признание во всем мире завоевал советский опыт языкового строительства, основанный на уважении к национальным языкам. Этот опыт служит примером для языкового строительства во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки. Введение в языковую практику многообразных типов языковых систем, разработка теоретических вопросов фонетики, грамматики, лексики и лексикографии, внедрение в лингвистику новых идей описательного, сравнительно-исторического и других методов, разработка вопросов социолингвистики, прикладной лингвистики - все это подчеркивает многоаспектность советского теоретического языкознания и делает его особым направлением в мировой науке о языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1См.: *ЛенинВ.И.* Поли. собр. соч., т. 23, с. 40.

2См.тамже,т. 18, с. 379-380.

3Тамже.т. 41, с. 304-305.

[4]Тамже, с. 462.

5Тамже, т. 29, с. 314.

^Впервые содержание грамматики **Панини** объяснил русский ученый **О.Бётлингк.** См. также: *Баранников АЛ.* Элементы **сравнительно-исторического** метода в **индологической** лингвистической традиции. - Вопр. языкознания, 1952, № 2.

ТТомсенВ. История языковедения до конца ХГХ в. М., 1938, с. 10.

ЫарксК. *ЭнгельсФ.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 185.

9Там же, с. 369.

'ОЛкгичныетеории языка и стиля. М.-Л., 1936, с. 65.

МЬп. ПО КН.: *Лукреций.* О природе вещей. М, 1958.

^Ангичныетсории языка и стиля, с. 33.

13тамже, с. 64.

*[4]Цит. по кн.: *Лукреций.* О природе вещей. М., 1947, т. 2, с. 557.

МИстория лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980, с. 207.

16л«тичныетеории языка и стиля, с. 60.

*7тамже, с. 72.

18См.;*Ленин В.И.* Поли. собр. соч., т. 29, с. 254.

^[9]Лнгич«ыегеории языка и стиля, с. 94.

20тамже,с.69.

21Там же, с. 62.

22тамже,с.63.

^История лингвистических учений: Древний мир, с. 179-180.

[24]/4игычныегеории языка и стиля, с. 124.

^ *Том сен В.* ИсторияязыковедениядоконцаХГХв.,с. 25.

[26]Ясго/7иллингвистическихучений: Средневековый Восток. Л., 1981, с. 134.

[21]См.: *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М, 1967, с. 510. ,

ТЯЛенинВ.И. Поли. собр. соч., т. 25, с. **258**-259.

Т3Маркс *К., ЭнгельсФ.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 427.

3Отамже, т. 22, с. 382.

[31]См. там же, с. 299.

32цит. по кн.: *Дрезен Э.* В поисках всеобщего языка. М.-Л., 1925, с. 26, 27.

3Зцит. по кн.: ***ЛомоносовМ.В.*** Поля. собр. соч. М.-Л., 1952, т. 7.

^ЛамоносоМ.В. Поли. собр. соч., т. **5,** с. 574.

35Цит. по кн.: ***Радищев А.Н.*** Избр. филос. соч. М., 1949.

3бЦит. по кн.: *Рижский И.* Введение в круг словесности. Харьков, 1806.

Э'БуличС.К, Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904, т. 1, с. 1009-1010.

3вЦит. по кн.: *Якоб Л.* Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи. Спб., 1812.

39Цит. по кн.: *Востоков* АХРассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам. - Тр. Об-ва любителей российской словесности, **1820,** ч. 17.

WBopp F. Uber das Konjugatmssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem dergrichischen, iateinischen, peisischen und germanischen Sprachen. Frankfurt, 1816, S. 8-9.

****lGrimrf*** Uber Ursprung der Sprache. Berlin, 1879, S. 51-52.

^МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 406.

[43]Цит,покн.: *ТомсенВ.* История языковедения до конца ХГХ в., с. 56.

^Цкт. ПО кн.: ***Rask*** R.Ausgewabke Abhandlungen. Band 1. Kopenhagen, 1932.

[45]*ТомсенВ.* История языковедения до конца ХГХ в., с. 67.

[46]Гвйм *Р.* Вильгельм фон Гумбольдт: Описание его жизни и характеристика. М., *im,c.* 365.

[47]**Цит.** по кн.: ***Гумбольдт В.*** О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на **умственное** развитие человеческого рода. **Спб.,** 1859.

[48]***ДельбртБ.*** Введение в изучение языка. – В кн.: ***БуличС.К.*** Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904, т. 1

[49]***'ЧернышевскийКГ*** Поли. собр. соч. **В 15-ти** т. М., 1951, т. 10, с. 832-833.

^ЛенинВ.И. Поли. собр. **соч.,** Т. 18, С. 206.

3'Цит. ПО кн.: ***Humboldt W. von.*** Uber die **Vetschiedenheit** des **menschlichen Sprach**baues und **ihrsn Einfhtf** aufdie **geistige** Entwicklung des Menschengeschlechts. – In: *Humboldt W. von.* Schriftenzur **Sprachphilosophie.** Berlin, **1963.**

52цит. по кн.: ***Humboldt W.*** *von.* Uber das **vergleichende Sprachstudium** in **Beziehung** aufdie verschiedenen Epochen der **Sprachentwicklung.** – Ibidem.

ЯКантИ. (<>ч. **В 6-ти** г. **М.,** 1966, т. 6, с. 431.

[54]***Геггл*.*** Соч. М., 1935, т. 8, с. **60.**

55цит. по кн.: ***ЧернышевскийНГ.*** Поли. собр. соч., т. **10.**

ЬПотебняАА. Мысль и язык. Харьков, 1913, с. **32.**

57цит. по кн.: ***Срезневский ИМ.*** Мысли об истории русского языка. М., 1959.

[58]**Цитпо** кн.: ***Буслаев Ф.И.*** О преподавании отечественного **языка.** Л., 1941.

59Цит. по кн.: ***Буслаев Ф.И.*** Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

ЬвБуслаеФ.И. Мысли об истории русского языка **И.Срезиевского:** [Рецензия]. ***СвВ.,*** 1850, с. 45.

ЬІБуашеФ.И О преподавании отечественного языка, с. 68.

ЬІБуслаеФ.Й. Мысли об истории русского языка И.Срезневского, с. 35-36.

[63]**Тамже,** с. 49.

ЬЬДаль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. 1, е.ХШ.

65См.: ***Бонч-Бруевич В.Д.*** Избр. соч. В 3-х т. М., **1<"о"**,т. **3,** с. **163**,349.

МЛенинВ.И Поли. собр. соч., т. 51, с. 121-122.

[67]**Цит.** покн.: ***Белинский ВГ.*** Поли. собр. соч. **В ГЗ^гит.** М., 1953, т. 2, с. 579.

ММаркс К. ЭнгельсФ. Соч. **2-***изд., т, 3, с. 29.

ЮБелинскиВГ. Поли. собр. соч., т. 9, с. 61.

7®Добролюбов НА. Поли. собр. соч. М.-Л., 1934, т. 1, с. 525.

71 Там же, т. 3, с. 481.

1[2]Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 384.

73Тамжегт. 25, с. 94.

^Чернышевский!/./. **Поли.** собр. соч., т. 7, с. 277.

[75]**Тамже,** т. 2, с. 683.

76там же, т. 16, с. 12.

[77]***Steinthal N.*** Grammatik, **Logik** und Psychologie: **Ihre Prinzipien** und **ihr Verhaltniss *U«hander.** Berlin, 1855, S. 388.

™Потебня А.А. Излекций **по** теории словесности. Харьков, 1894, с. 133.

[7]**9*Потебня АЛ.*** Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. **1.**

ЪОПотебня А.А. Мыслвиязык, с. 23.

[8]***Там** же, с. 37.

ш Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, М.-Л., 1941, т. 4, с. 76.

^Потебня А.А. **Из записок по русской грамматике.** М., **1958,** т. **1-2, с.** 66.

МПотебняАА. Из записок по теории словесности, с. 25.

[95]***Потебня АЛМыслъ*** и язык, с. ПО.

1&Потебня А.А. Излекций по теории словесности, с. **132.**

& ПотебняЛ.Л. Мысль и язык, с. 3,6.

88Тамже, с. 25.

«©Там же, с. 134.

^Потебня А.А. Излекций по **Теории** словесности, с. **133.**

^ПотебняА.А. Мысль и язык, с. 142.

92там же.

93Тамже, с. 82.

^Потебня А.А. Излекций по теории словесности, с. 130-131.

95Потебня АЛ. Мысль и язык, с. 130-131.

[У0]Тамже, с. 170.

ЪТПотебняАЛ. Из лекций по теории словесности, с. 84.

ЖПотевня АЛ. Мысль и язык, с. 116.

ЮПотебня ^^.Излекцийпотеориисловесности,с.98.

МО ПотебняАЛ. Мысль и язык,с.182.

ЬПотебня АЛ. Излекцийпотеориисловесности,с.124.

^•*Потебня* Мыельиязык,с.137.

Ю3тамже,с.141.

ЬМПотебмАЛ. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. о».

^*Потебпя* ^.Иззаписокпотеориисловесности,с.34.

МЯПотебняАЛ. Из лекций по теории словесности, с. 127.

10777о/we6>«ji4u4.Н3 3anНСОКnopyccKofirpaММаТriKe,Т. 1—2, с. 13,35.

НЯПотебня АЛ. Излекцийпотеориисловесности,с.123.

1№Потебня АЛ. Из записок по теории словесности, с. 21.

ЬЪПотебня АЛ Психология поэтического мышления. - В кн.: *Вопросы* теории и психологии творчества. Спб., 1910, т. 2, вып. 2, с. 122.

тПотебняАЛ. Мыельиязы'к, с. 145-146.

[П2]*Потебня АЛ.* Из записок по русской грамматике, т. 1-2,с. 17.

МПотебня АЛ. Мыельиязык, с. 84.

1[14]Тамже,с.83.

[П5]*Потебня АЛ.* Из записок по русской грамматике, т. 1-2,с. 20.

ЬЬПотебня АЛ. Мыельиязык,с.116.

Н^Это высказывание отмечено В.И Лениным в "Философских тетрадях" (см.: *ЛенинВ.И.* Поли. собр. соч., т. 29, с. 74).

ЬЪПотебня А.А. Мыельиязык,с.83.

^*Потебня АЛ.* Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 17.

!20хамже.

ЩПотебняАЛ. Мысль и язык, с. 14в.

1[22]Тамже.с. 146.

МЗПотгбия АН. Из лекций по теории словесности, с.123-124.

ЩПотебня АЛ. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 15.

[125]Тамже,с.42.

[126]*Потебкя АЛ.* Психология поэтического мыпгления, с. 108.

[127] ЛогеЛм *А.А.* Из записок по русской грамматике, т. 1-2,с.34.

*[28]Тамже, с. 37.

[12]9Тамже,с. 39.

130тамже,с.39,61.

131тамже,с.37.

[132]Тамж«,с.66.

[133]Тамже,с.62.

[134]Тамже,с.45.

[135]Тамже, с. 61.

13бтамж#, с. 63.

^ Твмжсс. 131.

ЪПотебня АЛ. Мькльиязык,с.120.

\^*ПотебняАЛ.* Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 100.

140тамже, с. 104-105.

[141]Тамже,с. 113-114.

1[42]Тамже,с. 88.

[143]Тамже, с. 125.

[144]Тамже,с.82-83.

[145]Тамже,с.84.

14бТамже,с.96.

[14]'Там же, с. 128.

Учение АА. Потебни о стадиальности развития синтаксической» СПОДВ спавянскжх языках. - Веет. М J ^ 194б4./У?3-зЦ с. *ТфS%*\.

™*Пот9ШАЛ.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899,т. З.с. 642-

• [15п]Л>гев«1Я *АЛ.* Из записок по русской грамматике, т.1-2, с. 131

151 тамже, с. 131-132.

152 Там же, с. 517.

^*Памяти* Александра Афанасьевича **Потебни.** Харьков, 1892, с. 64.

1 5 **Виноградо£.В.* А А **Потебня.** - Рус. яз. в школе, 1938, № 5-6, с. 113-114.

^*БулахоескийЛ.А.* Александр Афанасьевич Потебня. Киев, 1952, с. 19.

^*Schleicher A.* Die deutsche Sprache. Stuttgart, 1888.

157 *Schleicher A.* **Uber** die **Bedeutung der** Sprache **fur** die mturgeschichte des **Mcnschen.** Weimar, 1865, S. 6.

^*Schleicher A.* Die Sprachen Europas in **systematischer** Ubersicht. - In: *Schleicher A.* **Lingubtische** Untersuchungen. Bonn, 1850Д. 2.

159 *Schleicher A* Compendium der Vergleichenden **Grammatik** der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1876, S. 4.

160 цит. по кн.: *Шлейхер А.* Теория Дарвина в применении к науке о языке. Спб., 1864.

161 *Schmidt* /. Die **Verwandtschaftsvertoknisse** der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.

162 Воцр. языкознания, 1971, № 6, с. 8.

^*Дельбрюк Б.* Введение в изучение языка, с.

1 64 Цитпокн.: *Пауль Г.* Принципы историияязыка. М , 1960.

1 65 Цит покн-.. *OsthoffH.,* ***Brugmonn*** *K.* Morfologische Untersuchungen **auf dem** Gebiete der indogermanischen Sprechen. Leipzig, 1878, Т. 1, S. **III-XX.**

Шщлт. по *Дельбрюк Б.* **Введение** в изучение языка. - В кн.: ***БуличС.К.*** Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904, т. 1.

167см.: ***Кацнельсон*** *С.Д.* Вступительная статья. - В кн.: *Пауль Г.* Принципы историияязыка, с. 12.

168 ЦИТ. покн.: ***Бодуэнде Куртенэ*** *И.А.* Избр. труды по общему языкознанию. **М.,** 1963, т. 2.

165 * ***Щерба*** *Л. В.* И А Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. - В его кн.: Языковая система и речевая **деятельность.** Л., **1974,** с. 389.

ПОцит. по:Рус. фнлол. веста., 1886, т. **16**, с. 354.

171руС. филол. **вестн.,** 1881, т. **5**, № 2, с. 381.

по кн.: *Венгеров С.А.* **Критико-биографический** словарь русских писателей и таеных. Спб., 1897, т. 5, с. 30.

"**3Цит**. по кн.: *Фортунатов Ф.Ф.* Избр. труды. М, 1956-1957, т. 1-2.

МЛенинВ.И. Поли. собр. соч., т. **29,** с. 209.

17 5цит. по кн.: ***ПоржезтскийВ.К.*** Введение в языковедение. М , 1916.

^ ^***Фортунатов Ф. Ф.*** **Сравнительное** языковедение: Лекции, читанные в **1899—** 1900 гг. М., 1900, **с.** 88.

17 *См.:* ***Пешковский А.М.*** Русский синтаксис в научном освещении. **7-е** изд. М., **1956.** с 11-13.

*'"***Виноградов** *В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. - В его кн.: Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 170.

!79Geschichte der Indogermanischen **Sprachwissenschaft..., Stra0burg, 1917,** Bd 3, T. 3, S. 52.

™***Кацнеаъсон*** *СД.* Теория сонантов Ф.Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных. - Вопр. языкознания, 1954, № 6, с. 52.

^***Фортунатов*** *Ф.Ф.* Об ударении и долготе в балтийских языках. - Рус. филол. веста., 1895, т. 33, № 1-2, с. 292-293.

182 **Цит**. покн.: *ШахматовAjL* Синтаксис русского языка. Л., 1941.

18 **3Цит. покн.:** *ПокровскийМ.М.* Избр. работы по языкознанию. **М.,** 1959.

184 **Цит.** по кн.: *Бодуэн деКуртенэ И.А.* Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963 т. 1-2.

1°5см.: ***Щерба*** *Л.В.* И А. Бодуэн де Куртенэ. - В его кн.: Языковая система и речевая деятельность, с. 385.

ШКрушевскШВ. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 17.

™ T ***КрушевскийЧ.В.*** Очерки по языковедению: Ч. 2. Антропофоника. **Варшава,** 1893, с. 28.

18&Пауль Г. Принципы истории языки, с. 313.

М^Крушевский Н.В. Очерки по языковедению: Ч. 1. Французская грамматика. Варшава, 1891, с. 8.

190ЦИТ. по кн.: *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. Казань, 1833.

19}См.: *Пауль Г.* Принципы истории языка, с. 446.

192*Meillet A.* J. Baudouin de Courtenay: Necrologe. — In: Revue des etudes Slaves, P., 1930 t. 2, p. 174-175.

^^*Богородицкий В.А.* Об основных факторах морфологического развития языка. - Рус. филол. вести., 1895, т. 33, № 2, с. 224.

1Чцнт. по кн.: *Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1901.

195*Богородицкий В.А.* Сравнительная грамматика ариоевропейских языков. Казань, 1914, вып. 1, с. 4.

196см.: *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, с. 23.

197*Богородицкий В.А.* О научных задачах татарского языкознания. Казань, 1935, с. 9-10.

^*Kollinder B.* Les origines du structuralism. — Acta Universitatis Uppsaliensis, Uppsala, 1962, p. 13.

199*Sommerfslt A.* The French school of linguistics. — Trends in European and American Linguistics, Antverp., 1961, p. 283.

20QЦит. ко кн.: *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. - В его кн.: Труды по языкознанию. М., 1977.

201 См.: *Спюсарева Н.А.* Главное в лингвистической концепции Ф. де Соссюра. - Иностр. языки в школе, 1968, № 4.

2"2см.: *Спюсарева Н.А.* Некоторые полузабытые страницы из истории языкознания. (Ф. де Соссюр и У .Уитней). - В кн.: *Общее* и романское языкознание. М., 1972.

^^*Щерба Л.В.* Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1, с. 14.

204цщ. щ) кн.: *Godel R.* Les sourses manuscntes du Cours de linguistique generate de F. Saussure. Geneve — Paris, 1957, p. 155.

20$Будагов Р.А. Язык, история и современность. М., 1971, с. 61—62.

206с'м.. *Солнцев В.М.* Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания. - В кн.: *Ленинизм* и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

207см.: *Godel Я.* Les sourses manuscrites de Cours de linguistique generate de F.de Saussure, p. 179.

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931, с. 3-4.

209щерви лg Избр. работы по русскому языку. М., 1957, с. 94. См. также: *Тоддес Е.А., Чудаковй М.О.* Первый русский перевод "Курса общей лингвистики" Ф.де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка. - В кн.: *Федоровские* чтения - 1978. М., 1981.

21®Виноградов В.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ. - В кн.: *Бодуэн де Куртенэ Н.А.* Избр. труды по общему языкознанию, т. 1, с. 12.

^'•*Щерба Л.В.* Избр. работы по русскому языку, с. 94.

^•^*Богородицкий В.А.* Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933 с. 154-155.

21 Звосламмнения о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 84.

и*МарксК., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 406.

215тамже! т. 31, с. 5.

216тамже, т. 32, с. 229.

217там же, т. 28, с. 30.

218там же, т. 18, с. 526.

219там же, т. 29, с. 477.

220там же; т. 20, с. 489.

221там же, т. 3. с. 24.

222Тамже, с. 427.

>23тамже, т. 21, с. 93.

Ярмарке К. Конспект книги Лыка ГМорпша "Дре"в«? общество". - В кн.: *Архив* Маркса и Энгельса, т. 9, с. 79.

ЖМврксК, Энгельс Ф Соч. 2-е изд., т. 3, с. 427.

226тамже,т. 37, с. 395.

тДегтерева ТА. Пути развития современной лингвистики. М., 1969, кн. 1, с. 128-129.

ШленинВ.И. Поли. собр. соч., т. 20, с. 387.

229цит. по кн.: *Лафарг П.* Языки революция. М., 1930.

ШАрхив Маркса и Энгельса, т. 3 (8), с. 347.

231г«рЛ Г. Социальные законы. Спб., 1906,с, 31.

ЖТард Т. Социальная логика. Спб., 1901, с. 122.

233"Цит. по кн.: *ДюркгеймЭ.* Метод социологии. Киев - Харьков, 1899.

234QM.: *Meillel A.* **Comment les** mots **changeant Is** sens. — **Lmguistique historique** et linguistique generate, P., 1958, *t.* 1, p. 230.

*ЫМейеА.*Общеславянский язык. М., 1951, с- 412.

236ЦкТ. да кн. *Мей<А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. **М.--Л.,** 1938, с. 52.

ЖМейеА. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 74.

238тамже, с. 81.

УщербаЛ.В. Памяти А.Мейе. - В его кн.: Языковая система и речевая деятельность, с. 407.

- **240д/**ейеЛ, Сравнительный метод в историческом языкознании, с. 18.

241Цитаты из работ представителей Пражской школы приводятся по кн.: *Пражский* лингвистический кружок. М., 1967.

^Matheshis V. Cestina **a obecn^jazykozput.** Praha, 1947, s. 26.

243ц„т. *покн.: Трубецкой* ***КС.*** Основы фонологии. М., 1960.

ШВахек ^.Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.С.250.

245хамже, с. 109-110.

Wfijelmstev L. Метод структурного анализа в лингвистике. - Acts linguistics, 1950-1951, vol. **6, fasc** 2-3, p. 62.

W&ibMcneeJI. Пролегомены к теории языка. - Цит. по кн.: ***Новое*** в лингвистике. М., 1960, вып. 1.

248см.: *ЛенинВ.И.* Поли. собр. соч., т. 18, с. 7-384.

*W*8r'6ndal B.* Linguistique **structural.-** Acta **ljnguistica,** 1939, **vol.** 1, fasc. **l**, p. 8.

250Цит. по кн.: *Новое* в лингвистике. **М.,** 1960, вып. 1.

251См.: .7<.,w/w« *ТА.* Пути развития современной лингвистики, М., 1964, кн. 3, с. 86.

252цитТ. по кн ... *дегтерева ТА.* Пути развития современной лингвистики, кн. 3, с. 81-82.

253//овоеа,и**11**гвисiикс. вы**11**. 1, с. 233.

^Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, с. 54.

ZSSCenup Э. Язык: Введение в изучение речи. М., 1934, с. 6.

256хамже,с. 171-172.

2S7Sapir E, The status **oflunguistics** as a science. - Language, **1929,**vol. 5, p. 209.

'^Блумфилд/. Язык. М., 1968, с. 37-38.

259 Block B., TragerG. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942, p. 68.

^HarrisZ.S. Methods in structural linguistics. Chicago, 1951, p. 5.

1^-ГлисонГ. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, с. 96.

262 тем же, **с.** 190.

263ср.: *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964; *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.

264цщ.. *шокя.:Хомсхий Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

265тамже, с. 47-48.

2ббСм.: *Трансформационно-генеративная* грамматика в свете современной научной **критики. М.,** 1980, с. 64.

267Цит. по кн.: *ХамскийII.* Язык и мышление. М.. 1972.

КурманбаеШ.М. Заметки о картезианскихоснованиях генер&тивной лингвистики. - Вопр. языкознания, 1975, №4, с. 23.

Ж Хомский! 1. Аспекты теории синтаксиса, с. 30.

^*Хомский Н.* Логические основы лингвистической теории. - В кн.: *Новое* в >1-..имистике. М, 1965, вып. 4. с. 465-466.

1^Хомский!. Язык и мышление, с. 23.

ШХомскийЧ. Логические основы лингвистической теории, с. 473-476.

Ъ^ХоляР. мл. Критика теории Хомского. - Вопр. языкознания, 1978, № 5, с. 63.

274см.: *Теория* речевой деятельности. М., 1968, с. 256.

Я$ХомскийП. Синтаксические структуры. - В кн.: *Новое* в лингвистике. М, 1962. вып. 2, с. 416.

2 *Т^Хомский Н.* Логические основы лингвистической теории, с. 568.

2?7там же, с. 480.

278цит. *поад.; Хамский Н.* Аспекты теории синтаксиса, с. 30.

^ХомскийН. Логические основы лингвистической теории, с. 466-468.

Ш^Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса, с. 9.

281 Там же.

М2хомский Н. Язык и мышление, с. 89.

ЖхомскиК. Аспекты теории синтаксиса, с. 10.

284Тамже,с.20.

^Хомский Н. Язык и мышление, с. 39-40.

28бТамже,с.40.

287см.: Вопр. языкознания, 1978, № 5, с. 61.

^АндреевНД. Хомский и **хомскианство.** - В кн.: *Философские* основы зарубежных направлений в языкознании. М, 1977, с. 276.

289см.: *Холл Р. мл.* Критика теории Хомского, с. 64.

290см.: *Жуков Ю.* Оскорбление памяти. - Правда, **1981,4 февр.**

^Мартине А. Основы общей лингвистики. - В кн.: *Новое* в лингвистике. М, 1969, **вып.** 3, с. 384.

292хамже с 372

^Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, с. 62.

^МартинеА. Основы общей лингвистики, с. 532.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях, с. 129-130.

296мартинеА. Основы общей лингвистики, с. 534.

297*Marting**esution **des** langues e t reconstruction. P., 1975, p . 39.

298Цит. поки.: *Мартине А.* Основы общей лингвистики.

299мартинеА. Принцип экономии в фонетических изменениях, с. 103.

3Ммартине А. Основы общей лингвистики, с. 392.

301ЦИТ.ПО: Вопр. языкознания, 1978, № 6, с. 83.

3Ю-МартинеА. Основы общей лингвистики, с. 389.

3О3о французской школе функциональной лингвистики см.: *Веденина Л.Г.* Функциональное направление в современном зарубежном языкознании. — Вопр. языкознания, 1978, №6.

*Ы*ЛенинВ.И.* Поли. собр. соч., т. 45, с. 29-30.

ЪЮМарксК.ЭнгельсФ. Соч. **2-е** изд., т. 3, с. 29.

3Облекык *В.И.* Поля. собр. соч., т. 25, с. 258.

307тамже, т. 18, с. 320.

308тамже, с. 52.

309хамже, т. 29, с. 152-153.

3Ютам же, с 163-164.

3ПТам же, с. 246, 249.

312тамже, с. 85.

313тамже, с. 203.

314там же, т. 18, с. 102.

315там же, т. 29, с. 252.

ЫмарксЩнгельсФ. Соч. **2-е** изд., т. 12, с. 731.

ЖЛенинВ.И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 392.

ЫЪмапксК., ЭнгельсФ. Соч. **2-е** изд.. т. 19, с. 377.

-9j"app it **к бакинской** дискуссии о **яфетидолопш** и марксизме. - Изв Аз.ГНИИ, 1932, с. 25.

ЖМарр.Я. Избр. работы. Л., 1936, т. 2, с. 107.

321Там же, с. 72.

^Абаев В.И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке. - Вопр. языкознания, 1965, № 3, с. 23.

333цит. *покн.-Мещанинов ИИ.* Новое учение о языке. Л., 1936.

в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М 1953, ч. 1, с. 559.

325щорР 0. Язык и общество. М, 1926, с. 130.

326см.: *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 395.

327 *Лингвистический* атлас района озера Селигер/ Сост. Ф.П. Филин и М.Д. **Мальцев. М,,** 1949, с. 21.

Щдегтерева т.А. Пути развития современной лингвистики, кн. 1, с. 146.

Ж Щерба Л.Ж>онетка французского языка. **2-е** изд. М.-Л., 1939, с. 18.

МОщерба Л.В. Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. 1, с. 21-22.

ш1ЦербаЛ.В. Фонетика французского языка, с. 81—82.

гЪ2Виногр адов В.В. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л.В. Шеобы. - В кн.: *Памяти* академикаЛ.В. Щербы. Л., 1951, с. 62.

^^Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964, с. 97.

ШСмирницкшА.И. Лексическое и грамматическое в слове. - В кн.: *Вопросы* грамматического строя. М., 1955, с. 11.

335*Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса **предложения.** В кн.: *Вопросы* **грамматического** строя, с. 398.

^Поспелов Н.С. Виктор Владимирович Виноградов. (К **60-летию** со дня рождения). - **Изв.** АН СССР. ОЛЯ, 1955, т. 14, вып. 1, с. 84.

Шфилин фп. Очерки по теории языкознания. М., 1982, с. 159.

338хамже, с. 131.

МЭмарксК., Энгельс Ф. Соч. **2-е** изд., т. 46, ч. 1, с. **229.**

340тамже, т. 23, с. 67.

341см.: Вопр. языкознания, 1956, № 4-6; 1965, № 3-6.

М2Абаев В.И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке, **с.** 28.

343дегтерева *ТА* Путиразвитиясовременнойлингвистики, кн.3, с.86.

М4МельничукА.С. Философские **проблемы** языкознания. - В кн.: *Всесоюзная* научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974, с. 100.

ЖМарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 3. с. 449.

346см.: *Солнцев В.М.* Язык как **системно-структурное** образование. **2-е** изд. М., 1976; *Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. -В кн.: *Ленинизм* и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

wЛенин В.И. Поли. собр. соч., т. 32, с. 442.

348тамже, т. **25,** с. 71-72.

349Cta. там **же,** т. 24, с. 116-118, 293-295.

НОМарксК., ЭнгельсФ. Соч. **2-е** изд., т. 25, ч. 1, с. 4.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

аварск. аварский
алб. - албанский
англ. - английский
болг. - болгарский
букв. - буквально
герм. - германский
гл. — глагол
готск. - готский
гр. - греческий
dor. - датский
дат.п. - дательный падеж
др.- - **древне-**
др.-в.-нем. **-древневерхненемецкий**
др.-инд, — древнеиндийский
ед.ч. — единственное число
индоевроп. - **индоевропейский**
кирг. - киргизский
А - лицо
лат. — латинский
лит. - литовский
литер. - литературный
малорус. ~ малороссийский
мест.п. - местный падеж
мн.ч. — множественное число
нем. - немецкий
непер. - непереходный
общегерм. — **общегерманский**
общесл. - общеславянский
пер. - перевод
перш. - переносный
польск. - польский
предлж - предложный падеж
рум. - румынский
русск. - русский
санскр. - санскритский
совр. - современный
ст.-сл. - старославянский
уменьш. - уменьшительный
уэльск. - уэльсский
твор.п. — **творительный** падеж
финск. - финский
фр. - французский
чук. - чукотский
юж.-нем. - южнонемецкий
яп. - японский

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕЙ*

Аарслеф Х. 238
АарусЯ. 19
Абаев В.И. 298
Аванесов Р.И. 278
Августин 11, 14
Аделунг И. 21
Аделунт **ФП. 31**
Аксаков К.С. 290
Александров И.А, 134
Амара 8
Анастасиев А.Н 134
АппеяьК.Ю. 112-114
Аристарх Самофракийский 12, **15**
Аристотель **10-14,** 23
Аристофан Византийский 15
Арно А. 22
Асколя Г. 97
Ахвпедиани Г.С. 278

БашшШ. **158,174,176,207**
Баранников А.П. 6, 7, 278
Беккер К. 58
Белинский В.Г, 59, 60, 64 **66**
Бепич АИ **115**
Белодед И.К. **295,296**
Бенвеиист). **174,176,** 185, 206
БернекерЭ. 115
БеряштейнС И. 278
Бехтель ф. 97
Беоденбергер А. 97, **100,106,127**
224, 225,234
Блумфилд Л. 220, 222-226, 229, 234, 236
220-222
Богдан И. 115
Богородицкий ВА **60,97, 134, 150 -153,** 155, 156, **174,** 175, 205
Бодуэн де Куртенэ ИА 34, 49, 57, 62, 97, **Ш-114,** 133-143, **145-150,** 153, **154,** 156-158, **160-162,** 174, 175, **177, 191-193**,200, 204, **205**, 220, 225, 243, 244, 252, 254, 274, 277, 278, 290, 291, 294
БоппФ. **17,** 35, 37, 40, **59,** 94, 96, И3, 150
БреальМ.97, 114, 162, 260
БредсдорфЯ. **37,104**
Брёндаль В, 207-209, 218
Брок О. 115
БроссШ. де24
Бругман К. 96, **97, 99, 101,** 102, 104¬107, **112, 126**
Брюкнер А. 125,. 126
Бргоно Ф. 176, 187
БуайеП. 115
Бубрих Д.В. 274
Будатов РА 295
БуддеЕ.Ф, **115**
БудиловячА.С. 87
Булич С К.33
Буслаев Ф.И. 33, **59-63,** 66, 71, US, 290

• Указатель составлен к основному тексту (с. 4-301) -

Бхартрихари 7
Бэкон Ф, 25, 26
Бюйсанс Э. 252

Вандриес Ж. 176, 187, 251
Вараручи 7
ВарронМаркТеренций 12, 15, 16
ВахекЙ. 190, 192
ВейсгерберЛ. 46
ВернерК. 97,103
Виноградов В.В. 87, 124, 175, 282-284, 286, 294
Витгенштейн Л. 245
Востоков А.Х. 34, 39, 66
Вундт В. 245

Габеленц Х. 174
Габелин К.де 23
ГавранекБ. 190, 192, 194
ГаджиеваН.З. 298
Гайм Р. 42
Галилей Г. 238
ГаррисД. 23,45
ГассендиП. 238
Гегель Г. 44, 45, 89, 90
Гейне Г. 41
Гераклит Эфесский 11
ГербартИ. 107,117
23-25,45
ГоббсТ.238
Годель Р. 158
ГоралекК. 192
Горшкова К.В. 299
Горький М. 65
Готьо Р. 185
Граммон М. 176, 187
ГраурА. 289
Грек М.19
Греч Н.И. 191
Гримм Я. 20, 35-39, 53, 60, 61, 67, 96, 103, 177
Гумбольдт А. 41
Гумбольдт В. 23, 25, 31, 32, 36, 41-58, 60, 67, 69-71, 76, 81, 90, 98, 137, 138, 141, 177, 204, 244, 250, 256
Гуссерль Э. 209

Даль В.И. 59, 63-65
Данте А. 19
Дарвин Ч. 91, 92
Дармстетер А. 260
Дегтерева Т.А. 219
Декарт Р. 22, 26, 237-239, 242, 250
Дельбрюк Б. 42, 96-98, 100, 102¬107
Демокрит 9, 11, 176
Десницкая А.В. 96, 280, 299
ДешериевЮД. 295, 296
ДжаукянГ.Б. 299
Джаухари ал 17
Джонс У. 21
ДидроД. 23, 24
Диоген 9
Диодор Сицилийский 9,176
Дионисий Фракиец 15
Дискол Аполлоний 15
Добролюбов Н.А. 59, 66, 67
Доза А. 176,187,260
Донат Элий 16,18
Дурново Н.Н. 128
Дюмарсе 250
Дюркгейм Э. 159,182,184,185,187

Ельмслев Л. 171, 176, 206-209, 211¬219, 233-235, 249, 256, 291
Есперсен О. 135,245

Жирмунский В.М. 276, 294
Жоли А. 238

ЗизаниЙЛ. 19
Зиндер Л.Р. 278

Иванов А.М. **275**
Ижакевич Г.П. 296
Истрин В.М. 115

И. 41
Карнап Р. 207, 223
Карцевский СО. 190
Кате **Л.** тен **20**
Катьяяна 7
Кацнельсон С.Д. 108, 111,293
Керду 20
Климов ГА 298
Коллиндер Б. 157
КоллитцГ.97, 105
Колосов М.А. 33
Конт О. 159, 182, **183,** 185
Кордемуа Г. 250
Коржинек Й. **190, 192**
КоршФ.Е. 115
Косериу Э. 241
Котелова Н.З. 293
Коэн М. 185, 187, 290
Кратет Малосский **12**
Крачковский И.Ю. 275
Крушевский Н.В. **134, 137-139,** 142¬ **146, 150,**151, **154,**155, **158,160-162, 174,** 290
Крушелышцкая КГ. 293
Кузнецов П.С. 278
Кукуранов Н.С. 134
Курилович Е. 176, 185, 280
КурциусГ.**97,102, 105,112, 114,158**

Лансло К. 22
Ларин БА. 276
ЛассальФ. 179
ЛафаргП. **178,180-182**
Лебедев Г.С. 31
Лейбниц Г. 24, 27, 238
Ленин **В.И. 4, 5,9,** И, **18,43**,65, **67, 117,** 180, 208, 264-266, 288, 291, 295, 296
Леонтьев А.Н. 294
ЛескинА.96,102,114,127,158

Лиз Р. 225
Литуанус М. 20
Литтре Э. 183
ЛоккДж. 26, 27, 238
Ломоносов М.В. 20, **27-31,** 66, 291
Лукреций 9
Лурия А.Р. 294
Ляпунов Б.М. 60, **69,** 115, 129, **131,** 284

Макаев Э.А. 280, 294, 298
Максимов Ф. 20
Мальдер Дж. 252
Мамудян М. 252, **258,** 260, 261
Манзура ибн 17
Маркс К. **18, 179,180, 182, 183**,264, **266, 267,** 288, 295
Марр Н.Я. 268-270, 272, **279,** 284, 292, 293
Мартине А. **219,** 233, 248, 251-263
Мартине Ж. 262
Марузо Ж. 187
Матезиус В. **190, 191, 196**,202, 205
Мах Э. 208
Махмуд Кашгарский **17,18**
Мегрелидзе КJ. 293
Мейе А. 135, 150, 175, 176, 185-189, 251
МельничукАС. 292, 294
Менаж **21**
Мещанинов И.И. 245, 270-272, 279, 290, 293, 299
МикколаИ. 115
Мукаржовский Я. 190
Мунен Ж. 252, 260

Найда Ю. 225, 229
Неринг А. 219
НовакЛ. 190
Ньютон И. 238

Обнорский СП. 60, 284
Овсянико-КуликовскийД.Н. **69, 84**

О

ОрнатовскийИ.23,32
Остхоф Г. 96, 97, **99,101,102,104,** 106

Павлов И.П. 190
Пяйк К. 225
Палемон Квинт **Ремни *Ы***
Паллас П.С. 21
Паники 6, 7
Панфилов В.**З.** 292, **293**
Пасся П. 254
Пауль Г. 96-105, **107**-Ш, 113, 119, 135,141, 147, 175,177
ПедерсенХ. 115
ПетерсонМ.Н. 115,**128**,275
ПешковскияАМ. 122,290
ПисаревД.И. 59
Платон **11-14**
Покровский М.М. 115, 129, 131-133, 195,**286**
Поливанов Е.Д. 135, 174, 255, **274,** 278, 279
Поржезинский **В.К.** 115, **119,** 120, 122, 128, 195
Поспелов Н.С. 284
Потебн* А.А. 34, 57, 58, 62, 68-87, 109, 130, 162, 191, 290, 291, 294
Присциан 16, 18
Протчеико И Ф. 295, 296
Пушкин АС. 30, 65,194, 283

27-29
Раме (Рамус) П. 19
Раек Р. 36-39, 103
Рассел Б, 207
Реформатский **А.А. 18,27***
Рижский И.С. 23,31,32
РикардоД. 160
Рубинштейн СЛ. 294
Руссо Ж.**Ж.** 23,24
РухигФ. 20

Сасетти 20
Севормя Э.В. 298
Сепир Э. 46, 220-222, 225, 236, 250
Серебренников Б.А. 279, 294, 298
Серль Дж. 238
Семе **А.** 158, 174, 176
Сибаваихи 16, 17
СкалигерЖ. 20
СкалнчкаВ. 190,192,203, 205, 214
СмирницкийАИ. 281, 282
Смит **А.** 160
Смит Г, 225
Смотрицкий М.Г. 20
Соболевский АИ. **33**
Солнцев **В.М.** 294
Сольмсен Ф. 115
А. 157, 185
Соссюр Ф. де 33, 34, 106, 128, 135, 137, 144, 157-176, 185, 188, 191, 192, 195, 207, 209, 214, 216, 217, 222, 234, 244, 248, 252, 253, 262, 281, 288, 290, 291
Срезневский ИИ. 33, 59, 60, 62, 66, 134
Степанов Г.В. 298
Сюв П. 20

ТардГ. 160, 182-184
Тимковский и.Ф. **32, зз**
Томсен В. 8, 38, 97
ТомсонАИ. 115
Торнбьерссон Т. 115
ТрейгерДж.224,225,234
Трнка Б. 190
ТростП. 192
Трубачев О.Н. 298
Трубецкой НС 176, 190, **192,** 195-201, 206,**214,258,259**

Уайтхед А. 207
Уитней У. **97,160,162**
УльдаллЬХ. 206-208, 210
Ульянов Г.К. 128
Уорф Б. 46, 221,245
Усов Н. 185
Ушаков **Д.Н, 115,290**
Уэллз Р.229

Фарахади Х. «л 16
Фасмер ***Н.*** *US,* 134
ФатерИ 21
Фейербах Л. 77, 96
Ферржри 21
Фик А. 97,106
Филин Ф.П. 60, 276, 280, 284-287, 295
Фируэабадиал 17
Фихте И. **42,44,57**
Фортунатов Ф.Ф. 97, 103, 114-129» 131, **133,178, 191,195,223,259,** 290
Фриз Ч. 225, 226

Ханссен Ф. 127
Харрис 3. 225, 226, 228, 230, 234, 235, 251
ХтатцеФ. 219
Хирт Г, 127
ХоккетЧ, 225, 230,245
Холл Р. мл. 250
Хомский (Чомски) & 225, **231, 234»** *Ш*-252,292
Хрисипп 12,**14**
С. 252

Чернышевский 42, 67, 68

Шахматов **АЛ.** 33, 60, 115, 129-131, **191,**280, **282,284,**287, **«90,297**
Шеллинг **Ф. 41,42,44,56,** 57
Шерер 114
Миллер Ф. 41
ШлегельФ. 31,93
Шлейхер **А.** 8, 36, 88-98, 105, 106, 112-Ш, 125, 126,137, 141,204, 248
Шмидт Й. 95-97,105
Шор Р.О. 275, 292
Штейнталь Г. 25, 69, 72, 98, 109, 177
Штибер 3. 290
Штирнер М. 179
Шухардт Г. Ш, 112, 135

Щепкин **В.Н.** 195
Щерба Л.В. 97, 112, ***Ш,*** 136, 161, 175, 185,**187**,257, **277-279,284, 290,** 294

Энгельс Ф. 8, **18,** 25; 36, 96, **178-180,** 182, 264, 267, 275, 276, 288, 295, 300
Эпикур 10
Эрвао-и-ПмздуроЛ. 21
Эрну А. 185

Ягич И.В. 97,135
Якоб Л. 33, 34,47
Якобсон Р.О. 190,192,203
Яковлев Н.Ф. 274
ЯкубинскийЛ.П 135,275
Ярдам S.H. 294, 298

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие. . . . 3

Введение . . . 4

Глава 1. Зарождение науки о языке . . . 6

§ 1. Языкознание в Древней Индии . . . 6
§ 2. Греко-римское языкознание. . . . 8
§ 3. Арабское языкознание . . . 16

Глава 2. Языкознание XIV-XVIII веков. . . . 18

§ 4. Языкознание в эпоху Возрождения . . . 18
§ 5. Первые попытки установления родства языков и их исторического изучения . . . 20
§ 6. Всеобщая Грамматика Пор-Рояля . . . 21
§ 7. Теории происхождения языка . . . 23
§ 8. Философия языка в трудах Ф.Бэкона, Р.Декарта, Д.Локка, Г.Лейбница, М.В. ЛомоносоваиАН. Радищева . . . 25
§ 9. Значение филологических трудов М.В. Ломоносова для развития русского языкознания . . . 29

Глава 3. Общее и сравнительно-историческое языкознание начала XIX века 31

§ 10. Общее и сравнительно-историческое языкознание в России . . . 31
§ 11. Общее и сравнительно-историческое языкознание в Западной Европе . . . 35
§ 12. Принципы доказательства родства языков (фонетические и грамматические соответствия). Теория агглютинации Ф.Богша . . . 37

Глава 4. Лингвистическая концепция В.Гумбольдта . . . 41

§ 13. Жизненный и творческий путь . . . 41
§ 14. Философские основы лингвистической концепции . . . 42
§ 15. Определение сущности языка. Учение о внутренней форме языка . . . 45
§ 16. Проблема соотношения языка и мышления . . . "50
§ 17. Учение о происхождении и развитии языка. кадия языков. . . . 52
§ 18. Антиномии языка . . . 54
§ 19. Критика учения В.Гумбольдта Н.Г. Чернышевским и А.А. Потебней 56

Глава 5. Языкознание в России в 30-60-е годы XIX века . . . 58

§ 20. Сравнительно-историческая проблематика в трудах И.И. Срезневского . . 59
§ 21. Общсязыковедческая проблематика в трудах Ф.И. Буслаева . . . 60
§ 22. Значение трудов Ф.И. Буслаева для развития сравнительно-исторического языкознания . . . 62
§ 23. Лексикографическая деятельность В.И. Даля . . . 63
§ 24. Русские революционеры-демократы о проблемах языка . . . 65

Глава 6. Лингвистическая концепции А.А. Потебни . . . 68

§ 25. Жизненный и творческий путь . . . 68
§ 26. Философские основы лингвистической концепции . . . 69
§ 27. А.А Потебня о связи языка и мышления . . . 72
§ 28. Учение о слове . . . 76
§ 29. Теория грамматической формы . . . 79
§ 30. Учение о предложении (теория стадиальности в развитии языка) . . . 83
§ 31. Значение лингвистических работ А.А. Потебни . . . 87

Глава 7. Лингвистическая концепция А.Шлейхера. . . . 88

§ 32. Философские основы лингвистической концепции . . . 88
§ 33. "Биологическая" концепция языка . . . 90
§ 34. Понятие праязыка и теория родословного дерева . . . 93

Глава 8. Младограмматическая школа в языкознании . . . 96

§ 35. Из истории младограмматической школы . . . 96
§ 36. Индивидуальный психологизм как основа лингвистической концепции младограмматиков. . . . 97
§ 37. Учение о звуковых законах и аналогии как важнейших факторах развития языка . . . 101
§ 38. проблематика в трудах младограмматиков . . . 105
§ 39. Проблемы синтаксиса в учении младограмматиков . . . 107
§ 40. Проблема изменения значений слов в трактовке Г.Пауля . . . 109
§ 41. Критика концепций младограмматиков в работах западноевропейских и русских языковедов (о так называемом "русском младограмматизме") . 111

Глава 9. Лингвистическая концепция Ф.Ф. Фортунатова . . . 114

§ 42. Жизненный и творческий путь . . . 114
§ 43. Проблема языка и мышления . . . 116
§ 44. Учение о словосочетании . . . 119
§ 45. Учение о форме слова . . . 120
§ 46. Сравнительно-историческая проблематика в трудах Ф.Ф. Фортунатова ... 124
§ 47. Лингвистические концепции А.А. Шахматова, Б.М. Ляпунова и М.М. Покровского . . . 128

>«мскм лингвистическая школа 133

Н«- Жизненный итаорческийнуть И.А. Бвдуэнаде Куртенэ 134
§ 49. Философские взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ 135
§ 50. Проблемы языка и речи, етахики и динамики языка в трудах ИА Бодуэна да Куртенэ и Н.В Крушевского 137
§ 51. Учение о языке как системе а трудах И.Л. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского 141
§ 52. Знаковый характер языка з трактовке ИА Бодуэна де Куртенэ и Н.В Крушевского 145
§ S3. Учение И А Бодуэна де Куртенэ о фонеме 146
§ 54. Вопросы морфологии в грудах И А Бодуэна де Куртенэ, К.В. Крушевского и В.А. Богородкцкого 150
§55. Вопросы с<равнитеЩ|И©-ист©рическог© языкознания типологии языков в трудах представителей Казанской лингвистической шкапы 153
§ 56. Значение работ представителей Казанской лингвистической школы для развития языкознания 156

Глава U. ЛЕшлгвкстаческм концепция *Лл»* Соссюра 157

§ 57. Жизненный н творческий путь 157
§ 58. *Шетиттгвшстчшш Шмот&ищи* 158
§ 59. Определение языка. Теория языка и речи 162
| 60. Язык как система 165
§ 61. Учение о лингвистическом знаке 167
§ 62. Учение с синхронии и диахрония 171
§ 63. Внешняя и внутренняя лингвистики 173
§ 64. концепции де для развития языко¬знания XX в 174

Глава 12, Социология и языкознание 176

§ 65. История разработки проблем социологии языка 176
§66. Становление марксистской социологии языка 178
§67. Методологические основы французской школы социологической лингвистики 182
§ 68. о социальном характере языка и причинах изменений . 185
§ 69. А,Мейе как компаративист 187

Глава 13. Структурная лингвистика *ш* другие направления зарубежного языкознания XX в 189

§ 70. Предпосылки возникновения структурализма 189
§ 71. Пражский лингвистический кружок (Пражская школа функциональной лингвистки) 190
§ 72, Проблемы фонологии и морфонологии 195
§73. Исследование пражскихлиагвистов в области грамматики 201
§ 74. Вопросы типологии языков и проблема языковых союзов 204
§ 75. Копенгагенская школа структурализма (гяосеематика) 206

| // li iviyiiaJiKiiMiiK'WH'-- т м и н ' • ... , 211
| 71 •>•"•<" *ирачьп* трактовке II I ш.мслам 216
| 79 Я Чl.Ю н*н однаиз семиотических систем <» цшктикв ^ ^ м к м) 217
g 80. Котики глоссематаки в советском и деруПкжном языкознании 218
§ HI. Американски* структурализм (дескриптивная лингвистика) 220
8 82. ОПщшпыиовенческая проблематика в Дескривтавной лингвистике 222
9 83. Дескришианмо методы лингвистического анализа 226
§ 84. Соотношение между различными ответвлениями структурализма 233
§ 85, Трансформадиоино генеративная грамматика • - 236
§ 86 французская школа функциональной лингвистики , 2S1

Глава 14. Советское языкознание 264

§ 87. Диалектический и исторический материализм - философская основа *СО* весткого языкознания 264
§ 88. Языкознание в 20-е годы. Н.Я. Марр 267
§ 89. Грамматическая концепция И.И. Мещанинова. Проблемы синтаксической типологии . . . 270
§ 90. Вопросы языкового строительства и социологическая проблематика 272
§ 91. Лингвистическая деятельность Л.В. Щербы 276
§ 92. Сравнительно-историческое языкознание в 50—60-е годы 279
§ 93. Общеязыковедческая проблематика в 'Грудах советских ученых 281
§ 94. Структурализм к советское языкознание 287
§ 95. Советское языкознание на современном ЗПШ№ 291

Примечания 302
Условные сокращения 310
Указатель имен 311